

1574

НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

CMR

Nevinnye razskazy
НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ

Н. ЩЕДРИНА.

Издание книжного магазена СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ О. И. БАКСТА.

1863.

PG 3361

• S₃ N₅

1863

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, Іюля 23 дня 1863 г.

ГЕГЕМОНИЕВЪ.

Молодой коллежской регистраторъ Потаниковъ получилъ мѣсто становаго пристава. Произошло это радостное въ лѣтописяхъ русской администраціи событие слѣдующимъ необычайнымъ образомъ.

Однажды, одѣвшись чистенько, явился онъ на дежурство къ его превосходительству, генералу Зубатову. Генераль, кромѣ другихъ добродѣтелей имѣвшій даръ съ первого взгляда угадывать людей, угадалъ и Потаникова. Проходя мимо юнаго коллежскаго регистратора, онъ окинулъ его быстрымъ и проницательнымъ взоромъ, и тутъ же вполногоса сказать сопровождавшему его вице-губернатору:

— А какъ вы думате... этотъ молодой человѣкъ

вѣкъ.... вѣдь изъ него можетъ выдти молодецъ становой?

— Но.... но...., промычалъ было вице-губернаторъ, желая, вѣроятно, высказать, что Потаниковъ молодъ, но на первомъ же слогѣ заинулся, вспомнивъ, что ему отъ начальства строго на строго было наказано всего болѣе о томъ не цинись, чтобы съ губернаторомъ жить въ ладу.

— А стань-ко, любезный, ближе къ свѣту! продолжалъ его превосходительство, обращаясь къ Потаникову.

Потаниковъ повиновался. Генераль, заложивъ руки за спину, снова окинулъ его испытующимъ взглядомъ, и произведя довольно подробный наружный осмотръ, видимо остался доволенъ своею способностью угадывать людей.

— Гм.... да, въ этомъ прокѣ будеть! проговорилъ онъ:—я, знаете, все эту реформу въ исполненіе привесть хочу.... чтобъ этихъ законопротивныхъ физіономій у меня не было.... А ты желаешь въ становые, мой милый?

Потаниковъ сначала помертвѣль, потомъ застыдился, потомъ опять помертвѣль. Горло у него пополамъ перехватило, и одна нога, неизвѣстно отчего, начала присѣдать.

— Ну, хорошо, хорошо.... вижу! сказалъ генераль, любуясь смущеніемъ молодаго человѣка, и обращаясь въ вице-губернатору прибавилъ:— такъ потрудитесь сдѣлать распоряженіе.

Въ этотъ же достопамятный день, вечеромъ, новоиспеченный становой соорудилъ въ трактирѣ

такую попойку, послѣ которой выборные люди отъ всѣхъ отдѣленій губернскаго правленія слонялись цѣлую недѣлю, словно влюбленные.

Тутъ были всѣ, отъ которыхъ болѣе или менѣе зависѣли будущія судьбы Потанчикова. Быть и несокрушимый въ пунштѣахъ Исаилопѣвцевъ, и цѣломудренный Матеій Скорбященскій, были Подгоняйчиковъ и Трясучкинъ, были двое Воскресенскихъ, трое Богоявленскихъ и проч.

— Просто, братъ, волшебная панорама! ораторствовалъ Потанчиковъ, повѣствуя объ утреннемъ происшествіи:—показываетъ-это, показываетъ... какъ только пережилъ!

— Да, братъ, изъ простыхъ рыбарей! благодушно замѣтилъ Матеій Скорбященскій.

— Ужь и не говори! думаль жизнь, по обычаю предковъ, въ званіи писца скончать . . .

— А теперь вотъ будешь вселенную перомъ уловить! прервавъ вздохнувъ одинъ изъ Богоявленскихъ.

— Нѣтъ, это чѣмъ! это все пустое! скороговоркой вступился Трясучкинъ:—а ты возьми: станице-то, станице-то какой! сплавы, братъ, коно-крады, раскольники.... вотъ ты что вообрази!

— Да, при умѣ статьи хорошія! отозвался Исаилопѣвцевъ.

— Ты больше натискомъ.... натискомъ больше дѣйствуй!

— Да въ губернію чаше навѣдывайся...

— Да ребятишекъ нашихъ не забывай...

— Ты, братъ, не оскорбись, коли иной разъ

по моему столу тебѣ замѣчаніе будетъ.... Я, братъ, тебѣ другъ — ты это знай! изъянялся Скорбященскій.

— Безъ замѣчанія иной разъ нельзѧ...

— Безъ замѣчаній какъ же можно!

— Иной разъ, братъ, самъ губернаторъ тово... да что тутъ говорить! отстоимъ!

— Такъ ты больше натискомъ... натискомъ больше дѣйствуй! повторилъ Трясучкинъ.

— А по моему, такъ прежде всего къ Зиновею Захарычу сходить слѣдуетъ, отозвался Псалмонійцевъ.

— Сходи, братъ! не человѣкъ, а душа!

— Сходить отчего не сходить! сходить можно! отвѣчалъ Потаниковъ, улыбаясь всѣмъ лицомъ отъ полноты внутренняго счастья.

— Нѣть, ты не говори: «сходить можно!» наставительно замѣтилъ Псалмонійцевъ: — потому ты еще не понимаешь! Ты думаешь, въ чемъ существо вѣществъ состоитъ? Напримѣръ, назовемъ хоть часы, или вотъ стаканъ.... ты развѣ понимаешь?

— Да, братъ, именно надо у Зиновея Захарыча поучиться; надо!

— Или возьмемъ примѣромъ хоть то: развѣ ты можешь угадать, какое тебя впереди поношеніе ожидаетъ? Спрашиваю тебя, можешь ли угадать?

— Да я, Разумникъ Семенычъ, схожу-сь.... я, Разумникъ Семенычъ, еще пунштику прикажу-сь....

— Можно. А Зиновей Захарычъ всему тебя

научить и весь тебѣ кругъ дѣйствія совершилъ. Такъ ты къ нему сходи, да не легковѣрно, а со страхомъ и трепетомъ приступи! Вспомни ты это мое слово: въ отчаянности утѣшеніе найдешь, преткновенія разсвѣшь и побѣдишь, въ дѣлахъ откровеніе получишь, коли заповѣдь его твердо хранить будешь!

Вѣрный данному слову, Потаниковъ дѣйствительно отправился на другой день къ Зиновею Захарычу.

Зиновей Захарычъ былъ выгнанный изъ службы подьячій, видомъ худенький, маленький, весь изъѣденный желчью. Ветарину величали его весельчикомъ, и дѣйствительно онъ былъ всегда веселъ, но весель по своему, съ какимъ-то мрачнымъ оттенкомъ, какъ будто радовался и увеселялся собственно тѣмъ, что удачно лишилъ жизни своего близкнаго. Вся фигура его была каверзна и безобразна, и до такой степени представляла собой образецъ ломанной линіи, что, при распространившихся въ послѣднее время понятіяхъ о линіи кривой, онъ не могъ быть терпимъ на службѣ даже въ земскомъ судѣ, гдѣ, какъ известно, находится самое мѣсторожденіе ломанной линіи. Но этому Зиновей Захарычъ долженъ былъ кончить земное свое странствіе, подобно фіалкѣ, въ тѣни того широковѣтвистаго дерева, которое въ просторѣчию именуется кляузой и ябедой.

— Отъ тебя, любезный, и на подчиненныхъ уныніе! сказалъ ему генераль Зубатовъ, первый

изъ русскихъ администраторовъ, который серьезно потребовалъ, чтобы чиновники имѣли манеру благородную и видъ, при исполненіи обязанностей, безстрастный: — нѣть, ты подай, непремѣнно подай въ отставку!

Но общественное мнѣніе рѣшительно приняло сторону Гегемоніева. Разсказывали истинныя происшествія о томъ, какъ гиуснаго вида офицеры оказывались впослѣдствіи прекрасными полковыми командирами и даже геніальными военачальниками. Говорили о премудрости Прорѣдѣнія, которое одному даетъ въ удѣль красоту, другому богатство, третьему острый умъ, а четвертому ничего. Прорицали, что никакое несправедливое дѣйствіе не остается безъ возмездія въ будущемъ, и вообще на генерала негодовали, а Гегемоніева восхваляли. А все-таки Зиновей Захарычъ долженъ быть повиноваться персту указующему....

Но въ особенности неслись къ Гегемоніеву сердца канцеляристовъ всѣхъ возможныхъ родовъ и видовъ. Они любили, въ часы досуга, внимать рассказамъ этого новаго Улисса и выслушивали ихъ въ веселіи сердца своего. И слава, которую пользовался Зиновей Захарычъ въ этомъ отношеніи, была вполнѣ имъ заслужена. Никто, конечно, не могъ подать столь благаго совѣта, никто не могъ такъ утѣшить, обнадежить и умудрить, какъ дѣялъ это Гегемоніевъ. Гонимые судьбой возвращались отъ него бодрыми, недугующими—исцѣленными, печальные—радостными, слѣные—прозрѣвшими, безнадежные—утѣшеными и просвѣтленными.

На бѣду Потанчикова, хозяйка квартиры, въ которой жиль Гегемоніевъ, объявила ему, что Зиновей Захарычъ со вчерашняго дня слегъ въ постель, и въ настоящую минуту находится чуть ли не при смерти.

— Въ подпитіи конечно-съ? робко замѣтилъ Потанчиковъ.

Но хозяйка положительно завѣрила, что баринъ цѣлые сутки маковой росинки въ роть не бралъ и умираетъ безъ всякой аллегоріи. Потанчиковъ уже хотѣлъ удалиться, какъ изъ сосѣдней комнаты послышался дребежащій голосъ самого Гегемоніева, призывавшій хозяйку.

— Пожалуйте, сказала она, возвращаясь чрезъ минуту къ Потанчикову.

— Больны, Зиновей Захарычъ? спросилъ Потанчиковъ, садясь у изголовья Гегемоніева.

— Да... перепустиль, видно... на именинахъ третьяго дня у Разумника Семеныча быль... ну, и поплясалъ тоже...

— Это пройдетъ, Зиновей Захарычъ; отъ радости худо не бываетъ-съ.

— Да, въ наше время, это точно, что люди отъ веселья не хварывали, а нынче, братъ, и радость-то словно не на пользу: вездѣ ровно тѣмнеть какая обстоитъ... Ты зачѣмъ?

— А вотъ-съ, становымъ на всю жизнь осчастливили... желательно было бы позаимствовать-съ...

— Спасибо. Спасибо тебѣ, что меня, старика, вспомнилъ. Это точно, что я напутствовать могу, потому я произошелъ... я много, братъ, въ жизни

произошель! Плохо вотъ только мнѣ; даже словно душитъ въ груди... однако ничего, попробую...

— «Вертоградъ этотъ», началь Гегемоніевъ, по временамъ прерывая разсказъ свой удушливымъ кашлемъ: «вертоградъ, о которомъ мы будемъ бесѣдовать, весьма необыкновенный. Въ самое короткое время, съ небольшимъ въ какихъ-нибудь сто лѣтъ, разросся, пріумножился и изукрасился онъ преестественно.

«Говориши ты мнѣ: «становимъ» на всю жизнь осчастливленъ,» а знаешь ли, что есть «становой»? Думаешь ты, можетъ быть, что становой есть Потаниковъ, есть Овчинниковъ, есть Преображенскій? А я тебѣ скажу, что все это одна только видимость, что и Потаниковъ, и Овчинниковъ тутъ только на прикладъ даны, въ существѣ же веществъ становой есть, ни мало ни много, невещественныхъ отношеній вещественное изображеніе... шутка!

«Скажу я тебѣ поэту самому слушаю аллегорію.

«Въ младыхъ моихъ лѣтахъ, хаживалъ я, сударь, въ школу, и не мало-таки розгачей и мученическихъ вѣнцовъ, просвѣщенія ради, принялъ. И сказывали намъ тогда, какъ въ старые годы отцы наши Варяговъ изъ-за моря призывали, и какъ Варяги порядокъ у нась производили, и не обошлося тутъ безъ того, чтобы гости хозяевъ легонько не постегали.

«И всему этому я, по невинности своей, въ ту пору вѣриль и все это вышла, однакожъ, одна новѣйшаго произведенія аллегорія. Разберемъ это дѣло по пунктамъ.

«Ну, скажи ты мнѣ на милость, зачѣмъ было отцамъ нашимъ изъ-за моря Варяговъ призывать, когда у насъ и свои завсегда на лицо? И скажи ты мнѣ еще, какимъ бы родомъ эти Варяги, если бы это не была аллегорія, могли и доселе все въ томъ же видѣ оставаться, безъ всякихъ въ нравахъ и обычаяхъ перемѣнъ? Это пунктъ первый.

«Второй пунктъ: «земля наша велика и обильна»... Если бы это не было вымыселъ, развѣ могъ бы лѣтописецъ такимъ образомъ выразиться? Развѣ не было ему известно, что, за тысячу-то лѣтъ, всю матушку Русь на одну ладонку посадить, а другою прикрыть было можно? Что жъ это значитъ? не то ли, что никто, взирая на нынѣшнее пространство Россіи, увлекся восторженностью своей до того, что даже забылъ, что пишеть о временахъ давно прошедшихъ? Ясно?

«Третій пунктъ: «а порядку въ ней иѣть»... Что сей сонъ значитъ? А значитъ это, что вообще порядку иѣть и не можетъ быть, пока три брата въ надлежащую ясность дѣла ни приведутъ. Стало быть: «приходите княжить и володѣть на-ми»... Ну, и пришли. Пришли, сударь, три брата: первый-то братъ капитанъ исправишъ, второй-то братъ стряпчій, а третій братецъ, маленький да востремъкій,—самъ мусье окружной!

«Они же бояхусь звѣриаго ихъ обычая и нрава»... Это значитъ, что точно спервоначалу было имть будто робостно, а постѣ, однако, ничего: сжились да начали володѣть и взаправду!

«Ну-съ, сударь мой, пришли, значитъ, три бра-

та, а какъ земля наша велика и обилична, то и выходитъ, что имъ втroeмъ управиться въ этомъ изобиліи стало совсѣмъ не способно. И пошли у нихъ братцы меньшіе, примѣрно хоть ты или я: чѣмъ больше порядку, тѣмъ больше братцевъ, и до того, сударь, дошло, что, кромѣ порядка, ничего у хозяевъ-то и не осталось. Гдѣ было жито—тамъ порядокъ; гдѣ худоба всякая была—тамъ порядокъ; гдѣ даже рощицы расли—и тамъ завелся порядокъ. И стало, сударь мой, хозяевамъ куда какъ радостно: земля, говорить, наша хоть и не изобилина, да порядокъ въ ней есть... резонъ!

«Вотъ и выходитъ, что вся эта исторія одно инословіе изображаетъ, и если примѣрно тебя опредѣляютъ теперь въ становые, то ты такъ и знай, что ты тотъ самый Труворъ и есть, о которомъ сказано, что для порядку призванъ.

«А порядокъ что такое? А порядокъ есть такое всѣхъ частей вертограда сего соотвѣтствіе, въ силу котораго всякому дѣйству человѣческому свой небуйственный ходъ зараньше опредѣляется. А небуйственность что? А небуйственность есть такое качество, въ силу котораго ты, человѣкъ простой, шагу безъ того сдѣлать не можешьъ, чтобъ перметте не сказать. Въ этомъ-то перметте и заключается вся сущность и сила, какъ оно простираетъ свое домогательство ко всѣмъ дѣйствіямъ человѣческимъ безъ изъятія; а такъ какъ обладатели его мы, три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, то и выходитъ, что жизнь человѣческая вся въ нашихъ рукахъ совершается.

«Въ быыя времена, когда я къ служебнымъ сладостямъ еще пріобщенъ былъ, дѣйствовали мы на этомъ полѣ очень удачно. Главное тутъ соображеніе имѣть, чтобы оно тебѣ на всякой чась пищу для дѣйствія доставляло. Воображаю я, напримѣръ, что ты фальшивую монету дѣлаешь; воображаю я это не потому, чтобъ ты въ самомъ дѣлѣ монету дѣлалъ, а просто потому, что воображеніе у меня есть, и никто для него предѣла не заказалъ. Хорошо. Вотъ беру я бѣлый листъ бумаги и изображаю на немъ тако: «по дошедшемъ слухамъ, имѣется подозрѣніе, что такой-то Потанчиковъ занимается якобы дѣланіемъ фальшивой монеты. Подтверждаются эти слухи частью необыкновеннымъ образомъ жизни, который ведеть Потанчиковъ (ибо въ домѣ его по ночамъ весьма часто усматривается выходящій какъ бы изъ подполья тусклый свѣтъ), частью чрезвычайнымъ появленіемъ въ сей мѣстности фальшивыхъ денегъ, преимущественно же тѣмъ, что жена Потанчикова, будучи такого-то числа на базарѣ, купила бѣличій салонъ, при чемъ похвалялась, говоря: скоро и не такой еще куплю! А потому и т. д.» Все это, сударь мой, это я себѣ вообразилъ и никакого огня, ни фальшивыхъ денегъ не бывало. Однако тебѣ, Потанчикову, отъ этого не легче. Призываю я меньшаго своего братца, который хоть и весь въ меня, а считается будто твоимъ депутатомъ, и пдемъ мы вмѣстѣ къ тебѣ съ обыскомъ. Супруга у тебя стоиетъ, ребятушки зѣваютъ, собаки на дворѣ воютъ... ну, и ода-

ряешь ты, сударь, насть по силѣ возможности: только-могъ отважитесь, ради Христа!

«Ты, дружище, пойми это, что въ тебѣ и начало, и средина, и конецъ человѣческаго существованія заключается. Ты, сударь, истинную вѣру охраняешь, ты уваженіе къ властямъ посѣваешь, ты здравіе, благоденствіе и продовольствіе всюду распространяешь, ты отъ глада и града, отъ труса и наводненія, отъ мора и повѣтря сирыхъ и беспомощныхъ освобождаешь! И все ты одинъ, становой приставъ Никаноръ Перегриновъ Иотанчиковъ, у которого подъ началомъ единый писецъ состоить, да десятка два-три соткихъ! Мало того: потребуется начальству птицу Финикъ сыскать — ты и птицу сыщешь; потребуется статистику сочинить — ты и статистику сочинишь! Ты вѣми добродѣтелями и науками отъ Бога награжденъ долженъ быть; ты и хозяинъ добрый, и сыщикъ злочитрый, и химикъ изрядный, и статистикъ урожденный! А такъ какъ ты всего этого, по органиченности природы человѣческой, исполнить не въ сплахъ, и такъ какъ про эту твою ограниченность и начальству, яко изъ человѣковъ же состоящему, не безъизвѣстно, то какое изъ сего прямое слѣдствіе истекать должно? А то слѣдствіе, что ты, если не дѣло дѣлать, такъ, по крайности, выгоды свои долженъ соблюсти!

«Это тебѣ философія, а вотъ и практика. Прежде всего помнить ты долженъ, что всякая статья должна, по силѣ-возможности, сокъ дать, чтобы жажду твою утолить, и гладнаго тебя накормить.

По началу оно будто робостно, а по времени въ такой вкусь и азартъ войдешь, что словно воть соловей: поешь и самъ себя даже не чувствуешь... Пробовать я тоже и зарокъ на себя класть: будумъ сидѣть смироно,—такъ нѣтъ, никогда больше двухъ сутокъ воздержаться не могъ! Потому, во первыхъ, что я своему тѣлу развѣ врагъ? А во вторыхъ, и потому, что есть, сударь, въ нашемъ ремеслѣ притягательная сила, противъ которой, хоть будь ты семи пядей во лбу,—не устоишь! И томить тебя, и душить, и подымаетъ всего... покуда свой натуральный кругъ дѣйствія не совершишь!

«Одно нашего брата губить — это пытіе безмѣрное. Залезешь-это въ трущобу, театровъ нѣтъ, баловъ не имѣется,—и пошелъ курить! Слоняешься иной разъ по дорогамъ и въ слякоть и въ стыть; и въ глаза-то тебѣ хлещеть, и сквозь-то тебя пронимаетъ, —ну и воскликнешь: жажду! Иной разъ сутки цѣлья слова путемъ не вымолвишь: все или молчишь, или ругаешься — ничего для души нѣтъ!.. Другіе, женившись, думаютъ себя соблюсти, такъ слушай ты меня: не вѣрь тѣмъ, кто тебя этимъ предметомъ облазнить будетъ! Нашъ братъ, опричникъ, на все долженъ быть готовъ: и въ болотъ увязнуть, и отъ меча погибнуть, и отъ пламени огненнаго сгорѣть. Стало быть, за чѣмъ тутъ жена? За тѣмъ развѣ, чтобы руки тебѣ связать; да трусостью сердце твоё обуть? Ты пойми это, что въ нашемъ ремеслѣ ты осторожностью да выжиданьемъ ничего не возьмешь;

а ты коли хочешь пользу имѣть,—такъ жесть у тебя долженъ быть вольный, широкій, чтобъ и вдоль забиралъ, и поперекъ захватывалъ, да и въ глубь и въ высъ и рвалъ, и металъ.... Такъ за чѣмъ чуть жена?

«А все-таки надо правду сказать: хоть ты бойся, хоть не бойся, а какъ придется концы съ концами сводить, въ результатѣ все ничего и очень мало выходитъ... Вотъ и я, напримѣръ...я ли, кажется, не поревновалъ, а все подъ старость голову приклонить негдѣ! Хоть и сказать въ ту пору его превосходительство, хлонувши меня по животу, что тутъ моль все курочки да гусочки хананыя сидятъ, а вѣдь коли по совѣсти-то сказать, какая же это курочки? Наши, братъ, курочки русскія: худенькія, маленькія да жиценъкія—въ силу ими насытиться. Вотъ тѣхъ бы индюшечекъ попробовать, которая къ его превосходительству на столъ отъ откупщика подаются, ну тогда точно: вышли бы мы и тѣломъ побѣлѣ и ростомъ поавантажнѣе... Такъ вотъ и смѣтай ты, какъ въ свѣтѣ жить, безпечальну быть!

«Однако сытымъ быть можно. Главное, миѳніе надо въ себѣ побѣдить, кичливость плотскую смиренномудрію духовному покорить, а пуще всего подъ судъ не попадать, потому что въ уголовную хоть и однажды попадешь, однако послѣ того всю жизнь будешь счастливъ, все равно какъ бы на затылкѣ тебѣ кожу взрѣзали, или на лбу клеймо напечатали. А нашъ братъ какъ дорвется до теплаго мѣстечка, такъ не то чтобы смѣлостью, а

больше озорствомъ дѣйствуетъ: я-ста, да мы-ста,—и разбросаетъ все зря: того ему не надо, то для него презрительно... А ты, коли хочешь невредимымъ быть, все бери, ничѣмъ не брезгуй, да не плюй въ бороду-то, а пуще ее погладь, потому что и жизнь-то твоя вся въ бородѣ заключается.

«И еще: его сивушество іерусалимскаго князя Полугарова паче звѣздъ уважай. Помни: онъ по всей землѣ, всѣхъ кабаковъ, выставокъ всерадостный обладатель и повелитель... кто жъ ему равенъ?

«И такъ, сударь, ты отъ меня напутствованъ. Идиже ты съ миромъ, и не сомнѣвайся... А меня оставь... потому что я умирать хочу!»

ЗУБАТОВЪ.

Генералъ Зубатовъ, Богъ ему судья, не очень таки долюбливаль меня. «У васъ, говорить, бывало: — слишкомъ голова горяча, милостивый государь!—вы діалектикъ, милостивый государь, пра-даетесь!... служба требуетъ дѣла, а не соображеній, милостивый государь!... она требуетъ фактовъ, фактовъ и фактовъ!»

И все этакъ строгимъ манеромъ.

И держалъ онъ меня, по случаю діалектики, въ великомъ загонѣ; пройти, бывало, по улицѣ совсѣмъ; словно п заборы-то улыбаются и шепчутъ тебѣ вслѣдъ: діалектикъ, діалектикъ, діалектикъ!

А подъ діалектикомъ разумѣлъ Семенъ Семенычъ, отчасти такого человѣка, который первомъ

побаловать любить, отчасти такого, который на какой нибудь официальный вопрос осмѣливается отлыннуться: «не могу знать», а отчасти и такого, который не бѣжит сломя голову на всякой рожонъ, на который ему указываютъ.

Къ балующимъ первомъ Семенъ Семенычъ адресовался обыкновенно слѣдующимъ образомъ:

— Что вы мнѣ, милостивый государь, тамъ разсказываете? Какія вы тамъ нашли еще препятствія? Развѣ вамъ велѣно вникать въ препятствія? Развѣ васть обѣ этомъ спрашивають? Я, милостивый государь, тридцать пять лѣтъ служу, и, благодареніе Богу, никогда никакихъ препятствій не видалъ!

— Помилуйте, ваше превосходительство, вѣдь это все равно, что на камнѣ рожь сѣять....

— Ну, чтожь-сь!... и посѣмъ-сь!...

— Да вѣдь рожь-то не выростетъ!

— Выростеть-сь! а не выростеть, такъ будемъ камень сѣчь-сь!

— А она и отъ этого не выростетъ!

— И опять будемъ сѣчь-сь! намъ до этого дѣла нѣтъ, что можно и что нельзѧ... а мы будемъ сѣчь-сь!

Къ «немогузнайкамъ» Семенъ Семенычъ обращался такъ:

— Что вы мнѣ тамъ доносите и два и три? вы должны сказать мнѣ прямо или два или три... служба не терпитъ этой неопредѣленности...

— Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству, что...

— Знаю я это, милостивый государь, очень знаю... но вѣдь мнѣ нужны не «или» ваши, а настоящая цифра, потому что я эту цифру долженъ въ вѣдомости показать, и итогъ... да, и итогъ, сударь, подвѣстъ!.. въ какую же силу я ваше «или» тутъ сосчитаю?..

Но всего болѣе антипатиченъ былъ для него третій сортъ діалектиковъ.

— Я вамъ приказалъ, сударь... почему вы не исполнили? говорилъ онъ имъ, принимая самые суровые тоны.

— Такъ и такъ, ваше превосходительство, я былъ на мѣстѣ и убѣдился, что указываемый вами рожонъ совсѣмъ не рожонъ...

— А развѣ обѣ этомъ васть спрашивали? а знаете ли вы, милостивый государь, что за подобныя разсужденія въ военное время разстрѣливаются?

И такъ далѣе, въ томъ же тоно и духѣ. Однимъ словомъ, генералъ любилъ, чтобы чиновникъ смотрѣлъ у него весело, не разсуждалъ и тѣмъ менѣе противорѣчилъ, не сомнѣвался, не провидѣлъ и на ногу былъ легокъ.

И вдругъ, въ одно прекрасное утро, онъ задумался. Долго онъ думалъ и сначала, повидимому, скорбѣлъ и вздыхалъ, но наконецъ пріятная улыбка озарила уста его.

— А что жъ, сказалъ онъ: — въ самомъ дѣлѣ! надо же и имъ дать вздохнуть... труднѣнко оно будетъ... правда... а впрочемъ, что за вздоръ — не боги же горшки обжигали!

Въ этотъ же день, я бытъ приглашень къ его превосходительству и удивленъ слѣдующею рѣчью:

— Вотъ, любезный другъ, сказаль онъ мнѣ ласково:—оказывается теперь, что мы съ вами до сихъ поръ спали, то есть не то чтобъ совсѣмъ спали, а такъ, знаете, скользили по поверхности... составляли тамъ вѣдомости... наблюдали, чтобъ входящія и исходящія не были закапаны... Выходитъ, что все это было не нужно... д-да!

— Д-да! повторилъ я въ изумлениі.

— Выходитъ, что отъ этого у насъ и торговля не развивается... и фабрикъ нѣть... и богатство народное... тово...

Я видѣлъ по его лицу, какъ всѣ эти непривычныя выраженія мучительно зараждались въ его головѣ и еще мучительнѣе сходили съ языка.

— Выходитъ, намъ надо теперича заняться настоящимъ дѣломъ! сказаль онъ рѣшительно.

— Слушаю-сь, ваше превосходительство!

— Да; теперь это нужно... теперь вотъ и Европа на насъ посматриваетъ... ну, да и время совсѣмъ не то! вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаешь, что значитъ время-то!

Генералъ улыбнулся, и началъ загонять ногою въ уголъ валявшуюся на полу бумажку.

— Вотъ хоть бы вчера, продолжалъ онъ:—вѣдь какъ казалось все гладко, все прекрасно... плыли мы, можно сказать, по океану, и воды даже подъ собой не слышали... а нынче...

— Отчего же, однако, вашему превосходительству кажется, что нынче все измѣнилось?

— Да нѣтъ! неужто же вы этого не чувствуете? вѣдь пора же, пора намъ, наконецъ, сбросить съ себя это скѣство!.. надо же и намъ когда нибудь стать въ уровень съ Европой... вѣдь этакъ мы того дождемся, что нась помѣстятъ въ чиcло пастушескихъ народовъ!... И дождались бы!

Глаза Семена Семеныча сверкнули гнѣвомъ.

— Развѣ ваше превосходительство получили какія нибудь извѣстія изъ Петербурга? спросилъ я робко.

— Нѣтъ, вы меня не понимаете! Я просто убѣдился, что не можетъ это такъ оставаться, и потому на первый разъ призывалъ ужъ нынче частнаго пристава Рогулю, и сказалъ ему, чтобъ онъ отнюдь не смыть волю рукамъ давать... потому что вѣдь это, наконецъ, нельзя же: все въ рыло да рыло!

При этихъ словахъ я вспомнилъ, что дѣйствительно Рогуля еще утромъ прїѣзжалъ ко мнѣ весь встревоженный и объявилъ, что его превосходительство находится въ восторженномъ состояніи.

— А что? спросилъ я.

— Да помилуйте, отвѣчалъ онъ:—чуть свѣтъ меня поднялъ... я думалъ, что какое нибудь упущеніе или пожаръ... скачу, и что же-сь? «я, говорить, за тѣмъ тебя призвалъ, чтобы напомнить, чтобъ ты не дрался, а дѣйствовалъ кротостью и собственнымъ примѣромъ; еслижъ ты будешь драться, такъ я тебя, подлеца, самого такимъ образомъ откатаю, что ты три дня садиться не будешь...» посудите сами, ваше высокоблагородіе!

Въ ту минуту я не разобралъ хорошенъко этого обстоятельства и даже утѣшалъ Рогулю, что, должно быть, его превосходительству во снѣ что нибудь нехорошее привидѣлось; но теперь... теперь я самъ начиналъ догадываться, что тутъ дѣйствительно есть какой-то пунктъкъ, который не далъе, какъ въ прошедшую ночь зародился въ головѣ его превосходительства, но къ утру выросъ и распространился въ ширь съ погибельною быстротой.

— Я и прежде всегда утверждалъ, ораторствовавъ между тѣмъ его превосходительство: — что не нужно слишкомъ натягивать струны... потому что, вы понимаете, мы, наконецъ, отупѣли съ этимъ натягиваніемъ.

Семенъ Семенычъ взглянуль на меня, какъ бы вызывая на размышенія; но я стояль, сконфуженный и подавленный; мой носъ инстинктивно нюхалъ въ воздухѣ, глаза сами собой устремлялись на барометръ, какъ бы ища въ нихъ опоры для объясненія этой внезапной перемѣны.

— Такъ вы, пожалуйста, займитесь, продолжай генераль: — надо намъ... тово... идти рядомъ съ вѣкомъ...

— Что же прикажете, ваше превосходительство?

— Ну, да вы меня понимаете... я бы хотѣль, чтобы этакъ тово.... новенькое что нибудь..... Знаете ли что? прибавиль онъ весело, какъ бы озаренный внезапной мыслью: — устроимте-ка здѣсь биржу!

— То есть, какъ же биржу?

— Ну да, биржу... какъ въ Петербургѣ, или вотъ въ Москвѣ... Теперь у насъ все это въ младенчествѣ... они всѣ сдѣлки свои въ трактирѣ за парой чая дѣлаютъ... Ну, а если мы заведемъ биржу, торговля-то, знаете ли, какъ двинется впередъ!..

— А если купцы на биржу на станутъ ходить?

— Надобно, mon cher, на первое время сдѣлать для нихъ обязательнымъ, чтобы ходили... потому что иначе какія же могутъ быть у насъ усовершенствованія?

— Это точно, ваше превосходительство!

— Ну, такъ вы, стало быть, займетесь этимъ?.. Кстати! Анна Ивановна жалуется мнѣ, что васъ давно не видать у насъ... такъ приходите сегодня обѣдать... запросто!

Само собою разумѣется, что я не позабыть о приглашеніи и ровно въ три часа быть въ гостиной Зубатовыхъ.

Но къ величайшему моему удивленію, я нашелъ Анну Ивановну въ столь же восторженномъ настроеніи духа, какъ и Семена Семеныча. Въ то время, какъ я вошелъ въ гостиную, она вела оживленную бесѣду съ товарищемъ предсѣдателя уголовной палаты Семіоновичемъ.

— Согласитесь, однажды, со мной, что тутъ еще многое остается сдѣлать, говорила она:—мосье Щедринъ! вы, я надѣюсь, поддержите меня...

— Но позвольте, Анна Ивановна, встунился Семіоновичъ:—вы напрасно думаете, что я при-

надлежу къ числу отсталыхъ. Я полагаю, что намъ слѣдуетъ только объясниться, и всѣ недоразумѣнія устраниются сами собою...

— C'est inoui ce que nous avons souffert! продолжала Анна Ивановна, обращаясь ко мнѣ: — изумительно даже, какъ могли мы дышать!

— Кроткая Annette! что съ тобой сдѣлалось! что съ тобой сдѣлалось! подумалъ я, переходя отъ изумленія къ совершенному остолбенѣнію: — ты, которая до сихъ поръ позволяла себѣ думать только о наслажденіяхъ предстоящей минуты, ты, которая смотрѣла на жизнь, какъ на рядъ милыхъ и граціозныхъ сценъ, въ родѣ пословицъ Альфреда Мюссе, ты ожесточена, ты говоришь о какой-то духотѣ, о какихъ-то прошедшыхъ страданіяхъ... Боже!

— Вотъ это-то имено и есть единственный пунктъ, на счетъ котораго я нѣсколько расхожусь съ вами, Анна Ивановна, возразилъ между тѣмъ Семіоновичъ: — я нахожу, что страданіе самая лучшая школа жизни... Не даромъ великий поэтъ сказалъ:

Но не хочу, о други, умирать,
Я жить хочу, чтобы мыслить и страдать....

стало быть, страданіе не совсѣмъ-то дурная вещь... стало быть, въ страданіи возможно даже своего рода наслажденіе, которое высоко цѣнится знатоками!..

— Не знаю; быть можетъ, я не принадлежу

къ числу знатоковъ, но, признаюсь вамъ, я не охотница до страданія... Мнѣ кажется такъ пріятно, такъ легко, когда меня никто не беспокоитъ, si l'on me laisse jouir en paix de mon existence... n'est ce pas, мсье Щедринъ?

— Нѣтъ сомнѣнія, что жить спокойно гораздо пріятнѣе, нежели пользоваться тревогами, отвѣчалъ я.

— Но я и не утверждаю, что страданіе должно быть нормальнымъ состояніемъ человѣка, возразилъ Семіоновичъ:—я говорю только, что страданіе—школа, и надѣюсь, что самое это слово доказываетъ, что здѣсь идетъ о немъ рѣчь, какъ о мѣрѣ временнай, преходящей, о той мѣрѣ, про которую говорить поэтъ:

Вѣдь въ наши дни спасительно страданье....

— Я надѣюсь, что мы съ честью выйдемъ изъ этой школы, сказала Анна Ивановна: — хотя, признаюсь вамъ, на первый разъ это будетъ ужасно трудно.... nous sommes encore si peu habitu s de jouir des bienfaits de la civilisation... я сегодня утромъ говорила съ мужемъ; это ужасъ сколько надо бно сдѣлать... il faut faire ceci et cela... вездѣ, куда вы ни обернитеся, вездѣ надо бно снова начинать...

— Да, это такъ, отвѣчалъ Семіоновичъ задумчиво:—не знаю... я какъ-то опасаюсь... мнѣ все кажется... que nous n'avons pas assez de forces... que nous succombrons ´ la tâche, en un mot!

— О, это опасеніе совершенно напрасное!...

puisque au fond le peuple russe est avant tout un grand peuple... C'est une justice que l'Europe entière se plait à lui rendre...

— А! здравствуйте! объ чёмъ это вы такъ горячо тутъ спорите? прерваль Семенъ Семенычъ, входя въ это время въ гостиную и подавая поочередно всѣмъ намъ руку, чего прежде никогда съ нимъ не случалось.

— Продолженіе давишиаго разговора, ваше пре-
восходительство, отвѣчалъ я.

— А! это любопытно!

— Вотъ мсъе Семіоновичъ находить, что мы недостаточно созрѣли, отозвалась Анна Ивановна.

— То есть, для чего? спросилъ генераль.

Анна Ивановна затруднилась; она была вполнѣ увѣрена qu'il s'agit d'une très bonne chose, но какъ называется эта chose не знала. А впрочемъ, что мудренаго: можетъ быть, такъ она и называется... chose! Семіоновичъ, однакожъ, вывелъ ее изъ затрудненія.

— Мы не поняли другъ друга, Анна Ивановна! сказалъ онъ нѣсколько обиженнымъ тономъ:— мое воспитаніе... мое прошедшее, паконецъ... все это достаточно говорить въ мою пользу... Повѣрьте, я не принадлежу къ числу отсталыхъ!

— Ну да, ну да! сказалъ Семенъ Семенычъ:— нынѣче ужъ оно и не ко времени!

— Я говорю только, что наше перерожденіе достанется намъ не безъ труда!

— О, на счетъ этого я совершенно съ вами согласенъ... я, напримѣръ, придумалъ теперь одну

штучку. Конечно, это будетъ очень полезно... однако, и за всѣмъ тѣмъ не могу поручиться, чтобы она принялась такъ, какъ было бы желательно!

— Позволено ли будетъ узнать, ваше превосходительство, въ чёмъ заключается ваше намѣреніе? спросилъ Семёновичъ.

— Такъ... я хочу.... биржу здѣсь устроить! отвѣчалъ генераль, съ тою поспѣшностью и вмѣстѣ усиливъ, которыми всегда сопровождается желаніе высказаться какъ нибудь понебрежнѣе. При этомъ, онъ, неизвѣстно отъ какихъ причинъ, застыдился и покраснѣлъ.

— Vous n'avez pas l'idée comme ils nous trompent, ces marchands! вступилась Анна Ивановна:— а тогда мы будемъ все на биржѣ покупать!

— Ты мнѣ, мамаша, на биржѣ новую курточку купишь! пролепетала маленький сынокъ Анны Ивановны, прислушавшись къ разговору.

— Извините меня, Анна Ивановна, замѣтилъ Семёновичъ, пользуясь случаемъ, чтобы отмстить генеральшѣ за предположеніе объ его отсталости:— но мигъ кажется, что вы не совсѣмъ вѣрио смотрите на значеніе биржи...

— Ну да, ну да, сказалъ генераль, снисходительно улыбаясь:— эти дамы только и думаютъ, что о нарядахъ.... Онѣ даже на переворотъ готовы смотрѣть съ точки зрѣнія тряпокъ... ха-ха!

— А впрочемъ, мысль Анны Ивановны объ устроеніи такого магазина, который представлялъ бы всѣ ручательства относительно добросовѣстно-

сти и дешевизны, тоже весьма счастливая мысль, возразил Семёновичъ, спѣша на помощь подломившейся на льду либерализма генеральшѣ, и такимъ образомъ умѣряя язвительность великодушіемъ.

— Mais n'est-ce pas? сказала Анна Ивановна, отдыхая.

Извѣстіе, что готово кушать, прекратило на время разговоръ, но за обѣдомъ онъ возобновился съ новою силой. И генераль и генеральша такъ увлекательно доказывали необходимость оставить рутину и идти новыми, неизвѣданными доселъ путями, что даже суровый Семёновичъ согласился *qu'il y a quelque chose à faire*. Я самъ чувствовалъ, что въ воздухѣ была разлита какая-то непривычная теплота, что по временнымъ моего обонянія касались живительные ароматы, что кровь съ усиленною быстротой приливалася къ головѣ и сердцу...

Но не могу не сознаться, что все это происходило какъ будто во снѣ, и что самые звуки говорившихъ кругомъ меня голосовъ ложились въ мой слухъ какъ-то смутно, неопределенно.

— Прежде всего надо позаботиться о торговлѣ, говорилъ генераль: — потому что торговля — это нервъ...

— Да... и желѣзныя дороги, сказалъ Семёновичъ: — вотъ гдѣ для нась предметъ первой важности! пространство нась одолѣваетъ, ваше пре восходительство, наша собственная карта нась давить!

— Ну, съ этимъ какънибудь справимся, съ Божьей помощью! разсудилъ генераль.

— Однакожъ... это ужасно... сколько приходится сдѣлать! задумчиво продолжалъ Семёновичъ, внезапно всѣмъ тѣломъ вздрогнувъ.

— Еще бы! замѣтила генеральша.

— Вы забыли еще о грамотности, отозвался генераль, и обращаясь ко мнѣ присовокупилъ:— Кстати, чтобъ не забыть! не худо бы намъ съ вами и на счетъ этого что нибудь... знаете, въ такомъ же родѣ...

— Позвольте, однакожъ, ваше превосходительство, возразилъ Семёновичъ:—мнѣ кажется, что грамотность... я думаю, что для этого у насъ еще почва недостаточно, такъ сказать, взрыхлена?

— Да, признаюсь вамъ, я и самъ такъ думалъ прежде... но теперь... Я скорѣе склоняюсь въ пользу того мнѣнія, что тутъ совсѣмъ никакой почвы не надобно.

— Однакожъ, ваше превосходительство, специалисты на основаніи достовѣрныхъ фактъ утверждаютъ, что на пятьсотъ грамотѣвъ двѣсти непремѣнно оказываются негодяями... какъ хотите, а эта пропорція...

— Мамаша! я не хочу учиться... я не хочу сдѣлаться негодяйкой! неожиданно закричала сыночка Семёна Семёновича.

— Полно, душечка, это о мужикахъ говорятъ! утѣшала его Анна Ивановна.

— Коли хотите, и я въ душѣ съ вами согла-

сень, продолжалъ между тѣмъ Семенъ Семенычъ:—
но....

Генераль развелъ руками, какъ будто хотѣль
сказать: que voulez vous que je fasse!

Много и еще было говорено разныхъ умныхъ
рѣчей, и всякой разъ, когда кому либо изъ со-
бесѣдниковъ приходила счастливая мысль, гене-
раль обращался ко мнѣ, и говорилъ: «Кстати,
чтобъ не забыть! не мѣшаетъ и на это обратить
серезное вниманіе!»

Читателю, быть можетъ, страннымъ и невѣро-
подобнымъ покажется, что большая часть моихъ
героевъ словно во снѣ или въ туманѣ дѣйствую-
тъ. Въ справедливости этого замѣчанія долженъ
сознаться я и самъ, но что же мнѣ дѣлать, если
таково вообще свойство всѣхъ умирающихъ лю-
дей? Отъ умирающаго нельзя требовать ни по-
слѣдовательности въ сужденіяхъ, ни даже совер-
шенно округленныхъ періодовъ для выраженія
послѣднихъ; всѣ ихъ мысли, всѣ ихъ чувства
представляются въ видѣ какихъ-то клочковъ, въ
видѣ ничѣмъ не связанныхъ отрывковъ, въ ко-
торыхъ мысль и чувство являются въ состояніи
почти эмбрионическомъ. Къ сожалѣнію, я долженъ
сказать здѣсь, что міръ полонъ такого рода уми-
рающихъ; между ними очень мало злыхъ и очень
много недальновидныхъ. Вообще я убѣжденъ, что
на свѣтѣ злые люди встрѣчаются лишь случай-
но; въ существѣ, они тѣже добряки, только ко-
жу у нихъ судьба индѣйка стянула, рыло переко-
сила и губы помазала желчью. Да и то, по

большой части, отъ своей собственной глупости люди дѣлаются злыми, потому что умный человѣкъ сразу пойметъ, что злиться не изъ чего да и не расчетъ. Что же касается до недальновидности людей, то это точно, что ходятъ въ народѣ слухи, будто ихъ не мало по бѣлу свѣту шатаются; однако не могу скрыть, что я очень рѣдко встрѣчалъ такихъ, которые бы откровенно признавали себя дураками. Напротивъ того, обыкновенно случается такъ, что, напримѣръ, Петръ Иванычъ, встрѣтивши друга своего, Ивана Петровича, и поговоривъ съ нимъ немножко, уже восклицаетъ мысленно: «Господи! да какъ же глупъ Иванъ Петровичъ... неужто онъ этого не знаетъ!» А Иванъ Петровичъ въ это самое время въ свою очередь тоже мысленно восклицаетъ: «Господи! да какъ же глупъ Петръ Иванычъ... неужто онъ этого не знаетъ!» И выходитъ тутъ въ иѣкоторомъ смыслѣ таинственно-духовный маскарадъ. Но прося у читателя извиненіе за такое отступленіе, спѣшу продолжать разсказъ мой.

На другой день я получилъ отъ Семена Семеныча записку. Очевидно, мысль о новомъ характерѣ, который должна была принять его дѣятельность, до такой степени жгла его, что онъ не могъ выносить даже малѣйшую медленность въ этомъ отношеніи. Казалось, онъ въ одну минуту хотѣлъ облагодѣтельствовать всѣхъ и каждого и преисполнить край плодами цивилизациіи. Въ запискѣ было изображено:

«Виды и предположенія:

«1) Биржа. Правильность торговли. Огромные запросы и такъ далѣе. Развить.

«2) Грамотность. Смягченіе нравовъ. Уменьшеніе преступленій. Облегченіе обязанностей полиціи и т. д. Развить.

«3) Пути сообщенія, а буде можно, то и желѣзныя дороги. Сколько среднимъ числомъ провозится ежегодно товаровъ до Н. пристани? Развить.

«4) Фабрики и заводы. Польза отъ нихъ. Средства къ достижению сего: поощренія и награды (Извѣстно, что русскіе купцы и т. д.). Развить.

«Весьма обяжете, ежели все сіе исполните въ возможно непродолжительномъ времени».

Прочитавъ эту записку, я струсиль. Съ одной стороны, меня, конечно, соблазняла красивая сторона предпріятія; съ другой, я не могъ не испугаться его огромности. Но напрасны были мои опасенія. Генераль былъ такъ добросовѣстенъ, что счелъ необходимымъ, предварительно принятія рѣшительныхъ мѣръ относительно развитія торговли и промышленности, посовѣтоваться обѣ этомъ съ почетнѣйшими лицами торгующаго сословія. Эта добросовѣстность испортила, однакожъ, все дѣло. При первомъ намекѣ на возможность учрежденія биржи, купцы попадали въ обморокъ, не смотря на то, что все они были тѣлосложенія необыкновенно крѣпкаго и съ честью выдерживали самые побои.

— Что-о? сказалъ Семенъ Семенычъ грозно: — стало быть вы сопротивляться задумали?

— Помилуйте, ваша милость, ужъ очень это

будеть для нась обидно, отвѣчалъ одинъ изъ купцовъ, прежде всѣхъ очнувшійся: — нельзя ли замѣсто бѣжи-то просто чѣмъ ни на есть обложить нась на общеполезное устройство?

— Что-о? ты что за выскочка? и какъ ты смѣешь за всѣхъ говорить?... Николай Иванычъ, запишите его фамилію.

Межу торговцами воцарилось молчаніе; передняя шеренга держала руки по швамъ.

— Такъ вотъ, друзья мои, продолжалъ Семенъ Семенычъ:—вы слышали мои слова, знаете мои желанія... остается, слѣдовательно, изыскать средства къ приведенію ихъ въ исполненіе... Конечно, нѣкоторые изъ васъ, какъ видно, еще не понимаютъ намѣреній, которыя клонятся единственно къ вашей же пользѣ, но само собой разумѣется, что это не должно останавливать ни меня въ моихъ предположеніяхъ, ни васъ въ содѣйствіи къ выполненію ихъ.

Сказавъ это, Семенъ Семенычъ удалился, и долгъ справедливости заставляетъ меня сказать, что онъ не только не дрался въ этомъ случаѣ, но даже и за бороду никого не вытрясъ.

Но дѣло не удалось. Купцы, оставленные на произволъ судебъ, безъ кормила и весла, объявили, что для нихъ затѣя Семена Семеныча слишкомъ обидна, чтобы они рѣшились сами на себя руку наложить.

— Ну, что, какъ наше дѣло? спросилъ меня генераль, когда я, послѣ продолжительного совѣщенія съ обществомъ, явился къ нему съ отчетомъ.

— Не соглашаются, ваше превосходительство!

— Гм...

Глубоко опечаленный генералъ сталъ лицомъ къ окну и долго безмолвствовалъ. По временамъ, до слуха моего долетали звуки, несомнѣнно доказывавшіе, что его превосходительство барабанилъ въ это время пальцами по стеклу.

— Напрасно, ваше превосходительство, совѣщались съ ними, сказаль я, старая желаніемъ утѣшить Семена Семеныча: — эти вещи надо дѣлать секретно отъ нихъ, такъ чтобы они не опомнились...

Семень Семенычъ повернулся ко мнѣ и съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

— Вы правы, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Они, ваше превосходительство, своей пользы понимать не могутъ, продолжалъ я, увлекаясь преданностью къ особѣ моего начальника.

— Вы правы, повторилъ генералъ.

— Такого рода предположенія всего удобнѣе приводить въ исполненіе посредствомъ полиції, снова началъ я.

— Вы правы... да, къ несчастію, вы совершенно правы!

— Если они не понимаютъ своихъ выгодъ, то весьма естественно, что нужно дѣлать имъ добро противъ ихъ желанія...

— Это совершенно справедливо... но... Къ сожалѣнію, я долженъ сказать вамъ, mon cher, что время нынче такое... велико все кротостью да bla-

горазумными мѣрами распорядительности... Ахъ, другъ мой, ремесло администратора становится слишкомъ тяжело, и если-бъ я не любилъ мое отечество (Семенъ Семенычъ махнулъ рукой).... давно бы пора на покой старыя кости сложить!..

— Прикажете продолжать настаивать? спросилъ я.

— Нѣтъ, ужъ зачѣмъ... оставимте ихъ въ покой... пусть дѣлаютъ какъ знаютъ!.. Горько, Николай Иванычъ!

Разговоръ на этотъ разъ прекратился, но не прекратилась благонамѣренная дѣятельность Семена Семеныча. Проекты слѣдовали за проектами, и въ нашей маленькой канцеляріи закипѣла непривычная и небывалая дотолѣ жизнь.

Но увы! ни проектъ о распространеніи грамотности, ни проектъ о путяхъ сообщенія — ничто не удавалось, не смотря на таинственность и тишину, среди которыхъ они вырабатывались. Проекты эти похожи были на тѣ объявленія о новоизобрѣтенныхъ средствахъ противъ молей и клоповъ, которыя (т. е. средства) такъ удачно дѣйствуютъ на бумагѣ, въ дѣйствительности же безсильны убить самаго тощаго и изможденнаго клопа.

Семенъ Семенычъ сдѣлался скученъ. Уныло ходилъ онъ цѣлые дни по кабинету, заложивъ руки за спину и грустно покачивая головой. Съ ужасомъ сознавалъ онъ, что мѣсяцъ тому назадъ онъ былъ совершенно бодръ и дѣятеленъ, былъ распорядителенъ и исполнителенъ въ одно и тоже время, однимъ словомъ способенъ и достоинъ, а теперь... теперь, когда наступило, повидимому,

«благораствореніе воздуховъ и изобиліе плодовъ земныхъ», онъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, оказывается чуть чуть не злостнымъ банкротомъ... ужасно! Все, что онъ ни придумаетъ, звучить пусто, словно лукошко, у котораго вышибли дно; все, за что онъ ни возьмется, отзыается мертвечиной. И ему внезапно стало такъ тошно и несносно жить на свѣтѣ, что не мила казалась Анна Ивановна, не радовалъ милый сынокъ Сережа, а меня не могъ онъ даже видѣть безъ нѣкотораго озлобленія, потому что я являлся хотя и неумышленнымъ, но тѣмъ не менѣе горькимъ и постояннымъ свидѣтелемъ его неудачъ.

Однажды утромъ я получилъ отъ Анны Ивановны приглашеніе пожаловать къ ней какъ можно скорѣе. Я засталъ ее заплаканною и разстроеною.

— Вы не знаете, какое наскъ постигло несчастіе, сказала она: — Simon! бѣдный Simon!

— Что такое, Анна Ивановна? спросилъ я встревоженный.

— Ah, mais voyez plutt vous-mme, cher Николай Иванычъ!

Съ этимъ словомъ, она отворила дверь въ кабинетъ Семена Семеныча и странное зрѣлище представилось глазамъ нашимъ. Семенъ Семенычъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и чертилъ на бумагѣ чудовищный пароходъ; волосы его были разстрепаны, въ глазахъ блуждалъ дикий огонь.

Я тотчасъ же понялъ ужасную истину: нѣть сомнѣнія... генералъ лишился разсудка!

— А! воскликнул онъ, увидѣвъ меня: — ну, теперь, кажется, они не отвертятся отъ меня.... я все обдумалъ!

— Simon! успокойся, другъ мой! убѣждала Анна Ивановна.

Семенъ Семенычъ сдѣлалъ рукой движение, какъ будто хотѣлъ отогнать ею докучную муху.

— Я надѣюсь, что начальство оцѣнитъ труды мои, сказалъ онъ съ какой-то блаженной улыбкой: — скоро будетъ Святая, и тогда...

Онъ показалъ на лѣвую сторону груди.

— Это несомнѣнно, ваше прѣвоходительство, но въ настоящее время вамъ больше всего нуженъ отдыхъ, замѣтилъ я.

— Убѣдите, убѣдите его, Николай Иванычъ! умоляла Анна Ивановна: — Simon! тебѣ слѣдуетъ почивать!

Генераль снова сдѣлалъ движение рукой.

— А не правда ли, что я много на свою долю потрудился? сказалъ онъ: — вы, Николай Иванычъ, видѣли, вы можете засвидѣтельствовать передъ всѣми, что я именно былъ неусыпенъ!

Анна Ивановна всхлипывала; Семенъ Семенычъ, глядя на нее, тоже не выдержалъ и залился цѣлымъ потокомъ слезъ. Положеніе мое было весьма тяжко.

— Друзья мои! сказалъ генераль, рыдая: — я умираю! я умираю, потому что много трудился! Еслиъ я меньше заботился, а больше гулялъ, меньше вникалъ и больше кушалъ, я остался бы живъ!

ПРИЕЗДЪ РЕВИЗОРА.

1.

Въ 18** году декабря 9 числа, статскій совѣтникъ Фурначевъ получилъ изъ С.-Петербурга, отъ благопріятеля своего, столоначальника Н Н департамента, письмо слѣдующаго содерянія:

Милостивый Государь!
Семенъ Семенычъ!

Поспѣшаю почтеннѣйше извѣстить васъ, что въ непродолжительномъ времени имѣеть быть къ вамъ на губернію статскій совѣтникъ Максимъ Федоровичъ Голынцевъ. Будетъ онъ у васъ подъ предлогомъ освидѣтельствованія богоугодныхъ заведеній, въ дѣйствительности же для доскональныхъ разузнаній о нравственномъ состояніи служащихъ въ вашей губерніи чиновниковъ. Качества Максима

Федоровича таковы: словоохотливъ и добросердечень; любить женскій поль и тонкое вино; выпивши, откровенень и шутливъ безъ мѣры; въ особенности уважаетъ людей, которые говорять по-французски, хотя бы то были даже молокососы; въ карты играетъ, но на счетъ рукъ и такъ далѣе—ни ни! За симъ, ввѣряя себя и свое семейство вашему неоставленію, прошу васъ принятьувѣреніе въ совершенномъ почтеніи уважающаго васъ,

Филиппа Вертявкина.

P. S. Милостивой государынѣ Настасьѣ Ивановнѣ отъ меня, отъ жены и отъ всѣхъ дѣтей нижайшее почтеніе.

NB. Еще любить Г., чтобы его называли «вашимъ превосходительствомъ». Чуть не забыть.

— Однако, это скверно! говорить статскій советникъ Фурначевъ, прочитавши письмо:—что бы такое значило: «на счетъ рукъ ни-ни!» Вѣдь это выходитъ, что онъ... ни-ни!

Семенъ Семенычъ въ волненіи ходитъ по комнатѣ и наконецъ кричитъ въ дверь: Настасья Ивановна! Настасья Ивановна!

Входитъ Настасья Ивановна, облаченная въ глубокій неглиже. Глаза ея нѣсколько опухли, и вообще выраженіе лица сердито, потому что она только-что часокъ-другой соснула. Семенъ Семенычъ посмотрѣлъ на ея измятое лицо и съ досадою плонулъ.

— Опять ты спала! сказать онъ, глядя на нее съ глубокимъ омерзеніемъ:—хоть бы ты въ зер-

кало, сударыня, посмотрѣла, на что ты сдѣлалась похожа! И откуда только сонъ у тебя берется!

— Если вы только за тѣмъ меня позвали, чтобы ругаться, такъ напрасно трудились!

Настасья Ивановна хочетъ удалиться.

— Да постой, постой же, сударыня! получилъ я сегодня письмо... Ѣдетъ къ намъ ревизоръ... и какъ видно неблагонамѣренный... потому что тово... ни-ни...

Семенъ Семенычъ топчетъ на мѣстѣ и не знаетъ какъ выразиться. Онъ убѣжденъ, что ревизоръ человѣкъ неблагонамѣренный, но почему-то не умѣеть сформулировать основаній, на которыхъ зиждется это убѣженіе.

— Такъ вы тово... попріодѣньтесь немнogo! продолжаетъ онъ, совсѣмъ спутавшись.

— Вотъ какъ вы испугались, что ужъ п Богъ знаетъ, что говорите! замѣчаетъ Настасья Ивановна, читая письмо Вертиякина:— точно ужъ и пріѣхалъ вашъ ревизоръ! Однако, я по всему вижу, что онъ долженъ быть очень милый человѣкъ, этотъ ревизоръ, потому что любить дамское общество!..

— Да, только не наше съ вами... эй человѣкъ! лошадь!

Семенъ Семенычъ отправляется къ генералу Голубовицкому, и застаетъ его въ большомъ безпокойствѣ. До свѣдѣнія его превосходительства дошло, что одинъ изъ важнѣйшихъ въ городѣ чиновниковъ, будучи на собственномъ своемъ говорѣ, происходившемъ по случаю предстоящаго бракосочетанія его съ дочерью потомственаго

почетного гражданина Хрентюгина, внезапно вскочить изъ-за стола и начать бить стекла въ окнахъ бѣломраморнаго зала нарѣченаго тестя.

— Ты это что, ваше высокородіе, дѣлаешь? спросилъ его изумленный хозяинъ. «А вотъ я такъ кимъ манеромъ вѣжъ противляющихся мнѣ окрушаю!» отвѣчалъ женихъ, и съ этими словами вышелъ изъ дома.

Ветревоженный генераль большими шагами ходить по комнатѣ. Онъ справедливо разсуждаетъ, что если высшіе сановники, эти такъ сказать административные дупельшнепы, въ порывахъ горячности допускаютъ себя до подобнаго малодушства, то какимъ же образомъ должны поступать зуйки, поручейники, кулички и прочая мелкая болотная дичь?

— А мы еще какъ радовались за Навла Тимофеича, что они такую прекрасную партію дѣлаютъ! замѣчаетъ стоящій въ углу маленькой чиновничекъ, занимающій должность довѣренного лица при особѣ его превосходительства.

— Что жъ, пьяны что ли онъ былъ?

— Должно быть, не безъ того-съ, ваше превосходительство; они, смѣю вамъ дложить, довольно-таки этому привержены... только все больше въ одиночествѣ занимаются-съ, и велятъ себя въ этихъ случаяхъ запирать... Ну, а тутъ и при народѣ случилось...

Генераль продолжаетъ ходить и волноваться.

— И еще случай есть, ваше превосходительство, робко говорить чиновникъ.

— Ну, что тамъ еще?

— Въ Несчанолѣсси стряпчій съ городничимъ-съ..
тоже на имянинахъ дѣло было-съ...

— Нельзя ли докладывать скорѣе, безъ мазанья!

— И стряпчій городничему животъ укусиль-съ!
оканчиваетъ скороговоркою чиновникъ.

— Господинъ Фурначевъ пріѣхали, докладыва-
етъ лакей.

— Ну, этого зачѣмъ еще чортъ принесъ! вос-
кликаетъ взволнованный генералъ:—просить!

Семенъ Семенычъ входитъ и улыбается. Съ
одной стороны онъ очень радъ видѣть его пре-
восходительство въ добромъ здоровыи, съ другой
стороны ему весьма прискорбно, что имѣеть со-
общить извѣстіе, котораго послѣствій никто, да-
же самый проницательный человѣкъ, предугадать
не въ силахъ.

— Да что же такое? неужто еще кто-нибудь
поддался? спрашиваетъ генералъ.

— Никакъ нѣть-съ, ваше превосходительство,
но наша губернія... впрочемъ, можетъ-быть, это
и къ лучшему-съ...

— Да говорите же! что вы душу-то мнѣ тя-
нете!

— Ревизоръ, ваше превосходительство, реви-
зоръ къ намъ въ скромъ времени прибыть дол-
женъ!

При словѣ «ревизоръ» съ генераломъ едва не
дѣлается дурно.

— Кто сказалъ «ревизоръ»? какой ревизоръ?
откуда ревизоръ? спрашиваетъ онъ, вдругъ весь

вспыхнувъ и уже застегивая машинально пальто на всѣ пуговицы.

— Успокойтесь, ваше превосходительство! продолжаетъ Семенъ Семенычъ: — ревизоръ, скаживаютъ, охотникъ больше до дамскаго общества...

— Гм... отъ кого же вы получили это извѣстіе?

— Есть въ Петербургѣ одинъ облагодѣтельствованный мною столонаачальникъ-съ...

— Это непріятно! это тѣмъ болѣе непріятно, что тутъ же разомъ случились двѣ пасквильныя исторіи... Скажите, пожалуйста, вы были у Хрептюгина въ то время, какъ Павелъ Тимоѳеичъ стекла биль?

— Какъ же-съ; я былъ въ числѣ приглашенныхъ...

— Что же такое съ нимъ сдѣлалось? Вотъ чего я понять не могу!

— Съ Павломъ Тимоѳеичемъ это не рѣдко бываетъ, ваше превосходительство! только онъ до сихъ поръ умѣлъ это скрыть-съ. Сидѣли мы цѣлый вечеръ и все какъ будто ничего; и онъ тоже тутъ быть — ну, и тоже ничего-съ... Только за ужиномъ—должно-быть не присмотрѣли за нимъ,— вотъ онъ сначала хереску-съ, потомъ мадерцы-съ, да вдругъ и всталъ изъ-за стола: «музыканты! комаринскую!» говорить. Я, видѣвши, что онъ ужъ вѣдь себя, подозвалъ Хрептюгина, и говорю ему: «вѣдь Павла-то Тимоѳеича надобно убрать!» Не успѣть я это сказать, какъ ужъ и пошелъ по залѣ набатъ-съ... Впрочемъ, это еще, ваше пре-

восходительство, уладится: Павель Тимофеичъ ужь объяснился съ нареченнымъ тестемъ...

— Ну, а слышали вы другую исторію—это еще почище будетъ: въ Песчанолѣсъи стряпчій городничему животъ прокусилъ!

— Ахъ, страмъ какой!

— Разскажи-ка, братецъ, разскажи! обращается генераль къ довѣренному чиновнику:—нечего сказать, хорошъ сюрпризъ для ревизора будетъ!

— Были они, начинаетъ чиновникъ:—на имѧнинномъ вечерѣ; только и началь стряпчій хвастаться: «я, говорить, здѣсь все могу сдѣлать!» Ну, городничему это будто обидно показалось; онъ возьми да и ударъ стряпчаго по лицу: «что-то моль ты противъ этого сдѣлаешь!» А стряпчій, какъ ростомъ противъ городничаго не вышелъ, вѣшился ему зубами въ животъ-сь...

— Ахъ, страмъ какой! повторяетъ господинъ Фурначевъ.

— И вотъ, послѣ этого милости просимъ тутъ пользу какую-нибудь для края принести! говоритъ генераль, разводя руками.

II.

Вѣсть объ ожидаемомъ прїездѣ ревизора мгновенно разнеслась по городу. У тѣхъ изъ чиновниковъ, у которыхъ всякое душевное волненіе выражается трясенiemъ поджилокъ, такое совершилось благополучно. Городъ оживился, но это оживленіе было какое-то бездушное, похожее на ту суету, которая начинается во всякомъ губерн-

скомъ городѣ съ утра каждого высокоторжественнаго праздника и продолжается ни болѣе, ни менѣе, какъ до известнаго, судбою опредѣленнаго срока. Петръ Борисычъ Лепехинъ, охотникъ поиграть въ двухкошачный преферансъ, внезапно вспомнилъ, что высшее начальство непоощрительно смотрѣть на такое невинное препровожденіе времени и призадумался. Онъ почтѣ долгомъ немедленно справиться обѣ этомъ въ Сводѣ Законовъ, и хотя ничего похожаго на угрозу тамъ не нашелъ, но на всякий случай, пришедши вечеромъ въ клубъ, не только самъ не торопился составить партію, но даже отказался на отрѣзъ отъ карточки, которую предлагалъ ему Порфирий Петровичъ.

Федоръ Герасимычъ Крестовоздвиженскій, пришедши въ присутствіе, потребовалъ немедленно къ себѣ какія-то четыре дѣла (знаете: тѣ дѣла, по которымъ...), и, обнюхавши ихъ, вдругъ прішелъ въ восторженность, замахалъ руками и закричалъ! «завтра же! сегодня же! катать ихъ! подъ судъ ихъ!»

Иванъ Павлычъ Вологжанинъ неутомимо началь разъѣзжать по всемъ знакомымъ и собирать всѣ полезныя свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ крутогорскихъ обывателей, дабы, въ случаѣ надобности, преподнести этотъ букетъ господину ревизору и чрезъ то заявить свою дѣятельность и преданность.

Въ будку, которая, съ самой постройки своей, никогда не видала будочника и оставлена была безъ стеколь, поставили первого и вставили послѣднія.

Пожарныхъ лошадей выкормили какъ индѣекъ Ивана Ивановича *).

Словомъ, всякий готовился къ принятію ревизора по своему. Только частный приставъ Рогуля оказалъ при этомъ твердость духа, достойную лучшей участіи. Когда ему сказали, что будетъ, дескать, ревизоръ и не мѣшало бы, по этому слушаю, поболѣе бодрствовать и поменьше спать, то онъ только поковырялъ въ носу, испилъ квасу, до которого быть большой охотникъ, и молвилъ:

— Знаемъ мы этихъ ревизоровъ! не первый годъ на свѣтѣ живемъ!

Но самая хлопотливая и трудная часть дѣятельности выпала на долю генеральши Голубовицкой. Она кетати вспомнила, что бѣдные города Круглогорска что-то давно не получали никакого пособія, и что такое благодѣтельное дѣло всего приличнѣе могло быть устроено въ глазахъ ревизора. Поэтому, на совѣтѣ, составленномъ изъ лицъ приближенныхъ и извѣстныхъ своею преданностью, было решено: немедленно устроить благородный спектакль, а если окажется возможнымъ, то и живыя картины.

— Помилуйте, Дарья Михайловна! какія же могутъ быть у насъ живыя картины! вы посмотрите на нашихъ дамъ! возражаетъ старинный нашъ знакомый, Леонидъ Сергеевичъ Разбитной **).

*) См «Вечера на хуторѣ» Гоголя: «Иванъ Федоровичъ Шонька» и т. д.

**) О Разбитномъ можно справиться въ «Губернскихъ Очеркахъ», ч. 3-я Просителя.

Но Дарья Михайловна, которая имѣть весьма развитый станъ, и вообще удачно сложена, настаиваетъ на необходимости живыхъ картинъ. Выборъ останавливается на четырехъ картинахъ: «Рахиль, утоляющая жажду Іакова», «Любимая одалиска», «Молодой Грекъ съ ружьемъ», «Донъ-Жуанъ и Гайдѣ».

— Я могу взять на себя фигуру Іакова! говорить молодой товарищъ предсѣдателя уголовной палаты, Семіоновичъ, и поспѣшно прибавляетъ:— а если угодно, то и Донъ-Жуана...

Дарья Михайловна въ недоумѣніи. Семіоновичъ, безъ сомнѣнія, очень достойный молодой человѣкъ, и отлично знаетъ уголовные законы, но во первыхъ онъ имѣть привычку постоянно издавать носомъ какой-то непріятный свистъ, а во вторыхъ, и фигура у него какая-то странная, угловатая... очень будетъ не хорошо! Дарьѣ Михайловнѣ хотѣлось бы отдать эти двѣ фигуры учителю гимназіи Линкину, который имѣть и всѣ нужныя для того качества, и къ которому она чувствуетъ родъ тихой дружбы.

— Вы, мсьё Семіоновичъ, будете слишкомъ утомлены спектаклемъ, говоритъ она.

— Это ничего, отвѣчаетъ Семіоновичъ; — я работаю скоро и легко...

— Ну, Гайдѣ, Одалиска и Рахиль — обѣ этихъ фигурахъ нечего и говорить! вступается кругленький помѣщикъ Загражембовичъ: — эти фигуры по праву принадлежать Дарьѣ Михайловнѣ; но кому отдать Ламбро?

— Архиваріусу губернскаго правленія! предла-
гаетъ Разбитной.

— Вы всегда съ вашими шутками, мсьё Раз-
битной! говорить Дарья Михайловна: — messieurs,
кто желаетъ взять на себя Ламбро?

— Я бы охотно ее взять, вступается Семіоно-
вичъ: — но у меня Донъ-Жуанъ!

— Такъ вы Донъ-Жуана уступите... хоть мсьё
Линкину!

— Признаюсь вамъ, для меня положеніе Донъ-
Жуана больше симпатично... тутъ есть страсть,
тутъ есть жизнь...

— За то Ламбро можетъ одѣться въ красный
плащъ, замѣчаетъ весьма основательно Разбит-
ной: — и тутъ можетъ быть великолѣпный *effet de
lumière*!

— Итакъ Донъ-Жуанъ — мсьё Линкинъ, Ламбро —
мсьё Семіоновичъ, говоритъ Загржембовичъ: — но
здѣсь возникаетъ вопросъ, на счетъ какихъ суммъ
сдѣлать костюмъ для Донъ-Жуана, потому что мсьё
Линкинъ не имѣеть даже достаточно бѣлья, чтобы
ежедневно пользоваться чистою рубашкой?

— Можно какъ-нибудь изъ благотворительныхъ
суммъ, отвѣчаетъ Дарья Михайловна.

— Да кстати бы ужъ и рубашку ему чистую
сшить, прибавляетъ Разбитной, которому досадно,
что Донъ-Жуаномъ будетъ не онъ, а Линкинъ.

— Вы опять съ вашими шутками, сухо замѣ-
чаетъ Дарья Михайловна.

— Ну-съ, хорошо-съ; эта статья устроена; те-
перь кто же будетъ «Молодой Грекъ съ ружьемъ»?

Молодаго Грека должна взять на себя особы женскаго пола — это несомнѣнно; ружье можно достать изъ гарнизонаго батальона — съ этой стороны тоже нѣтъ препятствія. Но кто же изъ крутогорскихъ дамъ согласится изобразить фигуру, которая, въ иѣкоторомъ смыслѣ, дѣлаетъ ущербъ общественной нравственности? Первое благо, которымъ долженъ обладать молодой Грекъ, заключается въ большомъ и остромъ носѣ — кто изъ дамъ таковыемъ обладаетъ? Судили-судили, и наконецъ гласъ народный указалъ на коллежскую ассессоршу Катерину Осиповну Неміолковскую, которая, имѣя точь-въ-точь требуемый носъ, охотно согласится облачиться и въ противоестественный мужской костюмъ. Постановлено: отправить завтрашній день къ Катеринѣ Осиповнѣ депутацію и усерднѣйше просить ее пожертвовать собой на пользу общую.

— Стало-быть, живыи картины уложены... Что же касается до спектакля, messieurs, говорить Дарья Михайловна: — то онъ будетъ составленъ изъ слѣдующихъ пѣсъ:

ВЪ ЛЮДЯХЪ АНГЕЛЪ НЕ ЖЕНА,
ДОМА СЪ МУЖЕМЪ САТАНА.

Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

дѣйствующія лица:

Г. Славскій . . . . . Мечиславъ Владиславовичъ
Семіоновичъ.

Г-жа Славская . . . Аглаида Алексеевна Размазновская.
Г-жа Трефкина . . . Анфиса Петровна Луковицына.
Г-жа Небосклонова . Анна Семеновна Симіась.
Размазня . . . . . Федоръ Федоровичъ Шомполовъ (самородный комикъ, процаѣтающій въ палатѣ государственныхъ имуществъ въ должности помощника чего-то или кого-то).
Прындикъ . . . . . Леонидъ Сергеевичъ Разбитной.
Лакей 1-й }   экзекуторъ губернского правленія Стуколкинъ.
Лакей 2-й }

ЧИНОВНИКЪ.

Комедія въ 1-мъ дѣйствіи.

Княгиня . . . Дарья Михайловна Голубовицкая.
Полковникъ . . Деонидъ Сергеевичъ Разбитной.
Мисхоринъ . . Семенъ Семеновичъ Линкинъ.
Надимовъ . . Мечиславъ Владиславовичъ Семёновичъ.
Дробинкинъ . . Федоръ Федоровичъ Шомполовъ.
— Кажется, messieurs, такимъ образомъ будетъ хорошо! прибавляеть Дарья Михайловна, прочитавъ списокъ ролей.

Всѣ находять, что отлично.

— Теперь, господа, встуپаетъ Семёновичъ:— необходимо выбрать намъ режиссера... Я предлага-

гаю возложить эту обязанность на Алоизія Целестиновича Загржембовича.

— Аксість! возглашаютъ преданные.

Алоизій Целестиниць кланяется и благодарить за довѣріе. Онъ даетъ слово, что употребить всѣ усилия, чтобы оправдать столь лестное порученіе.

— Алоизій Целестиниць! говорить Разбитной:— вы не забудьте, что для Шомполова необходимо, чтобы на репетиціяхъ было ерофечть и колбаса.

Всѣ берутся за шляпы и намѣреваются разойтись.

— Господа! господа! возглашаетъ Загржембовичъ: — какъ режиссеръ, я долженъ вать остановить, потому что не решенъ еще одинъ важный пунктъ: кто будетъ суплеромъ?

— Мамаса! говорить старшій сынокъ Даури Михайловны: — я хочу быть супѣемъ.

— Нѣтъ, душечка, ты будешь казачкомъ.

— Я узъ бый казачкомъ, я хочу быть супѣемъ!

— Ну, полно, душечка, ты будешь шеколадъ подавать!

— Я, господа, предлагаю выбрать суплера изъ учениковъ гимназіи: имъ часто приходится суплировать другъ другу!

— Великолѣпная мысль, вы золотой человѣкъ, Алоизій Целестиниць.

— *L'incident est vidé!* восклицаетъ Разбитной.

Всѣ уходятъ, и Семіоновичъ, заранѣе предвкушная доставшуюся ему роль и искрививши судорожно ротъ, декламируетъ на лѣстницѣ: «и къ горю моего званія, я долженъ сказать, что я и

обижаться не въ правѣ, пока у насъ будуть взяточники». Въ швейцарской онъ уже полонъ негодованія: «надо крикнуть на всю Россію, провозглашаетъ онъ: — что пришла пора, и она дѣйствительно пришла — искоренить зло съ корнями», и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаеть рукою жестъ, какъ будто дѣйствительно копается ею землѣ.

По всему видно, что Семіоновичу пришлась очень кстати роль Надимова. Онъ человѣкъ молодой и горячій, и потому надѣется помѣстить въ этой роли, какъ въ ломбардѣ, весь внутренній жаръ, безпредметно накипѣвшій въ его груди.

Что касается до Разбитнаго, то онъ хотя тоже не совсѣмъ равнодушенъ къ ожидающимъ его впереди сценическимъ тревогамъ, но выражаетъ свои чувства иѣсколько иначе, а именно, на каждой площадкѣ лѣстницы производить по одному, въ высшей степени козлообразному антраша, и отправляется откупать рюмку водки къ доброй знакомой своей, Вѣрѣ Готлибовнѣ Пройминой.

III.

Наступилъ, наконецъ, и день первой репетиції. Въ провинціи, благородные спектакли всегда составляютъ эпоху, и на долгое время оставляютъ за собой отрадныя воспоминанія. Особливо любятъ ихъ дамы, для которыхъ эпоха спектакля какъ-то фаталистически совпадаетъ съ порою возрожденія и любви. Статистическія изслѣдованія съ послѣднею очевидностью доказываютъ, что потребность въ благородныхъ спектакляхъ обнаруживается пре-

*

имущественно послѣ десятаго декабря, то-есть, въ то время, когда солнце, какъ известно, поворачиваеть на лѣто. Хотя на дворѣ и гвоздять еще крещенскіе морозы, но въ теплыхъ гостиныхъ уже чувствуются запахи весны; появляются цвѣточки на окнахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ разцвѣтать и сердца. И вотъ, мало-по-малу, въ четырехъ законченныхъ стѣнахъ провинціальнаго театра полагается первоначальная закваска той интимной, крохотной драмы, которая потомъ исчерпываетъ собою весь провинціальный карнаваль. Сценическое искусство служить здѣсь только предлогомъ, или лучше сказать кулисами, за которыми развиваются домашнія интриги, устраиваются свиданія, разыгрываются сцены ревности, и т. д. Съ одной стороны, мечутся въ глаза лица совершенно счастливыя и довольныя; съ другой, печально выступаютъ впередъ ипохондрики, снѣдаляемые завистью и злобой при взглядѣ на чужое счастье; съ одной стороны слышится тотъ мягкий, какъ будто дѣтской смѣхъ, который самое счастье озаряетъ еще новымъ и болѣе яркимъ свѣтомъ, и рядомъ съ нимъ раздаются болѣзненные вздохи, сосредоточенно-вылетающіе изъ груди какого-нибудь отвергнутаго трезора. Здѣсь же, какъ будто бы для того, чтобы лучше оттѣнить картину, явится передъ вами какой-нибудь Шомполовъ, который смотрить на предстоящій спектакль, какъ на подвигъ всей своей жизни, и добродушная физіономія режиссера, который обыкновенно избирается изъ такъ-называемыхъ «мышиныхъ жеребчиковъ», обладающихъ

любовнымъ жаромъ въ самой умѣренной степени, и потому способныхъ сохранить постоянный нейтралитетъ. Иногда картина разнообразится наездомъ слишкомъ ревнивыхъ мужей, желающихъ собственными глазами удостовѣриться, въ какомъ положеніи находится супружеская вѣрность; но и это какъ-то не огорчаетъ, а напротивъ того, умиляетъ, потому что, если ужь признавать силу солнечнаго поворота на лѣто, то это признаніе должно быть равносильно и для мужей и для женъ. Впрочемъ, наезды подобнаго рода весьма рѣдки, потому что провинціальные мужья народъ вообще добродушный и, при объявлениіи имъ о нарядѣ ихъ женъ для предстоящаго спектакля, высказываютъ досаду свою отрывисто и невинно головою. «Ну, пошла пильня въ ходъ! говорятъ они: — семь безъ козырей! Порфирий Петровичъ — вы что?»

Часы бываютъ семь, и Шомполовъ достаточно ужь увлажилъ свои внутренности изъ графинчика, содержащаго въ себѣ настойку, известную подъ именемъ ерофеича. Онъ ходитъ по сценѣ и грустить, что случается съ нимъ всегда, когда ерошка-маляръ намалюетъ баканомъ на лицѣ его итальянскій пейзажъ, съ надписью: «изверженіе Везувія». Отъ ничего дѣлать онъ обращается къ сторожу.

— Меня, братъ Михаилъ, здѣсь понимать не могутъ! говорить онъ уныло. — Здѣсь и люди-то, братъ, не люди, а такъ, какія-то спирены, только навыворотъ: хвостъ человѣчій, а станъ рыбій... Ну, скажи ты самъ: какой же я комикъ! и сложенье и голось — все во мнѣ трагическое!.. тутъ

пахнетъ убийствомъ, братъ, злодѣяніями — вотъ что!

Михеичъ слушаетъ и икоса посматриваетъ на водку.

— Что, видно водочки захотѣлось? ну выпьемъ, братъ, выпьемъ... я добрый!... Намеднись вотъ заставили меня Падчерицына играть... теперь Дробинина! А Надимова небось не дали, а дали его Семіоновичу --- онъ, дескать, товарищъ предсѣдателя! гдѣ жъ тутъ справедливость, Михеичъ? ну, какой я Падчерицынъ?

— Мое, сударь, дѣло занавѣсь опустить, или вотъ садь на мѣсто поставить, отвѣчаетъ Михеичъ.

— Что жъ это, наконецъ, будетъ? вѣдь я, наконецъ, къ публикѣ прибѣгну!.. я актеръ, я настоящій актеръ!... Такъ вотъ нѣтъ же, Михеичъ! не могу, братъ, я къ публикѣ прибѣгнуть, руки у меня связаны!... жена, братъ, шестеро дѣтей! Откажись я играть, такъ завтра и отъ должности, пожалуй, отрѣшатъ... вотъ что горько-то!

Входятъ Загржембовичъ и Разбитной. Послѣдній въ весьма-пріятномъ расположеніи духа, скачеть вдругъ обѣими ногами на лѣстницу и мурлыкаетъ куплетцы изъ роли Прындика.

— Алоизій Целестинъ! обращается Шомполовъ къ Загржембовичу! — вы справедливый человѣкъ! за что они меня обидѣли? За что мнѣ Размазню дали, а Надимова отдали Семіоновичу?

— Вы пьяны, Шомполовъ, замѣчаетъ Разбитной, живописно раскидываясь на диванѣ.

— Нѣтъ, я не пьянъ, Леонидъ Сергѣевичъ! я вы-

пиль, потому что обиженъ, а я не пьянъ! нѣть, я далеко не пьянъ!... Я хочу сказать, что я актеръ, настоящій актеръ, а не затычка!

— Ха-ха! «затычка»! Нѣть, это безподобно: *mais vous êtes impayable, mon cher Chompoloff!*

— Кто меня затычкой зоветъ? кричитъ Шомполовъ, уже забывъ, что онъ самъ наградилъ себя этимъ прозвищемъ. — Кто надо мнай смеяться смѣеть?

— Ха-ха! *impayable! impayable!*

— Кто меня затычкой зоветъ? продолжаетъ Шомполовъ: — не хочу я играть Размазню... я Гамлетъ, я Чацкій, я Надимовъ, а не Размазня!

Пріѣздъ Дарьи Михайловны и Агланды Алексѣевны Размановской полагаетъ конецъ спору.

— *Ah, vous voilà, messieurs!* говоритъ Дарья Михайловна, и вмѣстѣ съ тѣмъ пишетъ чего-то глазами.

— Мсьё Линкина еще нѣть! въ упоръ отвѣчаетъ Разбитной, и отвѣчаетъ съ ехидствомъ, потому что между имъ и Линкинымъ есть яблоко раздора, и это яблоко — сама Дарья Михайловна.

Разбитной вообще считается «*l'enfant chéri des dames*», и потому очень оскорбляется, если кто-нибудь осмѣливается предпочитать ему другаго.

— Мсьё Разбитной! вы должны сегодняшній вечеръ занимать меня — это такъ слѣдуетъ по пѣсѣ! говоритъ Агланды Алексѣевна, садясь возлѣ Разбитнаго.

— Вотъ Шомполовъ говорить, что ему водки не даютъ! начинаетъ «занимать» Разбитной.

— Фи, мсьё Шомполовъ, вы опять съ вашею противною водкой! какъ это вы ее пьете!

— Помилуйте, Леонидъ Сергеичъ, когда же я жаловался?

— Все равно; по вашему лицу видно, что вы грустите.

— А знаете что, мсьё Разбитной, прерываетъ Аглаида Алексѣевна: — я одинъ разъ, разумѣется, украдкой отъ таман, попробовала выпить этой гадкой водки... и еслибы вы знали, что со мной было?... вы, вирочемъ, не проболтайтесь... это скрѣть!

Входять: Катерина Осиповна Немілковская (она же и Грекъ съ ружьемъ), сопровождаемая Линкинымъ.

— Вы всегда опаздываете, мсьё Линкинъ! сухо замѣчаетъ Дарья Михайловна.

Но Линкинъ въ ту же минуту пристраивается къ Дарьѣ Михайловнѣ, и лицо ея проясняется.

— Начинатъ, господа, начинать! кричитъ Загржембовичъ, хлопая въ ладоши.

— Господа! у насъ въ парадѣ сегодня вечернее засѣданіе было! извините, что опоздалъ! кричитъ Семіоновичъ, влетая сломя голову.

Пріѣзжаетъ и Анфиса Петровна Луковиціна съ дочерью своей, по мужѣ Симіась, дамой, обладающей лицомъ аква-маринового цвѣта. Прибытіе ихъ проходить, однакожъ, незамѣченныемъ.

На сцену выступаетъ Аглаида Алексѣевна, и ужасно махаетъ руками, желая показать этимъ, что она обрываетъ звонки.

Разбитной, пользуясь этимъ случаемъ, въ одно мгновеніе ока направляется въ тотъ темный уголокъ, въ которомъ расположилась Дарья Михайловна съ Линкинымъ.

— Сердце женщины — это цѣлая бездна! вы странный человѣкъ, Линкинъ, вы хотите постигнуть то, что само себя иногда постигнуть не въ состояніи! томно говорить Дарья Михайловна.

Линкинъ слушаетъ молча; онъ знаетъ, что Дарья Михайловна любить не только поговорить, но даже насладиться звуками своего собственного голоса, и потому не смѣеть прерывать очаровательницу.

— Читали ли вы Гётевы *Wahlverwandtschaften?* продолжаетъ Дарья Михайловна.

— Читалъ-съ.

— Помните ли вы ту минуту, когда Шарлоттъ... дѣлается вдругъ такъ совѣстно?... ну, я ручаюсь, что вы не поняли этого!

— Я, признаюсь, не замѣтилъ этого мѣста.

— И неудивительно, что вы не замѣтили. Такую тонкую, почти неуловимую черту можетъ понять только женщина... Сегодня, кажется, вечеръ у Балтазаровыхъ? продолжаетъ Дарья Михайловна, замѣтивъ приближеніе Разбитнаго.

— Кажется, отвѣчаетъ Линкинъ.

— Вы съ ними знакомы?

— Нѣтъ.

Разбитной, хотя и достигъ своей цѣли, прервавъ интимный разговоръ, но чувствуетъ себя самого внезапно поглупѣвшимъ и не находить въ головѣ ни одного путнаго слова. Онъ топчется на

одномъ мѣстѣ, то красиѣть, то блѣдиѣть, нѣсколько разъ сряду развѣаетъ ротъ, чтобы сказать что-нибудь острое, и не можетъ.

— Вамъ, кажется, начинать скоро, Дарья Михайловна, говорить онъ, наконецъ, не безъ усилій.

Въ эту минуту на сценѣ раздается потрясающей волынки. Оказывается, что Шомполовъ ущипнулъ очень болѣю мадамъ Симаѣсъ.

— Господа! къ сожалѣнію, репетиція не можетъ продолжаться! возглашаетъ Загржембовичъ:—мсьѣ Шомполовъ не совсѣмъ здоровъ.

— Кто нездоровъ? Какъ нездоровъ? вступается Шомполовъ: — она меня оскорбила, она сказала мнѣ, что я пьяни!

— Господа! репетиція кончилась!

IV.

Межу тѣмъ, статскій совѣтникъ Голынцевъ уже приближался къ Крутогорску. Щахъ онъ довольно медленно, потому что на всякой станціи собирались подъ рукою отъ станціонныхъ писарей и ямщиковъ свѣдѣнія о генералѣ Голубовицкомъ. Свѣдѣнія оказывались, впрочемъ, весьма удовлетворительныя.

— Извѣстно, генераль-сь! отвѣчали писаря въ одно слово, будто сговорившись: — на то они и начальники, чтобъ взыскивать!

— Гм... стало-быть строгъ и распорядителенъ — это хорошо, подумалъ Голынцевъ.

— Шибко ужъ очено ъздятъ! отвѣчали въ свою очередь ямщики.

— Гм... стало-быть, дѣятеленъ — это похвально! зарубиль себѣ на носъ Голынцевъ.

Наконецъ, декабря 20 числа 18** года, въ восемь часовъ пополудни, возокъ Максима Федорыча вѣхалъ въ Крутогорскъ. На заставѣ встрѣтилъ его полиціймейстеръ.

— Ва... вашему пре-е-восходительству...

— Вы, должно быть, озябли? прервалъ Максимъ Федорычъ, видя, что полиціймейстеръ, вмѣсто того, чтобы рапортовать, только щелкаетъ зубами: — вы можете простудиться, мой любезный!

Возокъ помчался на отводную квартиру, а полиціймейстеръ съ своей стороны поспѣшилъ доложить генералу, что Максимъ Федорычъ не чловѣкъ, а ангель.

Максимъ Федорычъ, прїехавъ въ квартиру, спросилъ самоваръ и позвалъ къ себѣ хозяина, потому что и тутъ, не смотря на утомленіе, первою его мыслю было не спать лечь, а напротивъ того, узнать что нибудь подъ рукою. Вообще онъ понималъ свою обязанность весьма серьозно и зналъ, что осторожность въ полицейскомъ чиновникѣ есть мать всѣхъ добродѣтелей. Хозяинъ явился въ кругломъ фракѣ и оказался весьма милымъ негоціантомъ, чому Голынцевъ очень пріятно изумился и выразилъ при этомъ надежду, что и въ прочихъ городахъ Россіи современемъ купцы послѣдуютъ примѣру этихъ aimables Kroutogoriens.

— Ну, скажите, что вашь добрый генераль? началь испытывать Максимъ Федорычъ стороною.

— Слава Богу-съ, ваше превосходительство!

«Ваше превосходительство» подъяствовало на Максима Федорыча успокоительно.

— Mais ils sont très bien élevés ici! подумалъ онъ, и вслухъ прибавилъ: — да, да! онъ у васъ такой дѣятельный!

— Попеченіе большое имѣютъ, ваше превосходительство!

— Ну, и генеральша тоже... она вѣдь милая?

— Дарья Михайловна-съ?.. смѣю доложить вашему превосходительству, что такихъ дамъ по нашему мѣсту-съ... наше мѣсто сами изволите знать какое, ваше превосходительство!

— Гм... это хорошо! Ну, и веселятся у васъ, бываются собранія, театры, балы?

— Какъ же-съ, ваше превосходительство! благороднымъ манеромъ тоже собираются-съ... въ карты поиграть-съ, или въ клубѣ-съ... все больше Дарья Михайловна попеченіе имѣютъ...

— Это хорошо! я такъ скажу, что это одинъ изъ главныхъ рычаговъ администраціи, чтобы всѣмъ было весело! Если всѣмъ весело, значитъ всѣ довольны — это ясно, какъ дважды два! Къ сожалѣнію, не всѣ администраторы обращаются на этотъ предметъ должное вниманіе!

— Ужъ что же хорошаго будетъ, ваше превосходительство, какъ всѣ насупившись по угламъ сидѣть будутъ.

— Ну да, ну да! очень радъ! очень радъ

познакомиться съ такимъ милымъ и образованнымъ негоциантомъ.

Максимъ Федоровичъ замѣтилъ однако, что ужъ довольно поздно и потому рѣшился отдохнуть. Но прежде чѣмъ отойдти ко сну, — до такой степени серьозенъ былъ его взглядъ на служебныя обязанности, — онъ вынулъ свою записную книжку, въ которой уже были начертаны слова: «строгъ, но справедливъ», «дѣятеленъ, распорядителенъ», и собственноручно сдѣлалъ въ ней слѣдующую отмѣтку: «общежителенъ и заботится о соединеніи общества, въ чемъ не мало ему помогаетъ любезная его супруга, о которой существуютъ въ губерніи самые лестные отзывы».

V.

На другой день у генерала Голубовицкаго было обѣдь. За обѣдомъ присутствовали: Змѣищевъ, Фурначевъ, Порфириевъ, Крестовоздвиженскій и прочие сильные мѣра; кушали также и нѣкоторые молодые люди, но исключительно изъ числа тѣхъ, отъ которыхъ ничѣмъ не пахнетъ, и именно: Разбитной, Семёновичъ и Загржембовичъ. Изъ дамъ присутствовала одна хозяйка дома.

Еще наканунѣ, Степанъ Степанычъ призвалъ къ себѣ повара и имѣть съ нимъ серьозное объясненіе.

— Завтра у меня гость обѣдать будетъ, ты пойми это? сказалъ онъ повару.

— Это понять можно, ваше превосходительство, не въ первый разъ столы готовимъ!

— Ну, что же ты сдѣлаешь?

— Горячее, супъ съ кнелью изготовить можно.

— Господи! просто, братецъ, воображенія у тебя никакого нѣть!..

— А то можно и уху сварить.

— Супъ съ кнелью да уха, только и словъ! ну, чортъ съ тобой, дѣлай что хочешь!

Тѣмъ и кончилось совѣщеніе, но обѣдъ все-таки вышелъ хорошій. Подавали супъ съ кнелью (поваръ поставилъ-таки на свое мѣсто), на холодное котлеты и ветчину съ горошкомъ, на соусъ фрикадель изъ мозговъ и мелкой дичи, въ которую вткнуты были оловянныя стрѣлы, потомъ пуншъ глясе, на жаркое индійку и въ заключеніе малиновое желе, въ видѣ развалинъ Колизея, внутри которыхъ горѣла стеариновая свѣчка, производя весьма пріятный эффектъ для глазъ.

Максимъ Федорычъ, какъ дамскій поклонникъ, садится поближе къ Дарьѣ Михайловнѣ, и между ними завязывается очень живой разговоръ.

— И вы не скучаете? спрашиваетъ Максимъ Федорычъ.

— Иногда... а впрочемъ, нѣть! я такъ всегда занята, что некогда и подумать о скучѣ!

— Ахъ да, я и забылъ, что у васъ есть дѣти... chers petits anges! ils sont bien heureux d'avoir une mère comme vous, madame!

— Mais... oui! je les aime...

Дарья Михайловна треплетъ старшаго сына по щечкѣ.

— Ей, Максимъ Федорычъ, скучать некогда: она даже и теперь устраиваетъ благородный спектакль, отзывается съ другаго конца генераль, внимательно слѣдяще за всѣми движеніями Голынцева.

— Vraiment? mais savez vous, мнѣ ужасно покровительствуетъ счастіе... я безъ ума отъ спектаклей, особенно отъ благородныхъ... и я вѣсь заранѣе предупреждаю, что вы найдете во мнѣ самаго строгаго критика.

— Мы таки частенько здѣсь веселимся, снова вступается генераль.

— Это хорошо! удовольствія, а особливо нѣвинныя... это, я вамъ скажу, даже полезно: это нравы очищаетъ, не даетъ, знаете, имъ зачертѣваться...

— Это несомнѣнно!

— А позволено ли будетъ узнать, si ce n'est pas une indiscretiон toute fois, какія пѣсы будутъ играть?

— «Чиновника», отвѣчаетъ Дарья Михайловна.

— Ah! c'est sÃ©rieux! c'est trÃ¨s sÃ©rieux! только я вамъ скажу, тутъ надо актеру... par ce que c'est trÃ¨s sÃ©rieux!

Дарья Михайловна рекомендуетъ Семіоновича.

— Вы, конечно, поняли эту роль? спрашиваетъ его Максимъ Федорычъ: — вы извините меня, что я дѣлаю такой вопросъ: дѣло въ томъ, что это вѣдь очень серьозно!

Семіоновичъ вертитъ головою въ знакъ согласія.

— Я видѣлъ въ этой роли первоклассныхъ

нашихъ актеровъ, и признаюсь, не совсѣмъ удовлетворенъ ими. Нѣть, знаете, этого жару, этого негодованія... ну, и манеры не тѣ... Вы вѣдь вообразите, что Надимовъ старинный дворянинъ, que c'est un homme de bonne famille, и вдругъ этотъ человѣкъ рѣшился не только принести себя въ жертву отечеству, но и разорвать всякую связь съ «стариннымъ русскимъ развратомъ...» Mais il est presque r volutionnaire, cet homme !

— Я именно такъ и понять это, ваше превосходительство ! отвѣчалъ Семіоновичъ.

— Да, тутъ надо много, очень много жару, чтобы передать эту роль... О княгинѣ я не спрашиваю: эта роль по вѣрѣмъ правамъ должна принадлежать вамъ, обращается Голынцевъ къ Дарье Михайловнѣ.

— А еще будутъ играть комедію, гдѣ Аглинъка звонки рветъ ! перебиваетъ старшій сынъ Голубовицкихъ.

— А я буду сакалядъ подавать, продолжалъ младшій сынъ.

— «Сакалядъ», душечка ? oh, le charmant enfant!... Я понимаю, что вы не должны, не можете скучать, Дарья Михайловна !

Дарья Михайловна треплетъ по щекѣ и младшаго сына.

— Мамаша ! Сеничка想要 въ Аглинкинъ шоколадъ песку насыпать, докладываетъ старшій сынъ.

— Фи, душечка !

— Oh, le charmant enfant... quel âge a-t-il, madame?

— Sept ans.

— Mais savez-vous, madame, qu'il est très développé pour son âge? Тебѣ, душечка, куда хочется, въ военную или штатскую?

— Я хочу въ кьянномъ мундийѣ ходить!

Всѣ смѣются и съ нѣжностю смотрятъ на маленькаго пичугу, который уже желаетъ краснаго мундира.

— Нынѣшнее молодое поколѣніе удивительно какъ быстро развивается! замѣчаетъ Голынцевъ:— я увѣренъ, что Надимову всего какихъ нибудь шестнадцать лѣтъ, въ то время, когда онъ вступаетъ на сцену... Notez bien cela, прибавляетъ Голынцевъ, обращаясь къ Семёновичу.

— Извините меня, ваше превосходительство, возражаетъ Семёновичъ: — но Надимовъ передъ этимъ путешествовалъ, быть на Нилѣ...

— Это такъ, но развѣ онъ не могъ путешествовать съ своими родителями? или съ гувернеромъ?

— Путешествовать — такъ! но быть на Нилѣ — согласитесь сами, что это довольно трудно!

— Можетъ быть, можетъ быть... Au fond, vous êtes, peut-être, dans le vrai... но, все-таки, вопросъ заключается въ томъ, что молодые люди нынче чрезвычайно какъ быстро развиваются... qu'en pensez vous, madame?

— Mais... je pense que oui...

— Я, впрочемъ, отнюдь не противъ этого...

Конечно, опытность... l'expérience n'est pas à dédaigner, et nous autres, vieux galopins de Louis XV, nous en savons quelque chose...

— Опытность великая вещь, ваше превосходительство, замѣчаетъ генераль, который по временамъ тоже не прочь преждевременно произвести Максима Федорыча въ слѣдующій чинъ.

Порфирий Петровичъ покрякиваетъ въ знакъ сочувствія.

— Я противъ этого не спорю, ваше превосходительство; есть вещи, противъ которыхъ нельзя спорить, потому что они освящены исторіей... Но все-таки жаръ, энергія... все это такія вещи, которыхъ намъ съ вами не достаетъ... mais n'est-ce pas, madame?

Дарья Михайловна очень мило улыбается; присутствующіе также смѣются и даже довольно шумно, но тѣмъ не менѣе благовоспитанно и добродушно, какъ будто хотятъ сказать генералу: «а что, попались, ваше превосходительство!» Генераль самъ признаетъ себя побѣжденнымъ и ставить себя въ уровень съ общимъ веселымъ настроениемъ общества.

— Зачѣмъ же вы, однakoжъ, себя включаете въ число стариковъ? очень любезно замѣчаетъ Дарья Михайловна Голынцеву.

— Vous êtes bien aimable, madame, отвѣчаетъ Максимъ Федорычъ:—но увы! я долженъ сознаться, что время мое прошло!

— Должно быть тоже изволили развиваться быстро? шутливо замѣчаетъ генераль.

— А что вы думаете? вѣдь это правда! въ бывалые годы, я тоже недурно проводилъ время... mais que voulez vous! la jeunesse—c'est comme les vagues de l'océan: cela s'en va et ne se retrouve plus!

Въ это время желе съ стеариновою свѣчкой отвлекаетъ общее вниманіе. Максимъ Федорычъ съ любопытствомъ слѣдить за блудомъ, пока обносится имъ всѣхъ гостей, и въ заключеніе находитъ que c'est joli. Встаютъ изъ-за стола и отправляются въ гостиную, гдѣ опять возобновляется живой и интересный разговоръ.

— Я никакъ не ожидалъ, чтобы въ такомъ отдаленномъ городкѣ можно было такъ пріятно проводить время... Vraiment! замѣчаетъ Максимъ Федорычъ.

— Еслибы вашему превосходительству угодно было удостоить меня посѣщеніемъ сегодня вечеромъ на чашку чаю?.. говоритъ Порфирий Петровичъ, подходя къ Голынцеву и переминаясь съ ноги на ногу.

— Съ величайшимъ удовольствиемъ... вы меня извините, что я не былъ у васъ съ визитомъ...

— Помилуйте, ваше превосходительство!..

И Порфирий Петровичъ, сдѣлавъ полуоборотъ на одномъ каблучкѣ, кашлянувъ и нѣсколько покраснѣвъ, удаляется.

— Et demain, nous allons en piquenique: j'espère, que vous en serez? спрашиваетъ Дарья Михайловна.

— Madame, vous pouvez disposer de mon temps et de ma personne selon votre bon vouloir...

— Въ такомъ случаѣ, я сама за вами заѣду, любезно продолжаетъ генеральша.

— Ah, madame! vous êtes d'une bonté!..

Наконецъ, всѣ начинаютъ чувствовать нѣкоторое обремененіе желудка и мало по малу расплачиваются съ хозяевами. Голынцевъ замѣчаетъ это и также спѣшитъ отретироваться.

Всѣ очень довольны.

— Ахъ, какой пріятный человѣкъ! говорить Порфирий Петровичъ, обращаясь къ Крестовоздвиженскому.

— Просто, именно добрѣйший человѣкъ! отвѣчаетъ Крестовоздвиженскій и внезапно начинаетъ размахивать руками, какъ человѣкъ, который не въ состояніи овладѣть своими чувствами.

Семіоновичъ уходитъ, обдумывая замѣчанія Голынцева по поводу роли Надимова, и рѣшается припустить еще болѣе жару въ выраженіи того спасительного негодованія, которымъ проникнута эта роль. Леонидъ Сергеевичъ Разбитной выражаетъ свое удовольствіе тѣмъ, что скакать съ одной ступеньки на другую обѣими ногами вдругъ, и на одной ступенькѣ говоритъ: «rique», а на другой: «nique».

V1.

На другой день, часу въ третьемъ пополудни, огромный поѣздъ останавливается передъ домомъ, въ которомъ имѣеть резиденцію Максимъ Федорычъ. Впереди всего поѣзда ѿдетъ полиціймей-

стеръ на лихой тройкѣ, подобранной волось въ волось изъ числа пожарныхъ лошадей. За полиціймейстеромъ слѣдуютъ четверомѣстныя сани, въ которыхъ обрѣтаются генераль и генеральша Голубовицкіе и двое дѣтей. Тутъ же садится и Максимъ Федорычъ.

Поѣздъ трогается; ямщикамъ приказано быть веселыми, вслѣдствіе чего они поютъ пѣсни и помахиваютъ кнутами. Максимъ Федорычъ замѣчаетъ, что такого рода загородныя поѣздки, кроме того, что представляютъ много удовольствія, весьма полезны для здоровья.

— *Et regardez comme c'est joli !* обращается онъ къ Дарьѣ Михайловнѣ, указывая на длинную вереницу саней, растянувшуюся на полверсты:— какъ это напоминаетъ запоздалыхъ путниковъ, которые спѣшатъ на ночлегъ !

И дѣйствительно, картина очень милая, потому что день ясный; и лучи солнца, упадая на бѣлую снѣговую равнину, обливаютъ ее сверкающимъ, почти нестерпимымъ блескомъ; сани быстро скользятъ по едва пробитой дорогѣ, а пристяжныя лошади, взрывая копытами снѣгъ, одѣваютъ экипажи серебристымъ облакомъ пыли, что также очень недурно.

— У насъ удивительно здоровый климатъ, говорить генераль:— повѣрите ли, ваше превосходительство, странно сказать, а даже въ простомъ народѣ никогда никакихъ болѣзней не происходитъ!

— Да? стало быть, состояніе народнаго здоровья можно назвать удовлетворительнымъ?

— Больше чѣмъ удовлетворительнымъ!

— Ну, а народная нравственность?

— На счетъ народной нравственности тоже могу сказать, что довольно удовлетворительна... конечно, бываютъ тамъ между ними... ну, да это домашними средствами!..

— Гм... это хорошо! это очень утѣшительно, что народная нравственность въ удовлетворительномъ состояніи... Потому что народъ, ваше пре-восходительство... это его, можно сказать, единственная забота, чтобы быть нравственнымъ... Если ужъ и въ народѣ идти нравственности, что же такое будетъ?

— Это справедливо, ваше пре-восходительство... въ этомъ отношеніи, я могу сказать... я очень счастливъ... Народъ здѣсь очень нравственъ! Одно только обстоятельство меня огорчаетъ: ябедниковъ здѣсь очень много.

— Да-да?

— Точно такъ-съ; я, конечно, не стала бы жаловаться вамъ на это, еслибы не имѣть удо-вольствія такъ близко познакомиться съ вами и не убѣдила вполнѣ, что вы не заподозрите меня... Но теперь могу сказать прямо: да, ябедничество слишкомъ укоренилось здѣсь!

— Скажите пожалуста!.. но чѣмъ же вы объя-сните такое явленіе? вѣроятно, оно откуда нибудь занесено сюда, потому что не можетъ же быть, чтобы здѣсь были какія нибудь причины жало-ваться... Вездѣ, гдѣ я былъ, передо мной прохо-дили все лица совершенно довольныя.

— Изъ Новгорода, Максимъ Федорычъ, изъ Новгорода... Повѣрте, что это все старая новгородская кляуза дѣйствуетъ!..

— Гм... стало быть, здѣшній народъ стоитъ на довольно высокой степени развитія? замѣчаетъ Голынцевъ, вспомнивъ о Мареѣ Посадницѣ.

— О, да! съ этой стороны я могу почесть себѣ совершенно счастливымъ! я могу сказать, что имѣю дѣло съ людьми развитыми, и еслибъ не ябедничество...

— Однакожъ, надо бы принять мѣры противъ распространенія этого зла, ваше превосходительство... Я съ своей стороны готовъ содѣйствовать!

— Я, съ своей стороны, полагаю, ваше превосходительство, что, для уничтоженія этого зла, необходимо между народомъ распространить «истинное просвѣщеніе...»

— То есть, какъ это истинное просвѣщеніе... грамотность, хотите вы сказать?

— О, нѣтъ, упаси Боже! грамотность-то именно и распространяетъ у насъ ябедниковъ...

— Гм... да! я понимаю васъ! вы хотите сказать, что если не было грамотныхъ, то не кому было бы просьбы писать? Такъ, кажется?

— Точно такъ, ваше превосходительство!

— А что вы думаете: вѣдь въ этомъ много правды! несомнѣнно, что тогда административная машина упростила бы чрезвычайно... ну, и сокращеніе переписки... Однако, мнѣ весьма бы любопытно было знать, что вы разумѣете подъ «истиннымъ просвѣщеніемъ»?

Генераль задумывается; онъ хочетъ выразиться какъ нибудь аллегорически, упомянуть про невинность души, про довѣрчивость, про веселое и безгорестное выражение физіономіи и другіе несомнѣнныя признаки «истиннаго просвѣщенія», но такъ какъ въ ораторскомъ искусствѣ онъ никогда не имѣлъ случая упражняться (потому что и вообще въ Россіи искусство это находится въ младенчествѣ), то весьма естественно, что мысли его путаются, и въ головѣ его поднимается такой сумбуръ, для приведенія котораго въ порядокъ необходимо было бы учредить цѣлое временное отдѣленіе съ тремя столами, изъ коихъ одинъ заставлялъ бы невинностію души, другой довѣрчивостію и т. д. Дарья Михайловна замѣчаетъ это и спѣшить выручить супруга своего изъ бѣды.

— Ah, messieurs, vous aurez encore tout le temps de causer affaire ! замѣчаетъ она, очаровательно улыбаясь.

— Это правда. Мы, ваше превосходительство, были очень неучтивы передъ Дарьей Михайловной! говоритъ Максимъ Федорычъ, и потомъ снова прибавляетъ, указывая на поѣздъ: — mais regardez comme c'est joli !

Однако, виднѣется уже и цѣль поѣздки: одноэтажный сѣренкій-домикъ, въ которомъ устроено все нужное для принятія гостей. Неподалеку отъ дома, генеральскую тройку обгоняютъ сани, въ которыхъ сидятъ Загржембовичъ, Семіоновичъ и Разбитной, то есть сокъ крутогорской молодежи. Разбитной возсѣдаетъ на облучкѣ и, въ то время

какъ тройка равняется съ санями Дарьи Михайловны, онъ старается держать себя какъ можно лише, и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается смотрѣть по сторонамъ и разговариваетъ съ своими спутниками, чтобы показать, что онъ лихой и все ему ни почемъ.

Въ небольшой залѣ уже накрытъ столъ и батальонная музыка играетъ весьма усердно. Хотя это дѣло обыкновенное и вѣдь давно извѣстно, что батальонъ, вмѣстѣ съ кузницей и швальной, непремѣнно обладаетъ и полнымъ бальнымъ оркестромъ музыки, но Максимъ Федорычъ считается долгомъ пріятно изумиться.

— Да у васъ тутъ цѣлый оркестръ! говоритъ онъ Дарья Михайловна: — *mais... c'est très joli!*

За обѣдомъ начинается тотъ же милый, летучій разговоръ, котораго обращики приведены въ предыдущей главѣ, съ тою разницею, что теперь онъ непринужденно и вслѣдствіе этого еще милье. Дарья Михайловна ипна шагъ не отпускаетъ отъ себя дорогаго гостя. За общимъ шумомъ и говоромъ между ними заводится интимная бесѣда, въ которой Дарья Михайловна открываетъ Максиму Федорычу всѣ тайныя сокровища своего ума и сердца. Бесѣда, разумѣется, ведется на томъ миломъ французскомъ діалектѣ, о которомъ наши провинціяльныя барыни такъ справедливо выражаются: «этотъ душка французскій языкъ».

— Если кто хочетъ найти доступъ къ сердцу женщины, тотъ долженъ постучаться въ двери

ея воображения, утверждаеть Максимъ Федорычъ.

— Вы думаете?

— Я совершенно въ этомъ увѣренъ... Кто произносить при мнѣ слово: «воображеніе», тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ произносятъ и слово «женщина» и на оборотъ...

— А я думаю, что на бѣдныхъ женщинъ клевещутъ, говоря, что у нихъ воображеніе развито на счетъ сердца... возьмите, напримѣръ, чувство матери!

— О, чувство матери — это такъ! *c'est sublime*, il n'y a rien à dire! но я не о немъ и говорю... Мы возьмемъ женщину, свободную отъ всякихъ такого рода отношеній, женщину, созданную, такъ сказать, для того, чтобы только любить... *madame Baueséant* *) напримѣръ?

— Но я вамъ могу указать противъ этого на Марту, на Лукрецію Флоріани... **).

— И все-таки я утверждаю, что вѣдь эти героини имѣли потому и оказались слабы сердцемъ, что въ нихъ слишкомъ развито было воображеніе.

Дарья Михайловна задумывается.

— Нѣтъ, вы не знаете женщинъ! говорить она положительно.

— Oh, mais je vous demande pardon, madame!..

— Нѣтъ, потому что вы отнимаете у женщины

---

*) Героиня романа Бальзака.

**) Героини романа Ж. Санды.

ея лучшее сокровище — сердце!... А впрочемъ, я и забыла, что вы мужчина...

— А все-таки главное въ женщинѣ — это ея воображеніе...

— Вы странный человѣкъ, мсьё Голынцевъ; вы хотите увѣрить меня, что постигнули женщину... то есть постигли то, что само себя иногда постигнуть не въ состояніи...

— Oh, quant à cela, vous avez parfaitement raison, madame!

— Читали ли вы Гётеи Wahlverwandtschaften?

— О, какъ же!

— Помните ли вы тамъ одно мѣсто... ту минуту, когда Шарлотта, отдаваясь своему мужу, вдругъ чувствуетъ... скажите, сердце ли это, или воображеніе?

Максимъ Федорычъ безмолвствуетъ, потому что, признаться сказать, онъ въ первый разъ слышитъ о Шарлоттѣ, да сверхъ того и вопросъ Дарьи Михайловны слишкомъ ужъ отзывается метафизикой.

— Вы потому ошибаетесь въ женщинѣ, продолжаетъ Дарья Михайловна томно: — что ищете чувства въ одномъ ея сердцѣ... Но вѣдь оно вездѣ, это чувство, оно во всемъ ея существѣ!

Максимъ Федорычъ рѣшительно побѣженъ.

— О, если вы берете вопросъ съ этой точки зре-
ния, говоритъ онъ: — то, конечно, противъ этого я ничего не имѣю сказать.

Такимъ образомъ, побѣда остается за Дарьей Михайловной, но, какъ женщина умная, она очень хорошо понимаетъ, что одолжена своимъ торже-

ствомъ не столько самой себѣ, сколько великодушію своего противника.

Послѣ обѣда, время проводится очень пріятно; въ залѣ устроиваются танцы, въ сосѣдней комнатѣ раскладываются карточные столы. Слѣдовательно, и юность, увѣнчанная розами, и мастистая старость, украшенная благолѣпными сѣдинами, равно находятъ удовлетвореніе своимъ законнымъ потребностямъ.

Максимъ Федорычъ играетъ въ карты легко и чрезвычайно пріятно. Онъ не кряхтитъ, не подмигиваетъ, не говоритъ «тѣкъ-съ», и вообще не выказываетъ никакихъ признаковъ душевнаго волненія. Партію его составляютъ: генераль Голубовицкій, Порфирий Петровичъ Порфириевъ и Семенъ Семенычъ Фурначевъ. Занятіе картами не мѣшаетъ Максиму Федорычу вести вмѣстѣ съ тѣмъ весьма пріятный и оживленный разговоръ; во время сдачи, онъ постоянно находитъ какую нибудь новую тѣму и развиваетъ ее съ свойственнымъ ему увлеченіемъ. Такъ, напримѣръ, онъ находитъ, что Англія сдѣлала въ послѣднее время на промышленномъ поприщѣ гигантскіе успѣхи, а что во Франціи, напротивъ того, l'Ère des révolutions n'est pas close...

— Ахъ, какой пріятный человѣкъ! замѣчаетъ Порфирий Петровичъ, когда Голынцевъ оставляетъ на минуту своихъ партнеровъ, чтобы посмотретьъ на танцующихъ.

— И кажется, много начитанъ! прибавляетъ отъ себя Семенъ Семенычъ.

Но воть начинается мазурка, и Максимъ Федорычъ, по необходимости, долженъ кончить игру, потому что дамы единодушно сговорились выбирать его для фигуръ. Само собою разумѣется, что Максимъ Федорычъ въ восторгѣ; онъ забываетъ почтенный свой возрастъ и рѣзвится какъ дитя: хлопаетъ въ ладоши во время шеновъ и рондовъ, придумываетъ новыя фигуры и съ необыкновенною граціею ловитъ платки, которые бросаются, впрочемъ, дамами именно въ ту сторону, гдѣ находится Голынцевъ.

Однимъ словомъ, день проходитъ незамѣтно и весело. Во время сборовъ въ обратный путь, Максимъ Федорычъ очень суетится и хлопочетъ. Онъ лично наблюдаетъ, чтобы дамы закутывались теплѣе и до тѣхъ поръ не успокаивается, покуда не убѣждается, что попечительныя его настоянія возымѣли надлежащее дѣйствіе.

VII.

Я не стану говорить объ обѣдахъ и вечеринкахъ, данныхъ по случаю прїѣзда Максима Федорыча сильными міра сего, пройду даже молчаніемъ и великолѣпный балъ, устроенный въ залѣ клуба... Во все время своего пребыванія въ Крутогорскѣ, Максимъ Федорычъ былъ положительно разрываемъ на части, и за всѣмъ тѣмъ не только не показать ни малѣйшаго утомленія или упадка душевныхъ силъ, но напротивъ того, въ каждомъ новомъ празднествѣ какъ бы почерпалъ новыя

силы для совершения дальнѣйшихъ подвиговъ на этомъ блестящемъ поприщѣ.

Перломъ всѣхъ этихъ увеселеній остался все-таки благородный спектакль, на которомъ я и намѣренъ остановить вниманіе читателя. Максимъ Федорычъ самъ неусыпно слѣдилъ за ходомъ репетицій, вразумлялъ актеровъ, понуждалъ лѣнивыхъ, обуздывалъ слишкомъ ретивыхъ и даже убѣдилъ Шомполова въ томъ, что водка и искусство двѣ вещи совершенно разныя, которыя легко могутъ обойдти другъ безъ друга.

Прежде всего шла піеса: «Въ людяхъ ангель» и проч., и всѣ единогласно сознались, что лучшаго исполненія желать было невозможно. Аглаида Алексѣевна Размановская играла рѣшительно *somme une actrice consommée!* Хотя въ особенности много неподдѣльного чувства было выражено въ послѣдней сценѣ примиренія, но и на балѣ у Размазли дѣло шло исколькко не хуже, если даже не лучше. Отлично также изобразила госпожа Симіасъ перезрѣлую дѣвицу Небосклонову, а пропѣтый ею куплетъ о Пушкинѣ произвелъ фуроръ. Но Разбитной, по общему сознанію, превзошелъ самая смѣлыя ожиданія. Онъ какъ-то сюсюкалъ, безпрестанно вкладывалъ въ глаза стеклышко и во всемъ поступалъ именно такъ, какъ долженъ быть поступать настоящій Прындикъ. Одинъ Семіоновичъ былъ неудовлетворителенъ. Онъ никакъ не могъ понять, что Славскій — дипломатъ, который подъ конецъ піесы даже получаетъ назначеніе въ Константинополь, и вѣрь себя рѣшительно какъ това-

рицъ предсѣдателя. Даже Фурначевъ понялъ, что тутъ что-то не такъ и сообщилъ свое заключеніе Порfirю Петровичу, который, однакожъ, не отвѣчалъ ни да, ни нѣтъ, а выразился только, что «съ насъ и этого будетъ!»

Начались и живыя картины. Максимъ Ѹедорычъ лично осмотрѣлъ Гайдѣ, и нашелъ, что Дарья Михайловна была magnifique. Шомполовъ, бывшій въ это время за кулисами, увѣрялъ даже, будто Максимъ Ѹедорычъ прикоснулся губами къ обнаженному плечу Гайдѣ и при этомъ какъ-то странно всѣмъ тѣломъ дрогнулъ. Впрочемъ, надо сказать правду, и было отъ чего дрогнуть. Когда открылась картина, и представилась глазамъ зрителей эта роскошная женщина, съ какою-то страстью нѣгой раскинувшаяся на турецкомъ диванѣ, взятомъ на подержаніе у совѣтника палаты государственныхъ имуществъ, то вся толпа зрителей дико завопила: таково было потрясающее дѣйствіе обнаженного плеча Гайдѣ. Напрасно насупливался мрачный Ламбро, напрасно порывался впередъ моловидный Донъ-Жуанъ, публика не замѣчала ихъ полезныхъ успѣй и всѣми чувствами стремилась къ Гайдѣ, одной Гайдѣ.

Вторая картина была также прелестна. Нѣсколько пріятныхъ молодыхъ дамъ и дѣвицъ, un essaim de jeunes beautés, въ костюмахъ одалискъ, и посреди ихъ Дарья Михайловна съ гитарой въ рукахъ, произвели эффектъ поразительный.

Третью картину спасла рѣшительно Дарья Михайловна, потому что Семіоновичъ (Іаковъ) не

только ей не содѣйствовать, но даже совершенно неожиданно свиснула, разрушивъ вдругъ все очарование.

Грекъ съ ружьемъ прошелъ благополучно.

Но само собой разумѣется, что главный интересъ все-таки сосредоточивался на «Чиновникѣ». Въ публикѣ ходили на счетъ этой піесы разные несообразные слухи. Многіе увѣряли, что будетъ всепародно представленъ становой приставъ, снимающій съ просителя даже исподнее платье; но другіе утверждали, что будетъ, напротивъ того, представленъ становой приставъ, снимающій рубашку съ самого себя и отдающій ее просителю. Послѣднее мнѣніе имѣло за себя всѣ преимущества со стороны благонамѣренности и правдоподобія и потому весьма естественно, что, въ общемъ направленіи, оно оправдалось и на дѣлѣ. Максимъ Федорычъ сильно трусилъ. Онъ видѣлъ, что Семіоновичъ совсѣмъ не такъ понялъ свою роль.

— Mais veuillez donc comprendre, mon cher, говорилъ онъ: — вѣдь Надимовъ человѣкъ новый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и старый... то-есть вотъ видите ли... душа у него новая, а тѣло, то-есть оболочка... старая!.. здѣсь-то, въ этомъ безвыходномъ столкновеніи и источникъ всей катастрофы... vous comprenez?

Но Семіоновичъ не понималъ; онъ, напротивъ того, утверждалъ, что у Надимова душа старая, а тѣло новое... и что въ этомъ-то именно и заключается не катастрофа, а поучительная и вмѣстѣ съ тѣмъ успокаивающая цѣль піесы: это моль-

ничего, что ты тамъ языкомъ-то озорничаешь, мысли-то у тебя все-таки тѣ же, что и у насъ грѣшныхъ.

Максимъ Федорычъ былъ въ отчаяніи и не скрывалъ даже чувствъ своихъ.

— Все идеть отлично, говорилъ онъ въ партѣ окружавшимъ его губернскимъ аристократамъ: — но Надимовъ... признаюсь вамъ, я опасаюсь... я сильно опасаюсь за Надимова... какая жалость!

И дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы представить человѣка по наружности холоднаго, насквозь проникнутаго безподобнѣйшимъ *somme il faut* и только въ глубинѣ души горящаго огнемъ безкорыстія, человѣка, сбирающагося высказать свою тоску по безкорыстію на всю Россію, однажды, по чувству врожденной ему стыдливости, высказывающаго ее только княгинѣ, Мисхорину, полковнику и Дробинкину, Семіоновичъ выходилъ изъ себя, дралъ свои волосы и въ одномъ мѣстѣ дошелъ до того, что прибилъ себя по щекамъ. Даже крутогорская публика какъ-то странно охнула при такомъ явномъ нарушеніи законовъ естественныхъ и человѣческихъ, а Порфирий Петровичъ весь сгорѣлъ отъ стыда.

Наконецъ, представленіе кончилось. Слово «*joli*» слышалось во всѣхъ углахъ, только канцелярскіе чиновники, обитатели горнихъ и страшные зоны, остались не совсѣмъ довольны, да и то потому, что ихъ завѣрили, что будетъ непремѣнно представленъ становой, да и не какой-нибудь

другой станової, а именно втораго стана Полорѣцкаго уѣзда — Благоволенскій.

На другой день въ губернскихъ вѣдомостяхъ была напечатана въ видѣ письма къ редактору слѣдующая статья:

«Позвольте и миѣ, скромному обитателю нашего мирнаго города, поговорить о прекрасномъ торжествѣ, котораго мы были вчера свидѣтелями. Извѣстно вамъ, милостивый государь, какое благодѣтельное вліяніе имѣютъ зрѣлица (а въ особенности благородныя) на нравственность народную. Съ одной стороны, примѣромъ наказаннаго порока смягча преступныя наклонности, зрѣлица съ другой стороны несомнѣнно возвышаютъ въ человѣчествѣ эстетическое чувство; эстетическое же чувство въ свою очередь, пройдя сквозь горнило нравственности, возвышаетъ сю послѣднюю, и черезъ то ставить ее на ту ступень, где она дѣлается основою всякаго благоустроеннаго гражданскаго общества. Съ этой точки зрѣнія намѣренъ я обозрѣвать критически вчерашнее торжество.

«Первое, что представляется при этомъ моему умственному взору, — это цѣль, которой служили благородные жрецы искусства. Не одна слеза будетъ отерта, не одинъ вздохъ благодарности вознесется, въ видѣ теплой молитвы, за благородныхъ благотворителей... Одинъ французскій учесный сказалъ, что дама, которая покупаетъ шаль, подаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ милостыню бѣдному... святая и глубокая истина! И наши добрые Круторцы виали ѹ ее поняли! Но не стану больше

распространяться объ этомъ предметѣ; я знаю, что скромность, и даже нѣкоторая стыдливость, есть нераздѣльная принадлежность всякаго благотворительного дѣянія, и потому... умолкну.

«Но не могу умолчать о благотворительной мысли, присутствовавшей при выборѣ піесь. Въ настоящее время, когда умственное око Россіи должно быть обращено, по преимуществу, внутрь ея самой, наши добрые Крутогорцы вполнѣ доказали, что они стоять въ уровень съ обстоятельствами. Выборъ такой піесы, какъ «Чиновникъ», положительно доказываетъ это. Мы сами были свидѣтелями потрясающаго дѣйствія этой піесы, которое, въ соединеніи съ истинно-пластическою игрой исполнявшаго роль Надимова члена благороднаго крутогорскаго общества останется навсегда незабвеннымъ на страницахъ нашей лѣтописи. Да! мы можемъ смѣло давать на нашей сценѣ «Чиновника!» мы можемъ безъ горечи выслушивать страстныя и благонамѣренныя филиппики г. Надимова! Эти укоры, эти филиппики не до насъ относятся! Благодареніе Богу, мы уже поняли свой долгъ относительно любезнаго нашего отечества, и положа руку на сердце, можемъ сказать: Г. Надимовъ! въ вашихъ словахъ заключается горькая правда, но этой правдѣ нѣть мѣста въ Крутогорской губерніи!

«Скажу нѣсколько словъ и обѣ исполненіи, но не желая оскорбить прекрасное чувство скромности, которымъ одушевлены наши благородные благотворители, вынужденъ умолчать о многомъ, что

накинѣло на днѣ благородной души. Прежде все-го, долженъ я упомянуть о трудахъ ея превосходительства Дарьи Михайловны, по мысли и на-ставлениамъ которой было устроено настоящее торжество. Затѣмъ, всѣ исполнители, принявшие участіе въ дѣлѣ благотворенія, были безукоризнен-ны. Какъ хороша была княгиня! Какъ увлекатель-но-наивна была Славская! Какъ... но нѣтъ, я чувствую, что перо мое начинаетъ переходить само собою за предѣлы той скромности, о кото-рой я говорить... Итакъ, умолкну!

«Мужайтесь, благородные труженики! боритесь съ препятствіями и преодолѣвайте ихъ! Не смот-рите на то, что на пути вашемъ иногда растутъ не розы, а тернія—таковъ ужъ дѣлъ всѣхъ дѣй-ствій человѣческихъ! Помните всегда, что за ва-шими невинными занятіями стоять толпы иныхъ тружениковъ, которые посылаютъ къ небу горя-чія мольбы о ниспосланіи вамъ сугубыхъ силъ на новые подвиги!»

Сочинитель этой статьи, коллежскій секретарь Нѣсновѣцкій, удостоился въ тотъ же день чести быть приглашеннымъ къ обѣденному столу его превосходительства Степана Степаныча.

VIII.

Наконецъ, въ одно прекрасное утро, Максимъ Федорычъ спохватился, что пора ужъѣхать, тѣмъ болѣе, что репертуаръ увеселеній начинать исто-щаться. Онъ собралъ свои воспоминанія, посовѣ-товался съ записною книжкой и нашелъ, что мате-

ріаловъ для будущаго донесенія предостаточно. О генералѣ Голубовицкомъ и преимущественно о генеральшѣ предположилъ онъ высказаться съ особеною теплотою. Въ пользу ихъ можно, пожалуй, даже пожертвовать двумя-тремя субъектами, чтобы лучшее и явственнѣе оттѣнить картину. Само собою разумѣется, что нельзя же всѣхъ чиновниковъ найти добродѣтельными; это невозможно во первыхъ потому, что самая природа въ своихъ проявленіяхъ разнообразна до безконечности; а во вторыхъ потому, что и начальство не повѣрить этой эпидеміи добродѣтели и чего доброго заподозрить еще способности ревизора. Поэтому выбраны были въ жертву такъ-называемые пререкатели и беспокойные, которыхъ и оказалось двое: съвѣтникъ губернскаго правленія Евфратскій и членъ приказа Семибашенный. Евфратскій жилъ весьма уединенно, ни къ кому неѣздила и вслѣдствіе того быть заподозрѣнъ въ вольнодумствѣ и въ намѣреніи возстановить въ Россіи патріаршеское достоинство, о чмъ будто бы онъ и выражался стороною тамъ-то и тогда-то. Семибашенный же хотя и не мечталъ о возстановленіи патріаршескаго достоинства, но взамѣнъ того, неоднократно предъявлялъ нагубную наклонность къ исlamизму, и даже публично называть турокъ счастливчиками, приводя въ основаніе такого мнѣнія лишь грубыя пополновенія своей чувственности. Само собою разумѣется, что такія лица не заслуживали ни малѣйшаго снисхожденія.

Прощаніе было очень трогательно. На обѣдѣ,

даниномъ по этому случаю генераломъ Голубовицкимъ, было сказано много теплыхъ словъ и выпито не мало тостовъ за здоровье дорогаго гостя.

— Скажу вамъ откровенно, выразился при этомъ генераль, съ чувствомъ пожимая руку Максима Федорыча: — я давно, очень давно не имѣть такого пріятнаго гостя!

— Позвольте и мнѣ, въ свою очередь, удостовѣрить ваше превосходительство, что давно, очень давно я не имѣть такихъ пріятныхъ минутъ, какія провелъ здѣсь, въ вашемъ любезномъ обществѣ, отвѣчалъ Максимъ Федорычъ взволнованный.

— Mais revenez nous voir, любезно сказала Дарья Михайловна.

— Impossible, madame! мы, люди службы, люди дѣятельности, не всегда можемъ слѣдовать влечениямъ сердца...

Всѣ присутствовавшиѣ были растроганы. Когда же, послѣ обѣда, наступила часъ разставанія, и Максимъ Федорычъ долго, въ какомъ-то тяжкомъ безмолвиш, держатъ въ своихъ рукахъ руку Дарьи Михайловны, то его превосходительство Степанъ Степанычъ не могъ даже выдержать. Онъ какъ-то восторженно замахалъ руками и бросился обнимать Голынцева, а Семёновичъ, стоя въ это время въ сторонѣ, шепотомъ декламировалъ:

When we two parted
In silence and tears...

Вечеромъ, часу въ девятомъ, ровно черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Крутогорскъ, Максимъ Федорычъ уже выѣзжалъ за заставу этого города.

Частный приставъ Рогуля, сопровождавшій его превосходительство до городской черты, пожелалъ ему счастливаго пути и тутъ же, обратившись къ будочнику, сказалъ:

— Ну, вотъ и ревизоръ! чтожь что ревизоръ! нѣтъ, кабы вотъ Павла Трофимыча Перегоренскаго къ ревизіи допустили—этотъ, надо думать, обревизовалъ бы!

Въ эту же ночь послалъ Богъ снѣжку, который въ какихъ-нибудь два часа закрылъ самый слѣдъ повозки Максима Федорыча.

УТРО У ХРЕПТЮГИНА.

Драматический очеркъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Онуфричъ Хрептюгинъ, 55 лѣтъ, негоціантъ.
Дмитрій Иванычъ, иначе Démétrius, сынъ его, 20 лѣтъ, служить
при губернаторѣ.
Статский советникъ Семенъ Семенычъ Фуриачевъ, 50 лѣтъ,
имѣть къ Хрептюгину начальственныя отношенія.
Майоръ Станиславъ Фадденчъ Понжперховскій, 40 л., ремесломъ
проходимецъ.
Иванъ Петровичъ Доброзраковъ, отставной штабъ-лекарь, 55 л.
Леонидъ Сергѣичъ Развитной, чиновникъ особыхъ порученій
при губернаторѣ, молодой человѣкъ.
Отставной подпоручикъ Живновскій, 50 л.
Титулярная советница Степанида Карловна Гнусова, 45 лѣтъ,
экономка Хрептюгинахъ.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ.

СЦЕНА I.

Театръ представляетъ богато-убранную гостиную въ домѣ Хрентюгина. Въ серединѣ и на право отъ зрителя двери. На столѣ передъ диваномъ поставлена закуска и водка.

Гнусова (*Гнусова пожилая женщина, одета въ черное шелковое платье; на плечахъ у нея желтая шаль; на головѣ чепецъ. При открытии занавѣса она занимается приготовленіемъ закуски*).

Шутка сказать, скоро одиннадцатый часъ, а онъ еще дрыхнетъ! И не убеть же Богъ громомъ этакого аспида! По естеству-то, ему бы теперь на босу ногу бѣгать да печки затоплять, ань онъ вотъ валяется... Да и спать вѣдь не спить, а именно валяется, потому-дескать, что въ Питерѣ благородные люди такимъ манеромъ дѣлаютъ (*Задумывается*). Вотъ я и благородная, и мужъ ти-тулярнымъ совѣтникомъ быль... такъ хотъ бы за столъ съ собой посадили, и того пѣть!

СЦЕНА II.

Гнусова и Понжерховскій (*видный мужчина, въ военномъ сюртуке; усы нафабрены и тщательно завиты; волосы на головѣ прилагжены; вертлявъ и занятъ собой; говоритъ съ сильнымъ акцентомъ*).

Понжерховскій.

Иванъ Онуфрічъ не вставали?

Гнусова.

Ужъ гдѣ же ему встать, батюшка!

Понжнерховский.

Это лучше-сь; я, признаюсь вамъ, даже не люблю, когда вашъ Онуфричъ передъ глазами торчитъ... Поговорить можно и безъ него, выпить и закусить тоже-сь...

Гнусова.

Конечно, сударь!

Понжнерховский.

Я вамъ доложу, почтеннѣйшая Степанида Карповна, что на этихъ людей нужно смотрѣть съ философической точки зрењія... Вотъ я, напримѣръ: люблю и въ карточки перекинуть, и хорошую сигару выкурить, и пообѣдать изящно, и побѣсѣдовать... все это у Хрептюгина я нахожу-сь. Слѣдственіо, что жъ мнѣ за дѣло до того, что онъ еще вчерашияго числа не вѣсть въ какой родословной записанъ быть? Возьмемъ хоть бы тенеръ: закуска, я вижу, на столѣ приготовлена, водка есть... ну, и ваша пріятная бесѣда тоже-сь... за ваше здоровье, Степанида Карповна! (Пѣстъ и закусываетъ).

Гнусова.

На здоровье, сударь. Оно точно, вы люди наѣзжіе... вамъ оно ничего, какъ онъ колобродить, да и колобродить-то при васъ онъ еще не больно осмѣлится...

Понжнерховский.

Это всеконечно-съ... потому что мы иногда можемъ и до лица коснуться...

Гнусова.

А каково-то намъ, грѣшинымъ? Бѣдникъ, сударь, что муха: гдѣ заборъ, тамъ дворъ, гдѣ щель тамъ постель! Намѣднишь вотъ чуть со двора меня не согналь: «хочу, говоритъ, чтобы у меня нѣмка въ экономкахъ была!» Ну, разсудите вы сами, Станиславъ Фадеичъ, хуже что ли я нѣмки-то!

Понжнерховский.

Съ... да онъ, долженъ быть бы радоваться, что ему дворянка служить!

Гнусова.

Тоже и я говорю... на силу ужъ его Аксинья Ивановна уняла!

Понжнерховский.

Д-да-съ... такъ вотъ видите: стало быть, Аксинья-то Ивановна добрая!

Гнусова.

И, сударь, не говорите! тоже озорница выросла!

Понжнерховский.

Это можно измѣнить-съ... Будеть не только

шелковая, а даже бархатная: на это манера есть-сь...
А вы исполнили порученьице-то, моя почтенная?

Гнусова.

Говорила, сударь... только она все чтой-то мнется... сначала-было подалась, а потомъ и опять на попятную.

Понжнерховскій.

Да что же такое-сь?

Гнусова.

Да говорить, что ты больно по гостямъ шататься любишь, а я, говорить, желаю, чтобы мужъ у меня беземѣнно при мнѣ сидѣлъ...

Понжнерховскій.

Ну, скажите, пожалуйста! Вѣдь вотъ жадность какая! Да вы бы внушилъ ей, моя почтеннѣйшая, что и безъ того ей ужъ пѣдь тридцать!

Гнусова.

Говорила я, такъ она все свое: папаша, говорить, коли захочеть, такъ для браку и изъ Петербурга генералы пріѣдутъ!

Понжнерховскій.

Д-да... а какъ хотите, это вѣдь правда, что дрянная-то кровь, какъ ты тамъ ее ни перегоняй сквозь кубъ, а все скажется... Мнѣ не ея-сь, а вотъ приложеній-то жалко!

Гнусова.

Что и говорить, сударь!

СЦЕНА III.

Тъ же и Доброзраковъ (*роста большаго и нѣсколько при этомъ сутуловать; смотрѣть угрюмо; въ военномъ сюртукѣ*).

Доброзраковъ (*становясь въ дверяхъ*).

Пану полковнику здравія желаемъ! Чи добрже маешъ, пане?

Понжнерховскій.

Что намъ дѣлается, докторъ! отъ нась вамъ пожива плохая.

Доброзраковъ.

Ну, это еще бабушка на двое сказала... объ этомъ будетъ у нась въ то время разговоръ, какъ ноги, дружище, протягивать станешь! (*Устремляясь взоръ на водку*) А! и водка на столъ! это добрже! А ну, полковникъ, испытаемъ-ка цѣлебныя свойства этой жидкости! Минъ, я вамъ скажу, что-то сегодня не здоровится: стара стала, слаба стала... потуда и живъ, покуда внутри водкой сполоснешь! Да и та нынѣче измѣнилась стала! (*Пѣетъ*). Было, было и наше времечко! выньешь, бывало, сколько

подымешь, а нынче... сколько глазомъ окинешь!
(Всё смыгается).

Понжнерховский.

А что вы думаете, докторъ: можетъ быть, отъ этого-то веполаскивания оно и не дѣйствуетъ. Вотъ въ нашихъ сторонахъ помѣщикъ быль, тоже занимался этимъ, такъ повѣрите ли, внутренности-то у него даже выгорѣли вѣдь — такъ и скончался-сь!

Доброраковъ.

Вздоръ, сударь! (*Ударяетъ себя по животу*). Эта печка такого сорта, что какъ ее ни топи, все къ дальнѣйшей тонкѣ достойна и способна... Я вотъ шестой десятокъ на свѣтѣ живу, и могу сказать, бывала-таки у насъ тонка... да, пурядная! А все хоть сейчасъ въ походѣ готовъ!.. (*Гнусовой*). Иванъ Онуфричъ всталъ?

Гнусова.

Никакъ нѣть еще, Иванъ Петровичъ: какъ можно!

Доброраковъ.

То-есть, онъ и проснулся, пожалуй, да тотъ еще часъ, видно, не пробилъ, въ который дуракамъ просыпаться прилично... Э-э-эхъ! то-то вотъ и есть: мужика сколько ни вари, все сыростию пахнетъ! Издали-то онъ ни то, ни сё, а что ближе, то гаже!

Гнусова (*иронически*).

Ну, такъ, сударь. Извѣстно, возвысилъ Богъ куликовъ родъ — какъ же и не покуражиться ему!

ДОБРОЗРАКОВЪ.

Люблю за то, что, по-крайней-мѣрѣ, не говоря худаго слова, ноги на столъ задралъ! Повторимъ, полковникъ (*Подноситъ Понжерховскому рюмку; оба пьютъ*).

Понжерховскій.

Это вы истинную правду, докторъ, сказали: человѣкъ, покуда въ дикомъ состояніи находится, — ничего... даже можно сказать, что это именно почтенный человѣкъ-сь! Но коль скоро повезла ему фортуна, или успѣль онъ, такъ сказать, надуть себѣ подобнаго, то это именно даже удивительно, какой вдругъ переворотъ въ немъ бываетъ!

ДОБРОЗРАКОВЪ.

Какой тутъ переворотъ? Первымъ долгомъ — ноги на столъ... этотъ переворотъ и хавронья сдѣлать можетъ!

Понжерховскій.

Правда, докторъ! Я самъ иногда, глядя на него думаю, зачѣмъ онъ, напримѣръ, бороду брѣть?

ДОБРОЗРАКОВЪ.

Съ бородой то, по-моему, еще лучше. Борода

глазамъ замѣна: кто бы плюнулъ въ глаза, плюнуть въ бороду! (*Всѣ смѣются*).

Понжерховскій.

Или, напримѣрь, зачѣмъ ему такой домъ? Онъ еще не знаетъ, какъ и ходить-то по паркету... Кабы этакія-то средства да человѣку образованному, сколько бы можно добра тутъ сдѣлать!

Доброзраковъ.

Нѣтъ, вы лучше скажите, зачѣмъ ему годовой врачъ? вотъ вы что скажите! Вѣдь у него, кромѣ прыщей на носу, и болѣзней-то никакихъ не бываетъ!

Гнусова (*иронически*).

Чтой-то ужъ и не бываетъ! Вы, Иванъ Петровичъ, ужъ, кажется, не въ мѣру его конфузите!

Доброзраковъ (*смотритъ на часы*).

Однако, надо ему сказать, что пора бы и перестать валяться-то... Ужъ и султанъ турецкій давно-поди всталъ?

СЦЕНА IV.

Тѣ же и Дмитрій Иванычъ (*вбѣгааетъ стремительно; одѣть франтомъ и завитъ*).

Дмитрій Иванычъ.

Гдѣ папаша? гдѣ папаша? Двѣнадцатый часъ,

а онъ тамъ проклажается! Вы-то чегожь смотрите,
Степанида Карповна!

Гнусова (*оскорбляясь*).

Помилуйте, Дмитрій Иванычъ! я вѣдь дама...
развѣ могу я въ опочивальню къ вашему папашѣ
входить?

Дмитрій Иванычъ (*останавливаясь въ изумлении*
передъ Гнусовой).

Дама?!. а кто же вамъ сказалъ, что вы дама?

Гнусова.

Все же, чай, не мужчина, сударь!

Дмитрій Иванычъ.

Такъ вы говорите «женщина», а то «дама»!

Доврораковъ.

Да что жь такое случилось, Дмитрій Иванычъ?

Дмитрій Иванычъ (*размахивая руками*).

Князь... князь... желаетъ узнать о папашиномъ
здоровыи... поняли что ли? (*Гнусова, всплеснувъ ру-
ками, стремительно убѣгає*.)

Доврораковъ (*начиная застегиваться*).

Ахъ ты, Господи! самъ его сіятельство ўдетъ!

Дмитрій Иванычъ.

Кто вамъ говоритъ про его сіятельство! Но ўдетъ

къ вамъ его сіятельство! Будеть съ васъ и того,
если и Леонида Сергѣича пришлеть!

ДОВРОЗРАКОВЪ (*растегиваясь*).

А! Разбитной! ну, при этомъ и въ рубашкѣ
быть предостаточно!

ДМИТРИЙ ИВАНЫЧЪ.

Вы, докторъ, кажется, забываетесь! Вы не пони-
маете, въ какомъ домѣ находитесь!

ДОВРОЗРАКОВЪ (*озираясь кругомъ*).

А въ какомъ? въ каменномъ!.. Ну, да полноте,
Дмитрий Иванычъ, я вѣдь это такъ, шутки ради...
Пзвѣстно ужъ, Леонидъ Сергѣичъ особа не про-
стая... гдѣ жъ намъ противъ нихъ! Я вамъ такъ
даже скажу, что я и купаться-то бы передъ нимъ
въ одной рубашкѣ не осмѣлился, а такъ бы вотъ
въ мундирѣ и полѣзъ въ воду...

ДМИТРИЙ ИВАНЫЧЪ.

Вы все съ своими шутками!

ДОВРОЗРАКОВЪ.

Старикъ вѣдь я, Дмитрий Иванычъ, кому же и
пошутить-то!

ПОНЖПЕРХОВСКІЙ.

А мнѣ, видно, уйти покудова... не люблю я
этого Разбитнаго!

ДОБРОЗРАКОВЪ.

Что такъ?

ПОНЖЕРХОВСКІЙ.

Гордишка-сь.

СЦЕНА V.

ДМИТРІЙ ИВАНЫЧЪ И ДОБРОЗРАКОВЪ.

ДМИТРІЙ ИВАНЫЧЪ.

Ну, скажите, докторъ, зачѣмъ, напримѣръ, этотъ выходецъ сюда таскается?

ДОБРОЗРАКОВЪ.

А такъ вотъ, просто потому, что есть умокъ сладенько поѣсть... Вы ужъ очень строги, Дмитрій Иванычъ.

ДМИТРІЙ ИВАНЫЧЪ.

Нѣтъ, я не строгъ, докторъ! я только желаю, чтобъ въ этомъ домѣ чистый воздухъ былъ... понимаете? Знаете ли, какъ у меня здѣсь наболѣло, докторъ? (*указываетъ на сердце.*) Вѣдь на улицу выдти нельзя: свинья тамъ въ грязи валяется, такъ и та, чего доброго, тебѣ родственница!

ДОБРОЗРАКОВЪ.

Да, это зрѣлище, тово... нельзя сказать, чтобъ пейзажъ живописенъ былъ!

Дмитрій Иванычъ.

Нѣть, вы войдите въ мое положеніе, докторъ! Намѣдинецъ вотъ, иду я въ хорошей компаніи мимо рядовъ; ну, и княжна тутъ.. Только откуда ни возьмись — бабушкинъ братъ; весь въ кубовой краскѣ выпачканъ: «а это, говорить, кажется, нашъ Митюха съ барами-то ходить!» Вы поймите, что я тутъ долженъ быть вытерпѣть!

ДОБРОЗРАКОВЪ.

А вы бы, Дмитрій Иванычъ, дѣдушку-то подъ салазки! Знаете, и пословица гласитъ: Еремея подчурутъ умѣя, зѣ-воротъ да въ три шеи! Ну, и вы бы такъ-сь!

Дмитрій Иванычъ.

Вы все шутите, докторъ, а мнѣ ужъ не до шутокъ, право! (*Подходитъ къ закускѣ.*) Господи! даже закуски порядочной подать не могутъ? грибы, да рыжики, да ветчина! Эй, кто тутъ есть? (*Является горничная.*) Да позови ты лакея, варвары вы этакіе! вѣдь ты и при гостяхъ, пожалуй, сюда вломишься! Возьми подносъ, да вели приготовить закуску — генеральскую, слышишь? (*Горничная беретъ подносъ и уходитъ. За дверьми слышенъ торопъ.*) А! да вотъ, кажись, и папаша идетъ!

ДОБРОЗРАКОВЪ (*впололоса*).

Раздайся грязь, навозъ ползетъ!

СЦЕНА VI.

Тѣ же и Хрептюгинъ (въ пестрыхъ брюкахъ и коротенькомъ сюртукѣ; на шеѣ повязанъ неглижъ жесткій батистовый платочекъ; въ рукахъ трубка, изъ которой онъ полегоньку покуриваетъ; ходитъ съ маленькими развалицемъ и шаркаетъ ногами).

ХРЕПТЮГИНЪ.

А ! Démétrius ! видно, его сіятельство стосковался по насъ ? Леонидъ Сергѣичъ, что ли, изволить жаловать ? Ну, чтожъ, милости просимъ ! приготовленій никакихъ не дѣлаемъ, а запросто — милости просимъ !

ДОБРОЗРАКОВЪ.

Что вамъ, Иванъ Онуфричъ ? разумѣется, вы люди сильные, вамъ не въ диковинку высокихъ гостей принимать !

ХРЕПТЮГИНЪ.

Какіе, братецъ, это гости ! между нами, просто шавера ! Вотъ въ Петербургъ... это точно... тамъ я на своемъ мѣстѣ...

ДОБРОЗРАКОВЪ.

Что и говорить ! я вотъ на счетъ здоровья узнать прѣѣхалъ...

ХРЕПТЮГИНЪ.

Да что, братецъ ! ни шатко, ни валко, ни на

сторону! Желудокъ все... чуть, знаешь, съѣшь что нибудь этакое... не совѣтмъ легко... просто, братецъ, дѣло дрянь выходить!

ДОБРОЗРАКОВЪ.

Да вы бы поберегли себя. Вѣдь ваше здоровье не то, что, напримѣръ, наше. Мы и помремъ, такъ никто не замѣтитъ: все равно, что муха померла; ну, а вы совѣтмъ другое дѣло...

ХРЕПТЮГИНЪ.

Знаю, братецъ, знаю, да что прикажешь дѣлать? Съ волками жить, по волчьи выть— иногда и перепустишь!... Démétrius! ты бы, дружокъ, закуску велѣль приготовить; скажи Гнусовой, что тамъ на третьей полкѣ жестянка непочатая стоитъ.

ДМИТРИЙ ИВАНЫЧЪ.

Я ужъ сказалъ... Да что это у васъ, пара, съ утра до вечера точно кабакъ! только и дѣлаютъ, что водку пьютъ... вѣдь это свинство!

ДОБРОЗРАКОВЪ.

Ахъ, Дмитрій Иванычъ! да вѣдь папенька вамъ сказывали, что съ волками жить, по волчьи выть... ну, и водка, стало быть, поставлена тутъ правильно!

СЦЕНА VII.

Тъ же и Живновскій (*входитъ изъ среднихъ дверей*).

Живновскій.

Благодѣтелю Ивану Онуфричу нижайше кланяюсь. Дмитрій Иванычъ! Иванъ Петровичъ!

Хрептюгинъ.

Откуда Богъ принесъ?

Живновскій.

Все хлопоталъ-сь... Кто что, а я все на пользу общую-сь... на вчерашнемъ пожарищѣ быль-сь.

Хрептюгинъ.

Потухъ что ли?

Живновскій.

Дымится, благодѣтель, дымится! поэтому-то слушаю я и быль. Распорядиться, знаете, некому: полиціймейстеришка дрянь, пожарные тоже-сь, — вотъ и пришлось за нихъ работать! всю ночь провозились, да и утро такъ между пальцевъ ушло!

.Доброраковъ.

Ишь тебя нелегкая носитъ! точно тебѣ тысячи за это даютъ!

Живновский.

Помилуйте, Иванъ Петровичъ! вѣдь человѣчество погибаетъ!

Доброзраковъ.

А я такъ думаю, что пожаръ-то тебѣ за мѣсто праздника!

Живновский.

Нельзя же-сь! (*Озираясь*). А водочка-то, видно, «ау» сказала?

Доброзраковъ.

Ау, братъ!

Живновский.

Эхма! а не худо бы послѣ трудовъ выпить!

Хрентюгинъ.

Ну, и подождешь — не умрешь. Разсказывай, кого же ты на пожарищѣ видѣлъ?

Живновский.

Сама княжна Анна Львовна тамъ была, и съ Леонидомъ Сергеевичемъ... Пожелали тоже о подробностяхъ узнать,—ну, я имъ все это въ живой картинѣ представилъ... Вдова, говорю, пятеро дѣтей... все это, знаете, въ необходимомъ лишь, по ночному времени, пошебномъ платьѣ.... Да, не дай Богъ никому, — вотъ я какъ скажу! бываль

я, конечно, въ передѣлахъ: и тонулись, и со втораго этажа прыгивали... ну, а отъ огня Богъ избавилъ! А впрочемъ, Леонидъ-то Сергѣичъ къ вамъ вѣдь ѳдетъ.

Хрентюгинъ.

Развѣ говорили что нибудь?

Живновскій.

Говорили, благодѣтель, какъ не говорить! Какъ я, знаете, пересказалъ имъ все это, такъ княжна тутъ же къ Леониду Сергѣичу обратились: иль фо, говорять, Khreptioughine.

Дмитрій Иванычъ (*озабоченно*).

Деньги при васъ, папаша?

Хрентюгинъ.

Небось, вотъ у него (*показываетъ на Живновскаго*) взаймы попрошую.... ха-ха! А какъ ты думаешьъ, Иванъ Петровичъ, четвертной довольно!

Дмитрій Иванычъ.

Что вы, что вы, папаша! да Леонидъ Сергѣичъ и не возьметъ! Нѣть, ужъ жертвовать, такъ жертвовать — меныше сторублевой нельзя!

Хрентюгинъ.

Ну, можно и сторублевую... Конечно, и то сказать: у нихъ только и надежды, что на меня!

ДОБРОЗРАКОВЪ.

Что и говорить, Иванъ Онуфричъ: на насть, грѣшныхъ, какая же надежда! Мы люди простые: живемъ богато, со двора покато, чего ни хватись, за всѣмъ въ люди покатись!

ХРЕПТЮГИНЪ.

Только, братецъ ты мой, одолѣли ужь они меня очень — даже словно воть мухи: и въ глаза, и въ носъ, и въ уши такъ и лѣзутъ! Намѣднишь воть на пріютъ: отъ князя полиція прїѣзжала, — нельзя, говоритъ, меныше тысячи; черезъ часъ мѣста, предсѣдатель чиновника присылаеть — ну, пятьсотъ; потомъ управляющій... какъ-то оно ужь и надоѣло, братецъ!

ДОБРОЗРАКОВЪ.

За то честь большая, Иванъ Онуфричъ!

ХРЕПТЮГИНЪ.

Ну, конечно...

ЖИВНОВСКІЙ.

Ужь тамъ честь ли, не честь ли, а отдать все-таки придется... Такъ по-моему ужь лучше честью...

ХРЕПТЮГИНЪ (*величественно*).

Ну, ты что еще!

ДМИТРИЙ ИВАНЫЧЬ.

Я удивляюсь, папаша, какъ вы говорите о такихъ пустякахъ.... это все прежнее сквалыжничество въ васъ дѣйствуетъ! А вы вспомните, что князь въ надворные совѣтники васъ представилъ!

ХРЕПТЮГИНЪ.

Ну, конечно... А впрочемъ, мы здѣсь про между себя, такъ я вамъ могу по секрету сказать, что этотъ господинъ надворный совѣтникъ ужъ давно меня измаялъ! Можетъ, и желудокъ-то отъ этого беспокойства разстроился!

ЖИВНОВСКІЙ.

Это сущая правда, Иванъ Онуфричъ! всякое огорченіе прежде всего на желудокъ кидается.

ХРЕПТЮГИНЪ (*Доброракову*).

Да, братъ, могу сказать, что я эти пожертвованія именно знаю! Еще княжой предмѣстникъ эту исторію-то поднялъ: «пожертвуй да пожертвуй на общеполезное устройство!» Ну, и пожертвовалъ: въ саду бесѣдокъ на мои денежки настроили, рѣшетку чугунную вывели... ну, и прислали въ ту пору признательность...

ЖИВНОВСКІЙ.

Поди-чай, какъ сердцу-то прискорбно было!

ХРЕПТЮГИНЬ.

Я къ его превосходительству: такъ-моль и такъ, говорю, что жъ это за мода! А онъ мнѣ: «ну, говорить, видно еще жертвовать приходится, — давай, говорить, пловучій мостъ черезъ рѣку строить!» Дѣлать нечѣ, позатянулся ужъ я въ это болото маленько, сталь и мостъ строить!.. Ну, и прислали медаль... и что жъ бы ты, сударь, думать: мнѣ же его превосходительство по этому случаю пиръ задать велѣлъ!

ДМИТРИЙ ИВАНЧЪ.

Ахъ, папаша! право, вась даже тошно слушать, что вы говорите!

ДОБРОЗРАКОВЪ.

А что, Иванъ Онуфрічъ! вѣдь коли по правдѣ-то сказать, въ ту пору и медаль-то для вась, чай, куда лестно было получить: вѣдь вы тогда только-только развѣ не въ мужикахъ были!

ЖИВНОВСКІЙ.

Правильно.

ХРЕПТЮГИНЬ (*смущаясь, Живновскому*).

Ну, ты чего еще!

ДМИТРИЙ ИВАНЧЪ (*смотря въ окно*).

Ѣдетъ, Ѣдетъ! Ахъ ты, Господи! А эта без-

толковая Степанида Карповна и закуски не даетъ!
Голова кругомъ идетъ!

СЦЕНА VIII.

Тъ же и Разбитной (*входитъ тордо и даже съ нѣкоторою осмотрительностью*).

Разбитной.

Здравствуйте, Иванъ Онуфричъ, здравствуйте!
Ну, какъ ваше здоровье? (*Жметъ ему руку*).

Хрептигинъ (*развязно*).

Милости просимъ, Леонидъ Сергѣичъ... Слава
Богу-съ... Очень благодаренъ его сіятельству.

Разбитной.

Да, я отъ князя. Князь сегодня всталъ въ очень
веселомъ расположениіи духа... Ночью, знаете, по-
жаръ этотъ былъ, и это очень старика развлекло.
Князь поручилъ мнѣ освѣдомиться о вашемъ здо-
ровьѣ, любезнѣйшій Иванъ Онуфричъ, — право!
Сегодня, знаете, кушаетъ онъ чай и говоритъ
мнѣ: «а не худо бы, mon cher, тебѣ провѣдать,
какъ поживаетъ мой добрый Иванъ Онуфричъ».

Хрептигинъ.

Премного благодарны его сіятельству... Démé-
tius!

Дмитрій Иванычъ.

Сейчасъ, папаша! (*Выходитъ на короткое время и потомъ возвращается*).

Разбитной.

Онъ очень часто о вѣсѣ вспоминаетъ — такой, право, памятливый старишка! Я вамъ скажу, что если бы этому человѣку руки развязать, онъ, я не знаю, что бы падѣлалъ!

Хрептюгинъ.

Попеченіе имѣютъ большое; я сколько начальниковъ зналъ, а такихъ заботливыхъ именно не бывало у насъ!

Доброзраковъ.

Взглядъ просвѣщенный, Иванъ Онуфричъ!

Разбитной.

Д—да; онъ вѣдь у насъ въ молодости либераломъ былъ—какъ же! И теперь еще любить объ этомъ времени вспоминать; «я, говорить, mon cher, съ-молоду-то сорви голова былъ!» Преуморительный старишка!

(*Выходитъ лакей во фракъ съ подносомъ, на которомъ поставлены разныя закуски; въ дверяхъ покизывается Гнусова; въ теченіе всей сцены она стоитъ за дверьми и по временамъ выглядываетъ*).

ХРЕПТЮГИНЬ.

Милости просимъ, Леонидъ Сергѣичъ, закусить!

РАЗВИТНОЙ.

Э... я охотно съѣмъ этого страсбургскаго пирога (*Подходитъ къ столу и пѣстъ*). Да вы гастро-
номъ, почтеннѣйшій Иванъ Онуфричъ!

ХРЕПТЮГИНЬ.

Ужь куда намъ, Леонидъ Сергѣичъ!.. вотъ здо-
ровье мое все илохо... все, знаете, желудокъ!
иной разъ и готовъ бы просить его сіятельство
сдѣлать мнѣ честь хлѣба-соли откушать...

ДМИТРИЙ ИВАНЫЧЪ.

А что, въ самомъ дѣлѣ, папаша! князь къ намъ
такъ милостивъ, что съ нашей стороны даже
свинство, что мы не покажемъ ему нашей при-
знательности.

ХРЕПТЮГИНЬ.

Если его сіятельству угодно, то я завсегда го-
товъ... Для нась, Леонидъ Сергѣичъ, это боль-
шаго счета не составляетъ.

РАЗВИТНОЙ.

Хорошо-съ... я скажу князю; онъ, вѣроятно, на-
значитъ вамъ день, когда вы можете принять
его... Однако, пирогъ этотъ такъ хороши, что я
рѣшаюсь съѣсть еще кусочекъ... Ma foi, tant pis
pour le diner du prince! А вы, докторъ?

ДОБРОЗРАКОВЪ.

А вотъ сейчашъ-сь. Мы, признаюсь, ко всѣмъ этимъ тонкостямъ не привыкли; по нашему этакъ колбасы кусокъ, чтобы, знаете, жевать было что.

Развитной.

Вы добрый, докторъ!

ДОБРОЗРАКОВЪ (*наливъ рюмку водки, кланяется*).

За здоровье его сіятельства, князя Льва Михайлыча!

ЖИВНОВСКІЙ.

А мнѣ, видно, безъ подчтанья выпить! (*Подходитъ къ столу*).

ХРЕПТЮГИНЪ (*Доброзракову*).

Что ты, что ты, Иванъ Петровичъ! кто жъ пьетъ здоровье водкой... Démétrius, что жъ?

ДМИТРИЙ ИВАНЫЧЪ.

Сейчасъ, папаша! (*убыляетъ*).

Развитной (*всльдъ ему*).

Mais dites, mon cher, qu'on donne des verres et que le champagne soit frappé (*Хрептюгину*). Мы вагшего сына таки вышколимъ, Иванъ Онуфричъ.

(Лакей вноситъ подносъ со стаканами и бутылку шампанского; Дмитрий Иванычъ наливаетъ всѣмъ, кроме Живновскаго).

РАЗБИТНОЙ (*съ стаканомъ въ руку*).

За здоровіе его сіятельства, князя Льва Михайловича ! (*вытираетъ*).

ДМИТРИЙ ИВАНЫЧЪ.

Ура ! (*вытираетъ*).

ДОБРОЗРАКОВЪ.

Желаю здравствовать (*вытираетъ*).

ЖИВНОВСКІЙ.

Что жь, и мнѣ, видно, выпить ! Я, признаюсь, не охотникъ до винограднаго ! ну, да ужь для его сіятельства ! (*наливаетъ самъ себѣ стаканъ и пьетъ*).

ХРЕПТЮГИНЪ.

Сто лѣтъ жить да богатѣть ! Вотъ это я вино люблю, Леонидъ Сергеичъ ! потому что оно вино легкое... тонкое...

РАЗБИТНОЙ.

Господа ! я требую слова !

ДМИТРИЙ ИВАНЫЧЪ.

Шшш... (*Все умолкаютъ*).

РАЗБИТНОЙ.

Господа ! мнѣ пріятно будетъ засвидѣтельствовать передъ княземъ о тѣхъ чувствахъ искренней преданности, которыя я нашелъ въ васъ. Повѣрьте,

господа, что для сердца начальника дороже всякихъ почестей, дороже всѣхъ богатствъ сердечное расположение подчиненныхъ. Нѣтъ сомнѣнія — и исторія памъ доказываетъ это съ послѣднею очевидностью, — что всѣ сильныя государства до тѣхъ поръ держались, покуда въ сердцахъ подчиненныхъ жили чувства любви и преданности. Какъ скоро эти истинныя, основныя начала благоустроенныхъ обществъ исчезали, самыя общества переставали быть благоустроенными. Я говорю это, господа, здѣсь, въ этомъ домѣ, потому что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ слова мои не могутъ имѣть такого смысла. Здѣсь я вижу почтеннаго отца семейства, жертвующаго всею жизнью на пользу общую (*указываетъ на Хрентюгина*); вижу старыхъ воиновъ, принявшихъ грудью не одинъ ударъ во имя любви къ отечеству (*указываетъ на Доброзракова и Живновскаго; посыдній крутишъ усы*), и наконецъ вижу юношу полнаго надеждъ и вѣры въ будущее... И всѣ эти лица: и маститая старость, и увѣнчанная розами юность соединяются въ одномъ общемъ чувствѣ преданности къ любимому начальнику... Господа! мнѣ пріятно отъ лица князя изъявить вамъ полную его признательность! Господа! я пью за здоровье любезнѣйшаго нашего хозяина! (*Подходитъ съ стаканомъ къ Хрентюгину и жметъ ему руку*). Иванъ Онуфричъ! да продлить Богъ вашъ вѣкъ для того, чтобы вы могли на долгія времена слѣдовать влечению вашего добра сердца и отировать слезы сирыхъ, лишенныхъ крова... (*Вытираетъ*).

Дмитрій Иванычъ.

Ура! (пъетъ).

Доброзраковъ (въ сторону).

Ловко подпустилъ!..

Живновскій (въ сторону).

А по-русски, это значитъ: пермете... ле бурсь (показываетъ руками). Молодецъ!

Хрентюгинъ.

Очень-очень вамъ благодаренъ, Леонидъ Сер-гѣичъ! утѣшили вы меня... Именно это правда, что на пользу общую! Вчера былъ пожаръ, Леонидъ Сер-гѣичъ, остались тамъ вдовы... смию просить васъ принять отъ трудовъ моихъ двѣстѣ рублей на общественное устройство! (Вынимаетъ изъ бумажника деньги и отдаетъ Разбитому).

Живновскій.

Молодецъ Иванъ Онуфричъ!

Хрентюгинъ.

Мало жертвовать, Леонидъ Сер-гѣичъ, не сто-
итъ-сь, такъ, по крайности, пущай хоть Богу за
насъ помолятъ! а деньги что-сь? деньги дѣло на-
живное-сь!

Живновскій.

Разумѣется, благодѣтель, разумѣется... вотъ въ

вино вассервеинцу малую толику подпустите — ань пожертвованье-то въ тотъ же карманъ и возвратится.

ХРЕПТЮГИНЬ.

Я, Леонидъ Сергѣичъ, люблю благодѣтельствовать... Я коли деньги имѣю, такъ желаю, чтобы всякой, можно сказать, отъ лозы виноградной вкусили!

Разбитной (*кладя деньги въ карманъ*).

Повѣрте, Иванъ Онуфричъ, князь съумѣеть оцѣнить...

СЦЕНА IX.

Тѣ же и Фурначевъ.

Фурначевъ (*останавливается въ дверяхъ и говоритъ за кулисы*).

Скажи, братецъ, моему кучеру, чтобы онъ щхаль домой и доложилъ Настасью Ивановиѣ, что я прибылъ въ домъ Ивана Онуфрича благополучно. Да сейчасъ же чтобъ и воротился... Иванъ Онуфричъ! Леонидъ Сергѣичъ! Докторъ! (*Жметъ вспять руки, кроме Живновской*). Вы, господа, кажется, съ утра за дѣломъ!...

ДОБРОЗРАКОВЪ.

По благотворительной части, Семенъ Семенычъ!

Живновскій.

Призираемъ этакъ вдовъ и сиротъ-съ... А больше на счетъ вдовъ-съ...

Хрептюгинъ.

Да не угодно ли присѣсть вашему высокородію!
(суетится около Фурначева).

Фурначевъ.

Не трудись, любезный, я сяду самъ!... Такъ вы, господа, по благотворительной части? чтожъ, это хорошо! всякий изъ насъ долженъ удѣлять отъ избытковъ своихъ!

Разбитной.

Скажите, пожалуйста, Семенъ Семенычъ, вы не были сегодня у князя?

Фурначевъ.

Не былъ, Леонидъ Сергѣичъ, не былъ, потому что не имѣлъ чести быть приглашеннымъ.

Разбитной.

Странно! а онъ хотѣлъ васъ просить!... знаете, вчера былъ пожаръ, погорѣла вдова съ дѣтьми... что-то многое ихъ тамъ... княжна очень интересуется положеніемъ этихъ сиротъ.

Фурначевъ.

Это нашъ долгъ, Леонидъ Сергѣичъ, отирать

слезы вдовъихъ и сирыхъ; это, можно сказать, наша священная обязанность... Я не о себѣ это говорю, Леонидъ Сергеичъ, потому что у меня правая рука не знаетъ, что дѣлаетъ лѣвая, а вообще... (*Вносять стаканы со шампанскимъ*).

Разбитной.

Такъ вы заѣзжайте къ князю: ему будетъ очень пріятно (*Вертиль стаканъ и намѣревается пить безъ поста*).

Хрентюгинъ.

Нѣтъ, Леонидъ Сергеичъ, позвольте! (*береть стаканъ*) Господа! за здоровье Леонида Сергеича! (*Доброродзаковъ дѣляетъ Хрентюгину знаки, указывая на Фурначева; Хрентюгинъ спохватывается, подбираетъ къ Фурначеву и говоритъ вполголоса*): Извините, ваше высокородіе! обмолвился... мы ваше здоровье послѣ-сть... на прохладѣ выпьемъ.

Фурначевъ (*тоже вполголоса*).

Что разъ ужъ сдѣлано, того воротить нельзя, любезный! Все воротить можно, а сдѣланное воротить невозможно.

Разбитной.

Господа! я не нахожу словъ выразить всю мою признательность! Почтенный хозяинъ, предложивший этотъ тостъ, почтилъ не меня самого, а въ лицѣ моемъ упорный трудъ и непоколебимое безкорыстие на высокомъ поприщѣ общественного служенія!

Господа! не подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, но подъ вліяніемъ благотворныхъ движеній моего сердца говорю я: девизомъ нашимъ долженъ быть трудъ скромный, но упорный, трудъ, никѣмъ не замѣчаемый, но честный, трудъ, сегодня оканчивающійся, а завтра снова начинающійся. Господа! настала для насъ пора обратить наше умственное око внутрь насъ самихъ, ознакомиться съ нашими собственными язвами и изыскать средства къ уврачеванию ихъ. Не блестящая эта участъ, и не розами, но терніями усыпанъ путь безвѣстнаго труженика, въ потъ лица воздѣлывающаго землю, плодами которой воспользуются потомки! Но благословимъ его скромный, невидный трудъ, пошлемъ ему во слѣдъ самыя искреннія пожеланія нашего сердца... Вспомнимъ, что только они могутъ освѣтить лучомъ радости безотрадную пустыню, предъ нимъ разстилающуюся,—вспомнимъ это и не пожалѣемъ ни добрыхъ словъ, ни теплаго участія, ни одобреній... я сказалъ, господа! (*пьетъ*).

ДМИТРИЙ ИВАНИЧЪ.

Ура! (*пьетъ*).

ФУРНАЧЕВЪ (*жметъ Разбитному руку*).

Вы благородный человѣкъ, Леонидъ Сергѣичъ!
(*Оттикаетъ немногій и ставитъ стаканъ*).

ЖИВНОВСКІЙ (*въ сторону*).

И чортъ его знаетъ, гдѣ онъ говорить научился!

ХРЕПТЮГИНЬ (Фурначеву).

Сдѣлайте ваше одолженіе, ваше высокородіе !
опростайте стаканчикъ-то !

ФУРНАЧЕВЪ.

Не могу, Иванъ Онуфричъ, не могу. Здоровья я
пожелалъ Леониду Сергию отъ глубины души, а
пить не могу. Утромъ, знаете, натура не принимаетъ !

РАЗВИТНОЙ.

Господа! я не могу больше! сердце мое совершенно переполнено... Будьте увѣрены, мой любезнѣйший Иванъ Онуфричъ, что я со всею подробностью передамъ князю тѣ пріятныя впечатлѣнія, которыя доставило мнѣ утро, проведенное у васъ... Прощайтѣ, господа! (Уходитъ. Дмитрий Иванычъ провожаетъ его за двери).

СЦЕНА X.

Тѣ же, кромѣ РАЗВИТНАГО.

ФУРНАЧЕВЪ (Хрептюгину)..

А за что же ты, любезный, меня обидѣлъ ?

ХРЕПТЮГИНЬ.

Помилуйте, ваше высокородіе, извините !

ФУРНАЧЕВЪ.

Нѣтъ, ты скажи: кто статскій совѣтникъ и кто титулярный совѣтникъ?

Живновскій (*въ сторону*).

Да, братъ, даль ты маху, Хрептюга!

ХРЕПТЮГИНЪ.

Да ужь помилуйте, ваше высокородіе! языкъ просто сдуру, по теченію рѣчи сказалъ!

ФУРНАЧЕВЪ.

А языкъ надо сдерживать... на то, братецъ, голова человѣку дана, чтобъ языкъ сдерживать!

ДОБРОЗРАКОВЪ.

Это правда, Семенъ Семенычъ! Только я вамъ именно доложу, что Иванъ Онуфричъ сневѣжничалъ больше отъ необразованности... не привыкъ еще, знаете, въ хорошемъ обществѣ жить... все ему и кажется, что кругомъ-то свиньи!

Живновскій (*въ сторону*).

Заступился!

ХРЕПТЮГИНЪ (*насильственно улыбаясь*).

Все шутить... ахъ, Иванъ Петровичъ, Иванъ Петровичъ! (*Фурначеву*). Мы вашему высокородію за нашу провинность послѣ трикраты послужимъ!

ФУРНАЧЕВЪ.

То-то «послужимъ»! ты смотри же, этого слова не забудь!

Дмитрій Иванычъ (*возвращаясь*).

Нѣть, каково говорить-то Леонидъ Сергѣевичъ, каково говорить! А еще удивляются, что княжна имъ интересуется! Да я вамъ скажу: будь я женщиной, да начни онъ меня убѣждать, такъ я и Богъ знаетъ чего бы не сдѣлала.

ФУРНАЧЕВЪ (*съ разстановкой*).

Мягко стелеть, но жестко спать.

ЖИВНОВСКІЙ.

Это правильно!

ФУРНАЧЕВЪ.

Въ головѣ-то у него вѣтеръ ходить! Ему, конечно, еще не знакома наука жизни, а вѣдь куда корни ученія горьки!

ХРЕНТЮГИНЪ.

Истинная правда, ваше высокородіе, истинная правда!

ФУРНАЧЕВЪ.

Тоже приглашаетъ къ пожертвованію! А почемъ онъ знаетъ: можетъ быть, тотъ, котораго онъ, по легковѣрности своей, считаетъ Лазаремъ богатымъ,

и есть тотъ самый убогій Лазарь, о которомъ въ писаніи сказано! (*Краснѣетъ и на секунду умолкаетъ*). Въ чужомъ карманѣ денегъ никто не считалъ... Прото только Владыка Небесный можетъ знать, что у кого есть и чего нѣтъ! А если и подлинно деньги есть, такъ онъ, быть можетъ, чрезъ великий жизненный искусъ пріобрѣтены! (*Умолкаетъ. Наступаетъ нѣсколько минутъ тягостного безмолвія, въ продолженіе котораго Живновскій выпиваетъ двѣ рюмки водки.*)

Хрентюгинъ (осторожно возобновляя разговоръ).

Что новаго въ городу дѣлается, ваше высокородие?

Фурначевъ.

По палатѣ у насъ, слава Богу, благополучно. Вчерашняго числа совершился заподрядъ... Слава Всевышнему, благополучно!

Хрентюгинъ.

По чемъ же за ведро-сь?

Фурначевъ.

По пятидесяти пяти копѣекъ. Цѣна настоящая.

Живновскій.

Ну, и на нищую братію, чай, пришлось... это правильно!

ХРЕПТЮГИНЬ.

Молчи, сударь, молчи! Ваше высокородие! прикажите его съ лѣстницы спустить!

ФУРНАЧЕВЪ.

Оставь!

ХРЕПТЮГИНЬ (*Живновскому*).

Ничтожный ты человѣкъ! вотъ какъ его высокородие про тебя разумѣеть!

ФУРНАЧЕВЪ.

Оставь! (*Вновь наступаетъ нѣсколько секундъ молчания, въ продолженіе которыхъ Фурначевъ величественно барабанитъ обѣ ручки дивана, а Хрептюгинъ нѣсколько разъ порывается возобновить разговоръ, но не можетъ*).

ХРЕПТЮГИНЬ (*рышильно*).

Не прикажете ли холдиненькаго, ваше высокородие?

ФУРНАЧЕВЪ.

Не нужно!

ХРЕПТЮГИНЬ.

Или изъ закусокъ чего-нибудь?

ФУРНАЧЕВЪ.

Это... можно.

СЦЕНА XI.

Тъ же и лакей.

Лакей (*подавая Хрептюгину письмо*).

Съ почты-съ.

Хрептюгинъ (*разматривая письмо*).

Отъ кого бы? А! отъ Антоніонаки! (*къ Фурначеву*).
Позволите, ваше высокородие?

Фурначевъ.

Можешь.

Доброзраковъ.

Ишь вѣдь и знакомые-то у него какие: все *аки да ндроны!*

Живновскій.

Питейная часть-съ... греки, римляне-финикияне...
вавилонъ-съ! (*Фурначевъ снисходительно смеется*).

Хрептюгинъ (*читаетъ*).

«Спѣшу увѣдомить тебя, любезный другъ Иванъ «Онуфричъ, что дѣло о твоемъ чинѣ приняло са- «мую непріятную турнюру. Извѣстный тебѣ и об- «лагодѣтельствованный тобой столонаачальникъ ока- «зался величайшимъ вертопрахомъ, ибо не только «не употребилъ врученныхъ тобою денегъ по на- «значенію, но, напротивъ того, истратилъ ихъ «всѣ сполна на покупку картины непристойнаго

содержанія» (*Останавливается совершенно растерянный*). Гм... да... эта штука... могу сказать... ловкая, чортъ побери! (*Усмѣхается и вздрагиваетъ*).

Дмитрий Иванычъ (*подбѣгая къ отцу*).

Ну, что жъ за бѣда! надо еще жертвовать — вотъ и все! есть отъ чего приходить въ отчаяніе!

Живновскій.

Правильно! это значитъ только, что каррьеръ нужно съизнова начинать!

Доброзраковъ.

Можеть, вы не доложили сколько нибудь, Иванъ Онуфричъ?

Хрентюгинъ (*въ раздумье*).

Нѣтъ, да что жъ это такое? Жизни что ли они меня хотятъ лишить? (*къ Фурначеву*). Ваше высокородие!...

Фурначевъ.

Жаль мнѣ тебя, Иванъ Онуфричъ! Пострадалъ, братъ, ты... это именно, что пострадалъ! Однако, ты еще въ томъ можешь утѣшеніе для себя сыскать, что совѣсть у тебя спокойна... а много ли, скажи ты мнѣ, много ли найдешь ты на свѣтѣ людей, которые съ чистымъ сердцемъ могутъ взирать на своего ближняго? Ты вотъ что въ соображеніе, другъ мой, возьми... и утѣшился!

Живновский.

Позвольте, благодѣтель, я стишки вамъ на этотъ случай скажу... я вѣдь въ молодыхъ-то лѣтахъ на всѣ руки былъ, даже и стихи сочинялъ... (*Пропоминаетъ*). Какъ биши? «Не унывай»... «Не унывай»... «не унывай»... эхъ, позабылъ, канальство! ну, да все равно... главное-то «не унывай»... стало быть, и вамъ унывать не слѣдуетъ.

Хрентюгинъ (*тоскливо*).

Господи! денегъ-то что изведено!

(*Занавѣсъ опускается*).

ДЛЯ ДѢТСКАГО ВОЗРАСТА.

Вечеръ. Юный поэтъ Кобыльниковъ (онъ же и столоначальникъ губернского правленія) корпить надъ мелко-исписаннымъ листомъ бумаги въ убогой своей квартирѣ и съ неслыханнымъ озлобленіемъ грызетъ перо и кусаетъ ногти. Уже седьмой часъ; еще часъ, и квартира совѣтника Лопатникова озарится веселыми огнями рождественной ёлки; еще часъ, и она войдетъ въ залу, въ коротенькомъ бѣленькомъ платыцѣ (увы! ей еще только пятнадцать лѣтъ!), выйдетъ свѣженѣкая и улыбающаяся, выйдеть вся благоухающая ароматомъ невинности.

— А что, мсьё Кобыльниковъ, вы испонили свое обѣщаніе? спроситъ она его.

При этой мысли, Кобыльниковъ вскочилъ со стула, какъ ужаленный, и схватилъ себя за голову. Онъ начиналъ сознавать, что заложилъ слишкомъ большій фундаментъ своему стихотворенію. Ужъ двѣ строфы, каждая въ восемь стиховъ, готовы и переписаны, но, судя по развитію, которое принимала основная мысль, нельзя было даже приблизительно предвидѣть, какой будетъ исходъ ея. Онъ уже принесъ достаточную дань восторговъ возникающимъ красотамъ молодой дѣвочки; упомянуль и о платьицѣ, и о шейкѣ лилейной, и о щекахъ «словно персикъ пушистыхъ»...

И о томъ, о чёмъ хотѣлъ бы,
Да не смѣю говорить...

Теперь онъ задалъ себѣ вопросъ: кому суждено обладать всѣми этими сокровищами, старцу ли безсильному, или поэту чернокудрому? Ужъ онъ на-черталъ два первыхъ стиха:

О скажи жь, чей мощный образъ
Эту грудь воспламенитъ?
Эти перси...

Но тутъ воображеніе окончательно отказывалось служить. Риѳма на «образъ» рѣшительно не приходила; то есть, коли хотите, и приходило кое-что въ голову, но все какая-то чушь: «образъ», «нобразъ» — чортъ знаетъ, какая дребедень!

— Нѣтъ, да каково же! каково же! вопіялъ онъ въ отчаяніи: — каково это съ первого же раза подлецомъ себя выставить!

А время, между тѣмъ, равнодушно смотрѣло на

его горесть и подвигало да подвигало впередъ часовую стрѣлку. Кобыльниковъ тоскливо взглянула на часы и увидѣлъ, что до семи остается только пять минутъ.

— Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ не поѣду! воскликнула онъ, бросаясь въ изнеможеніи на стуль: — лучше одинъ просижу, лучше безъ ужина останусь, нежели подлецомъ себя выставлю!

— «Нобразъ!» насмѣшило шептало между тѣмъ воображеніе.

— Фуй, мерзость? и прилѣзутъ же въ голову такія пошлости, что ни складу, ни ладу нѣтъ!

Кобыльниковъ плонулъ съ досады.

— Ни за что не поѣду! повторилъ онъ, но вслѣдъ за этимъ ни съ того ни съ сего раздумался.

Молодость вдругъ заговорила въ немъ ласкающими голосами. Передъ глазами его рисуется залитая свѣтомъ зала; посреди ея стоить ёлка, вся изукрашенная разными лентами и фольгой; ёлка, которой вѣтви гнутся подъ бременемъ пастилы и другихъ соблазнительныхъ сластей. А вонъ и бѣленъкое платьице, вонъ и головка, обрамленная темными кудрями! Господи! что за грація въ очертаніяхъ этой головки! что за свѣжесть, что за сокровища въ этой едва-едва начинающей развиваться груди! И что за веселые звуки пролетаютъ по комнатѣ, когда эта милая дѣвочка засмѣется! Точно вотъ солнышко выглянетъ изъ-за хмурыхъ тучъ, и все вдругъ кругомъ улыбнется: и рѣчка, которая до тѣхъ поръ лѣниво катила сѣрыя волны, и ближняя лужайка, скрывавшая свой цвѣтной коверъ отъ

дождей и холодовъ угрюмаго ненастя, и статскій совѣтникъ Поплавковъ, который сидѣть за карточнымъ столомъ и двадцатый разъ сряду озлобленно произносить «пасъ»! Вотъ она пошла танцевать — и все-то выходитъ у нея не такъ, какъ у другихъ. Посмотрите, напримѣръ, или, лучше сказать, прислушайтесь, какъ танцуютъ Настя Поплавкова, Нюта Смущенская! «Конь бѣжитъ, земля дрожитъ»! А она! Неслышино, почти незримо летаетъ она по крашеному полу, ни мало не задѣвая крошечными ножками за землю, и вся какъ будто уносясь и исчезая вверхъ!

Но, кромѣ того, и ужинъ не лишенъ своей прелести. Уже накрывается длинный столъ въ задней комнатѣ, и хотя руки дворового офиціанта Андрея не совсѣмъ чисты, но, судя по хлѣбосольнымъ привычкамъ хозяина, нельзя сомнѣваться, что на столѣ будетъ и свѣжая осетрина, и жирный, зажаренный лещъ, и все, однимъ словомъ, что приличествуетъ кануну такого великаго праздника, какъ Рождество Христово.

— И надо же быть такому несчастію! разсуждаетъ самъ съ собою Кобыльниковъ, но разсуждаетъ какъ-то вяло, безъ прежнихъ порывовъ. Вообще видно, что картины, которыя нарисовало ему воображеніе, произвели замѣтное разслабленіе во всемъ его организмѣ.

Въ это время часы прошипѣли семь. Кобыльниковъ машинально всталъ со стула и направился къ платяному шкапу.

— «Нобразъ! нобразъ! шепнулъ вдругъ враждеб-

*

ный голосъ и остановилъ его на половинѣ дороги.

Съ минуту еще длилась борьба его съ самимъ собою, но наконецъ молодость взяла-таки свое. Кобыльниковъ поспѣшилъ натянуть на себя фракъ, и взглянувши на переписанныя двѣ строфы, покусился было попытать счастья, нельзя ли сбыть ихъ съ рукъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ были, но по внимательномъ прочтениіи, стихотвореніе показалось ему еще болѣе недостаточнымъ, нежели когда-либо. Съ досадою отшвырнулъ онъ его отъ себя и выбѣжалъ изъ квартиры.

На дворѣ стояла ночь, та слѣпая, досадная ночь, которая можетъ случиться только въ далекомъ, провинціальномъ городкѣ, гдѣ откупщикъ еще не доведенъ кроткими мѣрами до сознанія своей обязанности жертвовать достаточное количество спирта для освѣщенія улицъ. Злой и рѣзкій вѣтеръ несся по улицѣ, поднимая и крутя въ воздухѣ цѣлые столбы снѣжной пыли, и взвизгивалъ, и завывалъ, ударяясь объ углы домовъ. Хорошо, что Кобыльникову предстояло пройти не болѣе тридцати шаговъ, а не то пришлось бы ему, бѣдному, воротиться въ квартиру и опять сѣть за сочиненіе распроклятыхъ стиховъ.

— «Нобразъ!» взвизгнуль вдругъ вѣтеръ въ самыя уши поэта.

— Фу ты, чортъ! пробормоталъ Кобыльниковъ и, плотнѣе засернувшись въ шинель, съ усилиемъ началъ карабкаться впередъ, утопая въ сугробахъ снѣга, завалившихъ тротуаръ.

Но вотъ ужъ брезжетъ свѣтъ сквозь снѣжный

туманъ; сначала онъ мелькаетъ въ видѣ крошечнаго круга, но, мало по малу, кругъ разрастается, и освѣщенныя окна совѣтничѣй квартиры представляются взору во всемъ ихъ заманчивомъ великолѣпіи. Издрогшій и измученный врывается Кобыльниковъ въ переднюю желаннаго дома и долгое время поправляетъ потерпѣвшія отъ снѣга части своего туалета.

— А! молодой человѣкъ! милости просимъ! встрѣчаетъ его хозяинъ дома, Иванъ Кузьмичъ Лопатниковъ: — ну что, одолѣли Капустниковское дѣло?

— Кончилъ-сь, отвѣчаетъ Кобыльниковъ и мысленно говоритъ самому себѣ: — чтѣ, еслибы ты зналъ, что я, вместо Капустникова дѣла, цѣляя три часа корпѣлъ надъ сочиненіемъ стиховъ?

— То-то, а не то насть съ вами новый генераль совсѣмъ сѣѣсть!

Но, разговаривая съ хозяиномъ, Кобыльниковъ улучаетъ, однажъ, минуту, чтобы бросить взглядъ въ сторону, и съ удовольствіемъ примѣчаетъ, что точно такой же взглядъ выглядываетъ изъ-за ёлки и на него. Онъ спѣшить оставить гостепріимнаго хозяина и всѣми силами души устремляется туда, откуда блеснулъ ему теплый лучъ привѣта и дѣтской привязанности.

Читатель! не знаю, живали ли вы въ провинції, но я, который благоденствовалъ въ Вяткѣ и проѣзжалъ въ Перми, жуировалъ жизнью въ Рязани и наслаждался душевнымъ спокойствіемъ въ Твери, я смѣю васъ удостовѣрить, что воспоминанія о ви-

дѣнныхъ мною ёлкахъ навсегда останутся самыми свѣтлыми воспоминаніями пройденной жизни! Во первыхъ, какая-то умиротворяющая, праздничная струя носится въ это время въ воздухѣ, какая-то свѣтлая, радостная мысль просится въ душу при видѣ этихъ зажженныхъ свѣчей, этихъ полныхъ, румяныхъ лицъ, при звукахъ этого говора и смѣха; а во вторыхъ, что за прелестныя созданія эти дѣти! какъ пытливо озираются ихъ умненькіе глазки! и какъ мало похожи они на своихъ отцовъ, тутъ же предстоящихъ и съ томлениемъ выжидавшихъ момента, когда можно засесть за зеленый столъ или пріударить по питейной части! Иной родитель расползся поперекъ себя толще, лицо у него на кругъ швейцарскаго сыру похоже, даже носу словно совсѣмъ нѣтъ, а сынокъ у него, смотришь, шустренкій, черномазенькій, глазки такъ и прыгаютъ, а носикъ римскій, тоненькій, словно выточенный; иной родитель похожъ на артиста, черноволосый, худощавый, блѣдный и вообще, что называется, интересный *jeune homme*, а сынокъ у него похожъ на губернатора, который въ свою очередь похожъ на копну. Вотъ и поди ты! Смотришь, бывало, на этихъ улыбающихся, кудрявыхъ дѣтей, смотришь и думаешь: неужели Ваня будетъ когда-нибудь совѣтникомъ питейного отдѣленія? неужели эта рѣзвая, быстроглазая Ляля будетъ когда-нибудь вице-губернаторшей? И подумавши, взгрустнешь потихоньку.

Коля, мой другъ! не отплясывай такъ бойко козачка, ибо ты не будешь совѣтникомъ питейного

отдѣленія! Скоро придетъ бука и всѣхъ совѣтниковъ оставить безъ пирожнаго!

Ляля, милый мой ребенокъ! Не скругляй такъ своихъ маленькихъ ручекъ, не склоняй такъ кокетливо головушку на правую сторонушку, не мани такъ мило Митю Прорѣхина, ибо Митя не будетъ вице-губернаторомъ! Скоро придетъ бука и всѣхъ вице-губернаторовъ упразднить за ненадобностью!

— Принесли? спрашиваетъ между тѣмъ Наденька у Кобыльникова, который, пунцовыи какъ вишня, стоитъ передъ нею, переминая въ рукахъ шляпу.

— Я-сь, Надежда Ивановна... я-сь... я началь, но еще не окончилъ, заикается Кобыльниковъ.

— А я такъ думаю, что вы только похвастались, что умѣете стихи писать!

И Наденька порхнула отъ него, какъ птичка.

— Я, Надежда Ивановна, много ужъ написалъ, умоляль вслѣдъ ей Кобыльниковъ.

Но Наденька была уже далеко и щебетала, окруженная своими подругами.

— Ахъ, дай поскорѣе! умоляла Нюта Смущенская.

— Mesdames! мы уйдемъ читать въ спальню! говорила Настя Поплавкова.

— Нечего читать! онъ только похвастался! онъ совсѣмъ и не умѣеть писать стихи! отвѣчала Наденька голосомъ, которому она усиливалась сообщить равнодушный тонъ, но въ которомъ слышалась, однакожъ, досада: — mesdames, мы его не будемъ принимать сегодня въ наше общество!

Въ это время Кобыльниковъ приблизился.

— Наденька! сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ.

Наденька вскинула головку и взглянула на него такъ гордо, что бѣдный поэтъ внезапно почувствовалъ себя глупымъ.

— Вотъ еще новости! сказала Наденька и притомъ такъ громко, что Кобыльниковъ осмотрѣлся во все стороны и не на шутку струсилъ, чтобы вскричанія этого не услышалъ папа Лопатниковъ.

Послѣ того вся юная компанія порхнула въ другую комнату, оставивъ Кобыльникова окончательно убитымъ.

— Какой онъ, однажды, жалкій! замѣтила при этомъ Нюта Смущенская.

— Вотъ еще жалкій! хвастунъ—и больше ничего, хладнокровно отвѣтила жестокосердая Наденька.

Кобыльниковъ стоялъ словно обданный холодной водой. На душѣ у него было смутно и пусто, и какъ на смѣхъ еще подвернулись тутъ два скверные и глупые стиха:

Ничто меня не утѣшаетъ,
Ничто меня не веселитъ...

которые такъ и жужжали, словно неотвязный комаръ, въ ушахъ его.

— Что за проклятый вечеръ! Сначала эта риёма подлѣйшая, а теперь вотъ и еще какая-то мерзость лѣзетъ! подумалъ Кобыльниковъ и даже сгорѣлъ весь отъ стыда.

А вечеръ между тѣмъ шелъ своимъ чередомъ.

Папа Лопатниковъ безъ трехъ обремизилъ статского совѣтника Поплавкова, несчастіе котораго до

такой степени поразило присутствующихъ, что всѣ, даже играющіе, какъ-то сжалась и притихли, какъ бы свидѣтельствуя этимъ скорбнымъ молчаниемъ о своемъ сочувствіи къ великому горю угнетеннаго многочисленнымъ семействомъ мужа. Поплавковъ сидѣлъ красный, какъ ракъ, и какъ бы не понималъ, что вокругъ него происходит; даже ремиза не ставить, а безсознательно чертилъ пальцемъ по столу какую-то необыкновенную цифру. Супруга же его, заглянувъ въ комнату играющихъ, тотчасъ повернула на лѣво кругомъ и сказала во всеуслышаніе:

— А мой дуракъ только и дѣла, что проигрываетъ!

Дѣти шумѣли и волновались: Митя Прорѣхинъ доказательно убѣждалъ Васю Затиркина отдать ему свою долю орѣховъ, приводя въ основаніе такой резонъ, что у того, кто кушаетъ много лакомства, дѣлаются современемъ соломенные ножки. Маня Кулagina упрашивала братца Сашу представить, какъ у нихъ на дворѣ индѣйскіе пѣтухи кричать: «здравія желаемъ, ваше благородіе!» Сеня Порубинъ, мальчикъ горбатенький и злющій, какъ бы провидя, что происходитъ въ душѣ Кобыльникова, подбѣгалъ къ нему и начиналъ задирать на счетъ отношеній его къ Наденькѣ, при чемъ позволялъ себѣ даже темные намеки относительно какихъ-то интимностей, будто бы существовавшихъ между Наденькой и первоклассникомъ-гимназистомъ Прокоровымъ, который въ это самое время забился въ уголъ и видимо наслаждался, ковыряя въ носу. И

Кобыльниковъ никакъ не могъ поймать Порубина, чтобы надрать ему хорошенъко уши, потому что скверный чертенокъ, произведя ехидство, ускользнулъ изъ рукъ его, какъ змѣя.

Наденька то и дѣло порхала по комнатѣ и, какъ нарочно, смеялась и болтала съ особеннымъ увлечениемъ именно въ то время, когда проходила мимо огорченного поэта. Злую мысль внушилъ Кобыльникову Сеня Порубинъ.

— Еще бы не быть веселой, когда душка-Прохоровъ здѣсь! процѣдилъ онъ сквозь зубы въ одну изъ минутъ, когда Наденька была близко него.

Наденька вспыхнула и какъ будто оступилась.

— Вы это что говорите? спросила она, останавливаясь передъ нимъ.

— Ничего; я говорю, что немудрено, что нѣкоторымъ людямъ весело: душка-Прохоровъ здѣсь! глупѣйшимъ образомъ настаивалъ Кобыльниковъ, поигрывая ключикомъ отъ часовъ.

— Я надѣюсь, однако, что отъ этой минуты между нами все кончено? сказала Наденька и тотчасъ же удалилась.

— Это какъ вамъ угодно-съ, говорилъ вслѣдъ Кобыльниковъ: — конечно, со мной разстаться что же значитъ, когда есть въ запасѣ душка-Прохоровъ!

Обида эта глубоко уязвила крошечное сердце Наденьки, тѣмъ болѣе уязвила, что въ упрекѣ Кобыльникова была нѣкоторая доля правды. Дѣйствительно, былъ короткій промежутокъ времени, но очень, впрочемъ, короткій, когда Наденька увлека-

лась Прохоровымъ. Слишкомъ рано развитый ребенокъ, она уже мечтала о чём-то; она украшала Прохорова различными достоинствами и добродѣтелями, которые создавало ея дѣтское воображеніе; она любила уединяться съ нимъ и съ большою важностью говорила ему: «теперь, Прохоровъ, потолкуемте о вашемъ будущемъ!»

Но Прохоровъ любилъ только ковырять въ носу и говорить съ увлечениемъ единственно о лакомствахъ, потому что въ душѣ былъ великий и страстный обжора. Увлечение Наденьки скоро прошло; она была даже убѣждена, что никто ничего не замѣтилъ.. и вдругъ!! Наденька бѣгала около ёлки, суетилась и болтала безъ умолку, но сердце ея работало. Среди начатой фразы, она вдругъ почувствовала, что нѣчто тѣснитъ ея грудь, что нѣчто жгучее подступаетъ къ ея глазамъ. Она вырвалась изъ толпы и убѣжала во внутреннія комнаты.

Кобыльниковъ все это видѣлъ, но ничего не понялъ. Онъ видѣлъ, что Наденька весела, и понять только то, что у Наденьки, должно быть, башмачекъ развязался, если она такъ стремительно убѣжала.

А Наденька, между тѣмъ, уткнувшись въ подушку, обливала ее горячими слезами. И чѣмъ обильнѣе лились эти слезы, тѣмъ мягче и легче становилась самая обида, вызвавшая ихъ, тѣмъ назойливѣе смотрѣлось въ душу иное чувство, чувство, которое, въ одно и то же время, и заставляло ныть ея бѣдное сердце, и проливало въ него цѣлые потоки радости и успокоенія.

— Гадкий Кобыльниковъ! сказала она съ послѣднимъ всхлипываніемъ: — бѣдный Митенька! повторила она вслѣдъ затѣмъ, сладко задумавшись.

Елка между тѣмъ доторѣла; по данному знаку, дѣти ринулись на нее всей толпою и тотчасъ же повалили на землю; произошло всеобщее замѣшательство; слышался визгъ, смѣшанный съ кликами торжества; Сеня Порубинъ, не смотря на свою хилость и многочисленные изѣяны, какъ-то такъ изловчился, что успѣлъ запихать въ свои карманы чутъ не половину гостиццевъ. Прохоровъ тоже полѣзъ-было на фуражировку вмѣстѣ съ прочими, но ему не удалось достать ни одной палочки пастилы, потому что дѣти подкатывались ему подъ ноги и рѣшительно не давали приняться за дѣло, какъ слѣдуетъ; да къ тому же и няня маленькихъ Поплавковыхъ безъ церемоніи поймала его за руку и вывела изъ толпы, сказавъ при этомъ строго: «стыдись, сударь! такой большой выросъ, а съ дѣтьми баловаться хочешь! еще Машенькѣ ручку отдашишь!»

Какъ было бы совѣтно Наденькѣ, еслибъ она видѣла эту сцену!

Но обѣй ней вспомнили только тогда, когда ёлки уже не существовало. Папа Лопатниковъ серьезно обезпокоился и собрался-было на поискъ за своею дѣвочкой, какъ она появилась сама въ дверяхъ залы.

Наденька была нѣсколько блѣдна, но на вопросъ папаши: «не болитъ ли головка?» отвѣчала: «не болитъ», а на вопросъ: «не болитъ ли животикъ?»

отвѣчала: «ахъ, что вы, папаша!» и, вся вспыхнувши, спрятала свое личико на отцовской груди.

— Что же съ тобой, душенъка? допрашивалъ папаша.

— Ахъ, папаша, какой вы! отвѣчала Наденька и порхнула отъ него въ сторону.

Во время этого допроса, у Кобыльникова какъ-то все выше и выше поднималось сердце, и вдругъ сдѣлалось для него ясно, что онъ прескверную штуку сыгралъ, сказавши Наденькѣ такую пошлость. Съ злобою, почти съ ненавистью взглянулъ онъ на Сеня Порубина и началъ-было показывать золоченый орѣхъ, чтобы подманить его къ себѣ, но Сеня словно провидѣлъ, что дѣлается въ душѣ его, и, самъ показывая ему цѣлую кучу золоченыхъ орѣховъ, только смѣялся, а съ мѣста не трогался.

— Ну, чортъ съ тобой! когда нибудь послѣ раздѣляемся! подумалъ Кобыльниковъ и въ ту же самую минуту какъ бы инстинктивно взглянулъ въ ту сторону, гдѣ была Наденька.

Оттуда глядѣли на него два сѣрыхъ глаза, и глядѣли съ тѣмъ же безграницымъ простодушiemъ, съ тою же беззавѣтною нѣжностью, съ какою они привѣтствовали его изъ-за ёлки въ минуту прихода. Точно приросли къ нему эти глубокіе, большие глаза, точно не въ силахъ были они смотрѣть никуда въ другую сторону. Кобыльникову почуялось, словно кровь брызнула у него изъ сердца и вотъ истоچается капля по каплѣ и наполняетъ грудь его! Горячо и бодро вдругъ стало ему.

— Посмотрите-ка, Надѣка-то! шептала змѣище —

Поплавкова горынчицу Порубиной: — глазъ не можетъ отъ этого молокососа отвести, словно съѣсть его хочеть!

— Влюблена, Анна Петровна, какъ кошка влюблена! отвѣчала татан Порубина и какъ-то злобно дрогнула при этомъ плечами.

— Удивляюсь, однако, чего этотъ старый дуралей смотрить!

— А чѣмъ же онъ не партія? Для безприданницы и этакой хоть куда!

— Ну, да все же...

— Вы что же ко мнѣ не идете? спрашивала между тѣмъ Наденька Кобыльникова тѣмъ полушопотомъ, въ который невольно переходитъ голосъ, когда идетъ рѣчь о дѣлѣ, затрагивающемъ всѣ живыя струны существа.

Кобыльниковъ не отвѣчаль; онъ просто на просто задыхался.

— Вы что ко мнѣ не идете? повторила Наденька.

Онъ продолжаль молчать, хотя сердце въ немъ умирало отъ жажды высказаться. Онъ чувствовалъ, что если вымолвить хоть одно слово, то не въ силахъ будетъ выдержать. Можетъ быть, онъ бросится къ Наденькѣ и стиснетъ въ своихъ рукахъ это добroe, любящее созданіе; можетъ быть, онъ не бросится, но зальется слезами и зарыдаетъ...

— Вы отчего мнѣ руки не даете? настаивала Наденька.

— Наденька! вырвалось изъ груди Кобыльникова.

— Вы зачѣмъ глупости говорите?

— Голубчикъ! простональ Кобыльниковъ.

— А когда будуть стихи?

Кобыльниковъ ужь совсѣмъ-было собрался отвѣтить, что стихи не миѳъ, что стихи почти совсѣмъ готовы, что не только одно стихотвореніе, но десять, двадцать, сто стихотвореній готовъ онъ настичь на прославленіе своей милой, безцѣнной Наденьки, какъ вдругъ скверный мальчишка Порубинъ испортитъ все дѣло.

— Вобразъ! пискнулъ онъ, едва-едва не проскакивая между ногъ Кобыльникова.

Кобыльникову показалось, что самъ злой духъ говоритъ устами мальчишки.

— Ты почему знаешь? сказалъ онъ, рванувшись въ погоню за мальчикомъ и поймавъ-таки его: — нѣтъ, ты говори, почему ты знаешь?

— Мамаша! меня Кобыльниковъ деретъ! завизжалъ во всю мочь Сеня.

При этомъ восклицаніи, Кобыльниковъ невольно выпустилъ изъ руки свою добычу и даже началъ гладить Сеню по головѣ.

— Нѣчего, нѣчего гладить по головѣ! шипѣль юный змѣенышъ: — мамаша! онъ меня деретъ за то, что я его поймалъ съ Наденькой!

Началось слѣдствіе.

— Позвольте узнать, Дмитрій Николаичъ, что вамъ сдѣлало невинное дитя? допрашивала Кобыльникова оскорблена татаан Порубина.

— Вашъ сынъ мнѣ сказалъ дерзость! отвѣчалъ совершенно растерявшійся Кобыльниковъ.

— Мамаша! Я ничего ему не говорилъ! въ своей стороны жаловался Сеня, искусно вхлипывая.

— Вашъ сынъ сказалъ мнѣ «вобразъ»! внезапно брякнулъ Кобыльниковъ.

— «Вобразъ»! что такое «вобразъ»! и чѣмъ же это слово для васъ обидно?

Говоря это, татан Порубина сомнительно покачивала головой и разводила руками.

— Ну да! вобразъ, нобразъ, собразъ, побразъ! дразнилъ обозлѣвшій Сеня, приплясывая передъ Кобыльниковымъ.

— Изволите видѣть? сказалъ Кобыльниковъ.

— Вижу! все вижу! стыдно вамъ, молодой человѣкъ! Сеня! отойди прочь отъ нихъ и не смѣй никогда съ ними разговаривать!

Порубина величественно удалилась, уводя за руку Сеню и безпрестанно оглядываясь, какъ бы въ опасеніи, что за ней бѣжитъ по пятамъ сама чума.

Кобыльникову сдѣлалось скверно; онъ вдругъ почувствовалъ, что не только скомпрометировалъ Наденьку, но и самъ сдѣлался смѣшнымъ въ ея глазахъ. Сколько онъ сдѣлалъ въ этотъ вечеръ глупостей! онъ сдѣлалъ ихъ три: во-первыхъ, увлекся неизпой риѳомъ, которая помѣщала ему кончить стихи, между тѣмъ, какъ можно было бы одинъ стихъ и нериѳомованный вставить (самые лучшіе поэты это дѣлаютъ!); во-вторыхъ, сказалъ Наденькѣ какую-то пошлость на счетъ ея отношений къ Прохорову; въ-третьихъ, связался съ пакостнѣйшимъ мальчишкой, который, навѣрное, произведетъ скандалъ на весь городъ. Кобыльникову показалось, что всѣ глаза обращены на него, что всѣ лица проникнуты строгостью, и что даже слу-

житель Андрей намѣревается взять въ руки метлу, чтобы вымести ею изъ честнаго дома гнуснаго соблазнителя пятнадцати-лѣтнихъ дѣвицъ. Кобыльникова бросило въ жаръ; чтобы оправиться отъ своего смущенія, онъ поспѣшилъ юркнуть въ хозяйствскій кабинетъ.

Тамъ за нѣсколькими столами шла игра. Игралъ въ ералашъ предсѣдатель казенной палаты съ губернскимъ прокуроромъ противъ совѣтника казенной палаты и батальоннаго командира. Предсѣдатель казенной палаты былъ не въ духѣ; къ нему пришло двѣнадцать пикъ безъ туза и двойка червей; онъ сходилъ съ двойки пикъ — тузъ оказался у партнера, который, однако, отвѣчать не могъ.

— Сижу па капиталахъ! жаловался предсѣдатель: — вѣдь это все франки! все франки!

Прокуроръ былъ смущенъ; онъ понялъ игру и старался только угадать, какая же у предсѣдателя тринадцатая карта. Предсѣдатель, какъ бы провидя его думу, поспѣшилъ разсѣять всѣ сомнѣнья и откровенно показать свою двойку червей, убѣждая только, чтобы прокуроръ игралъ скорѣе.

Напротивъ того, къ совѣтнику валило: во всемъ у него была и игра, и поддержка, но самое счастье не радовало его, ибо онъ чувствовалъ, что оно огорчаетъ его начальника. Поэтому, онъ всячески старался оправдаться; разбирая карты, пожималъ плечами, какъ бы говоря: вѣдь лѣзть же такое дурацкое счастье! дѣлая ходъ, не клалъ карту на столъ, а какъ-то презрительно швырялъ ее, какъ бы говоря: вотъ и еще сукинъ сынъ тузъ! Но предсѣда-

тель не принималъ ничего въ уваженіе, а напротивъ
того взъѣлся на своего подчиненнаго:

— Вы зачѣмъ же игру-то свою раскрываете?
присталъ онъ къ нему.

Совѣтникъ сдѣлалъ репонсъ.

— У васъ трефъ нѣть? Строго спросилъ батальон-
ный командиръ.

— Нѣть-съ... есть-сь, запкался совѣтникъ.

— И солгать-то не умѣеть! подумалъ предѣдѣ-
тель.

А Кобыльниковъ смотрѣлъ на играющихъ и все
думалъ, какъ бы чѣмъ нибудь такимъ увѣнчать
этотъ вечеръ, чтобы за одинъ разъ искупить всѣ
три глупости. Ему вдругъ сдѣлалось хорошо и ве-
село; ему представилась большая, освѣщенная ком-
наты; посреди комнаты стоитъ Наденька въ бѣломъ
тарлатановомъ платьцѣ, а подлѣ Наденьки стоитъ
онъ; у нихъ въ рукахъ бокалы съ шампанскимъ; къ
нимъ подходить гости, тоже съ бокалами въ рукахъ,
и поздравляютъ.

— Иванъ Дементычъ! сказаль онъ дрожащимъ
голосомъ, подходя, подъ вліяніемъ этихъ радужныхъ
мечтаний, къ хозяину дома: — позвольте мнѣ нѣ-
сколько словъ вамъ наединѣ сказать-съ...

Иванъ Дементычъ посмотрѣлъ на него съ неудо-
вольствіемъ, потому что это неожиданное вмѣша-
тельство отвлекало его отъ игры. Однако, видя, что
Кобыльниковъ весь дрожалъ, онъ встревожился.

— Что такое еще? ужъ не затерялъ ли Капуст-
никовскаго дѣла? спросилъ онъ.

— Мнѣ-съ... наединѣ! повторилъ Кобыльниковъ.

Иванъ Дементьевъ отошелъ съ нимъ всторону.

— Ну? сказалъ онъ.

— Минѣ-съ... я желаю... заикался Кобыльниковъ, къ которому вдругъ возвратилась вся его робость.

— Да говори же, любезный, не мни! съ досадой торопилъ Иванъ Дементьевъ.

— Я прошу руки Надежды Ивановны! скороговоркой проговорилъ Кобыльниковъ.

Иванъ Дементьевъ повернуль жениха къ свѣту и на одно мгновеніе посмотрѣль на него съ любопытствомъ. Потомъ тотчасъ же пошелъ на старое мѣсто, предварительно отмахнувшись, какъ будто хотѣль согнать сѣвшую на носъ муху. Кобыльниковъ осталбенѣль и разставилъ не только руки, но и ноги; въ глазахъ у него позеленѣло, комната ходила кругомъ. Онъ понималъ только одно: что эта глупость была четвертая и притомъ самая крупная. Вдругъ онъ почувствовалъ, что промежь ногъ у него что-то коношится: то быль Сеня Порубинъ.

— Ань, это четвертая! дразнился скверный мальчишка, очевидно схватывая на лету интимную мысль, терзавшую бѣднаго Кобыльникова.

Кобыльниковъ даже не слыхалъ; онъ быль уничтоженъ и опозоренъ, хотя рара Лопатниковъ, возвратясь на мѣсто, точно такъ же равнодушно объявилъ семь въ червяхъ, какъ бы ничего и не случилось. А Порубинъ между тѣмъ все подплюсываетъ да поддразниваетъ: ань, четвертая! Кобыльниковъ крадется по стѣнкѣ, чтобы какъ нибудь незамѣтнымъ образомъ улизнуть въ переднюю. Сеня Порубинъ замѣчаетъ это и распускаетъ слухъ, что у бѣглеца

животъ болить. Кобыльниковъ слышитъ эту клевету и останавливается; онъ бодро стоять у стѣны и бравируетъ; но, не смотря на это, уничтожить дѣйствіе клеветы уже невозможно. Между дѣвицами ходить шопотъ: бѣдняжка! Наденька краснѣеть и отворачивается; очевидно, ей стыдно и больно до слезъ.

— «Собразь!» подсказываетъ проклятая память, и Кобыльниковъ, словно ужаленный, бросается вонъ изъ комнаты, производя своимъ бѣгствомъ игривое шушуканье между дѣвицами.

. . . . .
. . . . .

И вотъ опять Кобыльниковъ сидѣть въ одинокой своей квартирѣ, сидѣть и горько плачать! Передъ нимъ лежитъ Капустниковское дѣло, а слезы такъ и текутъ на бумагу; передъ нимъ: *проситъ купецъ Капустниковъ, а о чёмъ, тому следуютъ пункты*, — а у него глаза заволокло туманомъ, у него сердце рвется, бѣдное, на части!

Сквозь эти слезы, сквозь эти рыданія сердца ему мелькаетъ свѣтлый образъ милой дѣвочки, ему чудится ея свѣжее дыханье, ему слышится біеніе ея маленькаго сердца...

— Митенька! говоритъ она, вся застыдившись и склоняя на его плечо свою кудрявую головку.

— Mesdames! шепчутъ кругомъ дѣвицы: — mesdames! у Кобыльникова животъ болить!

Кобыльниковъ вскакиваетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ, схватывая себя за голову и вообще дѣлая все жесты, какіе приличны человѣку, пришедшему въ отчаяніе.

— «Вобразъ!» кричитъ вдругъ неотвязчивая память.

Кобыльниковъ закусываетъ себѣ въ кровь губу отъ злости; онъ опять садится къ столу и опять принимается за Капустниковское дѣло, въ надеждѣ заглушить въ себѣ воспоминанія вечера.

А за перегородкой возятся хозяева — мѣщане. Они тоже, по всему видно, воротились изъ гостей и собираются спать. Слышны вздохи, слышно вниманіе ящиковъ изъ комодовъ, слышенъ шелестъ какой-то, который всегда сопровождаетъ раздѣваніе и укладываніе. Наконецъ, все стихло.

— Дура ты или нѣтъ? допрашиваетъ хозяинъ свою хозяйку: — дура ты или нѣтъ?

— Ты проспись, пьяница! ты опомнись, какой завтра праздникъ-то! усовѣщиваетъ хозяйка.

— Нѣтъ, ты миѣ скажи: дура ты или нѣтъ! настаиваетъ хозяинъ.

За перегородкой слышится потрясающее зѣванье. Голова Кобыльникова мало по малу склоняется и наконецъ совсѣмъ упадаетъ на Капустниковское дѣло. Ему снится елка, ему снится, что онъ стоитъ посреди освѣщенной залы и что рядомъ съ нимъ, вместо Наденьки, стоитъ купецъ Капустниковъ и проситъ, а о чёмъ, тому смылаютъ пункты...

МИША И ВАНЯ.

ЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ.

Въ передней сидятъ два мальчика, Ваня и Миша, и ждутъ барыню изъ гостей. Скоро полночь, а барыня все не бдетъ; салныи огарокъ оплылъ и нагорѣлъ; тусклый и мелькающій свѣтъ его освѣщаетъ только лица двухъ собесѣдниковъ да столъ, передъ которыми они сидятъ; вверху и по угламъ темно. Въ домѣ тихо, словно въ гробу; горничная дѣвки давно ужъ поужинали, воротились изъ кухни и улеглись спать, гдѣ попало, наказавши мальчикамъ разбудить ихъ, какъ только прибѣдетъ барыня. Въ окна, по временамъ, показывается что-то бѣлое: мелькнетъ-мелькнетъ и опять скроется; это сыплетъ снѣгъ, но мальчики думаютъ, что выглядываетъ голова мертвеца, и вздрагиваютъ.

Ваня мальчикъ крѣпкій, быстрый, черноволосый и черноглазый; онъ увѣряетъ Мишу, что ничего не боится, что однажды онъ видѣлъ настоящаго, за- правскаго мертвѣца — и того не струсиТЬ.

— Я ничего не боюсь, говоритъ онъ, невольно, впрочемъ, блѣдиꙗ, когда морозъ вдругъ ни съ того ни съ сего стукинетъ въ стѣны барскаго дома: — мнѣ только скучно, да и то съ тобой ничего!

— А ну, какъ мы сгоримъ? робко спрашиваетъ Миша.

— Сгорѣть мы не можемъ! отвѣчаетъ Ваня такимъ увѣреннымъ тономъ, что Миша тотчасъ же успокаивается.

Миша, въ противоположность Ванѣ, мальчикъ слабенький, нервный, блѣленъкій, съ блѣлокурою головкой и большими синими глазами. Онъ часто посматриваетъ на потолокъ и, увидѣвшіи, какой тамъ сгустился мракъ, вздрагиваетъ и пожимается.

Въ ту минуту, какъ мы съ ними знакомимся, они ведутъ оживленный, но нѣсколько странный разговоръ.

— Холоднымъ-то ножомъ, чай, больно? спрашиваетъ Миша, пристально глядя Ванѣ въ глаза.

— Это только разъ больно, а потомъ ничего! отвѣчаетъ Ваня и покровительственно гладить Мишу по головѣ.

— А помнишь, какъ поваръ Михей рѣзался! тоже сначала все хвастался: зарѣжусь да зарѣжусь! а какъ полыснулъ ножомъ-то по горлу, да какъ потекла кровь-то...

— Ну, что жъ что поваръ Михей! Михейка и

вышелъ дуракъ! потомъ небось вылечился, а для чего вылечился? все одно наказали дурака! а мы ужь такъ полыснемъ, чтобъ не вылечиться!

— Ты ножи-то приготовилъ ли, Ваня?

— Когда не приготовилъ! еще съ утра выточилъ! Только ты у меня смотри! чуръ не отступать!

Миша вздохнулъ потихоньку; глаза его остановились на нагорѣвшей свѣчки.

— Что, развѣ снять со свѣчки... въ послѣдній разъ? сказалъ онъ слегка взволнованнымъ голосомъ.

— Что съ нея снимать-то? а я тебѣ вотъ что скажу, Мишутка: коли мы это теперича сдѣлаемъ, такъ безпремѣнио въ рай попадемъ, потому теперь мы маленькие, и грѣховъ у насъ нѣтъ! А замѣтю насъ, попадетъ въ адъ Катерина Афанасьевна!

— А Ивану Васильичу будетъ за насъ что нибудь?

— Ну, Ивану Васильичу, можетъ, и простить Богъ! потому онъ не самъ собою тутъ дѣйствуетъ!

— Катерину-то Аѳанасьевну, стало быть, мучить будутъ?

— Еще какъ, братъ, мучить-то! не роди ты, мать-земля! Первымъ дѣломъ на желѣзный крюкъ за ребро повѣсять, вторымъ дѣломъ заставятъ голыми ногами по горячей плитѣ ходить, потомъ сковороду раскаленную языкомъ лизать, потомъ желѣзными кнутьями по голой спинѣ бить... да столько, братъ, мученіевъ, что и сказать страсти!

— А вѣдь она не стерпитъ, Катерина-то Аѳанасьевна?

— Что ей, чорту экому, сдѣлается! — стерпитъ!

Да тамъ, братъ Мишутка, на это не посмотрять!
Тамъ, братъ, терпи! а не можешь терпѣть—ну, и
все-таки терпи!

Разговоръ на минуту смолкъ. Вдругъ на улицѣ
завыла собака, завыла жалобно и тоскливо, какъ
умѣютъ выть только собаки.

— Ишь ты, это Трезорка покойника почуялъ!
сказать Миша измѣнившимся голосомъ.

— Ну, чтоожъ что почуялъ! извѣстно, почуялъ!
А ты, небось, ужъ и трусу спраздновалъ!

— Нѣтъ, Ваня, я не боюсь! я такъ только... я
только думаю, отчего это собака всегда покойника
чувствуетъ?

— А отъ того, что собака — другъ человѣка!
Вотъ лошадь тоже другъ человѣка, только она по-
нятія не имѣтъ, а собака — она все понимаетъ,
отъ того и покойника чувствуетъ!

— А что, Ваня, кабы утонуть? спросилъ вдругъ
Миша.

— Чудакъ ты, Мишутка! Ты мнѣ разскажи
сперва, какая нынче вода? Ты скажи, лѣто нынче
что ли?

— Да, нынче вода холодная... чай, въ воду-то
булыжнешься, такъ и не стерпишь!

— Вотъ то-то же и есть! Утонуть-то — надо
въ пролубъ лѣзти; да еще баражаться станешь,
вылезешь, пожалуй! — чтѣ однихъ мученіевъ тутъ
применишь — пойми ты! А съ ножемъ ловко! но-
жемъ какъ полыснулъ себя разъ, тутъ тебѣ и ко-
нецъ! Разумѣется, надо крѣпче!

— И быть никто больше не будетъ! прошепталъ Миша.

— И быть не будутъ! Возьмутъ твою душу ангели и понесутъ къ престолу Божьему!

— А Богъ — ничего?

— А Богъ спроситъ: зачѣмъ вы, рабы Божіи, предѣла не дождались! зачѣмъ, скажеть, вы смертную муку безо времени приняли? А мы ему все и скажемъ!

— Мы все скажемъ, какъ насть Катерина Афанасьевна мучила, какъ памъ жить тошинонко стало, какъ насть день-деньской все били... все-то били, все-то тириали!

Миша потупился; накинувшія на сердцѣ слезы горячимъ ключомъ хлынули изъ глазъ. И текли эти слезы, текли свободно, безъ усилий, безъgrimась, какъ течетъ созрѣвшій источникъ изъ переполненной груди земли-матери. Ваня сталъ утѣшать распакавшагося.

— А мы ловко ее завтра надуемъ, Катерину-то Афанасьевну, сказать онъ: — завтра гости у нея за столомъ соберутся, ань служить-то будетъ и некому!

Миша вздохнулъ въ отвѣтъ.

— Я и ножи-то все попряталъ! продолжалъ Ваня! — и ъесть-то нечѣмъ будеть.

А Миша все-таки никакъ не могъ уняться; Ваня все возможное дѣлалъ, чтобы какъ нибудь развлечь его: сначала со свѣчи сняль, потомъ глянуль въ окно и сказалъ: «а сиверь-то! сиверь-то какой разыгрался! ишь ты! ишь ты!» наконецъ, тоненькимъ

голоскомъ запѣлъ: «ахъ вы очки, очки наши темныя!» но Миша не только продолжалъ плакать, но, при звукахъ пѣсни, еще болѣе растужился.

— Нюня ты! сказалъ Ваня съ нетерпѣніемъ.

Въ залѣ загудѣли часы. Заслышиавши эти шинящіе звуки, Миша вдрогнулъ, въ послѣдній разъ глубоко вздохнулъ и пересталъ плакать.

— Скоро барыня пріѣдетъ! робко сказалъ онъ, насчитавши двѣнадцать часовъ.

— Дожидайся — скоро! отвѣчаетъ Ваня: — эхъ, теперь бы вотъ соснуть лихо!

— Нѣтъ, ужъ ты не спи, Ваня, Христа-ради!

— Небось, боишься?

— Боюсь! признался Миша и весь съежился.

— Ну, дуракъ и есть! сколько разъ я тебѣ говорилъ, что тамъ ничего нѣтъ! поучалъ Ваня, указывая на двери, которые вели въ неосвѣщенный коридоръ: — хочешь, я сейчасъ туда пойду?

Однако угрозы своей не исполнить. Водворилось молчаніе, а съ нимъ вмѣстѣ водворилась и тишина, тоскливая, надрывающая сердце тишина... Мальчики пристально глядывались въ трепещущее пламя свѣчи; Ваня водилъ по столу большими пальцемъ, нажимая его, отчего палецъ сначала двигался плотно, а потомъ начиналъ подпрыгивать. На дворѣ оиять завыла собака.

— Ишь ее! ишь ее! вымолвилъ Ваня и вслѣдъ затѣмъ прибавилъ: — а что, Миша, гдѣ-то теперь Оля?

Оля была сестра Миши. Это была хорошенькая, блокурая и бленѣнья дѣвушка, очень похожая на

своего брата: ей было осьмнадцать лѣтъ. Съ полгода тому назадъ, она, неизвѣстно куда, пропала, и разсказовъ объ этомъ внезапномъ исчезновеніи ходило между дворней множество. Говорили, что она отъ дурнаго житья скрылась, но говорили также, что и отъ стыда. Достовѣрно было то, что однімъ утромъ она пошла на рѣчку стирать и не возвращалась; на берегу была найдена корзина съ невыстираннымъ бѣльемъ, но ни одежды прачки, ни даже тѣла ея нигдѣ найдено не было. Достовѣрно также, что, за два дня передъ тѣмъ, она была острижена, и что по этому случаю плакала, рвалась и убивалась. Барыня клялась и надсаживала себѣ грудь, завѣряя, что поганка Ольгушка утонула не отъ дурнаго обращенія, а для того, чтобы скрыть свой стыдъ. Тѣмъ не менѣе, на всемъ этомъ происшествіи лежала какая-то горькая тайна, и неизвѣстно было даже, дѣйствительно ли утонула Ольга, или только бѣжала. При слѣдствіи некоторые дворовые люди показали было, что житѣе Ольги было «не хорошее»; но исправникъ, производившій слѣдствіе (такъ какъ происшествіе случилось въ подгородной деревнѣ Катерины Афанасьевны), ничему этому не повѣрилъ.

— Ну, вы это все врете! вы говорите правду, а не врите! сказалъ онъ показателямъ и тутъ же приказалъ пригласить Катерину Аѳанасьевну.

Катерина Аѳанасьевна ахала и ссылалась на то, что у нея людей говядиной кормятъ. Позвали людей и спросили, дѣйствительно ли ихъ кормятъ говядиной; отвѣтъ былъ, что кормятъ. Исправникъ

подумать, посопѣть и записать: «помѣщики содержать людей хорошо и даже говядиной кормятъ».

— Что же вы, бестіи, врали? обратился онъ къ дворовымъ.

Дворовые стояли блѣдные и переминались съ ноги на ногу; у нѣкоторыхъ искусаны были до крови губы. Катерина Аѳанасьевна замѣтила эту нераскаянность и сочла справедливымъ упасть въ обморокъ. Исправникъ бросился утѣшать ее, уставъ оторопѣвшаго Ивана Васильевича за спиртомъ. Результатомъ всего этого было краткое, но сильное объясненіе, написанное рукою самого исправника. Оно гласило:

«Утромъ 24 сего іюня изъ сельца Полянокъ, неизвѣстно куда скрылась принадлежащая отставному штабъ - ротмистру Ивану Васильевичу Балашеву дѣвка Ольга Никандрова. Примѣтами та дѣвка: роста высокаго, блокура, волосы стрижены, лицомъ бѣла, глаза синіе, носъ и ротъ умѣренные, особая примѣта: надъ лѣвой ноздрей небольшое родимое пятнышко; есть подозрѣніе въ беременности. Унесла съ собой данное ей помѣщикомъ пестрядинное платье, въ которое и была въ тотъ день одѣта. Полицейскія начальства, въ вѣдомствѣ коихъ та бѣглая дѣвка окажется, благоволять препроводить оную въ Р—ій земскій судъ, для отдачи по принадлежности».

Тѣмъ это дѣло и закончилось. Катерина Аѳанасьевна на нѣкоторое время присмирѣла, но мѣсяца черезъ два совсѣмъ забыла о происшествіи и начала жуировать жизнью по прежнему.

Катерина Аѳанасьевна была глубоко развращен-

ная женщина, но не знаю, имѣю ли я право называть ее злую. По крайней мѣрѣ, весь городъ къ нейѣ вѣдилъ, и цѣлый день въ ея домѣ было, что называется, разливанное море; весь городъ зналъ, какіе она *фарсы* выдѣлываетъ надъ Машками и Ольгушками, и тѣмъ не менѣе никто не рѣшался отозваться обѣзъ этихъ фарсахъ не только строго, но даже и уклончиво. На противъ того, ее всѣ любили, потому что въ своемъ кругу она была барыня веселая и даже добрая, многимъ изъ своихъ друзей дѣлала разныя одолженія, и всѣхъ равно отлично принимала и кормила.

— Сегодня у Катерины Аѳанасьевны за обѣдомъ, въ супѣ, таракана подали, говорили про нее въ го-родѣ:—что жъ бы вы думали? она преспокойно себѣ позвала повара и приказала ему таракана сѣсть!

— Лихая баба!

— Бѣдовая!

Нѣкоторые, конечно, дѣлали изрѣдка предположеніе, «какъ бы дескать не попасться Катеринѣ Аѳанасьевнѣ за эти *фарсы*», но очевидно, что въ этомъ случаѣ сомнѣніе заползало совсѣмъ не по поводу самыхъ *фарсовъ*, а по поводу глагола «попасться». Самые же фарсы служили какъ бы осѣлкомъ для обнаруженія своего рода остроумія, котораго кровавости никто не замѣчалъ, своего рода изобрѣтательности, которой ехидства никто не подозревалъ.

— Сенька! поди, лизни печку! говорили Сеньки.

Сенька лизалъ печку и обжигалъ языкъ; онъ возвращался весь красный, лицо его какъ-то не-

естественно напыживалось; изъ глазъ выжимались слезы.

— Ну, дуракъ, — еще ревѣть вздумаѣ! говорили одни.

— Рожа-то, рожа-то какая! восклицали другіе.

И затѣмъ слѣдоваль взрывъ общаго, веселаго хохота.

Хохотъ — и больше ничего...

Не ясно ли, что все это безъ злорадства дѣжалось, что при этомъ главный расчетъ со всѣмъ не въ томъ состоялъ, чтобы причинить Сенькѣ мучительную боль, а въ томъ, чтобы посмотретьъ, какую Сеньку рожу уморительную скрочить, какъ онъ напыжится.... Самые кроткіе люди молчали, когда Сеньку посыпали лизать пылающую печь, самые кроткіе люди не могли слегка не фыркнуть, когда Сенька возвращался, по совершеніи своего подвига, весь красный и пыхтящій... Они молчали и фыркали не потому, что одобряли подобнаго рода увеселенія, но просто потому, что такое ужъ время юмористическое было.

Теперь все это какой-то тяжкій и страшный кошмаръ; это кошмаръ, отъ котораго освободило Россію прекрасное, великодушное слово царя освободителя... Да, оно одно. Ибо кто же можетъ ручаться, не лизаль ли бы, безъ этого слова, Сеньку горячую печку и до сей минуты? Не ходила ли бы дѣвка Ольга Никандрова и до сей минуты стриженнная и оплеванная гостями своей барыни? Гдѣ гарантіи противаго? Въ нравахъ что ли? Но развѣ непрѣдѣльно, что славяне имѣютъ нравъ веселый, легкій и мало

углубляющійся? Въ слезахъ что ли? Но развѣ неизвѣстно, что слезы, которые при этомъ капаютъ, капаютъ внутрь, капаютъ кровавыми каплями на сердце и все накипаютъ, все накипаютъ тамъ, покуда не перекипятъ совершенно?

Никогда не бываетъ зла такъ сильно, какъ въ то время, когда оно не чувствуется, когда оно, такъ сказать, разлито въ воздухѣ. Что это за зло? говорятъ тогда добросовѣстные изслѣдователи, которые имѣютъ привычку разсматривать предметы не съ одной, а со всѣхъ сторонъ: — это не зло, а просто порядокъ вещей! И на этомъ успокаиваются.

Кто же можетъ утверждать, что такому порядку вещей не суждено было продолжаться и еще на многія лѣта, если бы сильная воля не вызвала насть изъ тьмы кроваваго добродушія и бездны ехидной веселости?

Повторяю: это былъ тяжкій и страшный кошмаръ, въ которомъ и давящіе, и давимые были равно ужасны.

Напоминаніе о сестрѣ подействовало на Мишу болѣзненно. Опъ вдругъ, словно подъ тяжестью какой, пригнулся; блѣдное его лицико сдѣлалось блѣднѣе полотна, и на необсохшихъ еще глазахъ онять сверкнуло слезообильное облако.

— А вѣдь она барынѣ являлась! продолжалъ Ваня.

— Врешь ты! всхлипывалъ Миша чуть слышно.

— Являлась—это вѣрно! Ключница Матрена сказывала, что барыня-то, словна мертвая, изъ спальни въ ту пору выскочила! ни кровинки въ лицѣ нѣть!

— Врешь ты! она жива! настаивалъ Миша, совершенно захлебываясь слезами.

— Ну, братъ, пѣтъ! это погоди! Она утонла — это ужъ какъ дважды два! Изъ-за чего бы ей тогда барынѣ явиться, кабы она не утопла!

— Врешь ты! врешь все! кричалъ Миша, съ которымъ чуть не сдѣлалась истерика.

— Ну, и опять-таки ты дуракъ! Изъ-за чего ты нюни-то распустилъ! Извѣстно, намъ одинъ конецъ!

Миша смолкъ; онъ, повидимому, что-то припоминалъ. Припоминалъ онъ, какъ Оля, проходя мимо него, наскоро трепала его по щекѣ и приговаривала: — дурашка ты мой! припоминалъ онъ, какъ Оля однажды надѣвала на него чистенькую новенькую рубашечку и сказала при этомъ: — ну, носи теперь на здоровье, Мишутка ты мой! припоминалъ онъ, какъ однажды Оля выбѣжала въ лакейскую вся блѣдная и изъ глазъ ея ручьями текли слезы; припоминалъ онъ голосъ, молившій о пощадѣ, голосъ искаженный, вымученный, кричавшій: — «матушка, Катерина Аѳанасьевна, не буду! батюшка, Иванъ Васильичъ, не буду!» припоминалъ онъ, какъ упала изъ-подъ ножницъ длинная русая коса Оленькина, какъ Оля билась и рвалась...

— Ахъ, не надо! не рѣжьте! раздавался въ ушахъ Миши знакомый молящій голосъ, раздавался съ такою ясностью и отчетливостью, что онъ вдругъ повѣрилъ... Онъ повѣрилъ, что Оля умерла дѣйствительно и что это она, именно она является къ барынѣ и мучить ее по ночамъ. Ему показалось даже, что она и теперь съ ними, что она зоветъ его.

— Оля-то здѣсь вѣдь! сказаль онъ испуганнымъ голосомъ.

— Ну, вотъ это ты ужъ врешь! отвѣчаль Ваня, и между тѣмъ самъ вздрогнулъ и инстинктивно озирался кругомъ.

— Ей-Богу здѣсь! настаиваль Миша.

— Дуракъ ты! говорятъ тебѣ, нѣть никого! И изъ-за чего ей являться-то къ намъ? ты пойми, зачѣмъ покойникъ является? покойникъ является затѣмъ, чтобы мучить, а нась за что мучить она будетъ? Мы вѣдь Олю не трогали, Оля была добрая... да, она добрая была дѣвка!

— Оля была добрая! машинально повторилъ Миша и ласково взглянулъ на своего товарища.

— Постой-ка, я по угламъ посмотрю! продолжалъ Ваня, какъ будто съ единственnoю цѣлью успокоить Мишу; но очевидно было, что онъ и самого себя не прочно былъ успокоить.

Ваня всталъ съ лавки и сначала посмотрѣлъ подъ столъ; потомъ обошелъ всю комнату и въ углахъ даже пошарилъ по стѣнѣ; потомъ заглянулъ въ дверь ведущую въ корридоръ. Никакого видѣнья нигдѣ не оказалось.

— Ну вотъ, и нѣть ничего! сказаль онъ, усаживаясь на старое мѣсто.

— Оля была добрая! задумчиво повторилъ Миша.

— За доброту-то и въ двориѣ ее всѣ любили! Помнишь, Степка какъ убивался, какъ она пропала-то? Степка-то, говорятъ, жениться на ней хотѣлъ!

— Стало, его за это въ ту пору въ часть посылали?

— За это, за самое... Степка-то барынъ говоритъ: лучше, говоритьъ, Катерина Аѳанасьевна, вы меня теперича въ солдаты отдайте, а служить, говоритьъ, я вамъ не желаю!

— Ишь ты!

— А барыня говоритьъ: нѣть, говоритьъ, Стешушка! въ солдаты я тебя не отдаамъ, а вотъ въ пастухахъ ты у меня сгишь! И гніеть!

— И для чего только это она его въ солдаты не отдала?

— А потому, братецъ, такой у ней нравъ!

— А вѣдь въ солдатахъ, Ваня, хорошо?

— Ну... кто жъ его знаетъ? Однако, все лучше, нечѣмъ у насъ! у насъ ужъ какая жизнъ!

Миша опять задумался; онъ хотѣлъ сказать Ванѣ, что лучше было бы въ солдаты пойти, чѣмъ... но на этомъ мысль его оборвалась; очевидно, онъ боялся разсердить Ваню и выставить себя въ глазахъ его трусомъ.

— А знаешь ли что, Мишутка? вдругъ спросилъ Ваня.

— Что тебѣ?

— Пойдемъ-ка мы, обойдемъ комнаты... посмотримъ!

Мишѣ тотчасъ же мелкнуло: въ послѣдній разъ!

— Пойдемъ, Ваня! сказалъ онъ.

Ваня сияль со свѣчи и пошелъ впередъ.

— Вотъ, это, братъ, зала! сказалъ онъ, когда пришли въ первую комнату.

— Зала! повторилъ за нимъ Миша.

— Кланяйся, братъ, теперь на вѣсъ четыре стороны! наставлять Ваня.

Миша поклонился на вѣсъ четыре стороны; Вания исполнить вмѣстѣ съ нимъ то же самое.

Такимъ образомъ обошли они вѣсъ комнаты и вѣдь простились; дошли наконецъ до крайней комнаты, гдѣ стояла широкая двухспальная кровать.

— Ишь ихъ! сказалъ Ваня, и не только не поклонился на вѣсъ четыре стороны, но плюнулъ.

— Знаешь ли что! продолжалъ онъ:— зажжемъ-ка тѣперь лиминацію! вѣдь колдовка-то еще, чай, долго не пріѣдетъ!

— Зажжемъ! согласился Миша, и на лицѣ его сверкнула дѣтски-радостная улыбка.

По всему видно было, что натура Миши была натура иѣжная, женственная, артистическая; онъ любилъ, когда въ комнатѣ бывало свѣтло и свѣжо, и напротивъ того кукился въ мракѣ и спертомъ воздухъ передней. По всему видно также, что Вания зналъ про это свойство Миши и желалъ чѣмъ нибудь угодить ему.

Зажгли пламеніацію дѣйствительно блестящую; Миша пожелалъ быть хозяиномъ, Вания изъявилъ согласіе быть гостемъ. Но едва успѣли хозяинъ и гость усѣсться съ ногами на диванъ, едва успѣль хозяинъ предложить своему гостю обычный вопросъ о здоровыи, какъ въ передней раздался сильнѣйшій трезвонъ. Хозяинъ и гость бросились тушить свѣчи, но впопыхахъ дѣло не спорилось; раздался еще трезвонъ, болѣе сильный и болѣе нетерпѣливый.

Наконецъ, свѣчи кое-какъ затушили и бросились въ переднюю. Черезъ дверь еще Ваня слышалъ, какъ барыня сердиться изволили.

— Это все мальчишки мерзавцы! говорила она въ величайшемъ гнѣвѣ: — вотъ ужо погоди!

— Успокойся, душенька! уговаривалъ Иванъ Васильичъ: — можетъ быть, это братецъ Никаноръ Аѳанасьевичъ пріѣхалъ!

Въ это время Ваня отперъ наружную дверь.

— Братецъ Никаноръ Аѳанасьевичъ здѣсь? быть первый вопросъ барыни.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Кто же свѣчи въ залѣ зажигалъ?

— Никто не зажигалъ-съ.

— Мерзавецъ!

Сильный ударъ свалилъ Ваню съ ногъ.

— Кто зажигалъ свѣчи въ залѣ? накинулась барыня на Мишу, который стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, едва-едва прошепталъ Мisha.

— Долго ли вы мучить-то насъ будете? какимъ-то неестественнымъ голосомъ закричалъ Ваня, вскочивъ съ полу, и не успѣлъ никто моргнуть глазомъ, какъ онъ уже впился ногтями въ ротъ и носъ Катерины Аѳанасьевны.

Катеринѣ Аѳанасьевнѣ сдѣлалось дурно; Ваню насили отняли отъ нея, потому что онъ словно замеръ и закоченѣлъ весь. Катерину Аѳанасьевну повели подъ руки въ спальню, при чёмъ Иванъ Васильичъ приговаривалъ: и какъ это тебѣ, матушка, не стыдно беспокоить себя изъ-за этихъ хамовъ! Ваню тоже увѣли на кухню; онъ не плакалъ,

а только кричалъ; очевидно, что все существо его было глубоко и рѣшительно потрясено, что онъ не обладалъ собою, и этотъ рѣзкій, неестественный крикъ вылеталъ изъ его груди помимо его воли. Вся дворня страшно переполошилась и сбѣжалась кругомъ Вани; начали его оттирать и насили уняли. Когда крики унялись, Ваня мгновенно и крѣпко заснуль.

Потому ли, что Катерина Аѳанасьевна дѣйствительно заболѣла, или потому, что дворовые доложили обѣ изстушеніи, въ которомъ находился Ваня, но распоряженія на ечетъ мальчиковъ въ ту ночь никакого сдѣлано не было. Сказано было только держать обоихъ въ кухнѣ. Миша легъ подлѣ Вани, но долго не могъ сомнить глазъ; завтрашній день представлялся его возбужденному воображенію со всѣми подробностями, со всѣми ужасающими истязаніями. Мерещились ему пуги розогъ, мерещилась ему Катерина Аѳанасьевна; лицо ея словно пыпало, на головѣ словно змѣи вились, разъвава рты, и высывались оттуда огненные языки. Ваня по временамъ стоналъ, дворовые кругомъ безмятежно спали; Миша сдѣлалось страшно...

— Ахъ, не надо! ахъ, не рѣжьте! раздавалось у него въ ушахъ, и образъ сестры носился передъ его глазами, какъ живой, но не въ затрапезномъ пестаканномъ платьѣ, а весь бѣлый, прозрачный, весь словно озаренный чудеснымъ блескомъ...

Наконецъ, часовъ около трехъ онъ заснуль.

Въ четыре часа Ваня разбудилъ его. Долго смотрѣть на него Миша изумленными, слипающимися

глазами, долго не могъ понять, гдѣ онъ и что съ нимъ...

— Пора! шепталъ Ваня.

Миша вздрогнулъ, но все еще не понималъ.

— Вставай же! настаивалъ Ваня.

Миша машинально всталъ и машинально же одѣлся. Они вышли въ сѣни; холодный воздухъ охватилъ ихъ со всѣхъ сторонъ и нѣсколько отрезвилъ Мишу. Въ рукахъ у Вани были ножницы; онъ проворно скинулъ съ себя казакинъ и началъ рѣзать его въ куски.

— Не доставайся никому! шепталъ онъ какъ-то злобно и сосредоточенно.

Потомъ онъ снялъ съ себя сапоги и проткнулъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ головки.

Миша смотрѣлъ на это, и вдругъ въ немъ вспыхнула какая-то страстная жажда жизни. Онъ ухватилъ себя обѣими рученками за горло, началъ мечтаться и заплакалъ.

— Нюня! ступай спать! произнесъ Ваня.

— Нѣть! нѣть! заикался Миша: — нѣть! нѣть... я пойду! я, право, пойду!

— Что жь ты ревешь? развѣ вчера не видѣлъ?

Они вышли на дворъ и перелѣзли черезъ заборъ. Улица была пуста, и непробудная тишина царствовала по всему городу. Дворовая собака Трезорка бросилась было къ нимъ съ ласковымъ визгомъ, но Ваня показалъ ей кулакъ, вслѣдствіе чего она вильнула раза два хвостомъ и юркнула въ свою конуру. Утро было не столько холодное, сколько сырое и туманное; словно облако какое-то висѣло надъ ули-

цей, словно мгла, наполненная иглистыми атомами, застилала воздухъ. Ваня бытъ въ одной рубашкѣ; ему сдѣлалось холодно.

— Ну, братъ, сказалъ онъ: — это я напрасно... Напрасно, значитъ, я теперича казакинъ свой изрѣзаль!

Миша не отвѣчалъ ему; вообще онъ дѣйствовалъ какъ-то страдательно, словно горѣла и упорно горѣла въ немъ непорваниая струя жизни, но не знала, какъ ей высказаться, какъ прорваться наружу.

И вотъ передъ ними оврагъ; въ этомъ оврагѣ условились они исполнить свое намѣреніе; Ваня разсчитывалъ, что тамъ никто имъ не помѣшаетъ, никто не можетъ прийти скоро на помощь.

Ваня спустился и пошелъ впередъ; онъ былъ бодръ, а между тѣмъ манияціе сладкіе голоса жизни говорили и въ немъ; онъ смѣялся, а между тѣмъ въ груди его закипала какая-то страстная жажда; онъшелъ и точилъ другъ объ друга ножи, но звукъ, который отъ этого происходилъ, былъ какой-то невеселый, отрывистый звукъ; онъ чувствовалъ, что внутри его все горитъ, а между тѣмъ бѣдное, исхудалое тѣло ходенемъ ходило отъ проницающей сырости и холода.... Миша шелъ за нимъ слѣдомъ и по прежнему былъ въ какомъ-то забытьи.

Катерина Афанасьевна! еслибы вы могли подозревать, что дѣлается въ этомъ оврагѣ, покуда вы безмятежно почиваете съ нальпленными на носу и на щекахъ плаstryями, вы съ ужасомъ вскочили бы съ постели, вы выбѣжали бы безъ кофты на улицу

и огласили бы ее неслыханными, раздирающими душу воилями.

Земля-мать! Еслибы ты знала, какое страшное дѣло совершается въ этомъ оврагѣ, ты застонала бы, ты всколыхалась бы всѣми твоими морями, ты заговорила бы всѣми твоими рѣками, ты закипѣла бы всѣми твоими ручьями, ты зашумѣла бы всѣми твоими гѣсами, ты задрожала бы всѣми твоими горами!

На свѣту, будочникъ, спокойно спавшій въ своей будкѣ, былъ разбуженъ проѣзжими мужиками. Мужики слышали стонъ въ оврагѣ и почтительно до-кладывали о томъ дремлющему блюстителю общественной тишины.

— Батюшки! помогите! прозвенѣло въ эту самую минуту въ воздухѣ.

— Батюшки! помогите! повторило негодующее эхо.

Спустились въ оврагъ и нашли двухъ мальчишекъ, изъ которыхъ одинъ былъ одѣтъ въ казакинѣ, другой — въ одной рубашкѣ. Ваня былъ бездыханенъ, но Миша еще былъ живъ. Невѣрная, трепещущая рука въ нѣсколько пріемовъ полоснула ножомъ по горлу, по робко и нерѣшительно.

Жажда жизни сказалась и восторжествовала.

НАШЪ ДРУЖЕСКІЙ ХЛАМЪ.

Когда мы, губернские аристократы, собираемся другъ у друга по вечерамъ, какого рода можетъ быть у насъ между собою бесѣда? Перемываемъ ли мы косточки своихъ ближнихъ, бесѣдуемъ ли о существѣ лежащихъ на насъ обязанностей, сообщаемъ ли другъ другу о нашихъ служебныхъ и сердечныхъ bonnes fortunes, о томъ, напримѣръ, что сегодня утромъ былъ у насъ подрядчикъ Скопищевъ, а завтра мы ждемъ заводчика Бѣлугина, и проч. и проч.?

На всѣ эти вопросы, я съ гордостью могу отвѣтить, что обыденная, будничная жизнь не составляетъ и не можетъ составлять достойной канвы для

нашихъ салонныхъ разговоровъ. Утромъ, запершишь въ своихъ жилыхъ комнатахъ, мы можемъ, *à la rigueur*, переворачивать наше грязное бѣлье, бесѣдовать съ нашими секретарями и принимать различнаго рода антрепренеровъ, но съ той минуты, какъ мы покидаемъ жилыя комнаты и являемся въ наши салоны, всѣ эти неопрятности мгновенно исчезаютъ, подобно тому, какъ исчезаютъ клопы и другія насѣкомыя, гонимыя свѣтомъ дня. Какъ люди благовоспитанные, мы являемся въ наши салоны неиначе, какъ во фракахъ, и очень хорошо понимаемъ, что, находясь въ обществѣ, не имѣемъ права тревожить чье либо обоняніе эманаціями нашего задняго двора.

Да и какой интересъ могло бы представлять для насъ это переворачиванье домашняго хлама, когда намъ до такой степени извѣстны и переизвѣстны всѣ наши маленькия дѣлишки, наши кармания скорби и любостяжательныя радости, что мы, какъ древніе авгуры, взглянуть другъ на друга безъ того не можемъ, чтобы не расхохотаться?

Если я, напримѣръ, встрѣчу на улицѣ его пре-
восходительство Ивана Фомича ивижу, что въ очахъ его плаваетъ маслянистая влага, а самъ онъ, при встрѣчѣ со мной, покрывается пурпуромъ стыдливости и смотритъ на меня съ какимъ-то дѣтскимъ простодушіемъ, какъ будто хочетъ сказать: «посмотри, какъ я невиненъ! и посмотри, какъ хороша природа, и какъ легка жизнь для чистыхъ сердцемъ!» то я положительно знаю, что и этотъ пурпуръ, и эта влага блаженства, и эта ясность души происходить совсѣмъ не оттого, что его пре-

воеходительство бытъ на секретномъ любовномъ свиданыи, а оттого, что въ томъ заведеніи, въ кото-ромъ онъ состоитъ аристократомъ, происходили сего числа торги. И по степени влажности глазъ, и по большей или меньшей невинности ихъ выраже-нія я безошибочно заключаю о степени успѣшности торговъ... Къ чему, скажите на милость, были бы тутъ вопросы, въ родѣ: «какъ поживаете, каково прижимаете?» Къ чему тутъ ласки, коварства и увѣренія, если я опредѣлительно вижу, что сей человѣкъ счастливъ, что душа его полна музыки, и что весь онъ погруженъ въ какія-то сладкія, не-земныя созерцанія? И дѣйствительно, встрѣчи наши происходятъ въ молчаніи; онъ посмотритъ на меня ласково и признательно, я взгляну на него симпа-тически; онъ скажетъ: «гм!», и я скажу: «гм!... и мы расходимся каждый по своему дѣлу.

Или, напримѣрь, когда я вижу другаго аристо-крата, генерала Голубчикова, пробирающагося часовъ въ шесть пополудни, бочкомъ по темному пе-реулку, и робко при этомъ озирающагося, то положительно могу сказать, что генераль пробирается не къ кому другому, а именно къ привилегирован-ной бабкѣ Шарлоттѣ Ивановнѣ. Хотя же его превос-ходительство, замѣтивъ меня, и начинаетъ помахи-вать тросточкой, дѣля видъ, что онъ гуляетъ, но я отнюдь не отважусь предложить ему пройтись вмѣстѣ со мною, потому что твердо знаю, что такого рода предложеніе въ конецъ уязвитъ его пылающее сердце. Руководясь этою мыслью, я прикасаюсь слегка къ полямъ моей шляпы и говорю: «гм!» Ге-

нераль, который въ другое время тоже отвѣтилъ бы мнѣ à la militaire, въ настоящемъ случаѣ считаетъ неизлишнимъ снять съ головы своей шляпу совершенно (не погуби! дескать), и тоже говорить: «гм!».. и мы расходимся. А между тѣмъ дорогой воображение уже рисуетъ передо мной образы. Съ одной стороны я вижу маленькаго генералика, совершенно пропадающаго въ объятіяхъ дебелой привилегированной бабки, а съ другой стороны величественную и не менѣе дебелую генеральшу, спокойно предающуюся дома послѣобѣденному сну и вовсе неподозрѣвающую, что ея крошечный Юпитерикъ нашелъ въ захолустыи какую-то вольнаго поведенія Іо и воспитываетъ ее въ явный ущербъ своей Юнонѣ.

И еще, напримѣръ, если я вижу въ восемь часовъ утра извѣстнаго подрядчика Скопищева, стучащагося въ двери дома, занимаемаго капитаномъ Малаховичемъ, то отнюдь не думаю, что Скопищевъ очутился здѣсь ни свѣтъ-ни-заря затѣмъ только, чтобы узнать о здоровыи супруги и дѣтей пана Малаховича, но съ полною достовѣрностью заключаю, что ранній визитъ этотъ имѣеть тѣсную связь съ постройкой земляной дамбы въ городѣ ***. При этомъ въ умѣ моемъ естественно возникаетъ вопросъ: «если отъ пятнадцати тысячъ отдѣлить двадцать процентовъ, то какая составится изъ этого сумма?» И въ это самое время, поравнявшись съ капитанскою квартирой, я усматриваю въ одномъ изъ оконъ толстенькую фигуру, къ чему-то канальски прислушивающуюся. Замѣтивъ меня, капитанъ нѣсколько краснѣетъ (вѣроятно оттого, что я уви-

дѣль его въ утреннемъ неглиже), произноситъ: «гм!» и поспѣшио удаляется отъ окна.

— То-то «гм!» произношу и я въ свою очередь, и продолжаю идти своею дорогой.

Скажите на милость, къ чему же было бы намъ бесѣдоватъ о томъ, для уразумѣнія чего достаточно одного движенія губъ, одной мимолетной искры въ глазахъ, одного помаванія головы?

И дѣйствительно, канвою для нашихъ разговоровъ служатъ предметы несравненно болѣе возвышенные. Надо вамъ сказать, благосклонный читатель, что хотя мы и называемся «губернскими аристократами», но, къ великому прискорбію, аристократичность наша довольно сомнительная. Мы, что называется, аристократы съ подлициою. Отечествомъ большей части изъ насъ служили четвертые этажи тѣхъ поражающихъ опрятностью казенныхъ зданій, которые во множествѣ украшаютъ Петербургъ, и въ которыхъ благополучно процвѣтаютъ всѣхъ возможныхъ видовъ и цвѣтовъ экзекуторы и экспедиторы. Тамъ мы увидѣли свѣтъ, тамъ возрасли и воспитывались, и- если самъ Петербургъ способенъ производить только чиновниковъ и болотныя испаренія, то можно себѣ вообразить, на производство какого рода издѣлій способны упомянутые выше четвертые этажи? И дѣйствительно, мы вполнѣ прошли всю суровую школу безгласности и смиренномудрія; мы были по очереди и секретарями и прикащиками у имѣющихъ власть людей, и поставщиками духовъ, собачекъ и румянъ у ихъ женъ, и забавою у ихъ гостей. Мы

безмѣро радовались и безобразію нашихъ носовъ, и геморроидальному цвѣту нашихъ лицъ, потому что все это составляло предметъ забавы и увеселенія для нашихъ благодѣтелей и вмѣстѣ съ тѣмъ заключало въ себѣ источникъ нашего будущаго благополучія — нашу фортуну и нашу каррьеру!! Наконецъ, послѣ долгихъ лѣтъ терпѣнія и томныхъ пскательствъ, мы получили дипломы на званіе губернскихъ аристократовъ, съ правомъ володѣть сколько душъ угодно. По-началу, свѣжай воздухъ провинціи ешибѣ было насть съ ногъ, однако, свыклись съ малолѣтства со всякаго рода огнепостоянностями, мы устояли и здѣсь, и мало того, что устояли, но даже озабочились устроить вокругъ себя ту самую атмосферу, которая всесчасно напоминаетъ нашимъ носамъ переднія нашихъ благодѣтелей. Очевидно, что при такомъ направленіи умовъ, вѣсна симпатіи, вѣсна вздохи и порыванія должны стремиться къ нему, къ этому милому Петербургу, где проведена была наша золотушная молодость, и где у каждого изъ насть имѣется, по крайней мѣрѣ, до двадцати-пяти штукъ пріятельски знакомыхъ начальниковъ отдѣленія.

Дни прихода петербургской почты бываютъ въ нашемъ обществѣ днями какой-то тревожной и вмѣстѣ съ тѣмъ восторженной дѣятельности. Это и понятно, потому что въ эти дни мы получаемъ письма отъ нашихъ пріятелей начальниковъ отдѣленія. Мы поспѣшаемъ другъ къ другу, чтобы подѣлиться свѣжими вѣстями, и вотъ образуется между нами живая и интимная бесѣда.

— Ну что, ваше превосходительство, спрашиваю я у генерала Голубчикова: — получили что нибудь изъ столицы?

— Какъ-же-съ, какъ-же-съ, ваше превосходительство! отвѣтываетъ генераль, потирая руки: — графъ Петръ Васильевичъ не оставляетъ таки меня безъ пріятныхъ извѣстій о себѣ....

— Такъ вы получили письмо отъ самого графа? спрашиваю я, иѣсколько подзадоренный.

— Ммъ.... да, отвѣтываетъ генераль такимъ тономъ, какъ будто ему на все наплевать: — графъ частенько-таки изволить переписываться со мной!

— Ммъ.... да, произношу я, и, въ свою очередь, не желая уступить генералу Голубчикову, еще съ болѣшимъ равнодушіемъ прибавляю: — а я такъ получила письмо отъ князя Николая Андреича.... Каждую почту пишеть! даже надоѣть старикъ!

И если, при этомъ, я положительно убѣждень, что генераль Голубчиковъ совраль постыднѣйшимъ образомъ, то генераль, съ своей стороны, столь же положительно убѣждень, что и я совраль не менѣе постыдно, чѣмъ не мѣшасть памъ, однако, оставаться совершенно довольными нашимъ разговоромъ.

— Скажите, пожалуйста! удивляется въ другомъ углу его превосходительство Иванъ Ѹомичъ, слушающій чтеніе какого-то письма.

— «.... внущили себѣ, будто на лбу ихнемъ фиговое дерево произрастаетъ, и никто сей горькой мысли изъ ума ихъ сіятельства изгнать не можетъ», раздается звучный голосъ статского советника Генералова, читающаго вслухъ упомянутое письмо.

— Да правда ли это? отъ кого вы получили это письмо? сыплются съ разныхъ сторонъ вопросы.

— Отъ экз... отъ директора, скороговоркой поправляется статскій совѣтникъ Генераловъ, поспѣшно пряча письмо въ карманъ.

— А крѣпкій былъ старикъ! говорить генераль Голубчиковъ, котораго, какъ неслужащаго подъ начальствомъ таинственнаго «ихъ сіятельства», описанное выше происшествіе интересуетъ только съ психической точки зрѣнія.

— Н-да.... крѣпкій.... въ раздумья и словно машинально повторяетъ недавно опредѣленный молодой предсѣдатель Курилкинъ, при чтеніи письма какъ будто струсившій и поблѣднѣвшій.

— Я съ княземъ еще въ то время познакомился, ораторствуетъ генераль Голубчиковъ: — когда столонаачальникомъ въ департаментѣ служилъ. И представьте себѣ, какой однажды со мной случай былъ....

— Н-да, случай!... повторяетъ Курилкинъ, у котораго уже помутились взоры отъ полученнаго извѣстія.

— Вы какъ будто нездоровы, Иванъ Павлычъ! обращается съ участiemъ къ Курилкину Иванъ Фомичъ.

— Нѣть.... а ничего! скороговоркой отвѣчаетъ Курилкинъ: — au fait, чѣмъ князь?

— «Чѣмъ онъ Гекубѣ, чѣмъ она ему?» раздается сзади шопотъ титулярнаго совѣтника Корепанова, принимаемаго, несмотря на свой чинъ, въ нашемъ маленькомъ аристократическомъ кружкѣ за *somme il*

faute, но, къ сожалѣнію, разыгравшаго непріятную роль какого-то губернского мѣфистофеля.

— Да-съ, такъ вотъ какой у насъ съ княземъ случай бытъ, продолжаетъ генераль Голубчиковъ: — вхожу я одважды въ приемную къ князю, только визу сидитъ дежурный чиновникъ, а лицо незнакомое. Признаюсь, я еще въ то время подумалъ: «что это за чиновникъ такой? какъ будто дежурный, а лицо незнакомое?» Ну-съ, хорошо, подхожу я къ этому чиновнику и говорю: «доложите ихъ сіятельству, что явился такой-то». — «Не принимаютъ», говоритъ: — «ихъ сіятельство нездоровы». Ну, а я съ графомъ бытъ всегда въ короткихъ отношеніяхъ, следствіенно для меня слово «не принимаютъ» не существовало.... Вотъ и пришла мнѣ въ голову мысль: — дай-ка, думаю, подтруню, надѣ молодымъ человѣкомъ, и, знаете, прессерьёзно, этакъ говорю ему: — «жалѣ, говорю, очень жаль, что не принимаютъ». — «Да-съ, говоритъ, не принимаютъ». Только, можете себѣ представить, въ это самое время распахивается дверь кабинета и выходить оттуда каммердинеръ князя, Павель Дорофеичъ.... знаете Павла Дорофеича?

— Знаемъ! знаемъ! Павла Дорофеича цѣлый Петербургъ знать! кричимъ мы какъ-то особенно радостно.

— А изъ-за Павла Дорофеича выглядываетъ и самъ князь. «А, говоритъ, это ты, Гавриль Петровичъ! а меня, братъ, сегодня «прохлады» совсѣмъ замучали (онъ «это» прохладами называлъ), такъ я не вѣдѣлъ никого принимать... Ну, а тебѣ можно!..»

Только, можетъ себѣ представить, какую изумленную физіономію скорчилъ при этомъ дежурный чиновникъ!

— Да, интересный случай! замѣчаетъ статскій советникъ Генераловъ, сладко вздыхая.

— Случай съ запахомъ, перебиваетъ Корепановъ.

— Предобрый старикъ! говоритъ его превосходительство Иванъ Фомичъ, поспѣшаю заглушить своимъ голосомъ непріятную замѣтку Корепанова.

— Добрый, именно добрый! не смущаясь продолжаетъ генералъ Голубчиковъ: — и какое довѣріе ко мнѣ имѣть, такъ это даже непостижимо! Бывало, сидимъ мы съ глазу на глазъ: я бумаги докладываю, онъ слушаетъ. «А что, Гаврилъ Петровичъ, вдругъ скажетъ, прикажи-ка, братъ, мнѣ трубку подать!» Ну, я, разумѣется, сейчасъ брошуся: самъ все это сдѣлаю, самъ набью, самъ бумажку зажгу, самъ подамъ.... И что же вы думаете, господа? даже никакой я въ это время робости не чувствовалъ! точно вотъ съ своимъ братомъ, начальникомъ отдѣленія, бесѣдуешь! Онъ трубочку покуриваетъ, а я бумаги продолжаю докладывать... просто какъ будто ничего не бывало!

— Жаль, очень жаль будеть, если этакого человѣка лишится отечество! говоритъ Иванъ Фомичъ.

— Н-да... отечество! повторяетъ Курилкинъ, по-видимому, возвратившійся къ прежнему раздумью.

— А еще говорятьъ, что вельможи весь горды да неприступны! продолжаетъ Иванъ Фомичъ: — ви чуть не бывало!

— Это говорятъ тѣ, ваше превосходительство,

весьма основательно замѣчаетъ генералъ Голубчиковъ: — которые настоящихъ-то вельможъ и въ глаза не видали. А вотъ какъ мы съ вами и въ хатникъ съ ними посигивали, и трубочки покуривали, такъ дѣйствительно можемъ удостовѣрить, что вся разница между вельможей и обыкновеннымъ человѣкомъ только въ томъ и состоитъ, что у вельможи въ обхожденіи ароматъ какой-то есть...

— «Прохлады!» ворчитъ сквозь зубы Корепановъ.

— Нашъ князь, вступается статскій совѣтникъ Генераловъ: — такъ тотъ больше все лѣвой рукой дѣйствуетъ. И на стулья лѣвой рукой указываетъ, и подаетъ все лѣвшую руку.

— А что вы думаете? говоритъ генералъ Голубчиковъ: — вѣдь это именно правда, что у вельможъ лѣвая рука всегда какъ-то болѣе развита!

— Я полагаю, что въ этомъ свой разсчетъ есть, глубокомысленно замѣчаетъ Иванъ Ѣомичъ.

— То есть не столько разсчетъ, сколько грація, возражаетъ Голубчиковъ.

— Никакъ нѣть-съ, ваше преосходительство, не грація, а именно разсчетъ-съ.

— Нѣть... зачѣмъ же непремѣнно «разсчетъ?» Я, напротивъ того, положительно убѣжденъ, что грація, говоритъ Голубчиковъ, задѣтый за живое настойчивостью Ивана Ѣомича.

— А я, напротивъ того, положительно убѣжденъ, что разсчетъ, и имѣю на это доказательства.

— Это очень любопытно!

— И именно я полагаю, что всякий вельможа

хочеть этимъ дать понять, что правая рука у него занята государственными соображеніями.

— Ну-съ... а лѣвая рука тутъ зачѣмъ-сь?

— А лѣвая рука, какъ свободная отъ занятій, предлагается посѣтителемъ-сь...

— Ну-съ... а дальше что-сь?

— Ну-съ, а дальше тоже самое!

— Та-а-къ-сь!

Съ прискорбiemъ мы замѣчаемъ, что генералы наши не прочь посчитаться другъ съ другомъ. Извѣстно намъ, что между ними издревле существуетъ худо скрытая вражда, основаніемъ которой служить взаимное соперничество по части знакомства съ вельможами. Поэтому, хотя мы и питаемъ надежды на деликатность генерала Голубчикова, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуемъ, что еще одна маленькая капелька, и генеральское сердце безвозвратно преисполнится скорбью. Дѣйствительно, онъ взираетъ на Ивана ѡомича съ кроткимъ, но горестнымъ изумленіемъ; Иванъ же ѡомичъ не только не тронутъ этимъ, но, напротивъ того, устроилъ руки свои фертомъ, и въ этомъ положеніи какъ будто посмѣивается надъ всѣми громами и молніями. Положеніе дѣлается до такой степени натянутымъ, что статскій совѣтникъ Генераловъ считаетъ своею обязанностью немедленно вмѣшаться въ это дѣло.

— Я думаю, ваше превосходительство, обращается къ генералу Голубчикову:—что и въ самой граціи можетъ быть разсчетъ, точно такъ же, какъ и въ разсчетѣ можетъ быть грація...

— Дѣло возможное! отвѣчаетъ генераль холодно,

явно показывая, что онъ старый воробей, котораго никакими компромиссами не надуешь.

Разговоръ снова заминается, и все мы чувствуемъ себя нѣсколько сконфуженными. Холодность генерала свинцовой тучей легла на наше общество, и нѣть, кажется, столь сильнаго солнечнаго луча, который могъ бы съ усиліемъ разбить эту тучу. Мы все знаемъ, что Голубчиковъ преамбиціозный старикъ, и что едва ли онъ не единственный изъ нашихъ аристократовъ, о которомъ мы съ уверенностью можемъ сказать, что онъ въ одинъ платокъ съ вельможами сморкается. Всѣ мы, проче, въ этихъ случаяхъ болѣе или менѣе прилагаемъ, и если увираемъ иногда, что при такихъ-то обстоятельствахъ такой-то князь сказалъ намъ «ты» и назвалъ «любезнѣйшимъ», то этому можно вѣрить и не вѣрить. Но генераль Голубчиковъ дѣйствительно вполнѣ чистъ въ этомъ отношеніи, и если ужъ скажетъ, напримѣръ, что однажды въ его присутствіи князь Петръ Алексѣевичъ учинилъ деколтѣ, то никто не имѣтъ повода усомниться, что это именно такъ и было. «И для чего бы Ивану Фомичу не уступить! думаемъ мы, внутренне соболѣзнуя о происшедшемъ:—съ одной стороны, Ивану Фомичу слѣдовало бы сдѣлать небольшую уступочку, а съ другой, и генералу не мѣшало бы взглянуть на дѣло поснѣходительнѣе... и все было бы ладно, все было бы смирино, и мирно, и очень хорошо — такъ-то! А то вотъ дернула юлекая — ахти-хти-хти!» Но покуда мы только разсуждаемъ, статскій совѣтникъ Генераловъ уже принимаетъ дѣйствительныя мѣры къ

замиреню враждующихъ сторонъ. Онъ прежде всего начинаетъ заигрывать съ генераломъ Голубчиковимъ, какъ наиболѣе неподатливымъ.

— Не получили ли чѣто нибудь отъ графа на счетъ «этого» (крестьянскаго) дѣла, ваше превосходительство? спрашивается онъ.

— Получилъ-сь, упорствуетъ генераль въ холдности.

— Ваше превосходительство всегда самыя вѣрныя свѣдѣнія имѣть изволите, не менѣе упорно продолжаетъ заигрывать Генераловъ.

— Самъ по себѣ я никакихъ свѣдѣній не имѣю, но, конечно... довѣріе его сіятельства... однимъ словомъ, могу-таки въ иѣкоторыхъ дѣлахъ посодѣйствовать...

— Какъ-же-сь, какъ-же-сь, ваше превосходительство! вѣдь вы съ графомъ-то даже иѣсколько «свои?»

— Даже и не иѣсколько, отвѣчаетъ генераль, постепенно смягчаясь: — потому что моя Анна Федоровна положительнымъ образомъ приходится внучатной племянницей Праксовоѣ Ивановиѣ, а Праксовоѧ Ивановна, какъ вамъ известно...

— Да, если кто заслужить у графа желаетъ, такъ это именно, что стоять только къ Праксовоѣ Ивановиѣ дорогу найти! восклицаемъ мы хоромъ.

— И представьте, что я открылъ это родство совершенно случайно! Однажды прихожу къ Праксовоѣ Ивановиѣ по хозяйственнымъ ея дѣламъ, а ей вдругъ и приди на мысль спросить меня: «а что, говорить, ты женатъ или холостой?» — Женатъ, говорю,

ваше сиятельство, на Грѣховой. — «Ахъ, говорить, да вѣдь жена-то твоя миѣ внучатой племянницей приходится!» Начали мы тутъ разбирать да распутывать — ань и открылось! А не приди ей на мысль спросить меня, такъ бы оно и осталось подъ спудомъ...

Хотя мы неоднократно уже слышали этотъ анекдотъ, но считаемъ долгомъ и на сей разъ выслушать его съ полнымъ благоговѣніемъ. Вообще ничего таکъ не усмѣшаетъ нашихъ досуговъ, какъ разборъ родства и свойства сильныхъ мѣра сего. Повидимому, это весьма мало до насть касается, потому что собственно наши родственники суть экзекуторы и экспедиторы, но таково уже свойство людей происхожденія благороднаго, что они постоянно стремятся къ сферамъ возвышеннымъ, измѣнности же предоставляютъ низкому классу. Не радостно ли, напримѣръ, услышать, что графъ Алексѣй Николаичъ выдастъ дочь свою замужъ за сына князя Льва Семеныча? Не интересно ли при этомъ сообразить, что за молодою княгинею дано въ приданое столько-то тысячъ душъ, да у молодаго князя съ своей стороны столько-то тысячъ? Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, а въ нашемъ городѣ и въ нашемъ обществѣ всякая новая семейная радость нашихъ вѣльможъ поистинѣ составляетъ семейную радость каждого изъ насть.

— Да, господа, геральдика важная вещь! продолжаетъ между тѣмъ Голубчиковъ: — и нельзя не сожалѣть, что въ нашемъ отечествѣ наука эта находится еще въ младенческомъ состояніи...

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ напоминаній, Иванъ Єомичъ, который доселѣ пребывалъ въ законоіѣлости, дѣлаетъ первый шагъ, чтобы окончательно смягчить неудовольствіе генерала Голубчикова.

— И благопріятныя извѣстія изволили получить, ваше превосходительство? вопрошаешь онъ заискивающимъ голосомъ.

— Самыя благопріятныя-сь.

— То есть, въ какомъ же родѣ?

— Въ самомъ благонадежномъ-сь. Короче сказать: опасеній никакихъ имѣть не слѣдуетъ.

Генералъ окидываетъ насть торжествующимъ окомъ. Мы все лѣгко и весело вздрагиваемъ; иѣ-которые изъ насть произносятъ «слава Богу» и крестятся.

И не оттого совѣтъ мы крестимся, чтобъ отъ «этого» дѣла былъ для насть ущербъ или посрамленіе, а оттого единственно, что спокойствіе и порядокъ любимъ. Сами по себѣ мы не землевладѣльцы и хотя у насть имѣются иѣкоторыя благопріобрѣтенныя маетности, но онѣ заключаются преимущественно въ ломбардныхъ билетахъ, которые мы спѣшили въ настоящее время промѣнивать на пятипроцентные. Итакъ, не корысть и не холодный эгоизмъ руководитъ нашими дѣйствіями и побужденіями, а собственно, такъ сказать, патріотизмъ. Сей послѣдній въ различныхъ людяхъ производить различныя дѣйствія. Иныхъ побуждаетъ онъ лѣзть на стѣну, иныхъ стулья ломать... насть же побуждаетъ стоять смироно. Согласитесь, что и это своего рода дѣйствіе! Мы до такой степени любимъ наше отечество

въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало и существуетъ издревле (*au naturel*), что не смѣемъ даже вообразить себѣ, чтобы могли потребоваться въ фи-
гурѣ его какія нибудь измѣненія. Конечно, мы не хуже другихъ понимаемъ, что нельзя иногда безъ того, чтобы фестончикъ какой нибудь не поправить... ну, тамъ помощничка что ли къ становому прикинуть, или даже и цѣлый департаментикъ, для пользы общей, сочинить — слова нѣтъ! Но все это такъ, чтобы величія-то древняго не нарушить, чтобы гармонію-то прежнюю соблюсти, чтобы всякое дыханіе Бога хвалило, чтобы и травка — и та радовалась!

Такой образъ мыслей, по мнѣнию моему, есть самыи благонадежный и основанный на истинномъ пониманіи вещей. Чтобъ сдѣлать мысль мою осязательнѣе, прибѣгну въ сравненію. Благоразумно ли было бы съ моей стороны, еслибъ я, напримѣръ, заявилъ желаніе, чтобъ у генерала Голубчикова быть римскій носъ? Нѣтъ, неблагоразумно. Во первыхъ потому, что онъ и нынѣ состоящимъ у него на лицѣ учтиво вздернутымъ башмачкомъ приводитъ въ трепетъ сердца всѣхъ повивальныхъ бабокъ, а во вторыхъ потому, что мѣсторожденіе римскихъ носовъ — Римъ, а не Россія (самое название достаточно о томъ свидѣтельствуетъ). Другой вопросъ: благоразумно ли было бы, еслибъ я пожелалъ, чтобъ на скотномъ дворѣ пахло фіалкой, а не навозомъ? Нѣтъ, неблагоразумно, ибо запахъ фіалки приличествуетъ гостинцамъ, а не скотнымъ двора мъ. Примѣровъ подобнаго рода безумныхъ желан-

ній можно привести множество, но и приведенныхъ двухъ, кажется, вполнѣ достаточно, чтобы убѣдить всѣхъ и каждого, что въ иныхъ случаяхъ желаніе нововведеній и какихъ-то тамъ перемѣнъ совершено равносильно тому, какъ бы кто настаивалъ, чтобы у отечества нашего выросъ римскій носъ.

— Итакъ, это дѣльцо въ архивъ можно сдать! говорить Иванъ јомичъ, весело потирая руки.

— Какъ видно-съ.

— Да-съ; это, что называется...

— Всегда должно было ожидать.

— А вѣдь спачала-то оно было пошло... тово....

— Да, бойко, бойко было пошло.

— Политика, — и больше ничего !

— Конечно, политика ! Да оно и натурально, продолжаетъ ораторствовать Голубчиковъ : — мы только тѣмъ и крѣпки, господа, что никогда никакихъ вредныхъ нововведеній не принимали, а жили, съ помощью Божіей, какъ завѣщали намъ предки.

— Однако, Петръ Великій, ваше превосходительство?... учиuo замѣчаетъ Генераловъ.

— Ну что жъ... хоть и Петръ Великій! бороды сбрить приказалъ изволилъ — и большие ничего!

— Регуляр ноевойско завель-съ! дикимъ голосомъ отзывается изъ отдаленнаго угла батальонный командиръ, который упорно молчалъ, покуда, по его мнѣнію, разговоръ касался гражданской части.

— Ужъ Петръ Михайловичъ не можетъ утерпѣть безъ того, чтобы за свою часть не заступиться! говорить Иванъ јомичъ, ласково подмигивая.

— Въ гражданскую часть не вступаюсь-сь, а своего дѣла не упущу-сь! какъ-то особенно исправно скандуетъ командиръ, какъ будто получаетъ за это благодарность по корпусу.

— Ну что жъ... хоть бы и регулярное войско! не смущается Голубчиковъ: — эта только для спокойствія — и больше ничего! Однако, никакихъ эта-кихъ машинъ, или, напримѣръ, чтобы Иванъ назывался Матвѣемъ, а Матвѣй Сидоромъ (какъ нынче) — ничего этого не бывало!

— А нынче это бываетъ? любознательно спрашиваетъ Корепановъ.

— Бываетъ-сь, холодно отвѣчаетъ Голубчиковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что размышенія и соображенія на счетъ величественнаго хода нашей исторіи могли бы завлечь насъ довольно далеко, но появленіе милой хозяйки дома весьма естественно прерываетъ тонкую нить нашихъ историческихъ розысканий. Анна Федоровна издревле пользуется репутацией любезности и неотразимой очаровательности. Еще въ Казани, въ домѣ своихъ родителей, она уже умѣла быть самою пріятною и самою занимательною изъ всѣхъ туземныхъ дѣвицъ, несмотря на то, что въ этомъ городѣ, при помощи разныхъ учебныхъ заведеній, уровень любезности вообще стоитъ довольно высоко. Потомъ, принявъ къ себѣ въ компанію генерала Голубчикова, Анна Федоровна сдѣлала съ нимъ не столько артистическое, сколько полезное путешествіе по Россіи, успѣла очаровать Пермь, оставила отрадное впечатлѣніе въ Рязани и овладѣла всѣми сердцами въ Симбирскѣ. Въ настоящее

время она предсъдательствуетъ въ нашемъ городѣ, и предсъдательствуетъ съ тѣмъ тактомъ, который ясно свидѣтельствуетъ, что, и не выходя изъ министерства финансовъ, женщина можетъ оставаться обворожительною. Хотя она является въ нашемъ (мужскомъ) обществѣ на минуту, тѣмъ не менѣе ни одного изъ насъ не оставитъ безъ того, чтобы не подарить какою нибудь любезностью, доказывая тѣмъ осознательно, что для умной женщины минута имѣеть не шестьдесятъ секундъ, а столько, сколько ей захочется. Минѣ сказывали (не знаю, въ какой степени это достовѣрно), что она даже секретаря своей палаты не оставляетъ безъ вопроса о здоровье жены и дѣтей его, въ то время, когда этотъ достойный мужъ, посидѣвъ съ утреннимъ визитомъ въ кабинетъ его превосходительства, съ пустыми руками и красный, какъ ракъ, перебѣгаєтъ черезъ залъ въ прихожую.

— Вы, конечно, серьезными дѣлами заняты, messieurs? обращается она, окидывая всѣхъ насъ ласковымъ взоромъ.

— Нѣть, тряпками! любезно отзыкается генераль, который между дамами нашего общества пользуется репутацией милаго гроньяра.

— Однако, мужчины имѣютъ о бѣдныхъ женщинахъ самое обидное понятіе! какъ будто мы только и можемъ быть заняты, что тряпками.... говорить генеральша, слегка вздыхая.

И затѣмъ сдѣлавъ каждому изъ насъ пріятный вопросъ («la sant  de madame est toujours bonne?» или: «а у вашего Колечки уже прорѣзались зубки, Иванъ

Фомичъ?»), она удаляется, увлекши за собой во внутреннеѣ покой Корепанова, который, какъ человѣкъ молодой и холостой, можетъ, конечно, принести больше удовольствія ея demoiselles, нежели намъ.

Послѣ этого, изъ внутреннихъ покосъ къ намъ высыпается превосходно сервированный чай, съ превкусными здобными булками, причемъ генераль весьма привѣтливо замѣчаетъ: — «вотъ это такъ дамское дѣло.... хозяйничать тамъ.... чай разливать....»

— А вѣдь русскій народъ именно добрый народъ! говорить Иванъ Фомичъ, который, какъ любитель отечественной старины (онъ въ свое время, служа въ департаментѣ, цѣлый архивъ въ порядокъ привелъ), стараетъ иетиѣніемъ навести разговоръ на прежнюю тему.

— Кроткій народъ! подтверждаетъ генераль Голубчиковъ.

— И терпѣніе-сь! отзыается командиръ.

— Н-да; этакой народъ стоитъ того, чтобы о немъ позаботиться! говорить генераль и въ глаза его внезапно закрадывается какое-то удивительное блаженство, чуть-чуть лишь подернутое меланхоліей, какъ будто онъ въ ту же минуту радъ радехонекъ быть бы озабочиться, но это не отъ него зависитъ.

— Въ нынѣшнемъ году всѣ пайки простиль-сь! вмѣшивается командиръ.

— Всѣ? спрашиваетъ Голубчиковъ, въ конецъ побѣжденный такимъ великодушіемъ.

— Рѣшительно всѣ-сь!

— Какая, однакожь, ножвальная черта!

— Желательно было бы, знаете, изучить его, предлагается Иванъ Фомичъ.

— То есть, въ какомъ же это смыслѣ?

— Ну тамъ... нужды... желанія...

— Гм... я однако же не думаю, чтобъ это могло принести ожидаемую пользу...

— Почему же, ваше превосходительство?

— А потому, ваше превосходительство, что тутъ имѣть именно того, что мы, люди образованные, привыкли разумѣть подъ именемъ нуждъ и желаній.

— Согласитесь, однакожь, что нужды и желанія могутъ рождаться не только сами по себѣ, но и посредствомъ возбужденія, ваше превосходительство! Оставьте, напримѣръ, меня въ покой—ну, я конечно не буду имѣть ни нуждъ, ни желаній, а предиши-камъ кто нибудь: «ты, любезный, обязанъ имѣть нужды и ощущать желанія»... повѣрьте, ваше превосходительство, что тѣ и другія являются непремѣнно!

— Всё это очень можетъ быть, но позвольте одинъ нескромный вопросъ: лучше ли будетъ?

— Если ваше превосходительство позволите рассматривать вопросъ съ этой точки зрѣнія...

— Не видимъ ли мы примѣровъ, что желанія только отравляютъ жизнь человѣка?

— Этого, конечно, нельзя отрицать-сь....

— Не встрѣчаемъ ли мы на каждомъ шагу, что тѣ люди самые счастливые, у которыхъ желанія ограничены, а нужды не выходятъ изъ предѣловъ благоразумія?

— Это всеконечно-сь....

— Слѣдовательно, ваше превосходительство, на

это дѣло надо взглянуть не съ одной, а съ различныхъ точекъ зрѣнія....

Иванъ Ѹомичъ соглашается безусловно, и разговоръ, повидимому, истощается. Сознаюсь откровенно, мы не недовольны этимъ. Уже давно заглядываемся мы на зеленые столы, разставленные въ залѣ, а искренний пріятель мой, Никита Ѣедорычъ Птицынъ (званиемъ помѣщикъ), еще полчаса тому назадъ, предварительно толкнувъ меня въ бокъ, сказать мнѣ по секрету: «что за чушь несутъ наши генералы! давно бы пора за дѣло, а потомъ и водку пить!» И хотя я въ то время старался замять такой странный разговоръ, по внутреню — не смѣю въ томъ не покаяться! — не могъ не пожелать, чтобы Иванъ Ѣомичъ какъ можно скорѣе согласился съ генераломъ, и чтобы вѣтъ эти серьезныя дѣла были отложены.

Но и на этотъ разъ надеждамъ нашимъ не суждено сбыться, потому что едва лишь генераль открываетъ ротъ, чтобы сказать: «а не пора ли, господа, и за дѣло?» какъ двери съ шумомъ отворяются и въ комнату влетаетъ генераль Рылоновъ (въ сущности, онъ не генераль, но мы его въ шутку такъ прозвали), запыхавшися и озабоченный.

— Слышали, ваше превосходительство? обращается онъ къ хозяину дома: — Шалимовъ въ трубу вылетѣлъ!

— Сѣвль Забулдыгинъ! восклицаемъ мы хоромъ.

— Скажите, пожалуйста! отдѣляется голосъ Голубчикова: — и такъ-таки безъ всякихъ онѣровъ?

— Безо всего-съ; даже никуда не причисленъ-съ.

— Что называется, умеръ безъ покаянія! спра-
ведливо замѣчаетъ Иванъ Фомичъ.

Пѣхотный командиръ дико гогочеть. Голубчи-
ковъ долго не можетъ придти въ себя отъ удивле-
нія и время отъ времени повторяетъ: «скажите, по-
жалуйста!»

— А вѣдь нельзя сказать, чтобы глупый чело-
вѣкъ быль! говоритъ Генераловъ.

— Ничего особеннаго, возражаетъ Рылоновъ.

— Все около свѣчки леталь!

— А главное то забавно, что свѣчку-то нашу
сальную за солнце принималъ...

— Ань, и обжогъ крылушки!

— Ахъ, господа, господа! Какъ знать, чего не
знаешь! Какъ солнышка-то нѣть, такъ и сальную
свѣчку поневолѣ за солнце примешь! говорить Го-
лубчиковъ, впадая, по случаю превратности су-
дебъ, въ сугубую сантиментальность.

— Все, знаете, какого-то смысла искаль...

— Даже въ нашей канцелярской работѣ...

— Смѣшино слушать!

— Всѣхъ столоначальниковъ сѣ ногъ смоталяръ!

— И что, напримѣръ, за расчетъ быль есориться
съ Забулдыгинымъ? продолжаетъ Голубчиковъ: —
рѣшительно не могу понять! Я самъ вотъ, какъ ви-
дите, не разъ ему говорилъ: «да плюньте вы на
него, Николай Иванычъ!» Такъ нѣть, куда тебѣ!
«Плюнуть-то, говорить, я на него, пожалуй, плюну,
только вѣдь и растереть потомъ надо, ваше прево-
ходительство!»

— Ань, вотъ и растирай теперѣ!

— Граница теперь въ Питеръ мостовую, покуда приличное место отыщешь...

— Это, какъ по нашему говорится: cherche! замѣчаетъ командиръ.

— А плонулъ бы, такъ и все бы ладно!

— Оно конечно, ваше превосходительство, что лучше плонуть, но вѣдь съ другой стороны и сердце иногда болитъ! возражаетъ статскій совѣтникъ Генераловъ.

— И ой, ой, еще какъ болитъ! развивается Иванъ Ёомичъ.

— И все-таки плонуть! упорствуетъ Голубчиковъ: — да помилуйте, господа, чтожь это за ребячество! Ну, вы представьте себѣ, напримѣръ, меня: ну, иду я по улицѣ и встрѣчаю на пути своею неприличную кучу... Неужели я стану огрызаться на на нее за то, что она на пути моемъ легла? нѣть, я плону на нее, и плонувши осторожно обойду.

— Нѣть-съ, ваше превосходительство, я на счетъ этого не могу пристать къ вашему мнѣнію, возражаетъ Иванъ Ёомичъ: — конечно, на кучу, такъ сказать, неодушевленную и слѣдовательно не своимъ произволомъ накиданную, сердиться смѣшно, но въ оврагъ ее свалить все-таки слѣдуетъ-съ.

— А если оврагъ ужъ заваленъ?

— И, ваше превосходительство! въ губернскомъ городѣ чтобъ не нашлось места для нечистотъ! — да это Боже упаси!

— А я все-таки продолжаю утверждать, что слѣдуетъ плонуть и больше ничего!

— Нѣтъ, вы мнѣ объясните, за что они передрались? спрашиваетъ Генераловъ.

— Да вѣрно ли это?

— Ты, генералъ, не совраль ли?

— Вѣдь ты, ваше превосходительство, здоровъ вратъ-то!

— Помилуйте-съ, сейчасъ изъ клуба-съ; Забулдыгинъ самъ всѣмъ разсказываетъ!

— Чай, шампанское на радостяхъ лакаетъ?

— Не безъ того-съ.

— Ну, значитъ, крупно наябедничалъ!

— А жаль молодаго человѣка. Еще намеднись говорилъ я ему: «плюньте, Николай Иванычъ!» — такъ нѣть же!

Для объясненія этой сцены, считаю неизлишнимъ сказать нѣсколько словъ о Шалимовѣ и Забулдыгинѣ.

Шалимова мы вообще не любили. Человѣкъ этотъ, будучи поставленъ природою въ равныя къ намъ отношенія, постоянно предъявлялъ наклонности странныя и даже отчасти подлые. Дружелюбный съ низшимъ сортомъ людей, онъ былъ самонадѣянъ и даже заносчивъ съ равными и высшими. Къ красотамъ природы былъ равнодушенъ, а къ человѣческимъ слабостямъ предосудительно строгъ. Глумился надъ пристрастіемъ генерала Голубчикова къ женскому полу, хотя всякий благомыслящій гражданинъ долженъ понимать, что человѣкъ его лѣтъ (т. е. преклонныхъ) и притомъ имѣющій хорошія средства не можетъ безъ сего обойтись. Дѣйствія Забулдыгина порицалъ открыто и (что всего важнѣе)

позволялъ себѣ разныя колкости на счетъ его дѣйствительно несоответствующаго своему назначению носа. Вообще же видѣлъ предметы какъ бы на изнанку, и походилъ на человѣка, который, не воздвигнувъ еще новаго зданія, желаетъ подкопаться подъ старое. Желаніе тѣмъ болѣе пагубное, что въ послѣднее время уже неоднократно являлись прімѣры исполненія его. Слѣдовательно, удаленіе такого человѣка должно было не огорчить, но обрадовать насъ. И думаю, что принесенное Рылоновымъ извѣстіе произвело именно подобнаго рода дѣйствіе; хотя же генераль Голубчиковъ и заявилъ при этомъ иѣкоторое сожалѣніе, но должно полагать, что это сдѣлано имъ единственно по чувству христіанскаго человѣколюбія.

Что же касается Забулдыгина, то человѣкъ этотъ представляетъ иѣкоторый психическій ребусъ, досѣль остающійся неразгаданнымъ. Повидимому, и въ мнѣніяхъ о природѣ вещей онъ съ нами не разнствуетъ, и на откуна смотрить съ разумной точки зрѣнія, и въ гражданскихъ доблестяхъ никому не уступитъ; тѣмъ не менѣе есть въ немъ иѣчто такое, что заставляетъ насъ избѣгать искреннихъ къ нему отношеній. Это «иѣчто» есть странный иѣкій административный лай, который, какъ бы независимо отъ него самого, природою въ него вложенъ. Иной разъ онъ видимо приласкать человѣка хочетъ, но вдругъ какъ бы чѣмъ либо поперхнется и, вмѣсто ласки, подниметъ столь озлобленный лай, что даже вчуждѣ слышать больно. Такіе люди бываютъ. Иной даже свой собственный носъ въ зеркалѣ уви-

дить и тутъ уже думаетъ: «а славно было бы, кабы этотъ поганый носъ откусить или отрѣзать!» Но если онъ о своемъ носѣ такъ помышляетъ, то какъ мало долженъ пещись о носахъ ему не принадлежащихъ! Очевидно, сіи постѣдніе не могутъ озабочивать его никакъ. Многіе полагаютъ, что озлобленіе Забулдыгина происходитъ частію отъ причинъ гастрическихъ (пьянства и обжорства), частію же отъ огорченія, ибо, надо сказать правду, Забулдыгинъ не мало-таки потасовокъ въ жизни претерпѣлъ. Но намъ отъ этого не легче, потому что лай Забулдыгина не только на Шалимова съ компанией, но и на всѣхъ насъ безъ различія простирается, хотя съ нашей стороны, кромѣ уваженія къ отеческимъ преданіямъ и соблюденія издревле установленныхъ въ палатахъ обрядовъ, ничего противоестественного или пасквильного не допускается. А потому, въ семъ отношеніи, поступки Забулдыгина я ни съ чѣмъ другимъ сравнить не умѣю, кромѣ злобы ограниченной отъ природы шавки, лающей на собственный свой хвостъ, въ которомъ, отъ ея же неопрятности, завелись различные насѣкомые.

Пора, однакожъ, кончить съ Шалимовымъ и Забулдыгінымъ, воспоминаніе о которыхъ отравляеть пріятные часы нашего существованія. Уже давно ждутъ насъ гостепріимные зеленые столы, и генераль Голубчиковъ съ любезной улыбкой останавливается передъ каждымъ изъ насть, предлагая по карточкѣ. Въ продолженіе послѣдующихъ двухъ часовъ со всѣхъ сторонъ раздаются лишь веселые

возгласы, и могу сказать смѣло, что даже проигрышь денегъ, обыкновенно располагающій человѣка къ скорби и унынію, не нарушаетъ общаго пріятнаго настроенія духа.

Въ особенности отличается пѣхотный командиръ, который за картами хочетъ вознаградить себя за нѣсколько часовъ тѣгостнаго молчанія, наложеннаго имъ на себя въ продолженіе вечера.

— Греческій человѣкъ Трефандосъ! восклицаетъ онъ, выходя съ трефъ.

Мы всѣ хохочемъ, хотя Трефандосъ этотъ является на сцену аккуратно каждый разъ, какъ мы садимся играть въ карты, а это случается едва ли не всякой вечеръ.

— Фики! продолжаетъ командиръ, выходя съ пиковой масти.

— Ой, да перестань же, пострѣль! говоритъ генераль Голубчиковъ, покатываясь со смѣху:—вѣдь этакъ я всю игру съ тобой перепутаю.

Такимъ образомъ мы пріятно проводимъ остаточную часть вечера, вплоть до самаго ужина.

Кто что ни говори, а карты для служащаго человѣка вещь совершенно необходимая. День-то деньской слоняясь по правленьямъ да по палатамъ, по неволѣ умаешься и захочешь отдохнуть. А какое отдохновеніе можетъ быть приличнѣе картъ для служащаго человѣка? Вино пить — непристойно; книжки читать — скучно, да и пишутъ нынче все какія-то безнравственности; разговоромъ постоянно заниматься — и нельзя да и матерію не скоро отыщешь; съ дамами любезничать — для этого въ наши

лѣта просторъ требуется; на молодыхъ утѣшаться — утѣшенья-то мало видишь, а все больше озорство одно... Словомъ сказать, вездѣ какъ будто пустыня. А карты — святое дѣло! За картами и время скорѣе уходитъ, и сердцу волю даешь, да и не проболтаешься. Иной разъ и чешется языкъ что нибудь лишнее сказать, ань тутъ десять безъ козырей совсѣду придетъ — ну, и промолчиши поневолѣ. Нѣтъ, карты именно благодѣтельная для общества вещь — это не я одинъ скажу.

Но вотъ и ужинъ. Кушанья подаются не роскошные, но сытныя и здоровыя. Подкрепивши себя рюмкой водки, мы весело садимся за столъ и съ новою силой возобновляемъ прерванную преферансомъ бесѣду. Вспоминается милое старое время, вспоминаются молодые годы и сопровождавшія ихъ канцелярскія проказы, вспоминаются добрые начальники, охранители нашей юности и благодѣтели нашей старости, и быстро летятъ часы и минуты подъ вліяніемъ этихъ веселыхъ воспоминаній!

Такъ проводимъ мы свободные отъ служебныхъ занятій часы, и могу сказать по совѣсти, что наступающій затѣмъ сумракъ ночи не вызываетъ за собой никакихъ видѣній, которыхъ могли бы возмутить нашъ душевный покой. И въ самомъ дѣлѣ, перелистывая книгу моей жизни (книгу для многихъ столь горькую), я нахожу въ ней лишь слѣдующее:

Такого-то числа, всталъ, умылся, помолился Богу, былъ въ палатѣ, гдѣ пользовался правами и преимуществами, предоставленными мнѣ закономъ и древними обычаями родины, обѣдалъ, послѣ обѣда

отдыхалъ, вечеръ же провелъ въ безобидныхъ для ближняго разговорахъ и увеселеніяхъ.

Такого-то числа, всталъ, умылся, помолился Богу, былъ въ палатѣ и т. д., т. е. одно и тоже ровно столько разъ, сколько, по благости Провидѣнія, суждено будетъ прожить мнѣ дней въ земной сей юдоли.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ТИШЬ.

Утро. Кондратій Трифонычъ Сидоровъ спалъ ночь скверно и въ величайшей тоскѣ слоняется по опустѣлымъ комнатамъ деревенского своего дома. Комнатъ цѣлый длинный рядъ, и слоняться есть гдѣ; нѣкогда онъ гордился этимъ рядомъ залъ, гостиныхъ, диванныхъ и проч., и даже называлъ его анфиладою, произнося и нѣсколько въ носъ; теперь онъ относится къ анфиладѣ иронически и, принимая гостей, говорить просто: а вотъ и сараи мои!

На дворѣ зима и стужа; въ комнатахъ свѣжо, окна слегка запушило снѣгомъ; видѣ изъ этихъ оконъ неудовлетворительный: земля покрыта бѣлой пеленою, рѣчка скована, людскія избы занесло

сугробами, деревня представляется издали какою-то безобразною кучею почернѣвшей соломы.... бѣло, голо и скучно!

Походитъ, походитъ Кондратій Трифонычъ и остановится. Иногда потретъ себѣ ладонью по животу и слегка постонетъ, иногда подойдетъ къ окну и побарабанитъ въ стекло. Вонъ по дорогѣ ѹдуть въ одиночку сани, въ саняхъ завалился мужикъ; проѣзжаетъ мимо барскаго дома и шапки не ломаетъ.

— Ладно! думаетъ Кондратій Трифонычъ.

И опять начинаеть ходить по своимъ сараймъ, и опять остановится. Посмотритъ на сапоги, просторно ли они сидятъ на ногѣ, вытянетъ ногу, чтобъ удостовѣриться, крѣпко ли штрипки пришиты и не морщатъ ли брюки.

— Ванька! квасу! кричитъ Кондратій Трифонычъ.

Ванька бѣжитъ изъ лакейской и подаетъ на подносѣ стаканъ съ пѣнящимся квасомъ. Но Кондратію Трифонычу кажется, что онъ не подаетъ, а суетъ:

— Чѣмъ ты суешь? чѣмъ ты мнѣ суешь? вскидывается онъ на Ваньку.

— Ничего я не сѹю! отвѣчаетъ Ванька.

— Ладно! думаетъ Кондратій Трифонычъ.

И опять начинается ходьба. Кондратій Трифонычъ останавливается передъ стѣнными часами и пристально смотритъ на циферблать; посерединѣ циферблата крупными буквами изображено: London, а внизу болѣе мелкимъ шрифтомъ: Nossoff à Moscou. Все это онъ сто разъ видѣлъ, надѣль всѣмъ этимъ сто

разъ острилъ, но онъ все-таки смотрить, какъ будто хочетъ выжать изъ надписи какую-то новую, неслыханную еще остроту. Часы стучать мѣрно и однобразно: тикъ-такъ, тикъ-такъ; Кондратій Трифонычъ вторить имъ: тикё-такё, тикё-такё, притопывая въ тактъ ногою. Наконецъ и это прискучиваетъ; онъ снова подходитъ къ окну и начинаетъ взглядываться въ деревню. Оттуда не слышно ни единаго звука; только сѣрые дымки вьются надъ хижинами добрыхъ поселянъ. Кондратію Сидорычу, неизвѣстно съ чего, приходить на мысль слово «антагонизмъ», и онъ начинаетъ пѣть: антагонизмъ! антагонизмъ! выговаривая букву *и* въ нось. Все это заканчивается свистомъ, на который опять вѣбгаеть Ванька.

— Ты что на меня глаза вытаращилъ? напускается на него Кондратій Трифонычъ.

— Ничего я не вытаращилъ! отвѣчаетъ Ванька.

— Ладно! говоритъ Кондратій Трифонычъ: — пошель, позови Агашку!

Черезъ минуту является Ванька и докладываетъ: что Агашка не идетъ.

— Почему жь она не идетъ?

— Говорить: не пойду!

— Только и говорить?

— Только и говорить!

— Ладно!

Въ головѣ Кондратія Трифоныча зреетъ мысль: онъ рѣшается все терпѣть, все выносить до приѣзда становаго. Поэтому, хотя внутри у него и кипитъ, но онъ этого не выражаетъ; онъ даже никому не

возражаетъ, а только думаетъ про себя: ладно! и помалчиваетъ... до прѣзда становаго.

Не дальше какъ вчера на ночь, Ванька снималъ съ него сапоги и вдругъ ни съ того ни съ сего прыснулъ.

— Ты чему, шельма, смѣешься? полюбопытствовалъ Кондратій Трифонычъ.

— Ничего я не смѣюсь! отвѣчалъ Ванька.

— Этаکая бестія! смѣется, да тутъ же въ глаза еще запирается!

— Чего мнѣ запираться? кабы смѣялся, такъ бы и сказалъ, что смѣялся! упорствовалъ Ванька.

— Ладно!

Съ этихъ поръ въ немъ засѣла мысль, съ этихъ поръ онъ рѣшился терпѣть. Одно только смущаетъ его: всѣ свои грубости Ванька производить наединѣ, то есть тогда, когда находится съ Кондратьемъ Трифонычемъ съ глазу на глазъ. Выйдетъ Кондратій Трифонычъ на улицу — Ванька бѣжитъ впереди, сиѣгъ разгребаетъ, спрашиваетъ, не озябли ли ножки; придетъ къ Кондратію Трифонычу староста — Ванька то и дѣло просовываетъ въ дверь свою голову и спрашиваетъ, не угодно ли квасу.

— Услуга парень! замѣчаетъ староста.

— Гм... да... услуга! бормочетъ Кондратій Трифонычъ и обдумываетъ какой-то планъ.

Онъ считаетъ обиды, понесенные имъ отъ Ваньки, и думаетъ, какъ бы такимъ образомъ его уличить, чтобы и отвертѣться было нельзя. Намѣдни, напримѣръ, Ванька, подавая барину чай, скорчилъ рожу; еслибы можно было устроить, чтобы эта рожа

такъ и застыла до пріѣзда становаго, тогда было бы неоспоримо, что Ванька грубилъ. Въ другой разъ, на вопросъ барина, какова на дворѣ погода, Ванька отвѣчалъ: сиверко-съ, но отвѣчалъ это такимъ тономъ, что еслибъ можно было, чтобы тонъ этотъ застылъ въ воздухѣ до пріѣзда становаго, то, конечно, никто бы не усумнился, что Ванька грубилъ. И еще разъ, когда баринъ однажды дѣлалъ Ванькѣ репримандъ по поводу нерачительно вычищенныхъ сапоговъ, то Ванька, ничего не отвѣчая, отставилъ ногу; еслибъ можно было, чтобъ онъ такъ и застылъ въ этой позѣ до пріѣзда становаго, тогда, разумѣется...

— Нѣтъ, хитеръ бестія! ничего съ нимъ не подѣлаешь! восклицаетъ Кондратій Трифонычъ, и ходить, и ходить по своимъ сараймъ, ходить до того, что и поль-то словно жалуется и стонеть подъ ногами его: да сядь же ты, ради Христа!

Онъ уже давно замѣтилъ, что между нимъ и Ванькой поселилась какая-то холодность, какая-то натянутость отношеній. Услышавши, что обѣ этомъ предметѣ весьма подробно объясняется въ книжкѣ, называемой «Русскій Вѣстникъ», онъ съѣздилъ къ сосѣду, взялъ у него книжку и узналъ, что подобная натянутость отношеній называется сословнымъ антагонизмомъ.

— Ну, а дальше что? допрашивалъ Кондратій Трифонычъ, но книжка говорила только, что обѣ этомъ предметѣ подробнѣе объясняется въ другой такой же книжкѣ.

— Оно конечно, разсуждалъ по этому поводу Кон-

дратій Трифонычъ: — оно конечно... Ванька сапоги чистить, а я ихъ надѣваю, Ванька печки топить, а я около нихъ грѣюсь... ну да, это оно!

И съ тѣхъ порь слово «антагонизмъ» до такой степени врѣзалось въ его память, что онъ не только положилъ его на музыку, но даже употребляетъ для выраженія всякаго рода чувствъ и мыслей.

И ходить Кондратій Трифонычъ по своимъ опустѣлымъ сараймъ, ходить и останавливается, ходить и мечтаетъ. Мало по малу мысль его оставляетъ Ваньку-подлеца и обращается къ другимъ предметамъ. Онъ думаетъ о томъ, что вдругъ будущимъ лѣтомъ во всѣхъ окрестныхъ имѣніяхъ засуха, а у него у одного все дожди, все дожди; что окрестные помѣщики не соберутъ и на сѣмена, а онъ все самъ-десять, все самъ-десять. Онъ думаетъ о томъ, что кругомъ все тихо, а у него въ имѣнии вдругъ землетрясеніе; слышится подземный шумъ, люди въ смятениі, животныя въ ужасѣ... вдругъ вв!... зз!... жж!... и, о радость, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ у него росъ паршивый кустарникъ, въ одну минуту выростаетъ высокій и частый лѣсъ, за который ему съ первого слова даютъ по двѣсти рублей за десятину. Онъ думаетъ о томъ, что мужики его расторговались, что они помнятъ его благодѣянія и подносятъ ему соболью шубу въ пятнадцать тысячъ рублей серебромъ. Онъ думаетъ о томъ, что въ Москвѣ сгорѣло все сѣно, сгорѣли всѣ дрова и неизвѣстно куда дѣвался весь хлѣбъ, что у него, напротивъ того, вслѣдствіе собственной благоразумной экономіи, а также вслѣдствіе различныхъ

поощрений природы, всего этого накопилось множество, что онъ возитъ и продаеть, возитъ и продаеть... Онъ думаетъ о томъ, что вышло повелѣніе ни у кого ничего не покупать, кромѣ какъ у него, Сидорова, за то, что онъ, Сидоровъ, въ такую-то достопамятную годину пожертвовалъ изъ крестьянскаго запаснаго магазина столько-то четвертей, да потомъ еще столько-то четвертей, и тѣмъ показалъ ревность безпримѣрную и чувствительность подражанія достойную.... Онъ думаетъ о томъ, что въ домѣ его собрались окрестные помѣщики и что онъ имъ толкуетъ о превосходствѣ вольнонаемнаго труда надъ крѣпостнымъ. «Конечно, господа, говорить онъ имъ, въ настоящее время помѣщикъ не можетъ получать дохода, сидя на мѣстѣ сложа руки, какъ это бывало прежде; конечно, онъ прежде всего долженъ употребить свой личный трудъ, свою личную, такъ сказать, распорядительность...»

Но вотъ мысли его, отъ усиленной работы, начинаютъ мѣшаться. Передъ глазами его, отъ безпрерывнаго коловоротнаго движенія, показываются зеленые круги; бѣлая колокольня, стоящая передъ барскимъ домомъ, начинаетъ словно подплясывать; дворовая баба, проходящая по двору, словно не идетъ, а на одномъ мѣстѣ пошатывается и что-то у ней подъ фартукомъ, что-то у ней подъ фартукомъ....

— Есть что ли мнѣ хочется? спрашиваетъ самъ себя Кондратій Трифонычъ и съ злобою замѣчаетъ, что часовая стрѣлка показываетъ только десять.

— А вѣдь у ней подъ фартукомъ что-то есть,

продолжаетъ онъ, но не даетъ своимъ предположеніямъ дальнѣйшаго развитія, а только прибавляетъ: — ладно!

Надоѣло ходить, надоѣло мыслить... Кондратій Трифонычъ садится на диванъ и примѣчаетъ, что пыль со стола не сметена. Въ былое время, т. е. до «антагонизма», онъ вскіпѣлъ бы при видѣ такого беспорядка, онъ кликнулъ бы Ваньку и тутъ же задалъ бы ему трепку. Теперь этотъ беспорядокъ приноситъ ему болѣе удовольствія, нежели огорченія, ибо онъ видѣтъ въ немъ улику.

— Ванька! кричитъ Кондратій Трифонычъ, и въ головѣ его слышится уже торжество побѣды: — это что?

— Столъ-съ, отвѣчаетъ Ванька съ самыи невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— А на столѣ что?

— Пыль-съ.

— Ну?

Ванька молчитъ.

— Ладно! говоритъ Кондратій Трифонычъ, и черезъ минуту имѣеть удовольствіе слышать, какъ Ванька хихикаетъ съ кѣмъ-то въ передней.

Кондратій Трифонычъ снова предается мечтаніямъ. Онъ мечтаєтъ о томъ, какъ было бы хорошо, еслибы онъ былъ живописцемъ; тогда онъ срисовалъ бы нахальную Ванькину рожу въ тотъ моментъ, когда отвѣчаетъ, «пыль-съ», и представилъ бы эту картинку становому. Но съ другой стороны, гдѣ же ручательство, что становой не приметъ этой картинки за вымыщенное произведение

собственной его, Кондратія Трифоныча, фантазії? гдѣ свидѣтели, которые подтверждали бы, что Ванька, отвѣчая «пыль-съ», имѣлъ именно такое, а не иное выраженіе лица?

— О, чортъ побери! Эти приказные вѣчно съ своими канцелярскими заковычками! восклицаетъ Кондратій Трифонычъ и начинаетъ выискивать мечтаний болѣе практическихъ.

Онъ мечтаетъ о томъ, какъ было бы хорошо, еслибы становой вдругъ, въ эту самую минуту, выросъ изъ земли, такъ, чтобы Ванька не опомнился и никакъ не успѣлъ стерѣть пыль со стола. Представляетъ онъ себѣ изумленную, ополоумѣвшую морду Ваньки, и невольно, и сладко хихикаетъ.

— «Пыль-съ», дразнитъ онъ Ваньку, почти подплясывая на мѣстѣ.

— Это что? грозно спрашиваетъ Ваньку воображаемый становой.

— «Пыль-съ», опять дразнится Кондратій Трифонычъ и опять подплясываетъ на мѣстѣ.

Становой, наконецъ, убѣждается; онъ приказываетъ срубить цѣлую березу и вручаетъ ее десятскимъ. Ваньку уводятъ... На другое утро, Ванька является шоковый; цѣлый день все что-то чистить и стираетъ, цѣлый день мететь полъ и оправляется баринову постель, цѣлый день ставить саловары и мѣшаетъ въ печкахъ дрова...

Но съ другой стороны (о, чортъ возьми!), гдѣ же ручательство, что становой именно велитъ березу срубить? Гдѣ ручательство, что онъ не отвѣтитъ

Кондратью Трифонычу, что онъ и самъ могъ бы стереть пыль со стола?

— О, чортъ побери! эти приказные вѣчно съ своими канцелярскими заковычками! восклицаетъ Кондратій Трифонычъ и начинаетъ выискивать мечтаний еще болѣе практическихъ.

Онъ мечтаетъ, что никакихъ заковычекъ больше нѣть, что онъ призываетъ становаго (который нарочно тутъ и сдѣланъ, чтобы заковычекъ не было) и говорить ему: Ванька мнѣ мину сдѣлалъ!

— Сейчасъ-съ, говорить становой и летить во весь духъ распорядиться.

Потомъ онъ опять призываетъ становаго и говорить ему: Ванька пыли со стола не стеръ!

— Сейчасъ-съ, говорить становой и летить распорядиться.

Но вотъ и опять мысли мѣшаются, опять образуются зеленые круги, опять подплясываетъ бѣлая дининая колокольня. Надобло сидѣть, надобло мыслить...

— Чортъ знаетъ, быть что ли мнѣ хочется? опять спрашивается себя Кондратій Трифонычъ и съ тоскою взглядываетъ на часы. Тоска обращается въ ненависть, потому что часовая стрѣлка показываетъ половину одиннадцатаго.

— За поповымъ братомъ что ли спосыпать? разсуждаетъ самъ съ собой Кондратій Трифонычъ и тутъ же рѣшаетъ, что спосыпать необходимо.

Кондратій Трифонычъ малый не злой и даже покладистый для своихъ домочадцевъ, но съ нѣкотораго времени нравъ у него страннымъ образомъ

перемѣнился. Ванька, съ свойственною ему легкокомысленностью, отзывался объ этой перемѣнѣ, что Кондратій Трифонычъ спятилъ; ключница Мавра выражалась скромнѣе и говорила, что баринъ задумывается, что на него находитъ. Какъ бы то ни было, но перемѣна существовала и произошла едва ли не въ ту самую минуту, какъ онъ прочиталъ, что есть на свѣтѣ какой-то сословный антагонизмъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ онъ вообразилъ себѣ, что онъ — одна сторона, а Ванька — другая сторона, и что они должны бороться. Ванька представлялъ собою интересы всѣхъ чистящихъ сапоги и топящихъ печки, Кондратій Трифонычъ — интересы всѣхъ носящихъ сапоги и грѣющіхся около истопленныхъ печей. Ясно, что стороны эти не могутъ понимать другъ друга и что изъ этого долженъ произойти антагонизмъ. И вотъ онъ борется утромъ, борется за обѣдомъ, борется до поздней ночи. Но Ванька не понимаетъ, что такое антагонизмъ и, очевидно, уклоняется отъ борьбы. Онъ исправляетъ свои обязанности по прежнему, то есть по прежнему не стираетъ пыли со столовъ, по прежнему забываетъ закрыть трубы въ печахъ, а Кондратій Трифонычъ видитъ во всемъ грубая мины, злостныя позы à la неглиже съ отвагой и старается Ваньку изобличить. Изъ этого выходитъ, что Ванька, какъ только забываетъ въ переднюю, первымъ дѣломъ начинаетъ хихикать и представляетъ, какъ баринъ къ нему пристаетъ. Кондратій Трифонычъ слышитъ это и говоритъ: ишь, шельма! смѣется! а того никакъ понять не хочетъ, что Ванька даже и

не подозрѣваетъ, что ему, Кондратю Трифонычу, хочется борьбы. И такимъ образомъ, умаявшись къ вечеру, оба засыпаютъ; Кондратій Трифонычъ видѣтъ во снѣ, что онъ сдѣлался медвѣдемъ, что онъ смялъ Ваньку подъ себя и торжествуетъ; Ванька видѣтъ во снѣ, что онъ третыи сутки все чистить одинъ и тотъ же сапогъ и никакъ-таки вычистить не можетъ.

— Что за чудо! кричитъ онъ во снѣ и, какъ оглашенный, вскакиваетъ съ одра своего.

— Ишь вѣдь, каналья, даже во снѣ не оставляетъ въ покоѣ! думаетъ въ это время Кондратій Трифонычъ, пробужденный неестественнымъ крикомъ Ваньки.

И такимъ образомъ проходятъ дни за днями. Выигрываетъ отъ этого положительно одинъ Кондратій Трифонычъ, потому что такое препровождение времени, по крайней мѣрѣ, наполняетъ пустые дни его. Съ тѣхъ поръ, какъ завелось «превосходство вольнонаемнаго труда надъ обязательнымъ», съ тѣхъ поръ, какъ съ другой стороны опекунскій совѣтъ закрылъ гостепріимныя свои двери, глуповскія веси уныли и запустѣли. Заниматься рѣшительно нечѣмъ да и не для чего: все равно ничего не выйдетъ. Говорять, будто это отъ того происходитъ, что кредиту нѣть и что Сидорычамъ подняться нечѣмъ; можетъ быть, жалоба эта и справедлива, однако до Сидорычей ни въ какомъ случаѣ относиться не можетъ. Недостатокъ кредита не губить, а спасаетъ ихъ, потому что, будь у нихъ деньги, они накупили бы себѣ собакъ, а не то что бы что нибудь

для души полезное сдѣлать. А то еще подниматься! Повторяю: веси пріуныли и запустѣли; въ весахъ дѣлать нечего, потому что все равно, ничего не выйдетъ. То, что оживляло ихъ въ бывалыя времена, какъ-то: взаимные банкеты и угощенія, а также распоряженія на конюшнѣ, то въ настоящее время не можетъ уже имѣть мѣста: первые — по причинѣ недостатка кредита, вторыя — потому что не дозволены. Какимъ же образомъ убить, какъ издержать распроклятые дни свои? По неволѣ ухватишься за антагонизмъ, хотя въ сущности никакого антагонизма нѣтъ и не бывало, а было и есть одно: «вы наши кормильцы, а мы ваши дѣти!» Вотъ и Кондратій Трифонычъ ухватился за антагонизмъ, и хотя онъ не сознается въ этомъ, но все-таки жизнь его съ тѣхъ поръ потекла какъ-то полнѣе. По крайней мѣрѣ, теперь у него есть политической интересъ, есть политическій врагъ, Ванька, противъ котораго онъ направляетъ всю дѣятельность своихъ умственныхъ способностей. Смотришь, анъ день-то и канулъ незамѣтнымъ образомъ въ вѣчность, а тамъ и другой наступилъ, и другой канулъ...

Но вотъ и батюшкинъ братъ пришелъ; Кондратій Трифонычъ слышитъ, какъ онъ сморкается и откашливается въ передней, и въ нетерпѣнїи ворчитъ:

— О, чтобъ!... сморкаться еще выдумалъ!...

Батюшкинъ братъ — человѣкъ маленький, рыхленький; онъ ужъ лѣтъ семь какъ состоитъ въ ожиданіи вакансіи, но, по какому-то несчастному случаю, мѣста не получаетъ; лицо имѣетъ благостное,

но вмѣстѣ съ тѣмъ и угрожающе, какъ будто оно говорить: а вотъ погоди! скажу я тебѣ ужо проповѣдь! Ходитъ батюшкінъ братъ словно лебедь плынетъ, рукой дѣйствуетъ размашисто, говорить размашисто. Но ѿ у него, вслѣдствіе внезапнаго перехода со стужи въ тепло, влаженъ, на усахъ виляетъ ледяныя сосульки.

— Скука, отче! говорить Кондратій Трифонычъ, послѣ взаимныхъ привѣтствій.

— Можно молитвою развлечься! отвѣчаетъ батюшкінъ братъ, и при этомъ лицо его слегка оскаляется.

— Ну васть!

Молчать.

— Сидѣль-сидѣль, молчаль-молчаль, начинаетъ Кондратій Трифонычъ:—инда дурость взяла! чортъ знаетъ, чего не передумалъ! хоть бы ты что ли, отче, паству-то вразумилъ!

— Развѣ предосудительное что замѣтить изволили? отвѣчаетъ батюшкінъ братъ, и лицо его выражаетъ жалость, смѣшанную съ испугомъ.

— Да что! грубять себѣ поголовно, да и шабашъ!

— Не похвалю!

— Просто житья отъ хамовъ нѣть!

— Въ комъ же вы наиболѣе такое настроеніе замѣтить изволили, Кондратій Сидорычъ?

— Во всѣхъ! Отъ мала до велика — всѣ грубятъ! Да какъ еще грубить-то выучились! Ни слова тебѣ не говорить — а грубить! служить тебѣ, каналья, стаканъ воды подаетъ — а грубить!

Батюшкинъ братъ тоскливо помоталъ головой и крякнулъ.

— И во многихъ такое настроение замѣчаете? брякнулъ онъ, позабывъ, что повторяетъ свой прежній вопросъ.

— Да говорять же тебѣ: во всѣхъ! во всѣхъ! Ну, слышишь ли ты: во всѣхъ! во всѣхъ!

Батюшкинъ братъ слегка привскакнулъ и откинулся назадъ, какъ будто обжогся. Опять молчать.

— Что-жъ это за скука такая! начинаетъ Кондратій Трифонычъ: — закуску что ли велѣть подать?

— Во благовременіи и пища невредительна бываетъ.

— А не во благовременіи какъ?

Батюшкинъ братъ опять привскакиваетъ и откидывается назадъ.

— Ну, и сиди не ъвши: зачѣмъ пустяки говоришь!

Молчать.

— Не люблю я, когда ты пустяки мелешь!

Молчать.

— И кого ты этими пустяками удивить хочешь?

Батюшкинъ братъ краснѣеть, Кондратій Трифонычъ тяжко вздыхаетъ и пропзноситъ:

— Охъ, скука-то, скука-то какая!

— Время не благопотребное! рискуетъ батюшкинъ брать, но тутъ же обнаруживается беспокойство, потому что Кондратій Трифонычъ смотритъ на него сурово.

— И откуда ты этакимъ глупымъ словамъ вы-

учился! говорилъ бы просто: непотребное время! И не надоѣло тебѣ языкъ-то ломать! строго говорить Кондратій Трифонычъ.

Опять водворяется молчаніе, изрѣдка прерываемое глубокими вздохами Кондратія Трифоныча. Батюшкинъ братъ вынимаетъ платокъ изъ кармана и начинаетъ вытиратъ имъ между пальцевъ.

— Что это я все вздыхаю! что это я все вздыхаю! произносить Кондратій Трифонычъ.

— О грѣсѣхъ... началъ было батюшкинъ братъ, но не окончилъ, а только пискнулъ.

— Тыфу ты!

Молчать.

— А ты слушалъ, что Скуракинъ на дняхъ такого же, вотъ какъ ты, поповскаго брата высѣкъ? спрашиваетъ внезапно Кондратій Трифонычъ.

— Сс... стало быть, слѣдствіе наряжено?

— Да, братъ; тоже вотъ все говорилъ: «о грѣсѣхъ» да «благоутробно» — ну, и высѣкъ!

Всю эту исторію Кондратій Трифонычъ сейчасъ только что выдумалъ, и никакого поповскаго брата Скуракинъ не сѣкъ. Но ему такъ понравилась его выдумка, что онъ даже повеселѣлъ.

— Да, братъ, права наши еще не кончились! Вотъ вздумалъ высѣчь — и высѣкъ! Ищи на немъ!

— Однако, позвольте, Кондратій Трифонычъ! осмѣливаюсь я думать, что господинъ Скуракинъ поступилъ не по закону!

— Ну! по какому тамъ еще закону! Извѣстно, сѣкуть не по закону, а по обычаю!

— Позвольте, Кондратій Трифонычъ! я все-таки

осмѣливаюсь полагать, что господинъ Скуракинъ не имѣлъ никакого права!

— Высѣкъ — и все тутъ!

— Высѣчъ не долго-съ....

— Ну да... и долго и не долго... а высѣкъ!

Батюшкинъ братъ крякнулъ; онъ видимо былъ обиженъ. Что-жъ это такое въ самомъ дѣлѣ? И съ какой стати Кондратій Трифонычъ завель такую пустую матерію? и не заключаютъ ли слова его фигуры иносказанія?

— Стало быть, этакъ всѣхъ высѣчъ можно? произнесъ онъ съ видимымъ волненіемъ.

— Всѣхъ!

— Стало быть, и... батюшкинъ братъ не договорилъ.

— Стало быть, и...

Батюшкинъ братъ обидѣлся окончательно. Мало-по-малу онъ такъ разревновался, что даже всталъ и началъ прощаться.

— Ужъ я, Трифонъ Кондратычъ, лучше въ другой разъ приду, когда улучится болѣе благопріятная минута, сказалъ онъ.

— Ну, да постой! куда ты! это вѣдь я пошутилъ!

— Неблагообразно шутить изволите!

— Фу, чортъ! опять ты съ своимъ благоутроби-емъ! да говорятъ тебѣ: пошутилъ!

— Нѣтъ, Кондратій Трифонычъ!

— Слыши, говорятъ: пошутилъ!

— Нѣтъ-съ, Кондратій Трифонычъ!

— Ну, и ступай! ну, и пропадай! Только ты у меня смотри: ни всенощныхъ, ни молебновъ... ни-ни!

— И не надо-сь! собственную же свою душу не соблюдете!

Батюшкинъ братъ ушелъ, въ передней опять послышалось откашливанье и сморканье; Кондратій Трифонычъ опять почувствовалъ приливъ тоски.

— Эй! воротить его! крикнулъ онъ.

Ванька побѣжалъ, но воротился съ отвѣтомъ, что батюшкинъ братъ не идетъ.

— Сказать ему, что я умираю!

Батюшкинъ братъ воротился, но сталъ у самой двери.

— Что вамъ, сударь, угодно? спросилъ онъ съ достоинствомъ.

— Да садись же ты!

— Нѣтъ-съ, и дома посижу!

— Ну, да полно! благопрости ты меня! поблагобесѣдуй ты со мной! Ну, видишъ?

Батюшкинъ братъ колебался.

— А не то, давай почавкаемъ что нибудь! А если и это не нравится, такъ поблаготрапезуемъ!

Батюшкинъ братъ плавными шагами приблизился къ стулу и сѣлъ. Но онъ все-таки еще не совсѣмъ оправился, потому что опять вынулъ изъ кармана платокъ и началъ вытиратъ имъ между пальцевъ.

Приносять водку; Кондратій Трифонычъ наливаетъ рюмку и подносить батюшкину брату, но въ ту минуту, когда батюшкинъ братъ ужъ почти касается рукою рюмки, Кондратій Трифонычъ дѣлаетъ быстрый маневръ и мгновенно выпиваетъ водку самъ. Батюшкинъ братъ крякаетъ и опять

косится на шапку. Однако, на этот разъ все устраивается благополучно.

— Я думаю на будущий годъ молотилку вынинать! говоритъ Кондратій Трифонычъ, а самъ въ то же время думаетъ: — кукишъ съ масломъ! на какія-то деньги ты вышишешь!

— Это полезно, отвѣчаетъ батюшкинъ братъ: — и крестьяне отъ васъ позаняться могутъ.

— Я и сѣноворошилку куплю, упорствуетъ Кондратій Трифонычъ: — да вотъ еще сѣянка такая есть....

— Сс... произносить батюшкинъ братъ.

Молчать. Вышли по другой.

— У меня имѣніе хорошее! говоритъ Кондратій Трифонычъ.

Батюшкинъ братъ, неизвѣстно съ чего, вдругъ распостираетъ руки, какъ будто想要 обнять необъятное.

— Ну да! Это надо сказать правду, что хорошее! нужно только руки приложить! продолжаетъ Кондратій Трифонычъ: — вотъ я съ будущаго года молоко въ Москву возить стану!

— Экипажцы, стало быть, такие сдѣлаете?

— Ну да! Положимъ, напримѣръ, что корова даетъ... ну, хоть ведро въ день!

Батюшкинъ братъ крякаетъ и откидывается назадъ.

— Ну да... ну, хоть ведро въ день! положимъ, хоть по восьми гривенъ за ведро... сколько это будетъ?

Кондратій Трифонычъ задумывается и въ разсѣ-

янности выпиваетъ третью рюмку. Батюшкінъ братъ съѣдає грибокъ.

— Одного торфу сколько у меня! вдругъ воскликнуетъ Кондратій Трифонычъ.

— Стало быть, торфомъ торговатъ будете? спрашиваетъ батюшкінъ братъ, и, приложивъ руку къ сердцу (дабы не распахнулась ряска), крадется къ столу, чтобы отрѣзать кусочекъ ветчинки.

— Всѣмъ буду торговатъ! и молокомъ буду торговатъ! и торфъ буду продавать! и ягоды въ Москву буду возить! Ноньче, братъ, глядѣть-то нѣчего! ноньче, братъ, дворянскую-то епѣсь надо по боку!

— Сс... удивляется батюшкінъ братъ: — стало быть, изволите находить, что не предосудительно?

Вмѣсто отвѣта, Кондратій Трифонычъ выпиваетъ четвертую и въ то же время указываетъ на графинъ батюшкіну брату, который немедленно слѣдуетъ его примѣру.

— А позвольте узнать, спрашиваетъ батюшкінъ братъ: — какъ же теперь купцы, мѣщане... стало быть, имъ возбранено будетъ торговатъ?

— А мнѣ что за дѣло!

— Стало быть, этого ужъ не будетъ, чтобы вся кому, то есть, званію предѣль былъ положенъ?

— Не будетъ! а что?

— Ничего-съ; конечно, по писанію, оно не то, чтобы... потому, есть купующе, есть и куплю дѣюще, есть воздѣлывающіе землю, есть и пояс дающіе...

— Ну, такъ что жь?

— Ничего-съ... я къ примѣру-съ...

— И кого только ты этими глупостями удивить хочешь!

Молчать.

— А то вотъ еще искусственнымъ разведенiemъ рыбъ заняться можно! вдругъ изобрѣтаетъ Кондратій Трифонычъ.

— Сс... стало быть, всякую рыбицу у себя за-вести можно?

— Всякую!

— Сс... подумаешь, какую, однако, власть надъ собой человѣкъ взялъ!

— Да, братъ, власть!

— Только твѣрди и звѣздъ небесныхъ еще содѣ-лать не можетъ!

— А рыбу можетъ всякую!

— И не безвыгодно?

— Какое, къ чорту, безвыгодно! ты пойми, сколь-ко въ Москвѣ стерлядь-то стоитъ!

— Что жъ, это дѣло хорошее! можетъ, и крестьяне около васъ позаймутся.

Молчать. Кондратій Трифонычъ слегка зѣваетъ.

— Я ноинче все буду самъ! лѣсь рубить буду самъ! молоко въ Москву возить — самъ! торфъ про-давать — самъ! говоритъ онъ, приходя внезапно въ восторгъ.

— Доброе, сударь, дѣло! отвѣчаетъ батюшкинъ братъ.

— Ноинче, братъ, не то, что прежде! нѣтъ, братъ, шалишь! ноинче вездѣ все самъ: и посмотри самъ, и свѣсь самъ, и съѣзди вездѣ самъ, и опять посмо-три, и оиять свѣсь!

Кондратій Трифонычъ, говоря это, суетится и тыкаетъ руками, какъ будто онъ въ самую эту минуту и смотритъ, и вѣситъ, и куда-то ѿдеть.

— Это точно; и предки наши говоривали: свой глазокъ-смотрокъ!

— Предки-то наши только говоривали, а сами одну навозницу соблюдали!

Батюшкінъ братъ снисходительно улыбается. Водворяется молчаніе.

— Хорошо бы машину какую нибудь выдумать! говорить Кондратій Трифонычъ.

— Про какую такую машину говорить изволите?

— Ну, да какую нибудь... чтобы и жала, и косила, и лѣсъ бы рубила, и масло бы пахтала.... и вездѣ бы одинъ приводъ дѣйствовалъ!

— Слышино, англичане много всякихъ машинъ выдумываютъ!

— Сидѣлъ бы я себѣ дома, да дѣлалъ бы, да дѣлалъ бы машины, а потомъ въ Москву продавать возилъ бы.

— Вотъ Богъ англичанамъ на этотъ счетъ большую остроту ума далъ! настаиваетъ батюшкінъ братъ.

— А нашимъ не дать!

— За то, нашъ народъ благочестіемъ и благоугодною къ церкви преданностью одарилъ!

— Ну, и опять тебѣ говорю: кого ты своимъ благоглупостями благоудивить хочешь?

Батюшкінъ братъ окончательно конфузится и закусываетъ губы. Напротивъ того, Кондратій Трифонычъ воспламеняется и постепенно входитъ въ

хозяйственный азартъ. Онъ объясняетъ, что можно налима съ лещемъ совокупить и что изъ этого должна произойти рыба, у которой будутъ печенки и молоки налимы, а тёшка лещиная; онъ объясняетъ, что примѣры подобнаго совокупленія случались и въ природѣ: стерлядь совокупилась съ осетромъ, и вышла рыба *шитъ*, которую онъ Ѳлъ на обѣдѣ у губернатора.

— Не у теперешняго, прибавляетъ онъ:—теперь у насъ какой-то гордишка, аристократишко какой-то, а вотъ у прежняго, у генерала Слабомысловъ!

Онъ объясняетъ батюшкуну брату, какую онъ машину выпишеть: и дрова таскать будетъ, и пахать будетъ, и воду носить будетъ, и топить ее будетъ не дровами, а землей, — все землей!

— Работниковъ, братъ, мнѣ съ этой машиной совсѣмъ не надо! прибавляетъ онъ.

Онъ объясняетъ, какихъ онъ коровъ изъ Англіи выпишеть: костей у нихъ совсѣмъ нѣть, а все одно мясо да молоко, все молоко, все молоко!

Онъ объясняетъ, наконецъ, что выстроить новую колокольню: такую колокольню: одинъ этажъ каменный, другой деревянный, потомъ опять каменный и опять деревянный.

— Жертва Богу угодная! замѣчаетъ батюшкунъ братъ: — жертва, сударь, все равно, что кадило благовонное!

— А ты думалъ какъ?

— Впрочемъ, колокольня у насъ еще постоитъ... вотъ на счетъ трапезы, Кондратій Трифонычъ!

— Ужь ты молчи! я все сдѣлаю! и колокольню сломаю! и трапезу сломаю! я все сломаю! объясняетъ Кондратій Трифонычъ.

И разговаривая такимъ манеромъ, выпиваетъ рюмку за рюмкой, рюмку за рюмкой!

Батюшкинъ братъ въ свою очередь выпиваетъ, и вслѣдствіе этого безпрестанно поправляетъ пальцами глаза, какъ будто хочетъ ихъ разодрать, чтобъ лучше видѣть. Въ то же время онъ радуется, что въ одно утро пріобрѣлъ столько разнообразныхъ свѣдѣній.

— Это вы благополезное дѣло затѣяли, Кондратій Трифонычъ! говорить онъ.

— Тыфу ты!

Наконецъ, изолгавшись въ конецъ и, вѣроятно, найдя, что машины все до одной изобрѣтены, коровы все выписаны, Кондратій Трифонычъ впадаетъ въ истощеніе. Часы бываютъ два.

— Обѣдать! кричитъ Кондратій Трифонычъ: — ты со мной что ли, отче?

— Ужь очень занятно вы рассказываете, Кондратій Трифонычъ! послушалъ бы и еще-съ!

— Ну, а коли послушалъ бы, такъ оставайся!

Подаютъ обѣдать; но гений хозяйственной распорядительности уже отлетѣлъ отъ Кондратія Трифоныча. Онъ не то, чтобы спить, но слегка совѣтъ и только изрѣдка подмигиваетъ батюшкину брату на Ваньку (дескать, посмотри, какъ суетъ!), который, въ свою очередь, не стѣсняясь присутствіемъ этого послѣдняго, показываетъ барину сзади языкъ. Такимъ образомъ антагонизмъ, о которомъ такъ

много говорить Кондратий Трифонычъ, представляется батюшкуну брату въ лицахъ, на самомъ дѣйствіи.

— Ты для чего же рыжиковъ къ жаркому не подалъ? невѣрнымъ, нѣсколько путающимся языкомъ допрашивается Ваньку Кондратий Трифонычъ.

— А для того и не подалъ, что огурцы есть, тоже путающимся языкомъ отвѣчаетъ Ванька.

— Ишь ты! дразнится, шельма! замѣчаетъ Кондратий Трифонычъ и подмигиваетъ батюшкуну брату, какъ бы приглашая его быть свидѣтелемъ ванькиной грубости.

Наконецъ и сумерки упали. Батюшкунъ братъ давно ушелъ; Кондратий Трифонычъ спитъ и даже во снѣ ничего не видитъ. Какъ повалился онъ на постель, такъ ему голову словно заложило чѣмъ. Въ передней вторить ему Ванька.

Въ шесть часовъ Кондратий Трифонычъ ужъ шагаетъ по своимъ сараймъ и проситъ квасу. Въ средней комнатѣ уныло мерцаетъ стеариновая свѣча, прочія комнаты окутаны мракомъ. Кондратий Трифонычъ шагаетъ и думаетъ: чтѣ бы ему сдѣлать такое, чтобы...

— Чтобы чтѣ? спрашиваетъ его внутренній голосъ.

— Господи! какая тоска: восклицаетъ Кондратий Трифонычъ, не разрѣшай вопроса.

И опять ходить, и все о чѣмъ-то думаетъ, все чего-то ждетъ. Думаетъ о томъ, что завтра, быть можетъ, будетъ снѣгъ, а быть можетъ, будетъ и выюга; ждетъ, что къ Николину дню будутъ морозы.

— О, чортъ побери! восклицаетъ онъ.

И опять ходитъ, и опять ждеть: скоро ли чай подадутъ?...

— Ванька! да пошли ты, разбойникъ, Агашку ко мнѣ! кричитъ онъ отчаяннымъ голосомъ.

Агашка на этотъ разъ является. Это дѣвушка кругленькая, полненькая, бѣлокуренькая, съ измѣтымъ, но весьма пріятнымъ лицомъ.

— Что вы, Агашенька, ко мнѣ не ходите? спрашиваетъ ее Кондратій Трифонычъ, съменя кругомъ нея ножками, какъ дѣлаются очень влюбленные пѣтухи.

— Вы развѣ спрашивали меня? отзыается Агашенька, повертываясь на своей оси по тому же направлению, по какому ходитъ Кондратій Трифонычъ.

— Я за вами десять разъ Ваньку посыпалъ-сь!

— Ванька ни разу мнѣ не говорилъ!

— Этакой скоть, подлецъ! А отчего же вы сами никогда ко мнѣ не зайдете-сь?

Агашенька не отвѣтываетъ; она слегка зардѣлась.

— Ну-съ, Агашенька-сь!

— Я, Кондратій Трифонычъ, я-сь... начинаетъ Агашенька и никакъ не можетъ кончить!

— Ну-съ, что же вы-сь?

— Я-сь... позвольте мнѣ, Кондратій Трифонычъ, замужъ идти-сь! скороговоркою произноситъ Агашенька и умолкаетъ, словно сама испугалась словъ своихъ. А щечки у нея такъ и пылаютъ, такъ и рдѣютъ отъ стыда и испуга!

Кондратій Трифонычъ озадаченъ; онъ думаетъ, какъ ему поступить и, разумѣется, какъ всѣ люди,

которыхъ самолюбіе неожиданно уязвлено, на первыхъ порахъ надумываетъ глупѣйшую штуку. Онъ какъ-то надувается и устроиваетъ оскорблennую мину; онъ поднимаетъ плечи и отступая нѣсколько шаговъ назадъ, указываетъ Агашѣ руками на двери.

— Скатертью дорога-сь! говорить онъ: — ну, такъ что же-сь! и съ Богомъ-сь!

— Душенька, Кондратій Трифонычъ! ей-Богу, я не могу! говоритъ Агашенька и въ то же время стыдится и рдѣетъ, едва выговаривая отъ волненія слова.

— А коли не можете, такъ и съ Богомъ! отвѣчаетъ Кондратій Трифонычъ, по прежнему глупымъ образомъ уставляя руки по направленію къ двери.

Агашенька закрываетъ лицо платкомъ и быстро выбѣгааетъ.

Кондратій Трифонычъ остается одинъ и опять принимается за ходьбу. Но онъ чувствуетъ, что у него начинаетъ щемить сердце, онъ чувствуетъ, что къ глазамъ что-то подступаетъ.

— Ладно! это ладно! говоритъ онъ самому себѣ.

— Чѣмъ «ладно»-то? спрашиваетъ внутренний голосъ.

— Ну, чортъ съ нею! думаетъ онъ: — пойду въ Москву и найду себѣ... а вѣдь она, чай, за повара?

И опять начинаетъ сосать сердце, и опять начинаетъ что-то подступать къ глазамъ.

— Ваня! позови Агашу! говоритъ онъ словно измѣнившимся голосомъ, просовывая голову въ переднюю.

Через минуту Ванька возвращается и докладываетъ, что Агашка не идетъ.

— Да ты поди, ты скажи ей, что я... такъ.

Ванька скрывается.

— Вы меня спрашивали, Кондратій Трифонычъ? раздается въ темнотѣ знакомый голосъ.

— Вы за кого же замужъ выходите, Агащенъка-съ? спрашиваетъ Кондратій Трифонычъ.

— Я-съ... за повара... за Степана-съ!

— Гм... за Степана! а въ дѣвушкахъ оставаться не хотите?

— Ужъ позвольте мнѣ, Кондратій Трифонычъ!

— Ну, Богъ съ вами! кто же у васъ посаженъ отцомъ будетъ?

Агащенъка перебираетъ пальцами концы большаго платка, который накинутъ у ней на шею.

— Хочешь, я посаженъ отцомъ буду?

— Ахъ пѣть!... пѣть... ужъ оставьте это, Кондратій Трифонычъ!

— Что жъ, и въ посаженые-то ужъ взять не хотите?

Агащенъка видимо тяготится разговоромъ; она переминается съ ноги на ногу; ей хочется уйти. Кондратію Трифонычу кажется, что она неблагодарная.

— Ну, съ Богомъ! что жъ... если я... если я... ну, и съ Богомъ!

Кондратій Трифонычъ давится, и чтобы скрыть охватившее его волненье, кашляетъ; но въ ту минуту, когда онъ поднимаетъ голову, Агаси ужъ нѣтъ....

— Хоть жить-то у меня останетесь ли? кричитъ

онъ вслѣдъ и, не получивши отвѣта, ворчитъ: — ишь! даже отвѣта не даетъ! а вѣдь я два года еще право имѣю... ладно!

Междѣ тѣмъ на дворѣ разыгрывается выюга; она несетъ цѣлые снопы снѣга съ рѣки и укладываетъ ихъ буграми и грядками около барскаго дома; она наполняетъ воздухъ какою-то сумятицей и застилаетъ огоньки, которые свѣтятся въ людскихъ избахъ и въ тихую погоду бывають видны изъ господскаго дома; она визжитъ и воетъ; она стучится въ стѣны и въ окна, словно просится со стужи въ тепло.

— Нѣть тебѣ ни правой, ни лѣвой! нѣть тебѣ ни правой, ни лѣвой! слышится Кондратью Трифонычу въ этомъ заунывномъ голошеныи выюги.

Дѣлать рѣшительно нѣчего; что было дѣла — все передѣлалъ, что было мыслей — всѣ передумалъ. Часы тоскливо стучать: тикъ-такъ, тикъ-такъ, и Кондратій Трифонычъ чувствуетъ, какъ взмахи маятника, одинъ за другимъ, уносятъ его надежды. Онъ чувствуетъ, что съ каждой минутой все больше и больше дряхлѣть, что дерево жизни подточено, что листья одинъ за однимъ все падаютъ, все падаютъ....

— Что жь это онъ чаю, подлецъ, не даетъ! вскрикиваетъ онъ какъ уязвленный, удостовѣрившись, что часовая стрѣлка стоитъ на половинѣ осьмаго: — Ванька! чаю, чаю-то что жь не даешь? Не стоятъ я что ли?

Ванька хочетъ уйти.

— Нѣтъ, ты мнѣ говори: не ст҃ою что ли я чаю,
что ты меня до сихъ поръ моришь?

— Я думалъ, что не надо! огрызается Ванька.

— Ты думалъ! онъ думалъ! милости просимъ! онъ
думалъ! а ты знаешь ли, какъ вашего брата за ду-
манье-то! онъ думалъ!... ты! ты!... ахъ, ты! Ну,
ступай... ладно!

Кондратій Трифонычъ опять пересчитываетъ свои
обиды: тогда-то пыла не стеръ, тогда-то рожу со-
строилъ, тогда-то прыснуль въ самое лицо барину,
тогда-то безъ чаю намѣревался оставить.

— Агашку взбаламутиль, говорить, онъ инстинк-
тивно склоняя голову на бокъ, какъ будто сооб-
щаетъ это по секрету становому на ухо.

Но вотъ и чай выпить; Кондратій Трифонычъ
беретъ засаленные карты и начинаетъ расклады-
вать грань-пассьянсъ. Онъ гадаетъ, уродится ли у
него рожь самъ-десятъ — не выходитъ; онъ га-
даетъ, останется ли Агаша жить у него — не выхо-
дить; онъ гадаетъ, избавится ли его имѣніе отъ
продажи съ публичнаго торга — не выходитъ.

— Нѣть тебѣ ни правой, ни лѣвой, нѣть тебѣ
ни правой, ни лѣвой! злится на дворѣ выюга.

Кондратій Трифонычъ спитъ; въ комнатѣ жарко
и душно; онъ разметался; одна рука свѣсилась съ
кровати, другая легла на лѣвую сторону груди, какъ
будто хочетъ сдержать учащенное біеніе сердца.
Онъ видѣть во снѣ, что послѣдовало какое-то новое
распоряженіе. Въ чёмъ заключается это распоря-
женіе, сонъ не объясняетъ, но самое слово «распо-

раженіе» уже вызываетъ капли холоднаго пота на лицо Кондратія Трифоныча. Онъ стонетъ и захлебывается.

Поутру, часовъ въ восемь, чуть брезжится, а ужъ его будить Ванька.

— Что такое? что такое? спрашиваетъ онъ, глядя на Ваньку мутными глазами.

— Становой пріѣхалъ!

— А!... лладно! произносить Кондратій Трифонычъ, и лицо его принимаетъ ироническое выражение, которое очень не нравится Ванькѣ.

— Имѣнье описывать пріѣхалъ-сь! говоритъ Ванька въ самый упоръ, какъ бы желая сразу окатить Кондратія Трифоныча холодной водой.

Занавѣсь опускается.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ чиновника).

I.

Въ 18** году, и именно въ ночь на Рождество Христово, пришлось мнѣ ѿхать по большому коммерческому тракту, ведущему отъ города Срѣвнаго къ Усть-Дѣминской пристани. «Завтра, или лучше сказать, даже сегодня, большой праздникъ», думалъ я: «нѣтъ того человѣка въ цѣломъ православномъ мірѣ, который бы на этотъ день не успокоился, и не предался всѣмъ отрадамъ семейнаго очага; нѣтъ той убогой хижины, которая не освѣтилась бы привѣтнымъ лучомъ радости; нѣтъ того нищаго, бездомнаго иувѣчнаго, который не испыталъ бы на себѣ благотворное дѣйство великаго праздника! Я одинъ, горькимъ насильствомъ судьбы, вынужденъ ѿхать въ эту зимнюю, морозную ночь, между тѣмъ

какъ всѣ мысли такъ естественно и такъ неудержимо стремятся къ теплому углу, ѿхать Богъ вѣсть куда, и Богъ вѣсть зачѣмъ, перестать жить самому и мѣшать жить другимъ?» Мысли эти неотступно осаждали мою голову и дѣлали положеніе мое, и безъ того непріятное, почти невыносимымъ. Всѣ воспоминанія дѣтства, съ ихъ безмятежными, озаренными мягкимъ свѣтомъ картинами, всѣ лучшіе часы и даже мгновенія моего прошлаго, какъ нарочно, оставали передо мной самыми симпатическими, ласкающими своими сторонами. «Какъ было тогда хорошо!» отзывался тихій голосъ гдѣ-то далеко, въ самой глубинѣ моей души: «и какъ, напротивъ того, все теперь непріятно и безучастно вокругъ!»

Кибитка между тѣмъ быстро катилась, однобразно и мѣрно поступивая передкомъ обѣ уступы, выбитые копытами возовыхъ лошадей. Дорога узенькою снѣговой лентой бѣжала все вдали и вдали; колокольцы, привязанные къ низенькой дугѣ коренника, будили оцѣпенѣвшую окрестность то яснымъ и отчетливымъ звономъ, когда лошади бѣжали рысью. то какимъ-то беспорядочнымъ гуломъ, когда они пускались вскачь; по временамъ этотъ звонъ и гулъ смѣшивался съ визгомъ полозьевъ, когда они врѣзывались въ полосу рыхлаго снѣга, нанесенную внезапнымъ вихремъ; по временамъ, впереди кибитки поднималось и нѣсколько мгновеній стояло недвижно въ воздухѣ облако морозной пыли, застилая собой всю окрестность... Горы, рѣчки, овраги — все какъ будто замерло, все сдѣгалось безразличнымъ подъ пушистою пеленою снѣга.

«Зачѣмъ я ъду?» безпрестанно повторялъ я самъ себѣ, пожимаясь отъ проникавшаго меня холода: «за тѣмъ ли, чтобы безполезно и произвольно впадать въ жизнь и спокойствіе себѣ подобныхъ? за тѣмъ ли, чтобы удовлетворить извѣстной потребности времени или общества? за тѣмъ ли, наконецъ, чтобы преслѣдоватъ свои личныя цѣли?»

И разныя странныя, противорѣчивыя мысли, одна за другой отвѣчали мнѣ на этотъ вопросъ. То думалось, что вотъ пріѣду я въ указанную мнѣ мѣстность, пріючуясь, съ горемъ пополамъ, въ курной избѣ, буду по цѣлымъ днямъ шататься, плутать въ непроходимыхъ лѣсахъ и искаль... «Чего жь искать, однаждѣ?» мелькнула вдругъ въ головѣ мысль, но, не останавливаясь на этомъ вопросѣ, продолжала прерванную работу. И вотъ я опять среди спѣговъ, среди сувоеvъ, среди лѣсной чащи; я хлопочу, я выбиваюсь изъ силъ... и наконецъ, мое усердіе, то усердіе, которое все превозмогаетъ, увѣнчивается полнымъ успѣхомъ, и я получаю возможность насладиться плодами моего трудолюбія... въ видѣ трехъ-четырехъ бабъ полу-глухихъ, полу-слѣпыхъ, полу-безногихъ, изъ которыхъ младшей не менѣе семидесяти лѣтъ!.. «Господи! а ну какъ да онъ про слышали какъ нибудь?» шепчетъ мнѣ тотъ же враждебный голосъ, который, очевидно, считаетъ обязанностью всѣ мои мечты отравлять сомнѣніями: «что если Евангія... Е-ван-гія!.. куда нибудь скрылась?» Но съ другой стороны... зачѣмъ мнѣ Евангія? зачѣмъ мнѣ всѣ эти бабы? и кому онъ нѣ жны, кому отъ того убытокъ, что онъ ушли куда-то въ

глушь, сложить тамъ свои старыя кости? А все-таки хорошо бы, кабы Еваною на мѣстѣ застать!... Привели бы ее ко мнѣ: «ага, голубушка, тебя-то мнѣ и нужно!» сказаль бы я. «Позвольте, ваше высокоблагородие!» шепнуль бы мнѣ въ это время становой приставъ (тотъ самый, который изловилъ Еваною, покуда я сидѣлъ въ курной избѣ и отъ скучи посвистывалъ): «позвольте-сь; я дозналь, что въ такой-то мѣстности еще столько-то безногихъ старухъ секретно проживаетъ?» — О, Боже! да это просто подарокъ! восклицаю я (не потому, чтобъ у меня было злое сердце, а просто потому, что я ужъ зарвался въ порывѣ усердія), и снова спѣшу, и задыхаюсь, и открываю... Господи! что я открываю!... Что жъ, однажды, изъ этого? къ какому результату ведутъ эти усиленія? Къ тому ли, чтобъ перевернуть вверхъ дномъ жизнь десятка полуистлѣвшихъ старухъ?... Нѣть, видно, въ самой мыслительной моей способности имѣется какой нибудь порокъ, что я даже не могу найти приличнаго отвѣта на вопросъ, безъ того, чтобы снова, дѣйствіемъ какого-то досаднаго волшебства, не возвратиться все къ тому же вопросу, изъ котораго первоначально вышелъ.

Между тѣмъ, повозка начала все чаще и чаще постукивать передкомъ; полозья, по временамъ скатываясь, скользили по обледѣнелому черепу дороги; все это составляло несомнѣнныи признакъ жила, и дѣйствительно, высунувшись изъ кибитки, я увидѣлъ, что мы вѣхали въ большое село.

— Вотъ и до мѣста добѣхали! молвилъ ямщики, поворачиваясь ко мнѣ.

Заиндеевшія его борода и жалкій бѣлый понитокъ, составлявшій вмѣстѣ съ дирявымъ и совершенно вытертымъ полушибкомъ, единственную его защиту отъ лютаго мороза, бросились мнѣ въ глаза. Странное ощущеніе испыталъ я въ эту минуту! Хотя и обледенѣлые бороды и худые бѣлые понитки до того примелькались мнѣ во время моихъ частыхъ скитаній по дорогамъ, что я почти пересталъ обращать на нихъ вниманіе, но тутъ я совершило неизвѣстнымъ путемъ поставленъ былъ въ невозможность обойти ихъ.

— Какъ-то придется тебѣ встрѣтить Христовъ праздникъ! подумалъ я, и тутъ же, по какому-то озорному сопряженію идей, прибавилъ: — а я вотъ бѣду въ теплой шубѣ, а не въ пониткѣ... ты сидишь на облучкѣ и безпрестанно вскакиваешь, чтобы попугать кнутомъ переднюю лошадь, а я сижу себѣ развалившись и занимаюсь мечтаніями... ты долженъ будешь, какъ пріѣдемъ на станцію, прежде всего лошадей на морозѣ распречь, а я *всю* ввести себя прямо въ тепло, *всю* поставить самоваръ, *всю* напоить себя чаемъ, *всю* собрать походную кровать, и засну сномъ невинныхъ....

Въ селѣ было пусто; былъ шестой часъ утра, а въ это время, какъ извѣстно, по большимъ праздникамъ, идетъ уже обѣдня въ тѣхъ селахъ, гдѣ нѣтъ помѣщиковъ, и гдѣ массу прохожанъ составляетъ сѣрый народъ. И дѣйствительно, хотя мы почти мгновенно промчались мимо церкви, но я

успѣль, сквозь отворенную ея дверь, разсмотретьъ, что она полна народомъ, что глубина ея горить огнями по праздничному, и что густой паръ стоитъ надъ толпою, одѣвая туманомъ и богомольцевъ и яркоосвѣщенный иконостасъ.

Наконецъ, лошади остановились у просторной избы. Это была станція, но не почтовая, гдѣ, хоть съ грѣхомъ пополамъ, путешественникъ можетъ пріютить свою голову, безъ опасенія быть ежеминутно встревоженнымъ шумомъ и говоромъ людей, хлопаньемъ дверей и не засыпающею дѣятельностью дня; это была простая изба, назначенная по отводу для отдыха проѣзжающихъ по казенной надобности чиновниковъ, покуда сбираются для нихъ свѣжихъ обывательскихъ лошадей. Сверхъ моего ожиданія, горница, въ которую меня ввели, оказалась просторною, теплою и даже чистою; поль и вѣланыя по стѣнамъ лавки были наканунѣ выскоблены и вымыты; передъ образами весело теплилась лампадка; четыреугольный столъ, за которымъ обыкновенно трапезуютъ крестьяне, былъ накрытъ чистымъ бѣлымъ переборомъ, а въ ближайшемъ ко входу углѣ, около огромной русской печи, возилась баба-деньщица, очевидно спѣша окончить свою стряпню къ приходу семейныхъ отъ обѣдни. На одной изъ лавокъ, возлѣ передняго угла, сидѣла слѣпой и ветхій дѣдушко, въ родѣ тѣхъ, которыми почти фаталитически снабжается всякая сколько-нибудь многочисленная крестьянская семья, и держалъ въ руки деревянную палку, которой задумчиво чертилъ по полу. Онъ дѣлалъ это дѣло съ необычайнымъ

терпѣніемъ, какъ-будто оно составляло послѣднюю задачу его жизни, и нащупавъ палкою какую-нибудь неровность, сердился и ворчалъ.

Пріѣздъ мой не произвелъ, однажды, особеннаго впечатлѣнія, такъ какъ, по случаю отвода избы подъ станцію, хозяева ея скоро свыкаются съ общимъ видомъ чиновника, котораго появленіе составляетъ въ кругу ихъ фактъ почти ежедневный. Деньщица, которая, по разсмотрѣніи, оказалась молодухой, продолжала усердно дѣлать свое дѣло, а дѣдушко, попрежнему, водилъ палкой по полу и ворчалъ про себя. На полатяхъ возились и потягивались ребятишки.

— Далеко отсюда становой живеть? спросилъ я.

— Да верстъ, чай, съ восемь будетъ, отвѣчала деньщица, дѣйствуя въ то же время ухватомъ, которымъ отправляла въ печь горшокъ съ похлебкой.

— А ты говори дѣло, а не «чай», вступилъ мой спутникъ и каммердинеръ Гриша, во всякое другое время очень добрый малый, но теперь сильно озлобившійся вслѣдствіе мороза и другихъ дорожныхъ непріятностей.

— А вотъ мужики придутъ—они тебѣ дѣло и скажутъ... ишь больно строгъ: съ бабы спрашиваетъ!

— Эхъ ты! баба такъ баба и есть, отозвался Гриша, но съ такимъ глубокимъ презрѣніемъ, что я сразу созналъ глубокую разницу, существующую между привилегированнымъ поломъ и непривилегированнымъ.

— Никакъ кто пришелъ? съ кѣмъ это ты, Татьяна, разговариваешь? откликнулся дѣдушко.

— Становой далеко отсюда живетъ? спросилъ я, обращаясь къ старику.

— Ась?

— Ишь ты! глухие да глупые — вотъ и жди отъ нихъ толку! злобно замѣтилъ Гриша.

— Баринъ пріѣхалъ... чиновникъ, дѣдушко! кричала между тѣмъ Татьяна, наклоняясь къ самому уху старика: — спрашивають, далече ли до становаго будетъ?

— Да верстъ пятокъ-поболѣ будетъ, прошамкаль старику: — выѣдешь ты, сударь, за окопицу и поѣзжай все вправо... тамъ три сосенки такія будутъ... древнія, сударь, еще дѣдушко мой ихъ помнилъ — во какія сосны!... Отъ нихъ повертытай прямо направо, будетъ тебѣ тамъ озеро, и поѣзжай ты черезъ него все прямо, все прямо... Лѣтомъ-то, сударь, здѣся-ко не проѣдешь, а надо кругомъ, такъ въ ту-пору, вмѣсто пяти-то верстъ и пятнадцать-поди будетъ!... Ну, а за озеромъ, прямо и представится тебѣ господинъ становой... такъ-то.

— Такъ нельзя ли лошадей поскорѣй заложить? спросилъ я.

— А у насъ и робятъ-то никого нѣть, всѣ въ церкву ушли, отвѣчала молодуха: — видно, ужъ тебѣ, баринъ, обождать придется!

— Дѣдушка! какъ бы лошадей заложить? снова спросилъ я, наклоняясь къ дѣдушкѣ..

— А что-жъ, сударь, для-че не заложить! кони нонѣ дома, мигомъ заложать! Татьяна, сбѣгай по мужа-то, скажи, моль, чиновникъ наѣхалъ!

Но покуда Татьяна сбиралась, семейные ужъ

возвратились изъ церкви и гурьбой ввалились въ избу. Прежде всѣхъ, какъ водится, влетѣлъ никѣмъ не прошенный клубъ морознаго воздуха и мигомъ наполнилъ комнату бѣлесоватымъ туманомъ; за нимъ вошелъ старшій сынъ дѣдушки, мужичекъ лѣтъ пятидесяти слишкомъ, очень сановитой и бодрой наружности, одѣтый, по праздничному, въ синюю сибирку.

— Съ праздникомъ, батюшка! сказалъ онъ, помолившись напередъ образамъ: — Богъ милости проселалъ!

— Ну, слава Богу, слава Богу! прошамкаль старикъ, привставая съ лавки; — вотъ и опять мы съ праздникомъ! Съ вами что ли некрутъ-то?

— Здѣсь, дѣдушко, будь здоровъ! молвилъ, выступая впередъ, молодой парень.

Я вспомнилъ, что, по слухамъ военныхъ обстоятельствъ, объявленъ былъ въ то время чрезвычайный наборъ, и невольно полюбопытствовалъ взглянуть на рекрута. Физіономія его была чрезвычайно симпатична: хотя гладко выстриженые волосы нѣсколько портили его лицо, тѣмъ не менѣе общее его выраженіе было весьма пріятно; то было одно изъ тѣхъ мягкихъ, полу-стыдливыхъ, полу-застѣнчивыхъ выраженій, которыя составляютъ почти общую принадлежность нашего народнаго типа. Смиренно стоялъ онъ передъ старикомъ дѣдушкой въ своемъ коротенькомъ рекрутскомъ полуушубкѣ, засунувъ руку за пазуху и слегка понуривъ голову; въ голубыхъ его глазахъ не видно было огня строптивости или затаеннаго чувства ропота; напротивъ того,

вся его любящая, безпредельно кроткая душа свѣтилась въ этомъ задумчивомъ и разсиянно-блуждавшемъ взорѣ, какъ бы свидѣтельствуя о его вѣчной и беспрекословной готовности идти всюду, куда укажетъ судьба.

— Ну, дай Богъ здоровья начальникамъ... отпустили тебя, Петруня... и насть сдѣлали съ праздничкомъ! сказалъ стариkъ.

Покуда стариkъ говорилъ, сзади, у печки, послышались сначала вздохи, а потомъ и довольно громкія всхлипыванья. Петруня какъ-то болѣзненно весь сжался, услышавъ ихъ.

— Ну, вотъ пошла баба голосить! уйми ты ее, Иванъ! обратился стариkъ къ старшему сыну: — нѣшто лучше бы было, кабы не отпустили сына-то... такъ ты бы радовалась, не-чѣмъ горевать!

— Такъ неужтоj и пожалѣть нельзя! отозвалась изъ угла баба: — собирались нонѣ женить въ мясоѣдъ парня, анъ, замѣсть-того, вонъ онъ куда угодилъ... и не чаяли!

Петруня, казалось, еще болѣе сжался при послѣднихъ словахъ матери.

— Ничего, съ Богомъ... не на грѣхъ идетъ! чай, еще не сколько мученья-то принялъ, Петруня? спросилъ дѣдушка.

— Мученьевъ, дѣдушко, нѣть, а вотъ унтеръ сказывалъ, что черезъ десять дѣнь въ походъ идти вѣльно, отвѣчалъ Петруня тихо и дрожащимъ голосомъ.

— Ну что жь, и въ походъ пойдешь, коли вѣльно! Да ты слушай, голова! и я вѣдь молоденекъ

бывалъ, тоже чуть-чуть въ некрутъ въ ту-пору не угодилъ... ужъ и что хлопотъ-то у насъ въ тѣ поры съ батюшкой вышло!

— То-то «чуть-чуть!» въ сердцахъ ворчала мать: — вотъ не сдали же, а тутъ какъ есть одинъ сынъ, да и тотъ не въ домъ, а изъ дому вонъ бѣжитъ!

— А кто жъ тебѣ не велѣлъ другаго припасти! сказаъ дѣдушка полууштупиво, полудосадливо: — то-то вотъ баба: замѣсть-того, чтобъ потѣшить сыночка о празднікѣ, а она еще пунце его въ разстрой приводить! Ты пойми, глупая, что онъ у тебя въ гостяхъ здѣсь! Вотъ ужъ вели коней въ саночки запречь... погуляй покуда, Петруня, съ робятками-то, погуляй, милой!

Иванъ, однако, не принимать никакого участія въ разговорѣ. Онъ спокойно раздѣвался въ это время и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ обычныя распоряженія по дому. Но это равнодушіе было только кажущееся, а въ сущности, онъ не менѣе жены печалился участіемъ сына. Вообще, нашего крестьянина трудно чѣмъ-нибудь расшевелить, удивить или душевно растрогать. Ежеминутно имѣя прямое отношеніе лишь къ самой незамысловатой и неизукрашенной дѣйствительности, ежеминутно встрѣчая лицомъ къ лицу свою насущную жизнь, которая часто представляеть для него одну безконечную невзгоду, и во всякомъ случаѣ, многаго никогда ему не даетъ, онъ привыкаетъ смѣло смотрѣть въ глаза этой суровой мачихѣ, которая, по временамъ, еще осмысливается заговаривать льстивыми голосами и называть себя родною матерью. Поэтому, всякая потеря,

всякая неудача , всякое безвременье составляютъ для крестьянина такой простой фактъ, передъ которыемъ нечего и задумываться, а только слѣдуетъ терпѣливо и бодро снести. Даже смерть наиболѣе любимаго и почитаемаго лица не подавляетъ его и не производить особеннаго переполоха въ душѣ; мало того: я не одинъ разъ видалъ на своемъ вѣку умирающихъ крестьянъ, и всегда (кромѣ , впрочемъ, очень молодыхъ парней, которымъ труднѣе было разставаться съ жизнью) замѣчалъ въ нихъ какое-то твердое и вмѣстѣ съ тѣмъ почти младенческое спокойствіе, которое многіе, конечно, не затруднились бы назвать геройствомъ, еслибъ оно не выражалось столь просто и неизысканно. Всѣ страданія, всѣ душевныя тревоги крестьянинъ привыкъ сосредоточивать въ самомъ себѣ, и если изъ этого правила имѣются исключенія, то они составляютъ предметъ хотя добродушныхъ, но всегда обищихъ насмѣшекъ. Такихъ людей называютъ нюнями, бабами, стрекозами, и никогда разсудливый мужикъ не станетъ говорить съ ними обѣ дѣлѣ. Правда, дрогнетъ иногда у крестьянина голосъ, если обстоятельства ужь слишкомъ круто повернутъ его, измѣнится и какъ-будто перекосится на мигъ лицо, насупятся брови — и только; но жалоба, суетливость и базплодное аханье никогда не найдутъ мѣста въ его груди. Повторяю: невзгода представляется для крестьянина столь обычнымъ фактомъ, что онъ не только не обороняется отъ него, но даже и не готовится къ принятію удара, ибо и безъ того всегда къ нему готовъ. Всю чувствительность, всѣ

жалобы онъ, кажется, предоставить въ удѣль бабамъ, которыхъ и въ крестьянскомъ быту, какъ и вездѣ, по самой природѣ, болѣе склонны представлять себѣ жизнь въ розовомъ цвѣтѣ и потому не такъ легко примиряются съ ея неудачами.

— Рекрутъ что ли у васъ? спросилъ я Ивана.

— Рекрутъ, сударь, сыномъ мнѣ-ка приходится.

— А велика у васъ семья?

— Семья, нечего Бога гнѣвить, большая; четверо насть братовѣй, сударь, да дѣтки, въ законъ еще не вышли... вотъ Петрунъка одинъ и вышелъ...

— Тяжело, чай, разставаться-то?

Иванъ съ изумленіемъ взглянулъ на меня, и я, не безъ внутренней досады, долженъ былъ сознаться, что сдѣланный мною вопросъ совершенно праздный и ни къ чему не ведущій.

— Божья власть, сударь! отвѣчалъ онъ, и обращаясь къ старику прибавилъ: — обѣдать что ли собираять, батюшка?

— Вели сбирать, Иванушко, пора! чай, и свѣтъ скоро будетъ!... Да за конями-то пошли что ли?

— Давно Васютку услаль, приведутъ сейчась.

Петруня между тѣмъ незамѣтно скрылся за дверь. Не смотря на то, что изба была довольно просторная, воздухъ въ ней, отъ множества собравшагося народа, былъ до того спертъ, что непривычному трудно было дышать въ немъ. Кромѣ сыновей стараго дѣдушки съ ихъ женами, тутъ находилось еще цѣлое поколѣніе подростковъ и малолѣтковъ, которые немилосердно возились и болтали, походя пичкая себя хлѣбомъ и сдобными лепешками.

— Кто-то воть насъ кормить на старости лѣтъ будетъ? промолвила, между тѣмъ, хозяйка Ивана, по прежнему стоя въ углу и пригорюнившись.

— Чай, братовья тоже есть, сѣмья не маленькая! отвѣчала дѣдушка, съ трудомъ скрывая досаду.

— Да, дожидайся, пока они накормятъ... чай, по тѣхъ поръ ихъ и видѣли, поколь ты живъ.

— Не дѣло, Марья, говориши! замѣтилъ второй братъ Ивана.

— Ее не переслушаешь! отозвался третій братъ.

Окончанія разговора я не дослушаль, потому что не могъ долѣ выносить этого спертаго, насыщенаго парами разныхъ похлебокъ воздуха, и вышелъ въ сѣнцы. Тамъ было совершенно темно. Глухо доносились до меня и голоса ямщиковъ, суетившихся около повозки, и дребезжашее позвякиваніе колокольцовъ, накрѣпко привязанныхъ къ дугѣ, и еще какие-то смутные звуки, которые непремѣнно услышишь на каждомъ крестьянскомъ дворѣ, гдѣ хозяинъ живеть мало-мальски запасливо.

— Какъ же быть-то? сказалъ неподалеку отъ меня милый и чрезвычайно мягкий женскій голосъ.

— Какъ быть! повторилъ, повидимому, совершенно безсознательно другой голосъ, который я скоро призналъ за голосъ Петруни.

— Скоро, чай, и сряжаться станете? снова началь женскій голосъ послѣ непродолжительного молчанія.

Петруня не промолвилъ ни слова и только вздохнула.

— Портяночки-то у тебя теплыхъ есть ли? вновь заговорилъ женскій голосъ.

— Есть.

— Ахъ, не близкая, чай, дорога!

Снова наступило молчаніе, въ продолженіе кото-
раго я слышалъ только учащенные вздохи разгова-
ривающихъ.

— Ужъ и какъ тяжко-то мнѣ, Петруня, кабы ты
только зналь! сказалъ женскій голосъ.

— Чего тяжко! чай, замужъ выдешь! молвилъ
Петруня дрожащимъ голосомъ.

— А чтò станешь дѣлать... и выду!

— То-то... чай, за стараго... за вдовца дѣтнаго...

— За стараго-то лучше бы... по крайности, хоть
любить бы не стала, Петруня!

— А молодаго, небось, полюбила бы!... То-то
вотъ вы: потоль у васъ и миль, поколь въ глазахъ!
сказалъ Петруня, котораго загодя мучила ревность.

— Ой, ужъ не говори ты лучше!.. умерла бы я,
не-чѣмъ съ тобой разставаться — вотъ сколь мнѣ
тебя жалко!

— А меня, небось, въ страженіяхъ убьють, поку-
да ты здѣсь замужъ выходить будешь!.. дѣтей, чай,
народишь!.. вотъ унтеръ намеднись сказываль, что
въ страженыи какъ есть ни одинъ человѣкъ цѣль не
будеть — всѣхъ побьють!

Вместо отвѣта, мнѣ послышались тихія, словно
дѣтскія всхлипыванья.

— Ну что жъ, и пущай бьють! продолжалъ Пет-
руня, находя какое-то горькое удовольствіе въ
страданіяхъ своей собесѣдницы.

Всхлипыванья послышались горче прежняго.

— Ахъ, пропадай моя голова... хочешь сѣгу,

Мавруша? внезапно спросилъ Петруни.

— Чѣдѣ ты, чѣдѣ ты, Петруня! чѣдѣ это будѣтъ! отвѣчала Мавруша голосомъ, въ которомъ слышался испугъ.

— Убѣгъ да и все туть, продолжаль Петруня:— уйду въ лѣса къ старцамъ... ищи, лови тогда!

— Стариковъ-то твоихъ, чай, въ ту-пору такъ и засудятъ! робко замѣтила Мавруша.

Петруня молчалъ.

— Въ разоренѣе-поди приведутъ? продолжала Мавруша, какъ бы разсуждая сама съ собой.

Тоже молчаніе.

— Нѣтъ, ты ужь лучше не бѣгай, Петруня! какъ-нибудь, Богъ дастъ, и свидимся!

— То-то «свидимся!» замужъ, чай, хочется, а не «свидимся!» Ты бы напримки такъ и говорила... а то «свидимся!»... Такъ бѣжать что ли?

— Куда жь бѣжать? коли для меня ты хочешь бѣжать, такъ я за тобой вѣдь бѣжать не могу!

Петруня заплакалъ.

— Петруня! желанный ты мой! прошептала Мавруша.

Петруня заплакалъ пуще прежняго.

— Охъ, да хоть бы не плакаль ты! сказала Мавруша какимъ-то утомленнымъ, замученнымъ голосомъ.

— Вотъ каково дѣло, что и пособить нечѣмъ! говорилъ Петруня, обрываясь почти на каждомъ словѣ: — куда я теперь дѣнусь! Охъ, да подумай же ты, Мавруша, какъ бы намъ хорошо-то было!... жили бы мы теперь съ тобой.... и мясощдъ вотъ на

дворъ... И все-то вѣдь прахомъ пошло... точно ничего и не было! Намеднись вотъ унтеръ сказывалъ, верстъ тысячи за двѣ поведутъ... такъ когда же тутъ свидѣться!

— Петруни! гдѣ же ты запропалъ! раздался сзади меня голосъ женщины.

— Здѣсь: обѣдать что ли? откликнулся Петруня.

— Обѣдать дѣдушко зоветъ.

— Сейчасъ. Прощай, Мавруша! нонѣ къ ночи надо опять въ городъѣхать... прощай! можетъ, ужъ и не свидимся!

— Развѣ на село-то не пойдете съ партіей? хошь бы посмотрѣла я на тебя!

— Нѣтъ, по почтовой пойдемъ; вотъ развѣ что: ужо дѣдушка коней посулилъ... погуляемъ что ли?

— Не пустятъ, Петруня, тихо отвѣчала Мавруша: — а ужъ какъ бы не погулять! Старики-то нонѣ у меня больно зорки стали: поди, и теперь, чай, ищутъ меня!

— Ну, такъ инь Богъ съ тобой, прощай же, Мавруша.

Голоса стихли, но Петруня нѣсколько времени еще не проходилъ въ избу; минуты съ двѣ слышались мнѣ и глубокіе вздохи, и неясный шепотъ, прерываемый рыданіями, и стало мнѣ самому такъ обидно, тяжко и больно, какъ-будто внезапно лишили меня всего, что было дорого моему сердцу. «Вотъ, думалъ я, простая, кажется, съ виду штука, а поди-ко переживи ее!» И должно сознаться, что до тѣхъ поръ никогда эта мысль не заходила мнѣ въ голову.

— Иди что ли! снова раздался сзади меня голосъ деньгиницы.

— Иду, иду! отвѣчалъ Петруня! — прощай, Ма-
вруша! продолжалъ онъ какимъ-то гортаннымъ, за-
дыхающимся голосомъ: — прощай же, касатка!

И вслѣдъ за тѣмъ онъ бѣгомъ взбѣжалъ на лѣст-
ницу и направился быстрыми шагами въ избу.

Когда я, черезъ четверть часа, снова вошелъ въ
избу, вся семья обѣдала, но общій ея видъ былъ не
радошенъ. Какое-то принужденіе носилось надъ
ней, и хотя дѣдушка старался завести обычную бе-
сѣду, но усилия его не имѣли успѣха. Иванъ мол-
чалъ и смотрѣлъ угрюмо; Марья потихоньку всхли-
пывала; Петруня сидѣлъ съ заплаканными глазами
и ничего не ъѣлъ; прочие члены семьи, хотя и менѣе
заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, невольно слѣдо-
вали, однажды, за общимъ настроеніемъ чувствъ;
даже малолѣтки, обыкновенно столь неугомонные,
какъ-то притихли и скжались. Однимъ словомъ, тутъ
только и было праздничнаго, что кушанья, кото-
рыхъ было перемѣнъ шесть и которые однообразно
слѣдовали одно за другимъ, ни въ комъ не возбуж-
дая веселья. Я тоже невольно задумался, глядя на
этую семью... и о чёмъ задумался?

«Что-то дѣлается, думалъ я, въ томъ далекомъ-
далекомъ городѣ, который, какъ червь неусыпаю-
щий, никогда не знаетъ ни усталости, ни покоя? Радуются ли, нѣтъ ли тамъ Божьему празднику? и
кто радуется? и какъ радуется? Не подпалъ ли тамъ
праздникъ подъ общее, тлетворное владычество про-
стой обрядности, безъ всякаго внутренняго смысла?

не сдѣлался ли онъ тамъ днемъ, къ которому надо особеннымъ образомъ искривить ротъ въ видѣ улыбки, къ которому надо накупить много конфетъ, много нарядовъ, въ который, по условному обычаю, слѣдуетъ призвать въ гостиную дѣтей, съ тѣмъ чтобы вдоволь натѣшиться ихъ благоприличными манерами и за тѣмъ вновь отослать ихъ въ дѣтскую, считая всѣ обязанности въ отношеніи къ нимъ уже исполненными до слѣдующаго праздника? Сохранилъ ли тамъ праздникъ свое христіанское, братское значеніе, въ силу которого сама собой обновляется душа человѣка, сами собой отверзаются его объятія, само собой раскрывается его сердце? Вѣдь праздникъ есть такая же потребность человѣческой жизни, какъ радость — потребность человѣческаго сердца: это потребность успокоенія и отдыха, потребность хоть на время сбросить съ себя тяжесть жизненныхъ узъ, съ тѣмъ чтобы безусловно предаться одному ликованию!».

И передо мной незамѣтно раскрылся знакомый рядъ картинъ, свидѣтелей моего прошедшаго, картины, въ которыхъ много было движенія, много суеты, много даже какихъ-то неясныхъ очертаній и смутныхъ намековъ на жизнь, радость и наслажденіе... Но была ли это радость дѣйствительная, было ли это то чистое наслажденіе, которое не оставляетъ послѣ себя въ сердцѣ никакого осадка горечи? Вотъ онъ, этотъ громадный городъ, въ которомъ воздухъ кажется спертымъ отъ множества людскихъ дыханій, вотъ онъ, городъ скорбей и никогда неудовлетворяемыхъ желаній, городъ желчныхъ

честолюбій и ревнивыхъ, завистливыхъ надеждъ, гордъ гнусно-искривленныхъ улыбокъ и заражающихъ воздухъ призательностей! Какъ волшебенъ онъ теперь при свѣтѣ своихъ миллионовъ огней, какая страшная струя смерти совершаеть свой безконечный, разъѣдающій оборотъ среди этого вѣчнаго тумана, среди міазмовъ, безпощадно врывающихся со всѣхъ сторонъ! Сколько мученій, сколько никѣмъ незнаемыхъ и никѣмъ нераздѣленныхъ надеждъ, сколько горькихъ разочарованій, и вновь надеждъ и вновь разочарованій!

«Господи! надо же было надѣ Петруней такой бѣдѣ стрястись! Кабы не это, сидѣль бы онъ здѣсь беззаботный и радостный; весело бесѣдовало бы теперь за трапезой честное потомство слѣпенька дѣдушки... и надо же было слѣпому слѣчаю пройдти безпощаднымъ своимъ плугомъ по этому прекрасному зеленому лугу, чтобы взбуровить его ровную поверхность и исполосать ее черными безобразными бороздами!»

Размышенія эти были прерваны докладомъ о томъ, что лошади готовы. Горько мнѣ было садиться одному въ сани, горько было разставаться съ людьми, особливо въ этотъ праздникъ, когда, и вслѣдствіе воспоминаній прошедшаго, и вслѣдствіе всего склада жизни, необходимость общества людей какъ-то особенно живо чувствуется. Казалось бы, что общаго между мной и этою случайно встрѣченною мной семьей, какое тайное звено можетъ соединить насъ другъ съ другомъ? и между тѣмъ я несомнѣнно сознавалъ присутствіе этой связи, я

несомнѣнно ощущалъ, что въ сердцѣ моемъ таится невидимая, но горячая струя, которая, безъ вѣдома для меня самого, пріобщаетъ меня къ первона-чальнымъ и вѣчно-бывающимъ источникамъ народной жизни.

II.

На дворѣ было еще темно, хотя свѣтъ, очевидно, готовилъ уже вступить въ права свои; морозъ сдѣлался какъ-будто еще лютѣе прежняго; крѣпкій верховой вѣтеръ сильно буровилъ здѣсь и тамъ сиѣжную равнину, и поднявъ цѣлые столбы сиѣга, направлялъ свой путь далѣе, съ тѣмъ чтобы опять черезъ минуту вернуться, и поднявъ новые сиѣжные столбы, опять нестись куда-то далеко-далеко. Холодъ и вѣтеръ тѣмъ болѣе были для меня ощущительны, что я ъхалъ въ открытыхъ саняхъ, потому что долженъ быть, послѣ необходимыхъ объясненій съ становымъ приставомъ, опять вернуться на станцію, гдѣ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, я и заблагоразсудилъ оставить свою повозку.

Вотъ и тѣ три сосенки, о которыхъ толковалъ мнѣ старикъ; сквозь мутное облако частаго, тонкаго сиѣга я видѣлъ только очертанія ихъ, но, вѣроятно, душа моя была слишкомъ особыеннымъ образомъ настроена, что за плавнымъ покачиванiemъ широкихъ ихъ вершинъ, мнѣ именно слышалось, будто онѣ жалуются и говорятъ о томъ, какъ надоѣла имъ эта долгая, почти бесконечная жизнь, какъ устали онѣ отъ этихъ отвсюду вторгающихся вѣтровъ, которые безпрепятственно и безнаказанно

оскорбляють ихъ, то обламывая самые крѣпкіе ихъ побѣги, то разбрасывая мохнатыя ихъ вѣтви въ какой-то тоскливой беспорядочности. Вотъ и озеро, которое подало мнѣ о себѣ вѣсть особенностью звука, издаваемаго копытами лошадей, и вѣшками, которыя часто натыканы здѣсь по обѣимъ сторонамъ дороги... Я глянулъ въ даль, и не знаю почему, тамъ, на самомъ концѣ ея, представился мнѣ становой приставъ, въ видѣ страшнаго, лохматаго чудовища, съ семью головами, съ длинными желѣзными когтями и долгимъ огненнымъ языкомъ. И такъ ясно и отчетливо мелькало передо мной это странное и къ счастью совершенно невѣроятное видѣніе, что мнѣ стало жутко, и я поспѣшилъ плотнѣе закутаться въ шубу, чтобъ не видать его кривляній.

Черезъ полчаса я вѣрзжалъ въ огромное торговое село, въ которомъ было много домовъ совершенно городской постройки. Въ одномъ изъ нихъ помѣщалась квартира становаго пристава, и я еще издали могъ налюбоваться на множество огней, которые, очевидно, были зажжены на дѣтской елкѣ. Огни горѣли весело, и проходя сквозь обледенѣлые стекла оконъ, принимали самые измѣнчивые и разнообразные цвѣта.

Становой, или, какъ его обыкновенно зовутъ крестьяне, «баринъ», былъ дома. Звали его Ермолаемъ Петровичемъ, по фамиліи Бондыревымъ; по наружности же былъ онъ мушина дюжій, и вслѣдствіе того постоянно отдувался и дышалъ тяжело, словно запаленная лошадь. Лицо его, пухлое и отеклое, было покрыто слоемъ жирнаго вещества,

который придавалъ егокожѣлоскъ почти зеркальный; огромная его лысина, по общему отзыву сослуживцевъ, имѣла свойство испускать изъ себя облако тумана въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: во время губернаторской ревизіи, когда, какъ известно, сердечные движения въ уѣздномъ чиновникѣ дѣлаются особенно сильны и осты, и по выпитіи двадцать пятой рюмки очищенной. Голосъ у него былъ сильный густой басъ, сопровождаемый легкою хрипотой, и выходилъ изъ горлани какъ бы коломъ. Къ величайшему моему удивленію, это несоразмѣрное преобладаніе матеріи ни мало не тяготило его; вообще онъ былъ на службѣ легокъ какъ пухъ, и когда исполненіе служебныхъ обязанностей требовало съ его стороны уже слишкомъ успленной дѣятельности, то вся его досада проявлялась въ томъ только, что онъ пыхтѣлъ и ругался пуще обыкновенного. Впрочемъ, онъ былъ, въ сущности, малый добродушный, и когда принималъ благодарность, то всегда говорилъ спасибо, и этимъ весьма льстилъ самолюбію доброхотныхъ дателей.

— Милости просимъ побесѣдовать въ комнату, ваше высокоблагородіе! сказалъ онъ, встрѣтивъ меня въ прихожей: — у меня нынѣче праздникъ, дѣтки вотъ развозились....

— А мнѣ надо бы скорѣе ѿхать, отвѣчалъ я не совсѣмъ впопадъ, все еще находясь подъ вліяніемъ лохматаго чудовища.

— Что же такъ-съ? часомъ раньше, часомъ позже — дѣло не волкъ, въ лѣсъ не уйдетъ-съ. За одно ужъ у насть покушаете, а послѣ обѣда и въ путь-съ.

Мнѣ вѣдь тоже съ вами надо будетъ отправляться, такъ если сейчасъ же и ѿхать, не будетъ ли ужъ очень это обидно? Вѣдь празднико-съ....

Я остался, и отчасти былъ даже доволенъ этой задержкой, потому что очень усталъ съ дороги. Въ комнатѣ, въ которую ввелъ меня Бондыревъ, было все его семейство и сверхъ того еще нѣсколько постороннихъ лицъ, съ которыми онъ однакожъ не заслаборазсудилъ меня познакомить. Онъ только указалъ мнѣ рукой на дѣтей, сказавъ: «а вотъ и потроха мои!» и затѣмъ насильственно усадилъ меня на диванъ. Изъ семейныхъ были тутъ: жена Ермолая Петровича, бабочка лѣтъ двадцати пяти, которая была бы недурна собой, еслибъ не такъ усердно мазалась свинцовыми бѣлизлами и не носила столь туго накрахмаленныхъ юбокъ; мать ея, худенькая, повязанная платкомъ старуха съ фioletовыми носомъ, которую Бондыревъ, неизвѣстно почему, величалъ вашимъ превосходительствомъ, и четверо дѣтей, которыхъ основательностью своего тѣлосложенія напоминали Ермолая Петровича, и чуть ли даже, подобно ему, не похрипывали.

— Не угодно ли чаю съ дороги? спросила меня жена.

— Что чай! вотъ мы его высокоблагородіе водочной попросимъ! отозвался Бондыревъ: — я, ваше высокоблагородіе, этой китайской травы въ ротъ не беру—оттого и здоровъ-съ.

— Вы изъ «губерніи» изволите ѿхать? обратилась ко мнѣ старуха-теща.

— Да, я недавно оттуда.

— Такъ-съ. А какъ, я думаю, тамъ теперича хорошо должно быть! Предсѣдательствующіе, по случаю праздника, въ соборѣ въ мундирахъ стоять... самъ генераль, чай, насупившиесь....

— Ну, пошла, ваше превосходительство, огородъ городить! замѣтилъ Бондыревъ: — ну, скажите на милость, зачѣмъ генералу насупившиесь стоять! чай, для праздника-то Христова и пмъ бровки свои пораздинуть можно!

— Ахъ, батюшка мой! насупившиесь стоитъ по той причинѣ, что озабоченъ очень!.. обуза вѣдь не маленькая!

— А по мнѣ, такъ всего лучше пѣвчіе... это восхитительно! вступилась жена:—при слабости нерь даже слушать почти невозможно!

— Нѣтъ, вотъ на моей памяти бывали въ соборѣ пѣвчіе—такъ это именно, что всѣхъ въ слезы приводили! перебила теща: — ужъ на что былъ въ ту-пору губернаторъ суровый человѣкъ, а и тотъ воздержаться никакъ не въ силахъ былъ! Особливо былъ тутъ одинъ черноватенький: запоетъ, бывало, сначала тихонько-тихонько, а потомъ и переливается, и переливается... даже словно журчитъ весь! Авдотья Степановна, втораго діакона жена, сказывала, что ему по два дня ъсть ничего не давывали, чтобъ голосъ чище былъ!

— Вотъ распроклятая-то жизнь! молвилъ Ермолай Петровичъ, подмигнувъ мнѣ глазомъ, и потомъ, обращаясь къ тещѣ, прибавилъ: — а какъ посмотрю я на ваше превосходительство, такъ все-то у васъ однѣ глупости да малодушства на умѣ.

Но ея превосходительство, должно-быть, ужъ привыкла къ подобнымъ апострофамъ, потому что, никако не конфузясь, продолжала:

— Ужъ я, бывало, такъ и не дышу, словно туманъ у меня въ глазахъ, какъ они-это выводить-то зачинуть! Да, такой ужъ у меня характеръ: коли передъ глазами у меня что-нибудь божественное, такъ я, можно сказать, сама себя не помню... такъ это все тамъ и колышется!

Мадамъ Бондырева глубоко и сосредоточенно вздохнула.

— Да, въ деревнѣ ничего этого не увидишь! сказала она.

— Гдѣ увидать! одни выходы у его превосходительства чего стоять! Всѣ чиновники, бывало, въ мундирахъ стоятъ, и каждому его превосходительство свой репримандъ сдѣлаетъ! И пойдутъ-это потомъ каждый день закуски да обѣды — однѣхъ свиней для колбасъ сколько въ батальонѣ, при солдатской кухнѣ, откармливали!

— Ну, это-то заведенье и доднесъ, пожалуй, осталось — скорбѣть объ этомъ нечего! флегматически объяснилъ Ермолай Петровичъ. — А что, ваше высокоблагородїе, не угодно ли будетъ повторить отъ скучки? Водка у насъ, осмѣлюсь вамъ дложить, отличная: сразу, чтѣ называется, ожжеть, а потомъ и пойдетъ ползкомъ по всѣмъ суставчикамъ... каждый изноется!

— Вотъ у моего покойника, снова обратилась ко мнѣ теща,—хорошу водку на столъ подавали. Онъ

только и говорить, бывало: лучше ничемъ меня откупщикъ не почи, а водкой почи!

— Ну, это опять неосновательно, замѣтилъ Бондыревъ: — пословица гласить: пей, да ума не пропей — стало-быть, зачѣмъ же я изъ-за водки другія статьи буду неглижировать?

— Да вѣдь и онъ, сударь, не неглижировалъ, а такъ только къ слову это говариваль. Онъ водку-то черезъ кубъ, для крѣпости, переганивалъ...

— Ну, а ваши какъ дѣла? спросилъ я Бондырева.

— Слава Богу, ваше высокоблагородіе, слава Богу! дай Богъ здоровья добрымъ начальникамъ. милостями не оставляютъ.... нынѣ вотъ подъ судъ отдали!

— Какъ-такъ?

— Да просто-съ. Чтой-то, ужь ваше высокоблагородіе, будто и не знаете! чай, и вы тутъ ручку приложили!

— Въ первый разъ слышу.

— Чтожъ-съ, и тутъ мудренаго нѣть! извѣстно, не читать же вашимъ высокоблагородіямъ всего, что подписывать изволите!

— Скажите, по крайней мѣрѣ, за что вы отданы подъ судъ?

— А неизвѣстно-съ. Оно, конечно, довольно тутъ на справку вывели, и жизнь-то кажется наизнанку всю выворотили... однѣхъ неисполнительностей штукъ до полсотни подыскали — даже подивился я, откуда весь этотъ соръ выгребли.—Да-съ; тяжеленька-таки наша служба; губернское-то правленіе не то чтобы, какъ мать, по родительски тебѣ

спустило, а пуще считаетъ тебя, какъ бы сказатьъ,
за подкидыша: ты-дескать, такой сякой, все зѣ-разъ
сдѣлать долженъ!

— По пословицѣ, Ермолай Петровичъ, по посло-
вицѣ! «Свекровь снохѣ говорила: сношенъка, бу-
детъ молоть; отдохни — потолки!»

Послѣднія слова произнесъ неизвѣстный мнѣ ста-
рикъ, стоявшій до сихъ поръ въ углу и не прини-
мавшій никакого участія въ разговорѣ. По всему
было видно, что этотъ новый собесѣдникъ принад-
лежалъ къ числу тѣхъ жалкихъ жертвъ провинціаль-
наго бюрократизма, которыя прежде временно утра-
чивають душевныя свои силы, вслѣдствіе неумѣрен-
наго употребленія водки, и за тѣмъ на всю жизнь
дѣлаются неспособными ни къ какому дѣлу или за-
нятію, требующему умственныхъ соображеній. Онъ
былъ одѣтъ въ вицѣ-мундиръ стариннаго покроя съ
узенькими фалдачками и до такой степени порыжѣ-
лый, что даже самый опытный глазъ не могъ бы
угадать здѣсь признаковъ первобытнаго зеленаго
цвѣта. Но всего замѣчательнѣе въ этомъ человѣкѣ
былъ необыкновенный, грибовидный его носъ, на ко-
торомъ, какъ на палитрѣ, сочетавались всѣ возмож-
ные цвѣта, начиная отъ чисто-тѣлеснаго и кончая
самымъ темнымъ яхонтовымъ. Носъ этотъ, какъ по-
слѣ оказалось, былъ источникомъ горькихъ несчастій
и глубокихъ разочарованій для своего обладателя.

— Это жаль однakoжъ, сказалъ я Бондыреву;
ощущая невольное угрызеніе совѣсти при видѣ че-
ловѣка, которого погибели я самъ нѣкоторымъ обра-
зомъ содѣйствовалъ.

— Ничего, ваше высокоблагородие! мы въ угодной-то словно въ банькѣ выпаримся... еще бодрѣй послѣ того будемъ!

— Это истинно такъ! пояснилъ обладатель носа.

— А что, видно, и тебѣ горловину-то прочистить хочется? обратился къ нему Бондыревъ. — Ваше высокоблагородие! позвольте представить! Егоръ Павловъ Абессаломовъ, служить у меня въ вольнонаемныхъ; проку-то отъ него, признаться, мало, такъ больше вотъ для забавы, для домашнихъ-съ держу... Театровъ у насть нѣть, такъ, по крайности, хоть онъ развлечеть.

— Ну ужъ, нашли какую замѣну! презрительно процѣдила жена.

— А чтожь! по деревнѣ, лучше и быть не надо! продолжать Ермолай Петровичъ: — обѣ ину пору онъ насть, ваше высокоблагородие, до слезъ мимикой своей смѣшишь!

— Если его высокоблагородію не гнусно, такъ я и теперь свое представлениѣ сдѣлать могу! отрекомендовался Абессаломовъ, выпрямляясь, какъ бы предъ наитіемъ вдохновенія.

— Прикажите, ваше высокоблагородіе! Не-чѣмъ такъ-то сидѣть, такъ хоть на диковинки наши посмотрите... Катаѣ, Абессаломовъ.

«Іюля пятаго числа»... началъ Абессаломовъ.

— Нѣть, стой! не такъ рассказываешь! прерваль его Ермолай Петровичъ: — а ты коли охотишься рассказывать, такъ разсказывай дѣломъ: и въ позицію стань, и начало сдѣлай! Развозовъ! маршъ сюда и ты!

Послѣднія слова относились къ молодому человѣку, служившему письмоводителемъ у Бондырева. Какъ оказалось въ послѣствіи, онъ долженъ быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подавать Абессаломову реплику, черезъ что представленію сообщалась особенная живость и вмѣстѣ съ тѣмъ усугублялся комизмъ. Очевидно, что кто-то (чуть ли даже не самъ Бондыревъ) съ любовью работалъ надъ этой потѣхой, чтобы возвести ее отъ простаго разсказа до степени драматической пьесы.

Абессаломовъ сталъ въ позицію, то-есть выдвинулъ впередъ одну ногу, правую руку отставилъ наотмашь, и выпрямившись всѣмъ корпусомъ, голову закинулъ нѣсколько назадъ. Всѣ присутствующіе улыбались, а нѣкоторые даже откровенно фыркали, заранѣе предвкушая предстоящее имъ наслажденіе. Абессаломовъ началъ:

НЕВЫГОДНЫЙ НОСЪ.

(Интермедія въ лицахъ).

«Милостивые господа и госпоожи! имѣю доложить вамъ о происшествіи, котораго удивительность равняется лишь его необыкновенности! (смѣхъ въ аудиторіи).

«Источникомъ какъ сего происшествія, такъ и другихъ многихъ отъ него золь текущихъ, есть сей самый носъ (*теребить себя за носъ*), который здѣ предстоитъ предъ вами! А въ чёмъ сіе происшествіе, тому слѣдуютъ пункты. («*Иль ты! по пунктамъ!*» раздается въ аудиторіи. Смѣхъ усиливается).

«Юля пятаго числа 18** года, въ девять часовъ

утра, слѣдоваль я, по издревле принятому еще предками нашими обычая, на службу. Необходимо, однако, предварительно доложить вашимъ благородіямъ, что съ самаго съ Петра и Павла, неизвѣстно отъ какихъ причинъ, подвергнулся я необыкновенной тоскѣ. То-есть, тоска не тоска, а тянетъ-вотъ, тянетъ тебя цѣлый день, да и вся не долгъ. Даже жена удивлялась. «Чтой-то, говоритъ, душечка (она у меня въ пансіонѣ французскому языку обучалась, такъ нѣжное-то обращеніе знаеть)! Чтой-то, говоритъ, душечка! на тебя даже смотрѣть словно тошно — ты бы хоть водочки выпилъ!» — Худо, говорю я, худо это, Прасковья Петровна! это большое несчастіе обозначаетъ!.. Однакожъ, выпилъ въ ту пору маленько водочки, — оно и поотлегло.

«Вотъ только наступило это пятое число. Не успѣть я выдти на улицу, какъ идетъ мнѣ встрѣчу нѣкоторый озорникъ, идетъ и очи на меня пучить. «Вотъ, говоритъ, нось! для двухъ ростъ, а одному достался!» (*Взрывъ хохота въ аудиторіи.*) Однако, я ничего, пошелъ своей дорогой и даже подумалъ про себя: «погоди, братъ! не больно прытко! можетъ, у тебя и рыло-то все наизнанку выворотитъ» Не успѣть я это, государи мои, подумать, какъ встрѣчается со мной другой озорникъ. «А позвольте, говоритъ, милостивый государь! извѣстно ли вамъ, что у васъ на лицѣ состоится феноменъ?» И все это, знаете, съ усмѣшкой, и рожа-то у него поганымъ манеромъ отъ смѣху перекосилась... «Милостивый государь!» сказалъ я, начиная обижаться. «Да нѣть, говоритъ, вы и сами не понимаете, какимъ

обладаете сокровищемъ... да господа англичане миллионъ рублей вамъ дадутъ, ежели вы позволите имъ отрѣзать... вашъ носъ!»

«Развозовъ. А что жъ, это вѣдь правда: носъ-то у тебя именно феноменъ!

«Абессаломовъ. Отстань ты... дай говорить!.. Ну-съ, отвязался онъ отъ меня кое-какъ, и пришлось мнѣ послѣ того мимо резиденціи ихъ превосходительства идти. А ихъ превосходительство, какъ на грѣхъ, на ту пору чай на балконѣ кушали.... Ну, занятіевъ у нихъ никакихъ тогда не случилось, смотрѣли, значитъ, больше по сторонамъ, да смотрѣвиши и узрѣли меня, многогрѣшнаго. Всѣнѣли. «Что это, говорять, за чиновникъ? какой у него противный носъ!» Не спорю я... не прекословлю! Точно, что носъ мой въ присутственномъ мѣстѣ терпимъ быть не можетъ! Однако, терпѣли же меня двадцать пять лѣтъ, да и ихъ превосходительство, можетъ, отъ праздности только замѣтили... а вышло совсѣмъ наоборотъ-съ. Пересказали, должно-быть, эти слова мои завистники; только сижу я въ этотъ самый день въ присутствіи, приходить нашъ предсѣдательствующій, и часа черезъ два, чтобъ вы думали, я слышу? (*Съ разстановкой*). Что о моемъ, государи, мои, увольненіи ужъ и постановленіе состоялось!

«Развозовъ. Однако, живо же они тебя обработали.

«Абессаломовъ. Спѣшнымъ журналомъ - съ. Даже закономъ предписанныхъ формъ не соблюли, потому что въ законахъ именно строжайше повелѣно никакихъ шрафовъ не налагать, а кольми паче

насильственному умертвию не предавать, не истребовавъ предварительно объясненія!

«Развозовъ. Въ чемъ же, однако, объясненія отъ тебя требовать?

«Абессаломовъ. Все же-сь! а если не въ чемъ мнѣ объясняться, такъ тѣмъ паче-сь! Вѣдь это обидно... я не одинъ... тутъ все потомство мое, можно сказать, изъ-за носа страждеть! Въ законахъ именно сказано, чтобъ на лицо не взирать!

«Развозовъ. Ты это оставь. Это не наша инстанція. Такъ даже скажу: если и напредки тебѣ па этотъ счетъ языкомъ побаловать захочется, такъ ты вспомни пословицу: языкъ мой врагъ мой, и вспомнивши плюнь. Я тридцать пять лѣтъ служу (*Развозову было всего лѣть двадцать пять*), и то все кругомъ да около хожу, а въ центру ни въ жизнь еще не попадалъ!

«Абессаломовъ. Вотъ-сь прихожу я послѣ того домой. Человѣкъ я дѣтный; жена у меня золотушная, такъ каждый годъ все либо дочку, либо сынка подарить...

«Развозовъ. И все, чай, съ такими же носами?

«Абессаломовъ. Какъ можно—сохрани Богъ! старшенькая у меня дочь, Наташенька, совсѣмъ даже схожаго со мной ничего не имѣетъ... красавица! Такъ прихожу я-это домой! Ну, говорю, жена! Богъ милости прислалъ! — А что-такъ? — Да такъ, говорю, ъздилъ въ пиръ Кирило, да подаренъ тамъ въ рыло... уволенъ, братъ, въ чистую! (*Общій хотѣть; Абессаломовъ, въ волненіи, не можетъ никакое время продолжать*). И вотъ-сь, стали мы послѣ того

жить да поживать да добра наживать; живемъ, нечে сказать, богато, со двора покато, за что ни хватись, за все́мъ въ люди покатись; запасовъ всякихъ многое множество, а пуще всего всякаго нѣта запасено съ самаго съ лѣта. Жена скоро покойницей стала, бо для нась время гладно настало, а дочекъ красотокъ люди пріютили, бо родители имъ продовольствіе прекратили, а за тѣмъ остаюсь, безъ дальнѣйшихъ словъ, покорный вашъ слуга Егоръ Павловъ Абессаломовъ. (*Обіця рукоплесканія; жена становато презрительно усмѣхается*).

Окончивъ представленіе, Абессаломовъ немедленно подошелъ къ подносу съ закуской и сряду выпилъ три рюмки водки; послѣ того, онъ удалился въ уголъ, и, сѣвъ на стулъ, почти мгновенно заснуль.

— А что, ваше высокоблагородіе! обратился ко мнѣ Бондыревъ; — вотъ вы и въ столицахъ изволили быть, а этакого въ своемъ родѣ дарованія и тамъ, чай, со свѣткой поищешь!

Но я не отвѣчалъ ни слова на этотъ вопросъ, потому что впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ страннымъ существомъ и его разсказомъ, было изъ самыхъ тяжелыхъ. Не смотря на грубо-комической колоритъ-разсказа, видно было, что весь тонъ его фальшивый, и что за нимъ слышится нѣчто до того похожее на страданіе, что невозможно и непозволительно было увлечься этою мнимою веселостью. Вообще, если Ермолай Петровичъ считывалъ на то, чтобы позабавить меня, то далеко не достигъ своей цѣли, и день мой былъ оконча-

тельно испорченъ этимъ представлениемъ. Я въхалъ сюда измученный моимъ одиночествомъ; все существо мое было настроено къ принятію тѣхъ благодатныхъ свѣтлыхъ впечатлѣцій, которыя, Богъ вѣсть почему, въ извѣстные дни и эпохи неотразимо и неизмѣнно носятся надъ душой, но странное «представлениe» мигомъ разрушило это свѣтлое, гармоническое настроеніе. Такъ иногда случается, что въ правильное и совершенно плавное теченіе жизни вдругъ врѣзывается обстоятельство въполномъ смыслѣ слова ей постороннее, и врѣзывается съ такою силой, что не только заставляетъ принять себя, но и деспотически подчиняетъ себѣ весь строй этой жизни.

III.

Начинало уже смеркаться, когда мы прїехали на станцію. По селу тамъ и сямъ бродили группы подгулявшихъ крестьянъ, а передъ станціоннымъ домомъ стояла даже цѣлая толпа народу.

— Вѣрно, что-нибудь случилось! еще издали замѣтилъ мнѣ Бондыревъ, указывая на толпу.

И дѣйствительно, толпа, казалось, тревожно выжидала нашего прїѣзда. Едва успѣли мы выйтіи изъ саней, какъ все это вдругъ заговорило и беспорядочно замахало руками. Изъ избы долетали до насъ звуки того унылаго говошенья, услышавъ которое даже самый опытный наблюдатель не въ состоянии бываетъ опредѣлить, что скрывается за этими взвизгиваньями и завываньями: искреннее ли чувство, или простой формализмъ.

— Что случилось, спросилъ Бондыревъ.

— Петруха... Петруха... раздалось въ толпѣ.

Сердце мое болѣзненно дрогнуло.

— Племянникъ у насъ бѣжалъ, ваше благородіе! отвѣчалъ, выступая впередъ, одинъ изъ сыновей дѣдушки.

— Рекрутъ что ли?

— Рекрутъ, ваше благородіе.

— Ахъ шельмы вы этакіе! и снисхожденья-то вамъ сдѣлать нельзя!

— Имѣютъ его, ваше благородіе! самъ отецъ пошелъ, робко проговорилъ дядя Петруни.

— Да, изымаютъ, держи карманъ! А не было ли у него на селѣ любезной? спросилъ Бондыревъ, чутьемъ угадывая истину.

— Мавруша Савельева, чай, знаетъ! молвилъ кто-то въ толпѣ.

— Что ты! перекрестись! почти завопилъ, прокликаясь сквозь толпу, сѣдой старикъ, должно быть, отецъ Мавруши: — ничѣмъ моя Маврушка тутотка непричастна, ваше благородіе.

— Ишь ты какое дѣло случилось! снова началъ дядя Петруни: — ничѣмъ мы, кажется, его не изобили, а онъ вотъ чтõ съ нами сдѣлалъ.

— А вотъ мы это послѣ разберемъ! отвѣчалъ Бондыревъ, и, обращаясь къ толпѣ, промолвилъ: — чтобъ быть у меня рекрутъ найденъ! всѣ маринъ въ лѣсъ искать!

И сказавъ это, величественнымъ шагомъ потекъ въ избу порасправить въ теплѣ свое бѣлое тѣло.

РАЗВЕСЕЛОЕ ЖИТЬЕ.

РАЗСКАЗЪ.

Станеть Царь-Государь меня спрашивати:
Ты скажи, дѣтинушка, крестьянской синь!
Ужъ ты съ кѣмъ воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?

Бурлацкая пѣсня.

«Развеселое, братъ, это житье! Ни передъ тобой, ни надъ тобой, ни кругомъ, ни около никакого начальства нѣть; никто, значитъ, глаза тебѣ не мозолить, никто съ тебя не спрашиваетъ, а при случай всякъ самъ же тебѣ отвѣтъ долженъ дать.

«Такъ скажу: коли нѣть у тебя роду-племени, или обидѣлъ-заѣль кто ни-на-есть, или сердце въ тебѣ стосковалося, — кинь ты жизнь эту нужную, кинь заботу эту черную, поклонись ты лѣсу дремучему: «лѣсь-молъ государь, дремучай боръ! ты прими меня странного, ты прими безчастнаго-беззапланиаго. Разутѣшь ты, государь, душу мою горь-

кую, разнеси тоску мою по свѣту вольному! Чтобы знать вольный свѣтъ, какова есть жизнь распределюта, чтобы вѣдали люди прохожіе-проѣзжіе, какъ спротекое сердце въ груди востосковалося, въ вольномъ воздухѣ душа разыгралася».

«Народу у насъ предовольно. И изъ Рязани, и изъ Казани, и изъ-подъ самаго Саратова, есть и казенные, есть и барскіе, однако больше барскіе... Бываютъ и кавалеры: эти больше отъ «зеленыхъ луговъ» въ лѣсу спасаются. Народъ все тѣртый: и въ водѣ тонулъ, и въ огнѣ горѣлъ; стало быть, какъ зачнетъ тебѣ сказы сказывать,—заслушаешься. Иной, братецъ, головы два разъ лишался, а все голова на плечахъ болтается, иной кавалеръ и за отечество ровно ужь слишкомъ отличку показалъ, и въ паратахъ претерпѣніе видѣлъ, а все въ живыхъ стоитъ. Никто какъ Богъ. Одинъ кавалеръ рапортовалъ: пуля ему въ самый лобъ треснула, разлетѣлась—это голова врозь, посинѣли руки-ноги, ну и языкъ тоже: буде врать, говоритъ.... Что жъ, сударь? къ дохтуру, — не помогъ; къ командиру, — не помогъ; самъ бригадный быть, — не помогъ, а Смоленская помогла! Значить—сила!

«Такимъ родомъ живучи, на людяхъ и сиротство свое забываемъ. Ну, и другое еще: свычка. Это значитъ: если къ чему человѣкъ привыкнетъ, лучше съ жизнью ему разстаться, нежели привычку свою покинуть. Сказывалъ одинъ кавалеръ, что по времени и къ падкѣ привычку сдѣлать можно. Ну, это должно быть ужь слишкомъ, а съ хорошимъ житѣемъ точно-что можно, слюбиться.

«Да и хорошо вѣдь у насть въ лѣсу бываетъ. Лѣтомъ, какъ сойдеть-это снѣгъ, ровно все кругомъ тебя заговоритъ. Зацвѣтуть-это цвѣты-цвѣтики, прилетить птичка малиновочка, застучить дятель, закукуеть кукушечка, муравы въ землѣ закопошутся, — и не вышелъ бы! Травка малая подъ сосной зябеть, — и та словно родная тебѣ. А почнетъ этта лѣсь гудѣть, особливо обѣ-ночь: и вѣтру не чутъ, и верхи не больно-чтобъ шаталися, — а гудеть! Такъ гудеть, что даже земля на многіе десятки верстъ ровно стонеть! Столъ это хорошо, что даже сердце въ тебѣ взыграетъ!

«Бываютъ однако и напасти на насть, а главная нашасть — зима. Первое дѣло — работы совсѣмъ нѣтъ: стужа-то не свой братъ, не сядешь ждать на дорогѣ, какъ слезы изъ глазъ морозомъ вышибаетъ; второе дѣло — всякий въ ту пору въ лѣсь наѣзжаетъ: кому бревешко срубить, кому дровецъ надобно, — ну, и неспособно въ лѣсу жить. Значить, въ зимнее время все больше по чужимъ людямъ, аки Іуда, шманаемся: гдѣ хлѣбца подадутъ, а гдѣ и пирожка укусишь. Только чудн旣, право, нашъ народъ: хлѣбца тебѣ Христовымъ именемъ подастъ, даже убоинкой обѣ ину-пору удовлетворить; а въ избу погрѣться не пустить, ни-ни, проваливай мимо! Такимъ родомъ, все по гумнамъ и имѣемъ ночлегъ. Иной разъ разнеможешься, — просто смерть! Спину словно перешибеть, въ головѣ звенить, глаза затекутъ, ноги ровно бревна сдѣлаются, — а все ходи! Еще гдѣ до свѣту, запоють-это пѣтухи, потянемъ носомъ дымокъ, — ну, и вставай, значитъ, покидай

свое логово! А не уйдешь, такъ тебѣ, раба Божія, силой изъ-подъ соломы выволокутъ, да на сусѣднєе поле и положатъ: отдыхай-молъ тутъ, сколько тебѣ хочется! Звѣрь-народъ!

«Однако, братъ, штука-это жизнь! Иной разъ даже тошнехонько; и на свѣтъ бы не глядѣлъ, и руки бы на себя наложилъ;—анъ нѣтъ, словно нарочно все такъ подстроится, чтобъ быть тебѣ живу,—живъ и есть. Ровно она сама къ тебѣ пристаетъ, жизнь-то: живи-молъ, восчувствуй! Ну и восчувствуешь: пойдешь-это въ кабакъ, хватишь косушку разомъ, и простишься въ тебѣ зло, благо сердце у насъ отходчиво.

«Случилась однажды со мной оказія. Иду я по Доробину, а на дворѣ стала ночь; только иду я, и идучи будто думаю: и холодно-то мнѣ, и голодно-то, и нѣтъ-то у меня роду-племени, нѣту батюшки, нѣту матушки, и все, знашь, такъ-то на фартуну свою жалуюсь, что ужъ оченно, значитъ, горько мнѣ привелось. Только вижу, у Мысей въ избѣ огонь горитъ. Полюбопытствовалъ я, и гляжу въ оконшко; ну, извѣстно, что въ избѣ дѣлается. Посередь горницы молодуха придетъ, въ углу молодякъ за станомъ сидитъ, на земли робятки валяются, старый ланти на лавкѣ ковыряетъ.... то есть видать и перевидать я все это. Однако тутъ, Богъ-е-знаеть, что со мнойсталось: растопилось это во мнѣ сердце, даже затрясся весь. Взошелъ въ избу: «Богъ въ помочь, говорю, господа хозяева! не пустите ли страннаго обогрѣться?»

«А ты отколь? спрашиваетъ Мысей и смотритъ

на меня старикъ зорко. Ну, самъ, чай, знаешь, трудно ли тутъ сорвать? Сказалъ, что изъ Гай либо изъ Лыкошева, — и дѣло съ концомъ! Аиъ вотъ-те Христосъ, не посмѣль солгать, языкъ даже не повернулся; стояла молчу. «Инъ дай ему, Марьюшка, хлѣбца, Христа-ради! говоритъ Мысей-то: — а ты, говорить, странный, стуйай, — Богъ съ тобой!»

«Ну, и пошелъ я; только всю эту ночь я промаялся. Горе, что ли меня болѣно задавило, а это точно, что глазъ сомкнуть не могъ. Все это будто сквозь туманъ, либо Мысей представляется, либо робятки малые, либо молодуха.... и ровно рай у нихъ въ избѣ-то!»

«Вторая наша напасть — полиція; однако съ нею-больше на деньгахъ дѣло имѣемъ.

«Вздумалъ этта становой нась ловить, однако мамонѣ спраздновалъ. Вотъ какъ дѣло было. Призвали онъ къ себѣ отъ «Разбалуя» цѣловальника: — «ты, говоритъ, всему этому дѣлу голова; ты, стало быть, и ловить долженъ».

«Помилуйте, ваше благородіе! говорилъ Михей Митричъ: — у нась въ заведеніи, окромѣ какъ тихимъ манеромъ выпить, никакихъ другихъ дѣловъ не бываетъ; одно слово, говоритъ, монастырь.... сосновый-сь!» Однако становой на него затопалъ: «знатъ, говоритъ, ничего не хочу!» Ну, Михей Митричъ за Батыгой: такъ и такъ-молъ, утекайте пока до бѣды. Затосковалъ Батыга; денno и нощно горькую пиль, а изъ бѣды-таки выручилъ. Зарядивши себя такимъ родомъ, пошелъ онъ.... какъ бы ты думалъ, куда? къ самому, то есть, къ становому!

«Я, говорить, есть тотъ самый Батыга, объ ко-
торомъ ваше благородіе узнавать изволили...» Такъ
становой-то даже обезпамятѣль весь отъ злости. Под-
летѣль-это къ нему, вѣнился смаху въ бороду, и
ну волочить. Даже говорить ничего не говорить, а
только ротъ разѣваетъ да дышеть. Только Батыга
все претерпѣль, ни въ чемъ не перечилъ, а какъ
увидѣль однако, что его благородію маленько будто
полегчило, повель и онъ свою рѣчъ. «А я-молъ къ
вашему благородію съ лаской, говоритъ». Ну, и опять
обезпамятѣль становой: «сотскихъ! кричитъ:--кан-
далы сюда!» И все-таки въ кандалы не заковалъ, а
порѣшили наше дѣло промежъ себя полюбовно: отъ
насъ ему въ мѣсяцъ пятьдесятъ цѣлковыхъ, а намъ
воровать съ осторожностью.

«А по прочему по всему житѣю намъ хорошее.

«Попалъ я на эту линію постепенно. Человѣкъ я
Божій, общить кожей, по просту по-русски сказать,
дворовый господина Ивана Кондратьича Семериковъ,
на золотъ не ъдалъ. медовой сытой не запи-
валъ, ходилъ больше въ нанкѣ да въ пеструшкѣ,
хлѣбальщи, а пиль воду. На этомъ, братъ, кошѣ
не разжирѣешь, а если и разжирѣешь, такъ зна-
чить не отъ себя и не отъ господъ, а никто какъ
Богъ. Поступилъ я сперва-на-перво въ барскій домъ
въ мальчишки. Должность эта не большая: на по-
гребъ за квасомъ слетай, въ обѣдъ за стуломъ съ
тарелкой постой, ножи вычисти, тарелки перемой,
да изъ чулка урокъ свяжи, — только и всего....
Такъ-то я и росъ. Помню даже теперь, какъ бы-
вало облизывающіяся, глядя на господъ, какъ они

кушать изволятъ. Иной разъ такъ забудешься, что и ротъ по-ихнему разъѣвать начнешь, — ну, и съѣть сейчасъ, потому что ты лакей и стало быть долженъ за стуломъ стоять смирно.

«Хоть баринъ у насъ и богатый, однако ихній тятенъка, еще у всѣхъ дворовыхъ на памяти, въ ближнемъ кабакѣ Михей Митричемъ сидѣлъ.... По этому самому слушаю, а больше, можетъ, и для того, чтобы себя передъ благородствомъ оправдать, Иванъ нашъ Кондратычъ свою честь держалъ очень строго. Не то, чтобъ къ кабаку, какъ къ истинному своему отечествію, лѣнуть, а все наровить бывало какъ бы въ большие хоромы вгрызться. А съ нашимъ братомъ — никакого и разговору не было.

«Наши дворовые были Иванъ Кондратычемъ недовольны. Особливо обижался имъ буфетчикъ Петръ Филатовъ. Прежде-то были мы, слышь ты, княжіе (Овчинина князя, Сергѣй Федорыча, можетъ слыхалъ?). Ну, стало быть, Петру-то Филатычу и точно-что будто обидненько было послѣ князя какойнибудь, съ позволенія сказать, мрази служить.

«А пріятный для слуги господинъ какой долженъ быть? Тотъ господинъ для слуги пріятенъ, который его слушается, который обиходъ съ нимъ имѣеть, и на совѣтъ слугу своего безпремѣнно зоветъ. Въ стары годы, сказываютъ, на этотъ счетъ просто было: господа съ слугами въ шашки игрывали и за- всегда съ ними компанію важивали. Онъ же, Петръ Филатовъ, сказывалъ, что, бывало, господа другъ съ дружкой бесѣду ведутъ, а слуги у дверей сбираются, да временемъ и свое словечко въ господскую

рѣчъ пустятъ. Ну, конечно, что этакъ-то будто лучше, а впрочемъ это не мое, а Петра Филатова разсужденье, потому какъ я на это дѣло давно уже плюнулъ и ногой, братецъ ты мой, его растеръ.

«Пречудной былъ этотъ стариkъ. Начнетъ было про князя рассказывать, — что твой соловей заливается,—и ни заткнешь ни чѣмъ; а вспомнить, что вотъ на старости лѣтъ Семерику служить пришелось, и пойдетъ-это губами шамкать, даже весь посинѣть отъ злости. Такая ужъ, видно, линія на роду человѣку написана.

«На четырнадцатомъ году свезли меня въ Москву къ повару французу въ ученье; жилъ я въ поваренкахъ четыре года и, хвастать нечего, свѣту большаго изъ-за плиты не видалъ. Потомъ однако пустили господа по оброку, чтобъ еще больше, значитъ, въ наукѣ своей произойти.

«Про Москву такъ долженъ сказать: множество видѣлъ я городовъ, а супротивъ Москвы не сыщется. Въ Москвѣ всякий въ свое удовольствіе живеть, господа въ гости другъ къ другуѣ ъздятъ, а простой народъ въ заведеніяхъ — блаженство! Возьмемъ, примѣрно, трактиры одни, чего тамъ нѣтъ? И чай, и водка, и закуски.... и все, значитъ, самъ. Машина «вѣтерокъ» тебѣ сыграетъ, приказный отъ иверскихъ воротъ въ присядку отпляшетъ; въ одномъ углу тысячныя дѣла промежъ себя рѣшатъ, въ другомъ просыбницу строчатъ, въ третьемъ обнимаются, въ четвертомъ слезы проливаются... жизнь! Къ этакому-то житью какъ попривыкнѣшь, ни на что дру-

где и не смотрѣлъ бы! Такъ тебя и тянеть съ утра ранняго все въ трактиръ да въ трактиръ.

«Баринъ, къ которому я нанялся (а нанялся я къ нему въ лакеи, а не въ повара), очень меня полюбилъ; смирный, добрый былъ этотъ баринъ, не наругатель и не озорникъ, а къ простому народу особливо былъ жалостливъ. Служить онъ нигдѣ не служилъ и занимался, по своей охотѣ, все больше книжками, а по вечерамъ господа молодые къ нему собирались.

«Однакожь не долго я у него жилъ. Въ скорости, этотъ баринъ незнамо куда запропалъ, да въ скорости же пришелъ и ко мнѣ отъ нашего бурмистра приказъ въ деревню явиться.

«Ужь какъ мнѣ эта деревня тошина послѣ Москвы показалась—даже разсказать нельзя! Первое дѣло, призываетъ меня къ себѣ Семерикъ и приказываетъ при конюшнѣ находиться. Снялья свое платье московское, нарядился въ старый армякъ.

«Ну, армякъ такъ армякъ,—и на томъ спасибо.

«Второе дѣло, содержаніе въ деревнѣ больно ужь безобразное. Настанетъ, бывало, время обѣдать идти, такъ даже сердце въ тебѣ все воротитъ. Щи пустыя, молоко кислое, — только слава одна, что ѿшь, а настоящаго совсѣмъ нѣтъ.

«Однако, хоть и всячески я себя перемогаю, а по времени не въ моготу стало. И сдѣлалось со мной тутъ словно чудо какое. Отъ думы что-ли, или оттого, что въ Москвѣ живши себя ужь очень изнѣжилъ, только стала я мучиться да тосковать, даже ровно страхъ на меня отъ всѣхъ этихъ мученіевъ

напаль. «Господи! думаю бывало, неучтожь и вза-правду мнѣ въ этой трущобѣ, какъ червю, сгнить придется». А сердце вотъ такъ и рветъ, такъ и ноетъ въ груди.

«Даже работать совсѣмъ пересталъ. Знаю и самъ, что худо это, что другіе можетъ и лучше тебя, за тебя работаютъ, однако принужденья сдѣлать себѣ не въ силахъ. Ну, и дай Богъ нашимъ здоровьяя, — пожалѣли меня, до барина этого не довели.

«Вотъ только одинъ разъ по вечеру господа наши въ гости уѣхали; пошелъ я во дворъ поглядѣть, какъ наши сѣнныя дѣвушки въ горѣлки бѣгаютъ. Только бѣгаютъ-это дѣвки, а во флигель на крыльечкѣ какая-то барыня на нихъ смотрѣть. Ну, и наши все тутъ въ кучу собрались; идетъ промежъ нихъ хохотъ да балагурство, увидѣли меня, на смѣхъ тоже подняли: «что пришелъ? или, молъ, смирился»? — «Анъ нѣтъ, говоритъ Филатовъ, онъ къ Марѣ Сергеевнѣ на поклонъ явился!» — Тутъ только я и узналъ, что эта барыня сама Марья Сергеевна и есть.

«А Марья Сергеевна у нашего барина въ родѣ какъ экономки жила. Была она просто-на-просто настуха нашего дочь; только Семерикъ и въ поневѣ ее облюбовалъ, и по этому самому отца-то изъ пастуховъ въ дальнюю деревню въ старости произвелъ, а ее въ горницу къ себѣ опредѣлилъ. Ну, взяли сердечную, вымыли, вычесали, въ платье нѣмецкое одѣли и къ Семерику представили; барыня наша, сказываютъ, много обѣ этомъ въ ту пору стужалася.

«Однако любопытно мнѣ стало поглядѣть на нее. Самъ знаешь, баринова сударка—стало быть сила. Коли не настоящее, значитъ, тебѣ начальство, такъ еще хуже того; какъ же тутъ утерпѣть, не посмотрѣть? Подошелъ я къ крылечку и гляжу на нее.

«И вотъ, братецъ ты мой, даже до сей минуты вспомнить я о ней не могу: такъ-это и закипитъ, задрожитъ все во мнѣ! Ровно подняло во мнѣ все нутро, ровно сердце въ груди даже заиграло, какъ взглянула она на меня! И нельзя даже сказать, чтобы ужъ очень изъ себя пышна или красива была, а такой-это былъ у нея взглядъ мягкий да ласковый, что всякому около нея тепло и радошно становилось. Ну, и усмѣшечка эта на губахъ тихонькая.... ровно вотъ зоренька утренняя скозь облачка поигрываетъ.

«Много видѣлъ я барынь красивыхъ, и изъ нашего званія тоже хороши дѣвушки изъ себя бываютъ, а все-таки Маши другой не встрѣчалъ. Доброта въ ней большая была; а по тому, можетъ, самому краса ея силу имѣла, что душа у ней на лицѣ всякому объявлялась. Такъ скажу: не знай я теперь, что давно она въ могилу пошла, жизни бы не пожалѣль, въ кабалу бы себя опять отдать, только бы на лицо ея насмотрѣться, только бы голоса ея милаго наслушаться!

«Ну и она, увидѣвшіи меня будто въ первый разъ, тоже полюбопытствовала.

«— Не вы ли, говорить, новый поваръ, что изъ Москвы онамѣнились выслали?

« — Я, говорю.

« — Отчего же, говорить, вы въ такомъ платьѣ ходите?

« — А оттого молъ, что на то есть барская воля.

« — Такъ вы барина попросили бы... онъ вѣдь только гордъ очень, а добрый!

« — Нѣтъ, говорю, я просить не буду, потому что впередъ знаю, что если стану съ бариномъ говорить, такъ ужъ это безпремѣнно, что ему нагрублю.

« — Что жъ такъ?

« — Да такъ, Марья Сергеевна... за что, примѣрно, онъ меня платья моего лишилъ?

« — Вотъ вы какie! пожили въ Москвѣ да и стали ужъ слишкомъ спѣсивы! А вы бы глядя на другихъ дѣлали.

« Ну, я противъ этихъ ея словъ ничего сказать не рѣшился; стою да молчу.

« — А хорошее, говорить, въ Москвѣ житье?

« И сама, знаешь, тяжеленько этакъ вздыхаетъ.

« — И вѣздѣ, говорю, хорошо, гдѣ то-есть жить намъ мило.

« — А гдѣ, по вашему, мило? спрашиваетъ.

« — А тамъ, говорю, мило, гдѣ у насъ милый другъ находится....

« Сказалъ это, да и смотрю на нее, и даже чувствую, какъ меня всего знобитъ. И она со словъ моихъ словно зардѣлась вся, опустила это головоньку и задумалась.

« — Вамъ, можетъ, желательно, чтобы я за васъ барина попросила, — говоритъ.

«— Коли ваше желанье на то есть, говорю, такъ отъ васъ я принять милость не откажусь.

«Больше въ тотъ вечеръ я съ ней не говорилъ. Только стало мнѣ съ той минуты словно легко и незаботно на свѣтѣ жить. Пошелъ я къ себѣ на сѣноваль спать, и всю-то ночь вмѣсто сная только пѣсни пропѣлъ.

«Да и ночь-то на ту пору такая случилась: теплая да звѣздная, ровно даже горитъ-это на верху отъ множества звѣздъ! И все-это кругомъ тебя спитъ; только и слышишь, какъ лошадь около яслей на мякину фыркнула, или въ деникѣ жеребенокъ въ соломѣ съ просоньевъ закопошился.

«На утрѣ позвали меня къ барину. Не могу о себѣ сказать, чтобъ изъ робкихъ быль; однако на ту пору такъ сробѣлъ, что даже сердце во мнѣ упало. Баринъ принялъ меня въ лакайской предъ всѣми людьми и очень что-то грозно.

«— Ну, что, говорить, прочухался?

«Я молчу.

«— Что жъ ты не отвѣчаешь, звѣрь?

«Я опять молчу. Только слышу, что по-за-дверью ровно зашуршало чтѣ. Задрожалъ, затрясся я весь.

«— Виноватъ, говорю.

«— То-то, моль, виноватъ!

«Ну, и простилъ онъ меня, на кухню опредѣлить велѣлъ.

«Стали мы послѣ этого чаще видаться, только больше все при людяхъ. Иной разъ и встрѣчнемся гдѣ нибудь одинъ на одинъ, однако смыкаешься,

обробѣешь,—ну, ничего и не скажешь. Объ одномъ только и въ мысляхъ, бывало, держишь, какъ бы съ ней встрѣтиться, или бы шорохъ отъ платья ея услышать, или бы вотъ хоть издалки на нее полюбоваться. Ну, и она словно замѣтила, что усмѣшечка еяшибко мнѣ нравится: какъ ни пройдеть мимо меня, всякий разъ безпремѣнно усмѣхнется.... Такъ и протянулось наше дѣло до осени.

«По осени, такъ около Введеньяева дня, стали наши господа въ Москву сбираться. Пошелъ-это по дому трескъ да шумъ; возы съ поклажей сряжаются, экипажи дорожные излаживаются, — ну, какъ у большихъ господъ обыкновенно водится. Слышу я, что и Маша съ господами уѣзжаетъ, а мнѣ приказуѣхать не объявляютъ. Сталъ я стороной отъ людей узнавать: кто говоритъ — Павлу поваруѣхать, кто говоритъ — мнѣѣхать, а настоящаго нѣту. Времени межъ тѣмъ все меныше остается, — смерть, да и полно!

«Порѣшилъ я подъ конецъ, чтобы мнѣ самому съ Машей объ этомъ переговорить. Выбралъ время, какъ ей изъ дому во флигель на ночь идти. стала и жду у крылечка. Только вижу, что вдали огонекъ забрезжилъ и прямо-таки ко флигелю бѣжитъ, словно вотъ искорка, откуда ни взялась, одна сама собой въ воздухѣ летаетъ.

«— Вы, говорю, Марья Сергеевна?

«Спервоначалу она было испугалась, даже оступилась и упала, однако голосу не дала. Я ее бережненько поднялъ, посадилъ на крылечко и фонарь затушилъ.

«— Вы, я говорю, не опасайтесь меня, Марья

Сергѣвна!... Я съ тѣмъ нарочно и пришелъ, чтобы васъ видѣть. Мочи моей больше нѣтъ; все у меня сердце отъ тоски изорвалось!

«Подошелъ я поближе къ ней, взялъ ее за рученьку и слышу, что она словно листъ вся трясется.

«— Вы вотъ съ господами въ Москву собираетесь, говорю: — стало быть, разставанье будетъ намъ долгое... Поэтому я такъ теперь о себѣ понимаю, что самый я безъ васъ буду несчастный человѣкъ, и стало быть ничего мнѣ другаго желать не надо, какъ только руки на себя наложить или въ лѣса отъ такихъ мученьевъ бѣжать....

«— Да вѣдь и вы, чай, съ нами въ Москву поѣдете? Чтой-то, ужъ и бѣжать собрались!... словно и разуму своего вы лишились!

«— Нѣтъ, говорю, въ Москву я съ вами не поѣду; да и вы, коли меня жалѣете, барина отъ этого на-мѣренья отклоните. Поэтому, первое, что въ Москвѣ я надежды на себя не имѣю. А второе дѣло, мнѣ и здѣсь на ваше житѣе смотрѣть совсѣмъ непереносно стало.

«Какъ выговорилъ я ей это, она словно даже ручьемъ залилась.

«— Такъ вотъ, говоритъ, чѣмъ вы меня поопре-каете! точно сами не знаете, каковѣ моя здѣсь жизнь!

«— Я, говорю, не съ тѣмъ это сказалъ, чтобы васъ попрекать, а съ тѣмъ, что при моихъ къ вамъ чувствахъ смотрѣть мнѣ на эти дѣла не приходится.

«Только она еще пуще на это заплакала, а меня ровно тутъ духъ какой обуялъ! Бросился я къ ней, поднялъ-это ее къ себѣ на руки.... И жалко-то мнѣ

ея, и душу-то бы я за нее отдалъ, и злость однако за сердце словно воть клещами хватаетъ: пропадай-моль все, не доставайся она ни мнѣ, ни ему! Даже закоченѣть весь, даже не слышу ничего, мну да тиранню ее, сердечную, въ рукахъ, будто задушить хочу... А она только потихоньку стонетъ, а рваться отъ меня не рвется.

« — Ваня! говоритъ: — что ты надо мнай сдѣлать хочешь?

« Опамятаился я подъ-конецъ, выпустилъ ее изъ рукъ. Тяжко мнѣ тутъ сдѣлалось, такъ тяжко, что и сказать нельзя. Смотрю-это на барскій дворъ, и самъ Богъ знаетъ, что думаю; смотрю тоже и на большую дорогу, и на лѣсъ дальний, — и все это будто перемѣшалось во мнѣ; точно не самъ я, а именно лукавый во мнѣ думаетъ.

« И таковѣѣ была въ ней душа ангельская, что она не токмѣ-что тираниства моего не попомнила, а меня же, звѣря лютаго, утѣшать бросилась.

« — Ваня: говоритъ: — голубчикъ ты мой! ахъ, да посмотри же, посмотри же ты на меня! пожалѣй ты меня! Легче бы мнѣ въ пронасть теперь сгинуть, чѣмъ сердце твое на себѣ видѣть!

« И воть, братецъ ты мой, хоть зима на дворѣ стояла: значить и тѣмнеть, и сивиръ, и снѣгъ, однако краше для меня эта ночь самой теплой лѣтней ночи показалася! Всѣ эти звѣзды, что на небѣ горятъ, словно въ сердцѣ у меня загорѣлися!

« На утро прикинулась къ ней горячка. Доложили обѣй этомъ барину и послали за дохтуромъ. Дохтуръ обозрилъ ее и сказалъ, что въ Москву ѿхать ни-

какъ нельзя. Сокрушился Семерикъ; однако такую къ Машѣ привычку взялъ, что даже поѣздку въ Москву хотѣть отложить. Только тутъ ихняя супруга, дай Богъ ей здоровьяя, за наше счастье вступилася. Семерикъ говорить: не поѣду! Семеричиха кричить: врешь, поѣдешь! И опять Семерикъ свое долбить, а Семеричиха такъ на него и заливаются: «и безъ того я отъ тебя не вѣсть-что безобразіевъ терплю, чтобъ смѣль ты меня на всю жизнь въ деревню запереть!» Много у насъ тутъ страму на весь домъ было. Однако Семеричиха, какъ была генеральская дочь, одолѣла. Стали сбираться; вышелъ и мнѣ приказъ быть готовымъ.

«Ну, нѣть, думаю, это видно подождать придется! И думалъ я тутъ интуку. Явился къ Семерику и, какъ ни воротило мнѣ сердце, наль къ нему въ ноги взаправду.

«— Позвольте, говорю, въ деревнѣ остататься.

«— Это еще что за штуки? говорить: — и какъ ты смѣль прямо на глаза мои показываться.

«— Я говорю, по слабости моей въ Москвѣ надежды на себя не имѣю, потому какъ тамъ и знакомство у насъ большое, и случаевъ больше есть, а въ деревнѣ все одно, что въ монастырѣ...

«Понравилось это Семерику. А пуще всего то по сердцу пришлось, что вотъ-моль лютаго звѣря въ смиреніе привель!

«— Ну, говорить, коли есть твое желанье, чтобъ въ исправлены своемъ укрѣпиться, такъ я препятствовать этому не могу... Взять въ Москву Павлушку!

«Ухали.

«Остались мы съ Машей въ домѣ почесть-что одни. Молодыхъ всѣхъ господа еще съ обозомъ въ Москву угнали, а въ деревнѣ оставили только стариковъ да конюховъ. Къ Машѣ старуху Матрену Ивановну приставили, — золотая это была душа! Стало быть, очень намъ было свободно. По началу она еще слабость въ себѣ чувствовала, а недѣльки черезъ двѣ и поправляться стала. А Семерикъ то и дѣло, что изъ Москвы гонца за гонцомъ шлетъ, да строго-на-строго наказываетъ, чтобы Машу къ нему въ самой скорой скорости выслать. Однако, нѣтъ.

«И словно рай промежъ нась тогда поселился. По времени даже смѣлость такая у нась проявилась, что и людей совсѣмъ опасаться перестали. Заложишь, бывало, обѣ вечеръ жеребца съ барской конюшни въ охотницкія саночки, укутаешь ее, голубушку, въ шубку, и пошелъ по полянкамъ гулять, — даже духъ занимается! А ночи-то, братъ, лунныя да морозныя, и снѣгомъ-то кругомъ тебя обдастъ, и вѣтромъ-то жжетъ.... жизнь! У Маши, бывало, даже глазенки закрятся, столь это хорошо!

«Ну, и домой тоже пріѣдешь, отогрѣвать ее станешь, на рукахъ, словно ребеночка, баюкаешь....

«Да, братъ, — какъ подумаешь да погадаешь, что все это жило да спыло, да быльемъ поросло, и что всему этому житью Семерикъ на всякъ часъ ноперекъ можетъ стать, — даже страхъ тебя какой-то береть!

«И скажи ты мнѣ на милость, отчего бы, напримѣръ, мнѣ счастливымъ не быть? И отчего, напри-

мърь, вздумалъ я разъ въ жизни радость свою имѣть, и тутъ вышло, что радость та не моя, а чужая? Отъ этой, братъ, думы и ушелъ я въ лѣса, чтобы больше она меня не тревожила.

«Провѣдалъ однако, призналъ онъ, какъ ужъ не знаю, про нашу любовь. Бурмистръ что ли ему отписалъ, — этого доказать не могу; только разъ прїѣзжаемъ мы вечеромъ съ поля, анъ въ барскомъ домѣ огни горятъ. Маша моя такъ и ахнула... Ну, и я тоже маленько будто посумнился.

«— Что, говорю, Машенька! гаркнуть развѣ, и поминай какъ звали!

«Только говорю я это, а самъ вижу, что она ни жива ни мертвa въ саночкахъ сидитъ. «Ну, думаю, плохо, значитъ, наше дѣло,— пришлое въ раздѣлку пдти»!... Надѣялся было я на первыхъ порахъ во флигелѣ ее склонить, анъ и тотъ заперть.

«Привели насъ къ Семерику.... Ну.... кончилось тѣмъ, что Машу, черезъ два дня въ деревню за вдовца за дѣтнаго за мужъ отдали, а меня приказали въ солдаты сдать....

«Въ эту ночь много я отъ холоду вытерпѣлъ, а пуще того отъ думы да отъ тоски сокрушился. То будто зима-зимская морозная передъ глазами носится, и полянки эти дальний, и саночки малый, и Маша, разлюбушка моя, тутъ... И словно свѣтъ голубой мнѣ въ глаза бѣть, и въ этомъ свѣтѣ голубомъ она, моя голубушка, ровно въ воздухѣ и дрожитъ, и колышется... залило меня горе всего!

«Порѣшилъ я однако бѣжать. Не то, чтобъ солдатства крѣпко боялся, а словно дѣло это для нась

не обычное, да и съ Машей разстаться жалко; все думаешь: «не закопают же ее живую въ могилу,— авось можно свидѣться какъ нибудь».

«Вотъ на другой день подняли меня ранымъ ранѣхонъко. Вывели, всего обшарили. На дворѣ-это подвода стоитъ, и отатчикъ съ подводчикомъ на готовѣ ожидаются. Пришли родные, пришла дворня вся; бабы воютъ да стонутъ, особенно матушка. Измаяли они меня».

«Привелось намъ мимо скотныхъ дворовъ ъхать. Не утерпѣлъ я,—и сталъ проситься, какъ бы Машу мнѣ повидать. Извѣстно, отатчикъ, вмѣсто отвѣта, велѣлъ лошадь стегать; однако я вскочилъ и зачаль его за горло душить!—«Мнѣ, говорю, за одно терпѣть, а тебѣ не быть живу, варвары вы этакіе!» Ну, испугался, — пустиль. Вoshelъ я въ избу: избенка-эта темная да смрадная, словно хлѣбъ коровій.

«— Много лѣтъ здравствовать, Марья Сергѣвна! говорю.

«Только услыхала она мой голосъ, — бросилась это ко мнѣ, упѣпилась за полуушубокъ... даже ровно замерла тутъ.

«— Погубить я тебя, Машенька! говорю: — не будетъ мнѣ за это счастія въ сей землѣ.

«— Жить.... нѣтъ.... нѣтъ! говоритъ, а сама такъ и дрожитъ, такъ и трясется вся, и въ лицѣ ни единой кровиночки нѣтъ.

«Сѣль я на лавку, положилъ ее на колѣни къ себѣ и сталъ это цѣловать да миловать. Только чую, будто слезы у меня горятъ, да и сердце въ груди

ровно ширится. Ну, думаю, плакать такъ плакать... въ остатній разъ! Плачу я это, даже духъ у меня отъ слезъ словно захлестываетъ.... только и могу выговорить: «Машенька! Машенька!... ахъ, да какъ-ко жь это больше не свидѣться!» А она даже и не отвѣчаетъ ничего; завернулась, голубка, головонькой подъ полушубокъ ко мнѣ, да только руками обѣими меня удерживаетъ.... И сладко-то, и тоскливо-то мнѣ!

«Только, видно, дали во дворъ знать, что двоимъ со мной не сладить; прибѣжало еще человѣкъ съ пятью на подмогу. Стали ее отыматъ отъ меня; ну, и она по началу ровно не поняла, что съ ней дѣлается, даже взять себя допустила.... Однако, какъ началъ я скотницѣ Аграфенѣ въ ноги кланяться, чтобы она ее, сиротку, пригрѣла да приголубила, вдругъ она словно разразилася: взвизгнула-это, застонала и зачала изъ ихъ рукъ рваться.... даже я самъ поскорѣй изъ избы выбѣжалъ.

«Ѣду и дорогой да все думаю: «Уйду я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!» Гляжу-это на поле дальнее: вонъ въ сторонѣ вихорикъ закружился, вонъ пеленку снѣжную взбуровилъ... уйду-моль отъ нихъ, безпремѣнно уйду! Вонъ мостики ветхонькій черезъ рѣчку лежить; по краямъ у рѣчки ледокъ, словно хрусталь чистый, скрипѣлся, а середочка плещется, ровно живая журчитъ... уйду я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!... Вонъ лѣсокъ впереди засинѣлся: ишь ты, какой лѣсь частый да береженый!... вонъ и въ деревню вѣхали... пошли саночки по ступенямъ тукъ-тукъ... ахъ, да уйду я отъ нихъ безпремѣнно уйду!

«— Пусти, Потапъ! говорю отдатчику.

«— Что ты! говорить: — чай, я не о двухъ головахъ!

«— Пусти, Потапъ! въ могилу за тебя живой лягу, души своей не пожалѣю.... пусти!

«Не пустиль.... Да уйду же я отъ тебя, безпремѣнно уйду!

«Пріѣхали мы на постоянный дворъ ночевать. Сѣли ужинать, а я все одно думаю: «уйду да уйду». Положили они меня для вѣрности промежъ себя спать, даже полушубокъ съ меня сняли, да подъ головы себѣ сунули. Однако я не сплю и все въ умѣ одно держу: «уйду, моль, я отъ нихъ, безпремѣнно уйду»! Вотъ только слышу я, загудѣло мужичье; были тутъ, кромѣ насъ, извощики; наѣдятся они на ночь, такъ ровно начнетъ ихъ коробить во снѣ-то. Иной, знаешь, не своимъ голосомъ во снѣ зарычить, другой даже вскочить съ просоньевъ, посидитъ-посидитъ, словно полоумный, перекрестится, да и опять спать. Ну, и я попытать ихъ сначала хотѣлъ: вскочиль что есть мочи, не шелохнется ли моль кто?... Однако никто голосу не даль; только Потапъ съ просоньевъ сталь около себя шарить, да не на ту сторону, сердечный, попадъ и нащупалъ проѣзжаго извощика. Только я ползкомъ, да ползкомъ.... чу, сверчокъ за печкой затрешать... чу, вздохнуль кто-то, — не Потапъ ли? чу, кого-то словно душить во снѣ.... И всего-то до двери пять шаговъ, а столько я тутъ отъ одной думы измаялся, что лучше бы, кажется, пять верстъ на своихъ на ногахъ сдѣлать... А все-таки доползъ подъ конецъ! Тутъ на лавѣ

чей-то полуушубокъ порожній обозрилъ, и его про запасъ смахнулъ.

«Вышелъ я на задворки, и вѣришь ты?—кажется, не долго мученья мои тянулись, — и всего-то съ сутки! а словно я тутъ впервѣй воздухомъ свѣжимъ дохнуль! Даже ослабъ весь, и ноги подкашиваются, и грудь будто расшаталася.... Вышелъ я на задворки; однако какъ началъ дѣломъ смекать: «плохо, думаю, это я сдѣлалъ; такимъ манеромъ они меня какъ разъ по слѣду накроютъ; лучше на большую дорогу пойти». Вышелъ, да не думая, словно изъ лука стрѣла, пустился въ обратный бѣжать.

«Бѣжалъ я безъ отдыху версты съ три, даже грудь начало саднить. А ночь-то мѣсячная да свѣтлая, и поле кругомъ чистое да ровное, — версты за двѣ человѣка видно! Вижу я: коли дальше идти, первое дѣло — изъ силъ выбьюсь, а второе дѣло — хватиться могутъ, и кто жъ ихъ знаетъ, въ какую сторону ихъ лѣшай повернетъ! Показалась въ сторонѣ деревушечка, я и повернуль въ проселокъ. Только она, распроклятая, точно дразнить меня: вотъ, кажется, рукой подать, такъ и вертится передъ глазами; однако за ихними мужицкими вавилонами, добрыхъ я съ полчаса маялся, доколѣ дошелъ.

«Тутъ я впервѣй позналъ, что такое бѣглый человѣкъ значить. Пришелъ въ деревню, смотрю около себя, а куда идти, — не смыслю. Словно ужъ судьба сама за меня промышляла да въ овинъ привела; зарылся я въ солому, да два дня оттолъ и не выходилъ, — такъ не ѿвши и лежалъ.... Послѣ сказы-

вали мнѣ наши, что и въ этой деревнишкѣ меня отыскивали, однако, стало быть, не постарались.

«Черезъ два дня вышелъ. Ну, прежде всего ъесть до смерти хочется. На дворѣ еще темнеть была, только кой-гдѣ огни въ избахъ виднѣлися: значитъ, исправная баба ужь печку затопила. Подошелъ я къ одной избѣ, вышибъ кулакомъ подворотню, подлѣзъ скроль нее и прямо въ избу къ бабѣ.

«— Подавай хлѣба! говорю.

«Только—она, какъ была съ ухватомъ въ рукахъ, такъ тутъ на мѣстѣ и обмерла. Я къ столу; досталь хлѣба, взялъ кстати и ножикъ.

«— Только ты пикни у меня, говорю:—не ионѣ, такъ завтра — таکъ дойму, что на вѣкъ языка лишишься!

«И точно, дай Богъ ей здоровьяя, — не пикнула.

«Наѣле и опять въ солому залегъ — сумерекъ дожидаться. Теперь, думаю, хорошо: и сыть, да и ножикъ при мнѣ есть.... И все-то меня къ дому да къ дому тянетъ.

«Вотъ въ сумерки всталъ отъ своего логова и пошелъ-таки прямо въ деревню. Вижу еще издалеча, что въ кучерской у насъ свѣтъ горитъ. Не думавши долго, прямо туда.

«— Ребята! говорю, кто изъ васъ противъ меня измѣнищикомъ хочетъ быть?

«Только они сидѣть да помалчиваютъ, да промежь себя переглядываются.

«Если кто меня выдать хочетъ, говорю: — такъ я тутъ весь; а не желаете выдать, такъ обогрѣйте да накормите меня!

«Никто однако противъ своего брата измѣницикомъ быть не согласился. Тутъ я узналъ, что въ тотъ самый день Машу на деревню что ни на есть за гадючаго мужика отдали за мужъ; а Семерикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сейчасъ поспѣхъ свадьбы въ Москву укатилъ.

«Загорѣлось-это во мнѣ: хочу да хочу Машу видѣть! даже Ѳеть не могу; такъ всего и поднимаетъ меня.

«Пошелъ на деревню; вижу, стоитъ на краю избенка развалившая; подошелъ къ окошку, думаю, нѣтъ ли гульбы у нихъ? Однако, видно, бѣдностьшибко мужика одолѣла, либо совѣсть на народѣ зазрила, только не чути въ избѣ никого, кромѣ хозяевъ. Говорить-это посередь горнницы луцина, и ровно чадъ да дымъ отъ нея идетъ, а свѣту почестъ ничего-таки нѣтъ; въ углу на полу ребята въ повалку спятъ.... ну, одно слово, и голодно-то, и холодно-то въ этой избѣ, совсѣмъ, кажется, и жить-то нельзя. Одно мнѣ чудно показалось, что они ровно какъ вмѣстѣ жили,—сидятъ около свѣтца. Маша бѣльишко кой-какое дѣткамъ починиваетъ, а Трофимъ сапоги на продажу тачаетъ. Долго я такъ смотрѣлъ на нихъ, все думаю: взойти или не взойти? Однако Маша будто почуяла чтò: встала съ мѣста и слушаетъ; ну, и Трофимъ къ окошку побрелъ.

«— Это я, говорю, Трофимъ Петровичъ! я-молъ, бѣглый Иванъ! пустишь, что ли?

«Услышавши меня, онъ по началу даже отъ окна отшатнулся, однако вскорѣ опять поправился.

«— Пустить что ли, Марьушка? спрашивается.

«Только она ровно испугалася: побежала-это отъ свѣтца прочь и за печку спряталась.

«— Пусти, говорю, Петровичъ! Вотъ тебѣ Богъ, что только проститься хочу; одной минуты не пробуду больше!

«Взошелъ я въ избу, помолился Богу, сѣлъ на лавку.

«— Богъ въ помочь! говорю.

«Только она вышла ко мнѣ, мертвая-размертвая. Однако идеть твердо.

«— Прости меня, Иванушка, говорить.

«Я заплакаль; сижу-это на лавкѣ и, словно баба, малодушествую. Господи! какъ мнѣ горько-то, горько-то въ ту пору было! Словно темь кругомъ меня облегла, словно страхъ да ужасъ на меня напалъ, словно тянеть, сосеть мнѣ все сердце!

«— Прощай, Иванушка! опять говорить она, а у самой слезиночка въ голосѣ дрожитъ.

«Вскочилъ я; хотѣлъ въ охапку ее схватить, однако вижу—въ углу Трофимъ стоитъ и словно у него зубъ на зубъ не попадаетъ. И она тоже руки впередъ протянула, будто какъ застыдилась. Ну, думаю, стало быть, нашему дѣлу и взаправду кончанье пришло!

«— Прощай, говорю, Маша! прощай и ты, Трофимъ!

«Молчать оба.

«— Видно-моль не свидѣться намъ?

«— Да, видно, не свидѣться! молвилъ Трофимъ.

«Словно ожгло меня это слово.

«— Звѣрь ты! говорю.

«— Нѣтъ, говорить, не я звѣрь... Ты, говорить, рукой махнуль да въ лѣса бѣжалъ, а ей весь вѣкъ со мной въ голодѣ да въ нуждѣ горе мыкать приходится.... Такъ инѣ лучше не замай ты насъ!

«Смотрю я на нее; все думаю: «не скажется ли въ ней хоть на минуточку наше прежнее разлюбовное время-времячко»?...

«Ну, и нѣтъ, какъ нѣтъ; стоитъ она какъ безъ чувствъ совсѣмъ, глазами въ землю смотрить, только верхняя губа будто дрожитъ легонько.

«—Ну, говорю, инѣ и взаправду, Маша, прощай! Однако все-таки на разстаняхъ, чай, поцаловаться надо.....

«....Такъ наше дѣло и кончилось. Вышелъ я отъ нихъ какъ безъ памяти. Отхваталь я, братъ, въ эту ночь верстъ тридцать слишкомъ. Иду да иду впередъ, а куда иду, — даже понятіе потерялъ. Снѣгъ мокрый глаза заливаетъ, вѣтеръ въ лицо дуетъ, ноги въ сугробахъ тонутъ, а все иду, и все о чемъ-то думаю, хоть истинной думы и нѣтъ во мнѣ. Все это, какъ во снѣ, — отъ одного къ другому переходитъ: и Маша-то тутъ, и не ъдалъ-то я, и сѣна вонъ стогъ въ полѣ стоитъ, и ночь-то была въ-пору холодная да темная. Останови да спроси: о чѣмъ-молѣ сейчасъ думалъ? — ни въ свѣтѣ отвѣту не дашь!

«Однако на утрѣ уморился, и понятіе-это ко мнѣ изморомъ воротилось. Тутъ только догадался я, что замѣсто того, чтобъ къ нашимъ на конный дворъ вернуться, я верстъ тридцать въ сторону шагнулъ. Ну, не судьба, значитъ!

«Вижу, на встрѣчу мнѣ мужичокъ съ дровами
ѣдетъ. Мужичночко этакой худенькой да мозгля-
венькой; «ну, на что такому мозглецу топоръ?» ду-
маю. Подошелъ къ нему.

«— Продай-моль топоръ, дяденька!

«Онъ перепугался.

«— Христосъ, говоритъ, съ тобой, молодецъ!
топоръ-отъ, чай, мой!

«— Извѣстно, говорю, что твой; только и для-
насъ онъ очень словно надобень!

«Ну, онъ столько учтивъ былъ, что больше со
мной не разговариваль.

«Такимъ манеромъ прошло больше мѣсяца, что
я все дальше да дальше пробирался. Вѣришь-ли,
даже не обогрѣлся ни разу порядкомъ, ни разу пу-
темъ не поѣлъ. Привычки-то къ ночному рукомеслу
еще не было, да и шель я все глухимъ мѣстомъ да
проселкомъ, — такъ и въ питейный-то зайти не съ
чѣмъ. И страхъ тоже одолѣлъ, потому что зима для
бѣглаго человѣка — самое некорыстное время; кру-
гомъ-это суметы, ни бѣжать, ни склониться некуда:
того гляди — какъ зайца изымаютъ.

«Однако, около Благовѣщенья, словно потеплило,
а въ деревняхъ въ это время на пригревѣ обѣ ину-
пору даже жарко бываетъ. Тутъ, братецъ мой,
только я восчувствовалъ, какова на свѣтѣ жизнь
хороша есть. Сядешь, бывало, въ сторонкѣ около
стожка: солнышко прямо въ лицо тебѣ поглядываетъ,
вѣтерки, словно бархатные, кругомъ понгрываютъ,
въ сторонѣ, чу, вода русло себѣ просасываетъ, на-
верху всякая птица кишинемъ кишитъ, и не видать

ея въ вышинѣ, а словно стонъ сверху внизъ стелется. Журчитъ-это, шумитъ все, точно и не одинъ ты въ свѣтѣ, точно завсегда кто ни-на-есть съ тобой присутствуетъ.... Самое развеселое это время!

«Туть и поживишка у меня порядочная случилась. Иду я разъ сумерками своимъ трактомъ и вижу, что посередь самой большой дороги кибитка стоитъ; лошади, пара, сзади привязаны, ямщика нѣть. Подхожу я къ кибиткѣ, слышу — разговоръ тамъ идетъ; одинъ сѣдокъ, должно быть, заслышилъ меня, всталъ и смотрить черезъ кибитку.... Купецъ.

«— Много лѣть здравствовать, господа хозяева! говорю!

«Только онъ думаетъ, что меня, значитъ, ямщикъ помогать имъ прислать.

«— Скоро ли же ямщикъ-то вернется? спрашивается.

«Пошелъ я впередъ, будто кибитку осматриваю, а самъ примѣчаю, какъ бы за дѣло мнѣ половчай взяться. Вижу, — впереди зажора, у кибитки одна оглобля напрочь отломлена; значитъ, ни взадъ, ни впередъ нѣть возможности.

— Да ты чѣмъ за человѣкъ? спрашиваетъ купецъ.

«А другой его товарищъ, даже не видѣвши еще ничего, забился въ глубь, да только знай — стонетъ. Вижу я, что они ребята ласковые, и въ разговоръ съ ними взошелъ.

«— Вы, говорю, хозяева, просто чѣмъ будете?

«— Нѣть, говоритъ, безъ топора тоже неѣздимъ.

«Ну, и топоръ показываетъ.

«— А коли есть топоръ, такъ дайте, значитъ,

пять цѣлковыхъ, — и Богъ съ вами! А не то, будемъ силу пробовать!

«Заартачился-было купецъ, да товарищъ его, спасибо, на выручку мнѣ подоспѣль. Застональ-это, заревѣль пуще прежняго: «отдай да отдай пять цѣлковыхъ!»

«Разсчитались.

«Пошелъ я послѣ того въ кабакъ, да тамъ и забылся. Обѣ ину пору хорошо это бываетъ. Придеть-это тошно да смутно такъ; назади некорыстно да и вернуться туда ужъ нельзя, а впереди словно туманъ да темнеть виситъ... куда пдти? Думаешь, думаешь, даже головой о стѣну шаркнешься. Ко-сушка вина много тутъ помоши дѣлаетъ. Выпьешь одну, — въ сердцѣ словно радуга просіаетъ; выпьешь другую, — словно по морю по окіяну плывешь; выпьешь третью, — ни земли, ни воды подъ тобой нѣть, да и люди — ровно точки въ глазахъ мерещатся....

Въ кабакѣ я человѣка встрѣтилъ. Показалось мнѣ, что онъ на меня съ первого раза слишкомъ зорко посмотрѣль, да и съ цаловальникомъ словно перемигнулся. Вотъ, выпилъ я свою чарку и сѣль въ углу на лавку, будто какъ благодушествую, а у самого даже муравьи по-за кожей заползали! Всѣ, знаешь, по новости своей думаю, что на лазутчика попалъ. Только они промежъ себя разговоръ ведутъ съ цаловальникомъ.

«— Худо, Савва Дементьевичъ! говорить человѣкъ, — развѣ вотъ лѣтомъ поправимся, а не то, видно, совѣтъ отеель откочевывать придется.

« — Чужъ такъ?

« — Да ровно ужъ слишкомъ много порядковъ здѣсь завелось. Намеднись Сидорку на гумнѣ изловили, отпустить-то отпустили, да ужъ и выкупъ больно несообразный заломили. Надоѣло.... Только бы вотъ товарищѣ такихъ подыскать, чтобъ и въ огонь и въ воду охочи были идти, такъ, кажется, ни на минуту бы здѣсь не остался.

« — И Дарьушку ништо не жалко!

« — Чтобъ Дарьушка! только связался я съ ней, а то давно бы намъ это дѣло покинуть надо! Намеднись-вотъ мужъ: «ты, говорить, меня въ окаянство ввелъ, ты меня воромъ сдѣлалъ, да и жену теперь отнимашь!» Какъ будто я задаромъ его воромъ-то сдѣлалъ! И что еще: такъ-это остервенѣль, что ухватилъ ножъ да съ ножемъ зря впередъ и лѣзть. Даже смотрѣть на него глупо.

« Цаловальникъ захохоталъ.

« — Однако надо правду-истину сказать, говорить, — и ты въ его добрѣ ровно слишкомъ хозяйствуешь!

« — Чего хозяйствовать! Съ ней, братъ, всякий хозяйствовать можетъ,—была бы охота! Намеднись—вотъ офицеръ проѣзжій ночевать у нихъ становился, такъ мнѣ даже тошно стало, какъ она передъ нимъ привередничала....

« — Такъ вотъ она какова!

« — Да ужъ такъ-то «такова», что опять-таки говорю: найдись у меня теперь товарищъ хороший, чтобы вмѣстѣ бѣжать отсель, ни на минуту бы даже не задумался.

«А самъ говорить-это, да на меня поглядываетъ. Однако я молчу и все-это думаю, что онъ меня испытать хочетъ. Долго ли, коротко ли они промежь себя побесѣдовали, только онъ не утерпѣлъ, подошелъ ко мнѣ.

«— Да ты что, говоритъ, землякъ, въ землю глазами уткнулся да нюни распустилъ?

«— А такъ-молъ.

«— Что такать-то, а ты говори дѣло. Отколь бредешь?

«— Прохожій-молъ; шель да зашелъ, — и все тутъ!

«— Прохожій Иванъ стащилъ на селѣ кафтанъ; идеть на большую дорогу за шубой.... такъ что ли?

«— Хоть бы и такъ, тебѣ что за дѣло?

«— Больно ты, братъ, гордъ, либо трусливъ ужъ не въ мѣру. Тебя же жалѣючи спрашиваютъ.

«— Да ты самъ-то кто таковъ?

«— А я, говоритъ, человѣкъ небольшой, по прозванию сторожъ ночной; неподалечку бекеть здѣсь содержимъ, да проѣзжающихъ въ страхѣ Божіемъ держимъ!

«Цаловальникъ засмѣялся.

«— Да, и уму-разуму наставляемъ ихъ, потому какъ безъ нашей науки они безпремѣнно забылись бы.... Вотъ еще онамеднишь уgliцкіе купцы тутъ щахали; ну, я точно-что малую толику отъ нихъ попользовался; однако за это и причту имъ сказалъ: «который-молъ звѣрь всѣхъ звѣрей лютѣ?» —левъ. Кто льва лютѣ? — человѣкъ; потому — человѣкъ человѣка погубляетъ, а левъ льва никогда. Кто

человѣковъ лютѣ? — разбойникъ!... Такъ вы, говорю, ваши здоровья, въ этомъ мѣстѣ поздно ночью не ъздите, потому — тутъ шалять.... Такъ хочешь что ли съ нами, молодецъ?

«Посумнился я тутъ съ крошечку. Хоть и вижу, что кончанье для меня одно впереди, однако съ непривычки все будто робостно.

«— Что задумался? или, братъ, по пословицѣ: собака волка дереть, и дратъ не умѣеть, и отстать не смѣеть? А ты, коли въ тебѣ живая душа есть, говори прямо: хочешь другомъ быть?

«— Ты бы ему поднесъ для куражу, Миронычъ! говорить цаловальницѣ: — а то винъ онъ какъ отъ дороги осовѣлъ!

«Стали мы тутъ пить и бражничали такимъ родомъ дня съ три. На четвертый день такіе ли други пріятели сдѣлались, словно вотъ вѣкъ только другъ о другкѣ и сокрушился. Такъ и рѣшилась судьба моя въ кабакѣ.

«Привель онъ меня къ своей любезной. Мужъ у ней тутотка на большой дорогѣ въ ъзжай дворъ держалъ... такъ, небольно чтобъ очень корыстный. Мѣсто это самое глухое да непріютное; и стояль ихній дворъ, словно торчокъ, одинъ-одинехонекъ; кругомъ верстъ на двѣнадцать лѣсь дремучій, по дорогѣ песокъ по колѣни; ни воды, ни лужаечки нѣтъ, — такъ, дичь одна. Какъ ъдѣть, бывало, кто по дорогѣ, такъ издалеча еще слышно, какъ по лѣсу словно щолканье пойдетъ. Стало быть, польза отъ постояльцевъ была самая пустая; развѣ ужъ больно кто обночаетъ, или кони въ пескахъшибко замаются,

такъ къ Федоту Карпову на часокъ завернетъ, а прочие наровить, бывало, мимо поскорѣй проѣхать. Да и жили они какъ-то сумнительно; у другихъ хозяевъ и работникъ и работница путные есть, а у нихъ и веого-то одна работница, да и та нѣмая да дурочка была. Ну, для проѣзжихъ господь оно и не приглядно; который и остановится слuchаемъ, такъ все по сторонамъ озирается, не хотятъ ли-моль рѣзать его.

«А Федотъ Карповъ самый изъ себя паренекъ мизирный да нескладный былъ. Махонькой да тощей такой, борода-это клинушкомъ, глазки маленькие да врозвъ разбѣгаются, — даже смотрѣть гнусно. И все-то, бывало, или на палатахъ проклажается, либо въ окошко солнцемъ глядить, а начнетъ-это работать, такъ и не глядѣть бы на него: только въ навозѣ, словно боровъ, кошится.... А со всѣмъ этимъ такой жадай былъ, что какъ увидитъ монету, даже словно обезпамятѣеть весь: этимъ только и держаль его Кориѣй въ уздѣ.

«За то на Дарьушку точно-что можно залюбоваться было. И высокая-то, и полная-то, и глаза большие на выкатѣ, а тѣло бѣлое да разбѣлое, словно вотъ пѣна молочная скипѣлася. Одно слово, отдай все да и мало. Пойдетъ-это по горницѣ, или даже на мѣстѣ шевельнется, — такъ вся тебѣ кровь въ голову вдругъ и кинется.... Пѣсни тоже пѣть мастерика была: что хочетъ надѣть тобой своимъ голосомъ сдѣлаетъ! И тоской-то тебя всего залѣтѣть, и удалью да молодечествомъ сердце разутѣшитъ,— словно вся человѣческая душа въ рукахъ у ней была. Жила, вишь, она прежде у одного молодаго

купчика, однако выпелъ ему срокъ жениться, онъ и выдать ее за Федота. Отъ него и пѣсни-то пять она выучилась.

«Пришли мы къ нимъ около полдѣнъ; смотримъ, Дарьушка у воротъ сидитъ, на солнышкѣ грѣется. Поздоровались.

«— Жить, что-ли, у насъ будете? спрашивается Дарьушка, а все на меня исподлобья посматриваетъ.

«— Да, говорить Корней: — покудова до тепла надобно будетъ прожить!

«— А послѣ куда?

«— А куда путь лежать будеть... вѣриаго еще ничего сказать теперь не могу.

«Только она на эти его слова ровно усмѣхнулася; только такъ-то нехорошо да обидно, что разомъ мнѣ Корнейевы слова вспомнились, которыя онъ цаловальнику въ кабакѣ говорилъ.

«— Чего смѣешься? правду говорю, что остатніе дни у васъ здѣсь валандаюсь! говорить Корней.

«— Ну, и съ Богомъ! отвѣчаетъ Дарьушка, а сама все на меня да на меня поглядываетъ.

«Словно помертвѣлъ Корней.

«— Ишь ты, подлая! говорить.

«Однако она ничего; сидитъ себѣ, да знай полегонечку посмѣивается.

«— Такъ неужто же, моль, мнѣ всѣмъ твоимъ прихотямъ подражать? говорить: — хочешь идти, такъ иди... плакать по тебѣ, что ли?

«— И уйду; только такъ я тебя на прощаныи приголублю, что вѣки ты меня не забудешь... змѣя ты!

«Чудно мнѣ это показалось. «Будь, думаю, я на Корнѣевомъ мѣстѣ, не посмотрѣлъ бы на косы твои русыя!» Однако онъ смолчалъ; только все у него нутро, словно у звѣря лѣснаго, зарычало.

«Въ тотъ же вечеръ у нихъ съ Федотомъ Карповымъ дѣло чуть не до убийства дошло, и все опять эта Дарьюшка на озорство завела.

«— Слышать, говорить, Федотъ Карпичъ, что Корнѣй Миронычъ отъ насъ въ дальны стороны сбирается?

«Какъ сказала она это, Федотъ Карповъ даже помертвѣлъ весь. Ну, и Корнѣй словно потупилъся. А она, замѣсто того, чтобы смирять ихъ, только пуще другъ на дружку натравливается.

«— Сказываютъ, какъ это тамъ хорошо да привольно, и рѣки-то, слышь, молочныя, и берега-то кисельные, и воруютъ-то всѣ бездланно-безпошлинно... инь и тебѣ за нимъ ужъ бѣжать, Федотъ Карпичъ?

«Слушаетъ это Федотъ, а у самого даже бороденка словно листъ трясется.

«— Правду, что ли, баба лаетъ? говорить.

«Ну, соглать бы туть Корнѣю: пошутиль-молъ, и вся недолга; однако онъ или посовѣстился, или не нашелся съ первого разу: пробормоталъ что-то невнятно въ отвѣтъ, и замолчалъ.

«— Анъ врешь ты! говорить Федотъ: — не посмѣешь отсель уйти!

«А самъ и заикается-то, и по столу-то кулакомъ бѣть...

«— Али любъ тебѣ сталъ? говорить Корнѣй.

«— Любъ не любъ, а у меня съ тобой счеты есть.... Въ кабалу ты ко мнѣ шель!

«Ну, лѣзеть на Корнѣя, да и шабашь, даже на мѣстѣ словно скакеть; и кулачишкомъ-то, и головой-то ему въ брюхо поровить... удивленье да и только!

«— Ты, говорить, женой у меня завладааль; такъ здѣдомъ чтобъ я тебѣ ее отдалъ?

«— Иши, тебя больно спрашивались....

«А Ѳедотъ все одно:

«— Издохнешь, говорить, мнѣ служивши! убью я тебя и въ отвѣтѣ не буду!.. потому—ты воръ... да, говорить, воръ, воръ, воръ.... разбойникъ ты!

«Корнѣй только-знаѣ рукой отмахивается, какъ онъ слишкомъ на него наскакивать начнетъ.

«А Дарьюшка, сдѣлавши свое дѣло, ушла за пeregородку, словно горя ей мало; только и слышно, какъ она тамъ позѣвываетъ да потягивается.

«— Часто этакъ-то у васъ бываетъ? — спрашиваю я ее.

«— А кто ихъ знасть? Каждый день все скору да драку заводятъ.... Что на нихъ смотрѣть-то! Да неужто взаправду Корнѣй на чужую сторону собирается?

«— Да, взаправду.

«— Куда?

«— А куда глаза глядятъ.

«— Ну, и Богъ съ нимъ!

«— Будто тебѣ его не жалко?

«Такъ она, братецъ мой, не то-чтоѣ поскучать

или хоть бы задуматься, — все же чужой человѣкъ передъ ней, — даже засмѣялась въ отвѣтъ.

« — Ты, говорить, съ Кориѣмъ что ли?

« — Съ Кориѣмъ.

« — Напрасно... кабы ты съ нами остался, и Ѹедотъ бы Карычъ Кориѣя отпустилъ....

« Говорить это, да такъ-таки прямо въ глаза мнѣ и смотрить.

« — А намеднись, говорить, офицеръ проѣзжій у насъ становился, такъ раза съ четыре ворочался: все бѣжать съ собой меня сманивалъ! И опять пріѣхать обѣщался....

« — А Кориѣй чего смотрѣть?

« — Что Кориѣй! Извѣстно въ хлѣву злобствоваль! Развѣ его въ горницу пущаютъ, когда пріѣзжіе господа есть?

« — Видно, ты таки охоча гулять-то!

« — А для-че не гулять, когда гулять можно... весело гулять! Вотъ у меня баринъ былъ миленѣкій, — ужъ то-то мы съ нимъ погуливали!... Хочешь что ли, пѣсню тебѣ спою?

« Сняла со стѣны гитару, да словно разлилась тутъ вся:

«Ахъ, гдѣ жена была, гдѣ сударыня была,
Я была, сударь, была, у попа въ гостяхъ....»

« И поеть-то, и плечьми-то подергиваетъ, и каблучками-то пристукиваетъ... всякая словно жилка въ ней вдругъ заговорила!

« А грудь-то бѣлая да полная, тяжеленѣко-это подъ гитарой мечется, ровно моченьки у ней нѣть, ров-

но истомило ее всю, измаяло! Такъ оно хорошо да сладко, что и Корнѣй съ Федотомъ лаяться перестали, а у меня даже свѣтъ въ глазахъ помутился!... Какъ легли мы послѣ того съ Корнѣемъ на сѣнице спать, долго она мнѣ сквозь сонъ все мерещилась!

«Жили мы у нихъ съ мѣсяцъ-мѣста, ничего не дѣлавши; однако я укрѣпился, противъ товарища подлецомъ сдѣлаться не хотѣль. Подивился я тутъ на Корнѣя! Ужъ на что, кажется, крѣпкій человѣкъ былъ, а передъ ней и даже передъ этимъ Федоткой, словно овца смирялся; что хотѣли изъ него дѣлали. Она, бывало, и за водой его посылаетъ, и кушанье стряпать велитъ, — все исправляла!

«По времени и совсѣмъ тепло установилось. Сталъ Федотъ Карповъ намъ докучать, что мы только руки склавши сидимъ, да чужой хлѣбъ ъдимъ. Началь и я Корнѣю вспоминать, что не затѣмъ въ товарищи къ нему пошелъ, чтобы у бабы подъ юбкой прятаться....

«Вотъ, вышли мы со двора поздно вечеромъ, на самый Егорьевъ день. За десять верстъ отъ двора и мѣсто у насъ было такое назначено, чтобы съ товарищами сойтись. Только идемъ мы опушкой, а у меня словно сердце въ груди измираетъ: то, знаешь, робость непереносная всего обхватываетъ, то вдругъ такую въ себѣ силу и мочь почувствуешь, что, кажется, не шель, а летѣль бы впередъ да впередъ. И чего-чего тутъ не передумаешь! и стоны-то загодя тебѣ слышатся, и кровь будто передъ глазами проливается....

«И ничего-таки этого не бываетъ, и все, бра-

тецъ ты мой, это одинъ разговоръ! Настоящій разбойникъ никогда не убиваетъ; убиваетъ больше мелкій воришка, который съ предметомъ своимъ совладать не можетъ. А у нась всякое дѣло миромъ кончается: одна часть тебѣ, другая часть намъ, — и ступай на вѣсъ на четыре стороны! Случается, правда, что бабы отъ страха пищать,—ну, и Христосъ съ ними, пускай пищать!

«Потому, — какая для нась корысть человѣка жизни лишать? Первое дѣло — грѣхъ за-напрасно на душу возьмешь, а второе дѣло — слѣдъ безпремѣнно оставишь. Иной, свою часть вручивши, погорюетъ, погорюетъ — да и броситъ дѣло такъ, потому — дорожному человѣку съ полицейскими связываться тоже не приходится. Ну, а какъ убѣшьто его, онъ волей-неволей на тебя пожалуется; пойдутъ-это шарить да сыскивать, и хоть ничего настоящаго не найдутъ, однако на цѣлый мѣсяцъ все дѣло тебѣ перенакостятъ.

«Въ эту ночь мы барина остановили. Молоденький такой да нѣжненький, а трясетъся, сердечный, одинъ на телѣжечкѣ. Шибко онъ нась испугался, даже смѣшался совсѣмъ.

«— Чтожь ты не везешь, каналья ты этакая!» кричить ямщику, а самъ почти плачетъ. Ну, дѣнегъ у него мы не густо нашли, потому — домой въ побывку на легкѣ щахъ, а взяли у него чемоданышко, часы золотые, да перстенекъ съ руки. Больно мнѣ его жалко было. И то говорилъ Корнѣю: что, моль, младость обижать?» Однако онъ не послушалъ....

Въ другую ночь видимъ, цѣлый рыданій по доро-
гѣ шестерикомъ ползетъ. Ну, такъ и мерещится
мнѣ, что Семериковъ-это рыданій.

«— Братцы, говорю, голубчики! никакъ это мой
ѣдетъ!

«Однако вышелъ не онъ, а баринъ какой-то боль-
шой. Растинался себѣ на подушкахъ баринъ лю-
безный, спить во всю ивановскую, а у самого
крестъ на манишкѣ болтается. Ну, мы его разбу-
дили,

«— Ваше благородіе! говорить Корицкій: — из-
вольте вставать, на станцію прѣѣхали!

«Только онъ по началу высокѣ было взялъ.

«— Какъ вы смеете! говорить, — да вы знаете
ли, говорить, что я вѣсъ туда упеку, куда Макарь-
теллять не гоняетъ!...

«Потомъ однажды урезонилъ маленько... Мно-
го онъ намъ ласковыхъ словъ говорилъ: что и воро-
вать-то стыдно, что и братья-то мы вѣсъ, что оби-
жать намъ другъ другу стало быть не приходитъ-
ся; однако, какъ наше дѣло къ сиѣху было, мы
вслушаться въ его рѣчи настоящимъ манеромъ не
могли, и такъ-таки въ-чистую его обобрали, что да-
же лошади послѣ того отъ легкости рысцой побѣ-
жали.

«Станцили мы нашу добычу въ лѣсъ, въ самую
трущобу, и хворостомъ тамъ ее завалили. Только
въ лѣсу долго оставаться еще не способно было.
И по дорогѣ, и въ полѣ ужъ сухо, а въ лѣсу еще
земля словно не весь паръ отдала. Приклонившись
къ низу, даже видишь, какъ земля на глазахъ тво-

ихъ отходить начинаеть, а въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ поглаше, словно вотъ легкая-легонькая пеленочка еще лежитъ, — ледокъ, значитъ. А изъ подо-льду ужъ и травка зелененькая выбивается, — ну, возмешь-это, дыханьемъ пеленочку оттаешь; пущай-моль Божья травинка безъ помѣхи растетъ!

«Воротились мы на постоянный раннимъ утромъ, чуть еще солнышко показалось. Въ горницѣ, видно, еще спали; только нѣмая работница за ворота вышла, позѣвываетъ да на восходъ крестится; да и та, увидѣвши насъ, словно испугалась, и вдругъ ни съ того, ни съ сего въ ворота шарахнулась... что за чудо! Однако Корнѣй, должно быть, чутьемъ бѣду свою почуялъ и самъ за ней слѣдомъ ударился...

«Только я ужъ засталъ, какъ онъ Федота допрашивалъ; вижу, на немъ и званія лица нѣть, а Федотъ стоитъ у стѣны въ одной рубашкѣ, волосы-это растрепаны, рожа немытая; стоитъ да подъ рукой его, ровно комаръ, топорщится.

«— Куда убѣгла? сказывай! говоритъ Корнѣй.

«И не то-чтобъ шибко выкрикиваетъ, однако даже мнѣ отъ его голосу жутко стало.

«Ну, и Федоткѣ, видно, не до разговоровъ пришлось; лепечетъ чтой-то про себя да руками разводить.

«— Продалъ ты, чтоль, ее? опять говоритъ Корнѣй: — сказывай, сказывай же ты мнѣ, аспидъ ты эдакой!

«Собралъ онъ его, братецъ ты мой, въ охапку и грянуль обѣ поль. Ужъ топталъ онъ, топталъ, ужъ возилъ онъ его по полу-то, возилъ!... Давно и ду-

шонка-то его смрадная, чай, въ тартарары пошла, а онъ все сытости не чувствуетъ.... Возьметъ это, подниметъ его съ полу, и опять обѣ-земь — какъ шваркнетъ!

«Ну, подъ конецъ и самъ измаялся; грянулся-это на лавку, да какъ завопить да застонеть, ажъ вчужѣ меня холодный потъ прошибъ!

«Часа черезъ два мы этотъ проклятый постоянный дворъ со всѣхъ четырехъ угловъ зажгли. Такъ и сгорѣлъ со всѣми пожитками; даже нѣмая, по глупости своей, выбѣжать не успѣла...

«И пошли мы послѣ того во путь, во дороженьку, отрѣклися отъ міра прелестнаго, поклонилися бору дремучему, и живемъ, нече сказать, ни худо, ни красно, а хлѣбъ жуемъ не напрасно.

«Странствуемъ мы съ нимъ по русскому царству, православному государству, странствуемъ по горамъ, по доламъ, по лѣсамъ, по полямъ, по зеленымъ лузямъ, а больше около большой дороги держимся.

«Весело, братъ! — это ужъ говорить нечего.... т. е. просто у насть житье-пережитье!... Однако идешь-это иной разъ по опушечкѣ, и вдругъ на тебя дурость найдетъ.... Растужишься, разгорюешься, и падешь гдѣ нибудь подъ ёлочкой, тяжеленько вздыхающи, горько слезы роняющи, свою жизнь проглинающи.... И елочка — это словно тебя понимаетъ: такъ-то плавно да заунывно лапами своими надъ тобой помаваетъ: вздохни-моль, замученный!

вздохни, безталанный, безчастный! вздохни, сирота сиротской сынъ!

«Видѣлъ я сонъ: прихожу будто я въ градъ нѣкій, и прихожу не одинъ, а съ товарицами: такие пріятели есть, сотскими прозываются. Подхожу-это къ палатамъ пространныхъ: съ четырехъ концовъ башни высятся, спереду стоять батюшки-солдатушки; стоятъ солдатушки ружьемъ честь отдаютъ, за бѣлы руки меня принимаютъ, принимаютъ разутѣшными рѣчами ублажаютъ: «ты войди-молъ къ намъ, воръ, разбойничекъ! душегубчишка ты окойнненъкій! Отдохни ты у насъ въ острогѣ каменномъ», за затворами крѣпкими желѣзными!»

«И еще видѣлъ я сонъ: стою я на мѣстѣ высокіимъ и къ столбу у меня крѣпко-на-крѣпко руки привязаны. Собралось тутъ народу видимо-невидимо, все на меня позѣвать — поглазѣть, на меня, на шельмѣцкаго-шельмѣца, на разбойника!

И молился я тутъ Спасову образу,
И на всѣ стороны низко кланялся:
Вы простите меня, люди Божіи,
Помолитесь за мои грѣхи,
За мои ли грѣхи тяжkie!
Не успѣлъ я на народъ возврить.
Какъ отсѣкли мою буйну голову,
Что по самыя плечи могучія....

Ну, этотъ сонъ нельзя сказать, чтобы пригожъ быль.... Однако не лучше ли намъ это бросить — позабыть....

Ахъ, въ горѣ жить, не кручину быть!
А и горе-горе, гориваньице!
Ахъ, въ горе жить, некручину быть,
Нагому ходить — не стыдитися!

ПОСЛЪ ОБѢДА ВЪ ГОСТЯХЪ.

Удивительное дѣло, какъ все это было пригнано, какая во всемъ сказывалась система и гармонія! Потомство рѣшительно не повѣрить. Поговоримъ хоть о губернскомъ надзорѣ. Всякій согласится, что безъ надзора нельзя: во первыхъ, обывателямъ некому будетъ жаловаться, во вторыхъ, -- куда же дѣнутся всѣ эти лица, которымъ ввѣренъ надзоръ? въ третьихъ... ну, да вообще какъ-то неловко безъ контроля! Что могли бы сказать о нась иностранцы, еслибъ у нась не было контроля? Могли бы сказать: у нихъ царствуетъ произволъ, потому контроля нѣть! могли бы сказать: удивительно, какъ это люди живутъ въ такой странѣ, въ которой контроля нѣть! А теперь, какъ контроль есть, то иностранцы должны молчать, и ничего больше.

Главное дѣло, чтобы контроль былъ безобидный, и шель, такъ сказать, въ видѣ непрерывнаго перекрестнаго огня. Объяснимъ это примѣромъ. Если меня будетъ контролировать мужикъ, что можетъ изъ этого выйти? Разумѣется, ничего путнаго, потому что и онъ меня не понимаетъ, и я его не понимаю, и станемъ мы цѣлый день разговаривать, я по русски, онъ по татарски. Совсѣмъ другое дѣло, когда сойдутся люди просвѣщенные и скажутъ другъ другу: ты надзирай за мной, а я буду надзирать за тобой. Ясно, что здѣсь не можетъ случиться ни раздоровъ, ни недоумѣній; ясно, что просвѣщенные люди поймутъ другъ друга и будутъ объясняться единственно по русски. Такимъ образомъ, подозрѣніе о произволѣ устраниется; обыватели на каждомъ шагу встрѣчаютъ лицо, которому могутъ принести жалобу; приличія соблюдены, всѣ довольны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и раздоровъ никакихъ...

Возьмемъ другой примѣръ, болѣе осозательный.

Нашъ почтенный начальникъ края постоянно находится подъ контролемъ весьма не лѣгкимъ; за нимъ надзираетъ и губернскій штабъ-офицеръ, и губернскій прокуроръ, — а между тѣмъ спросите его по совѣсти, чувствуетъ ли онъ это? Нѣтъ, онъ не чувствуетъ, ибо, съ другой стороны, штабъ-офицеръ и прокуроръ находятся и подъ его контролемъ. Слѣдовательно, сойдутся вмѣстѣ, переговорятъ между собой ладкомъ, ань смотришь, и прекратятся разомъ всѣ недоумѣнія, смотришь — и пошли опять козырять, какъ ни въ чемъ не бывало.

Нашъ добрый и милый пріятель, Семенъ Михай-

лычъ Булановскій былъ именно такого мнѣнія о контролѣ. Во первыхъ, онъ вообще одобрялъ всю систему, а во вторыхъ, хвалилъ въ особенности то, что контроль именно порученъ ему, а не кому другому. «Это—говаривалъ онъ:—именно величественное зданіе, въ которомъ всякой находится при томъ кругѣ, гдѣ кому по способностямъ быть слѣдуетъ».

Я знаю, что въ послѣднее время развелось много неблагонамѣренныхъ людей, которые утверждаютъ, будто бы не предстоитъ никакой надобности ни въ штабъ-офицерахъ, ни въ прокурорахъ, ни даже... въ начальникахъ края! Для управлениія обывателями, говорятъ они, достаточно однихъ законовъ! Конечно, если разсуждать съ точки зрѣнія теоретической, то нельзя не сознаться, что законы въ своемъ родѣ тоже представляютъ величественное зданіе; но съ другой стороны, бываютъ случаи, когда они говорить не могутъ, и когда личное искусное вмѣшательство одно можетъ предотвратить величайшія бѣдствія. Въ особенности удобно и необременительно сіе средство въ дѣлахъ свойства, такъ сказать, домашнаго (ибо въ нашемъ любезномъ отечествѣ еще встрѣчаются дѣла сего свойства). Приходитъ, напримѣръ, ко мнѣ жена и жалуется, что мужъ ея поступаетъ съ ней не какъ супругъ, а какъ человѣкъ посторонній. Что сдѣлать бы законъ? Законъ, во первыхъ, сказалъ бы: сударыня, докажите! Во вторыхъ, еслиъ и послѣдовало доказательство то законъ отвѣчалъ бы: это, сударыня, не мое дѣло? Напротивъ того, что сдѣлаю я? Во первыхъ, я призову мужа и скажу ему: «какъ же тебѣ, любезный,

не стыдно! посмотри, какая у тебя жена хорошенькая!» Во вторыхъ, если онъ этимъ не убѣдится, я пригрожу ему закономъ: «да, скажу, любезный! у насъ на этотъ счетъ и законъ есть!» А такъ какъ онъ законовъ не знаетъ, то и убѣдится навѣрное. Смотришь — анъ дѣло-то и покончено къ общему удовольствію! Другой примѣръ: приходитъ ко мнѣ работникъ и жалуется, что хозяинъ жалованья ему не платить. Натурально, я за хозяиномъ: «зачѣмъ ты, любезный другъ, денегъ не платишь?» Ну, онъ мнѣ: такъ и такъ. Отъ хозяина я опять къ работнику: «развѣ ты не можешь, любезный другъ, подождать?» Смотришь — анъ дѣло-то и покончено къ общему удовольствію!

Но важнѣе всего то, что мы, россияне, отъ рожденія нашего питаемъ къ судамъ нелюбовь. Одаренные отъ природы воображеніемъ впечатлительнымъ и характеромъ живымъ, даже строптивымъ, мы требуемъ, чтобы дѣла рѣшались немедленно, а желанія наши удовлетворялись безпрепятственно. Что бы это такое было, еслибы существовали одни суды и не существовало начальства? Страшно подумать, но предугадать не трудно. Во первыхъ, обыватели пришли бы въ уныніе; во вторыхъ, въ дѣлахъ произошелъ бы застой. Результатъ же всего этого — хаосъ, среди которого люди стремились бы не къ тому, чтобы сдѣлать себѣ одолженіе, но къ тому, чтобы пойдатъ друга.

Повторяю, нашъ милый Семенъ Михайлычъ вполнѣ раздѣлялъ эти убѣжденія. Онъ находилъ, что въ особенности полезенъ надзоръ негласный, который

благодѣтельствуетъ, такъ сказать, въ типинѣ уединенія. Въ такомъ видѣ, по мнѣнію его, онъ уподобляется провидѣнію, всегда намъ соприсутствующему. Обиженный не имѣеть основанія унывать, ибо знаетъ, что есть рука, которая защититъ его и покараетъ злодѣя. При такой увѣренности, не можетъ не житься легко, ибо жизнь, такъ сказать, сама выносить обывателя на крылахъ своихъ. Въ этомъ же, быть можетъ, заключается и дѣйствительная причина того, что въ государствахъ, гдѣ подобный контроль устроенъ, лица обывателей принимаютъ видъ откровенный и беззаботный, не говоря уже о томъ, какъ это пріятно начальству.

Вообще, Семенъ Михайлычъ чудный малый и слыветъ въ губерніи завиднымъ женихомъ. Онъ очень мило изъясняется по французски, а благородной изысканности его манеръ удивляются вѣрь помѣщики. Онъ йѣсколько сухощавъ и вообще сложенъ, если позволено такъ выражаться, меланхолически; при этомъ строенъ и имѣеть черты лица не только выразительныя, но даже язвительныя. Правильности его носа еще не такъ давно удивлялась купеческая жена Барабошкина, а пристального взгляда его сѣрыхъ глазъ не могъ вынести самъ губернскій предводитель дворянства, когда его, по поводу ущерба какому-то казенному интересу, велико было келейнымъ образомъ допросить. Но человѣкъ чистый и невинный могъ смотрѣть ему въ глаза смѣло и съ увѣренностью всегда встрѣтить въ нихъ теплое участіе. Ко всему этому (какъ было довершеніе общаго очарованія), онъ употреб-

ляеть какие-то анафемские духи, которыми умащаетъ себѣ усы и тѣло, и отъ которыхъ такъ и разить чѣмъ-то таинственнымъ.

Семенъ Михайлычъ человѣкъ холостой, но не прочь жениться. Если онъ до сихъ поръ не принесъ себѣ въ жертву гименею, то это произошло совсѣмъ не отъ того, чтобъ нашихъ дѣвицъ не плѣняла его обольстительная наружность, но отъ того, что онъ желаетъ сдѣлать партію во всѣхъ отношеніяхъ блестящую. Ему мало того, что дѣвица, на которую онъ обращаетъ свои взоры, пышка, ему надо, чтобъ и отецъ ея быть пышка, т. е. снабженъ надлежащими капиталами. «Жена должна принести мужу деньги и протекцію», говоритъ онъ, и, совершенно довольный собой, мечтъ жгучіе взоры на сонмине тающихъ дѣвицъ нашихъ.

Живетъ онъ просто, но мило, въ домѣ той самой купчихи Барабошкиной, которая такъ восхищалась правильностью его носа. Говорятъ, будто бы онъ не платить за квартиру, но если это и правда, то во всякомъ случаѣ онъ обдѣлываетъ свои дѣла такъ скромно, что никто уличить его ни въ чёмъ не можетъ. Въ какое бы время вы ни зашли къ нему, всегда можете найти добрый привѣтъ, добрую сигару и добрый стаканъ вина.

Семенъ Михайлычъ очень пріятный собесѣдникъ, онъ проницательный политикъ и умѣренный, но глубоко-мысленный философъ. Трудно повѣрить, но при всѣхъ своихъ многочисленныхъ занятіяхъ онъ находитъ время даже слѣдить за теченіемъ планетъ и, руководствуясь брюсовымъ календаремъ, охотно

объясняетъ обычнымъ своимъ собесѣдникамъ тайное ихъ значеніе. Такъ, напримѣръ, не далѣе, какъ прошлой зимой, онъ, по теченію планетъ, очень вѣрно предсказалъ, что въ персидской странѣ произойдутъ козни тайныхъ враговъ, стремящихся огорчить любезное отечество, но что козни эти будутъ открыты нѣкоторымъ царедворцемъ Олоферномъ, который и посрамитъ кознедѣйцевъ. Все точно такъ и сбылось: черезъ двѣ недѣли, мы уже читали въ газетахъ, что Олофернъ поймалъ и обличилъ злодѣевъ, которые были посажены въ мѣшокъ и ввержены въ море. Есть у него и библиотека, составленная исключительно изъ книгъ, трактующихъ о разныхъ видахъ любви къ отечеству. По мнѣнію его, только такія книги и могутъ усаждать душу государственного человѣка, да еще сочиненія эротического содержанія; но сіи послѣднія должны быть читаемы съ умѣренностью и втайне, дабы не породить соблазна въ народѣ, который, по простодушію своему, можетъ, чего доброго, принять преподанныя тамъ правила за руководство въ жизни.

Однимъ словомъ, такие люди, какъ Семенъ Михайлычъ, составляютъ истинное украшеніе городовъ, въ которыхъ поселяются, а такъ какъ въ Россіи нѣтъ губернского города, въ которомъ не было бы своего Семена Михайлыча, то и оказывается, что всѣ они изукрашены въ этомъ отношеніи преестественно.

Имѣя въ виду впереди балъ у губернатора и потомъ ночную пирушку у откупщика, я зашолъ къ Семену Михайлычу, чтобы отвести душу въ умѣренно-либерально-политико-философской бесѣдѣ.

Я засталъ его за чтеніемъ новаго обширнаго трактата о любви къ отечеству; неподалеку, на случай отдохновенія, валялся новый романъ Поль-де-Кока.

Прежде всего, мы, разумѣется, разговорились о различныхъ благодѣтельныхъ реформахъ, ожидающихъ наше любезное отечество, потомъ о дѣйствіи, которое онъ оказываютъ на обывателей. Оказалось, что это дѣйствіе, покамѣстъ, ограничилось тѣмъ, что генераль Голубчиковъ сошоль съ ума, въ ожиданіи уничтоженія откуповъ, да предсѣдатель уголовной палаты запилъ мертвую, въ ожиданіи судебнай реформы. Мы, разумѣется, погорѣвали.

— Удивляться тутъ нечemu, сказалъ мнѣ Семенъ Михайлычъ по поводу непріятнаго происшествія съ генераломъ Голубчиковымъ: — такая вѣсть можетъ поразить и болѣе крѣпкіе организмы.

— Какой однако ударъ для всего семейства!

Семенъ Михайлычъ только маѣнулъ рукой, какъ бы говоря: погоди! то ли еще будетъ!

— Странно одно, продолжалъ онъ: — какъ это Иванъ Николаичъ до сихъ поръ не приготовился! Посмотрите на меня: я ужъ давнымъ давно ко всему готовъ!

— Что, развѣ получили что нибудь?

— Не получилъ, но получу!

Семенъ Михайлычъ сказать это съ такимъ дрожаніемъ въ голосѣ, что я не сомнѣвался, что онъ получитъ нечто, но до поры до времени скрываетъ. Любопытство задѣло меня за живое.

— Вотъ вы говорите, что генераль не приготовилъ, сказалъ я, желая увлечь его въ откровенную

бесѣду: — да помилуйте, какъ же тутъ и приготовиться-то! Вѣдь онъ еще нынче утромъ получиль радостное для себя извѣстіе!

— И все-таки надо было приготовиться!

— Да какъ же это, одножъ?

— Повѣрьте мнѣ, что ничего иѣть легче. Нужно только соображеніе и христіанское смиреніе! возразилъ Семенъ Михайлычъ и, немнога помолчавъ, прибавилъ: — да, главное все-таки христіанское смиреніе, какъ тамъ кто ни говори! Семенъ Михайлычъ, который куриль въ это время трубку, сталъ дуть въ нее съ такою силой, что искры цѣлымъ облакомъ посыпались на коверъ.

— Я былъ сего дня у обѣдни и молился, продолжалъ онъ таинственнымъ голосомъ: — только, когда пропѣли херувимскую, я вдругъ почувствовалъ, какъ будто что-то колнуло меня въ самое сердце... Я, знаете, впалъ въ забвеніе, стою и молюсь, стою и молюсь... Ахъ, что я видѣлъ въ эту сладкую минуту! ахъ, что я видѣлъ! Скажу одно: съ этого мгновенія бремя жизни скатилось съ души моей! съ этого мгновенія я... готовъ!

«Чортъ возьми! а вѣдь дѣло плохо, коль скоро Семену Михайлычу видѣнія являются!» подумалъ я, невольно припомнивъ катастрофу, приключившуюся съ генераломъ Голубчиковымъ.

— И представьте себѣ, другъ мой, едва я возвратился изъ церкви, какъ мнѣ подаютъ письмо отъ одного петербургскаго пріятеля...

— И это письмо?...

— Вотъ не угодно ли полюбоваться!

Онъ подалъ миъ дрожащей рукою письмо, въ ко-
торомъ я прочиталъ слѣдующее:

«Мы провалились, любезный другъ Simon, и ты
можешь укладывать свои чемоданы, не опасаясь на
этотъ разъ быть введеннымъ въ ошибку. На дняхъ
все покончено: пасъ не будетъ! Мы должны пере-
стать существовать, превратиться въ дымъ — мы
и дѣла наши! Первою мыслью мою было, разум-
мѣется, подумать о тебѣ, и знаешь ли, чтобы при-
думать? На дняхъ наши финансисты скомпоновали
какой-то невинный проектъ по винной части: не
удрать ли намъ съ тобой штуку, пристроившись
по части хересовъ и розничной продажи сивухи?
Говорить, такой состряпали проектецъ, что паль-
чики оближешь; слѣдовательно, надежда есть. А
я, къ тому же, коротко знакомъ съ самимъ его си-
вушествомъ, княземъ цѣловальниковымъ, слѣдо-
вательно, и тутъ надежда есть! Вспомни, дружинце,
стинки:

Надежда, кроткая посланица небесъ....

и еще: надежда утѣшаетъ царя на троиѣ — дальнеѣ,
хоть убей, не помню, — и валай въ Питеръ! А не то,
и еще имѣется въ виду убѣжидце: поговариваютъ,
что учрѣждается серьезный надзоръ надъ приста-
нищами праздности и разврата, и что по этому слу-
чаю также потребуется много дѣятелей. Что жъ,
можно махнуть и по части клубнички! Конечно,
дѣятельность не очень почетная, но нашъ братъ,
опричникъ, за голчкомъ не погонится: видали виды!

Со мной, дружище, даже на дняхъ случилось про-
исшествіе въ этомъ родѣ... и т. д.

«Ожидавшій тебя съ нетерпѣніемъ

«Никифоръ Малявка».

— Однако, вамъ еще не измѣнила надежда! ска-
зать я, прочитавши письмо.

— Не измѣнила-то не измѣнила, а все-таки больно.

Семенъ Михайлычъ размахнулся и ударилъ чу-
букомъ объ стѣну.

— Больно, Николай Иванычъ! Больно, въ осо-
бенности съ точки зрѣнія благороднаго человѣка!
сказалъ онъ, останавливаясь предо мною:—поймите,
вѣдь наша служба была самая благородная! Вѣдь мы
были почти.... массоны!

— Сес...

— Да, массоны! Это я берусь доказать, хоть и
знаю, что въ нашемъ отечествѣ массоны не допус-
каются. Но мы массоны очищенные, мы массоны, у
которыхъ, кромѣ любви къ отечеству, ничего въ
предметѣ не осталось!

— Да скажите мнѣ, ради Бога, полковникъ: что
такое были эти массоны?

— Массоны были и будутъ существовать, покуда
стоитъ міръ; массоны—это просто благонамѣренные
люди, изъ которыхъ нѣкоторые заблуждаются, а нѣ-
которые не заблуждаются!

— Гм... это конечно.... всякой вещи бываетъ въ
мире по два сорта...

— Заблуждающиеся массоны имѣли между собой
разные таинственные знаки, безъ дозвolenія началь-
ства называли другъ друга вымышленными име-

нами: Никифора Петромъ, Петра Степаномъ, и тому подобное... Согласитесь, что въ государствѣ этого допустить невозможно?

— Да, оно конечно... какъ-то подозрительно.

— Ну, и вся эта принадлежность перешла отъ массоновъ къ намъ. Мы тѣ же массоны, но массоны очищенные.

— Если я васъ понялъ, любезный Семенъ Михайлычъ, то, стало быть, цѣль этихъ массоновъ заключается въ томъ, чтобы покровительствовать несчастнымъ.

— Совершенно такъ. Видишь, напримѣръ, уточнющаго, ну, подойдешь, подашь ему руку—и онъ опять пошелъ себѣ жить да поживать. Или, напримѣръ, обыграли васъ въ карты; вы приходите, объясняете... Я съ своей стороны призываю лицо, воспользовавшееся вашею довѣрчивостью, и говорю ему: «отдай деньги, потому что иначе тебѣ можетъ быть худо!»

— Знаете ли что, Семенъ Михайлычъ? Чѣмъ больше думаешь, тѣмъ больше убѣждаяешься, что такого рода учрежденіе — истинное благодѣяніе для человѣчества. Тихо, смироно, миролюбиво, безъ разговоровъ — сколько тутъ одного сокращенія переписки.

— Да еще то ли мы дѣлывали! вѣдь на насъ, можно сказать, лежало благоденствіе и спокойствіе цѣлаго отечества—поймите это! Вѣдь, можно сказать, ни одной мысли въ головѣ не зараждалось безъ того, чтобъ эта мысль не была намъ предварительно известна.... Вѣдь это цѣлый романъ!

— На вашемъ мѣстѣ, Семенъ Михайлычъ, я не-
премѣнно писалъ бы свои мемуары.

— Я думать обѣй этомъ.

Семенъ Михайлычъ задумался и улыбулся. Вид-
но было, что надъ мыслями его пролетали воспоми-
нанія, и что воспоминанія эти улыбались ему.

— Да, были дѣла! сказаль онъ, щипля свой на-
дущеный усы:—были дѣла!

Я зналъ отчасти эти дѣла. То были дѣла чудодѣй-
ственной ловкости, то были дѣла нечаяннѣйшихъ
сюризовъ и таинственнѣйшихъ похищений. Се-
менъ Михайлычъ цѣлую жизнь все ловилъ и хва-
таль, и наконецъ доловился и дохватился до настоя-
щаго скорбнаго положенія. Согласитесь, что это сра-
зить хоть кого.

— Не то больно, сказаль онъ: — что жалованья
тамъ какого нибудь на время лишусъ, то больно,
что практики-то этой не будетъ!

— Да, привычка—великое дѣло!

— Грудью, вотъ этою самою грудью жертвовалъ!
И чтожъ въ результатѣ? — абшидъ!

Семенъ Михайлычъ видимо впадалъ въ лиризмъ,
потому что колотилъ себя въ грудь самъмъ неесте-
ственнымъ образомъ.

— Что мнѣ нужно? декламировалъ онъ, ставъ въ
позицію, какъ это обыкновенно дѣлаютъ благород-
ные, но огорченные люди:— что мнѣ нужно? Добрую
сигару и стаканъ доброго вина!

«Добрую сигару я отдамъ пріятелю; стаканъ вина
раздѣлю съ нимъ же!

«Теперь у меня нѣть ни того ни другаго! Но слѣд-

нюю сигару я выкурилъ вчера, послѣдній стаканъ вина выпилъ каналья денъщикъ сегодня, въ то время, какъ я молился Богу!

«Новыхъ я купить не въ состояніи. Я не знаю даже, буду ли въ состояніи сшить себѣ новые сапоги!

«Это горько! это неблагодарно!»

— Яшка! прибавилъ онъ совершенно неожиданно, кликая денъщика:—ступай, подлецъ, къ Барабошкіной и спроси, не осталось ли у ней хоть одной бутылки моего любимаго вина?

Послѣдній взглазъ оживилъ меня иѣсколько. Нѣть ничего несноснѣе, какъ присутствовать при посторонней горести. Конечно, эта горесть не могла называться и для меня совсѣмъ постороннею: ибо и я, наравиѣ съ другими, могъ погибнуть въ стремнинѣ политического переворота; но все-таки я страшныхъ писемъ еще не получалъ, слѣдовательно, гибель моя представлялась еще отдаленою, и мысль о ней не портила еще моего аппетита въ такой степени, въ какой портила аппетитъ другихъ моихъ сотрудниковъ по вертограду администраціи. Однимъ словомъ, отъ этихъ унылыхъ стоновъ мною начинало уже овладѣвать нетерпѣніе, и я имѣлъ основаніе думать, что появленіе бутылки вина хоть иѣсколько измѣнитъ направленіе разговора.

— Тутъ была цѣлая система, приставать между тѣмъ Семенъ Михайлычъ,—система, могу сказать, строго соображенія во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ. Мы связаны между собой вотъ какъ!

Семенъ Михайлычъ соединилъ обѣ руки и про-

сунулы пальцы одной изъ нихъ между пальцевъ другой.

— Спрашиваю я васъ теперь, можно ли оставаться безъ системы? добивался онъ.

— Знаете ли, что? отвѣчалъ я, какъ бы озаренный свыше вдохновенiemъ: — вѣдь я думаю, что безъ системы оставаться рѣшительно никакъ невозможно!

— Стало быть, можно, коли оно такъ есть: взгляните и судите! иронически замѣтилъ онъ.

Такого рода разговоры обыкновенно продолжаются до бесконечности. Источникомъ имъ служатъ раны человѣческаго сердца, а раны эти, какъ известно, сочатся до тѣхъ поръ, покуда не исцѣтъ изъ себя всего гноя обидъ и оскорблений, въ нихъ накопившихся. Нашъ разговоръ былъ прерванъ появленiemъ подлеца Яшки, который доложилъ, что купчиха Барабошкина съ дерзостью отозвалась, что у нея никакой бутылки вина для полковника нѣть и не было.

— Вотъ видите! даже Барабошка — и та отвѣчаетъ! сказалъ мой амфитріонъ, окончательно сраженный: — подлая! пронюхала, должно быть!

Семенъ Михайлычъ неистово зашагалъ по комнатѣ.

— Любопытно! любопытно это будетъ, какъ-то они безъ насъ обойдутся! Повѣрите ли, Николай Иванычъ, когда мнѣ въ первый разъ сказали, что насъ не будетъ, — я думалъ, что это насмѣшка, я даже не далекъ быть отъ мысли, что насмѣшка эта прямо относится къ высшему начальству...

— Да, оно похоже на то.

— Нѣтъ-сь, это была не насмѣшка. Намеднись прїѣзжаю я въ Москву, являюсь къ своему старику, и первое слово, которое отъ него слышу: «а мы, братъ, съ тобой въ трубу вылетѣли!» — Кто же теперь слѣдить будетъ? спрашиваю я его: — кто слѣдить будетъ, ваше превосходительство? И знаете, стою эдакъ передъ нимъ, весь виѣ себя отъ изумленія. Только что жъ бы, вы думали, онъ мнѣ въ отвѣтъ? — Я, братецъ, говорить, въ пенсію все свое содержаніе получаю, такъ мнѣ до этого дѣла нѣтъ!!! Такъ-то вотъ, ни въ комъ, просто ни въ комъ сочувствія нѣтъ!

— Скажите на милость!

— А намеднись вотъ, у Пеструшкиныхъ на балѣ, мальчишка, Шалимовскій гимназистъ, подходитъ ко мнѣ, мерзавецъ, и говоритъ: а вы, говорить, знаете, Семенъ Михайлычъ, что васъ уничтожаютъ? — Спрашиваю я васъ, каково мнѣ эти плюхи-то ъсть?

— Даже мальчишки, и тѣ!

— Да въ мальчишкахъ-то и сила вся! Откровенно скажу, что еслибъ не мальчишки, мы и до сихъ поръ благоденствовали бы! Это они своимъ тявканьемъ, это отъ нихъ все загорѣлось. Господи! жили-жили и вдругъ напасть!

— Да и старики-то, Семенъ Михайлычъ, хороши!

— И мальчишки, и старики, и Барабошка, и весь міръ за одно!

— Однакожъ, вѣдь вамъ недавно мундиръ перемѣнили: повидимому, это должно бы поощрить!

— Да, и перемѣнили, и поощрили! Ну да, и перемѣнили, и поощрили! Что жъ, и поощрили!

— Какъ же это однако!

— Вотъ видите, Николай Иванычъ, я цѣлый мѣсяцъ обѣ этомъ знаю... Вы понимаете, что у меня должно *тутъ* происходить?

Онъ указалъ на грудь.

— Все это время я думалъ... все думалъ...

— И что же?

— Я просто пришелъ къ заключенію, что все это не болѣе, какъ страшный сонъ!

— Тсс...

— Да, это страшный сонъ, потому что этого не можетъ быть!

— Однако, вы имѣете письма?

— Имѣю дѣйствительно, но въ то же время считаю увѣренность... что мы возродимся!

— То есть, какъ же это?... Вы думаете, значитъ, что вамъ опять дадутъ новый мундиръ?

— Да нѣтъ, не то, не въ мундирѣ тутъ сила: духъ времени не таковъ! Но что мы возродимся — это вѣрно. Потому, ненатурально! Опять-таки, спрашиваю я васъ, возможно ли существовать безъ системы!

— Нѣтъ, я положительно убѣжденъ, что безъ системы и одного дня пробыть невозможно.

— Ну, а какого же тутъ черта систему выдумаешь! Слѣдовательно, мы возродимся: въ мундирахъ ли, безъ мундировъ ли, но мы возродимся — это вѣрно! Конечно, сначала все это будетъ какъ будто подъ пепломъ, а потомъ оно потеплится-потеплится да и воспрянетъ настоящимъ манеромъ!

— Да ѿшь-то? вы-то? что съ вами будетъ?

— Что обо мнѣ говорить! Я... я могу найти для себя убѣжище въ одномъ изъ новыхъ учрежденій, о которомъ пишетъ Малявка.... Но это все равно! Главное все-таки въ томъ, что мы возродимся!

Семенъ Михайлычъ былъ великъ: и понялъ это и позавидовалъ ему. Мнѣ думалось о томъ, какъ сладко и велико должно быть гражданское чувство, въ силу котораго человѣкъ забываетъ о себѣ, чтобы всѣмъ существомъ своимъ устремиться къ одному предмету — любезному отечеству!

Мы разстались утѣшеннѣе и облегченныѣ. Всю дорогу я твердила себѣ: мы возродимся, ибо безъ спасѣнія существовать нельзя!

ЗАПУТАННОЕ ДѢЛО.

СЛУЧАЙ.

I.

«Будь ласковъ съ старшими, невысокомѣренъ съ подчиненными, не прекословъ, не споръ, смиряйся— и будешь ты вознесенъ премного: ибо ласковое теля двѣ матки сосетъ.»

Такого рода напутственный завѣтъ былъ произнесенъ Самойломъ Петровичемъ Мичулинымъ двадцатилѣтнему его дѣтищу, отправлявшемуся изъ дома родительского на службу въ Петербургъ.

Самойло Петровичъ, бѣдный мелкопомѣстный дворянинъ, въ простотѣ души своей былъ совершенно увѣренъ, что, снабженный подобными практическими наставленіями, Ваничка его, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ принять въ столицѣ съ распростер-

тыми объятіями. На всякий случай, стариkъ, однокожъ, кромѣ душеспасительного слова, вручилъ сыну тысячу рублей денегъ съ приличнымъ наставленіемъ носить ихъ всегда при себѣ, не мотать, не мытарствовать, а тратить-себѣ по-маленьку.

— Дитя оно молодое, думалъ добродѣтельный старикъ: — и повеселиться и пожуировать жизнью захочеть — Богъ съ нимъ! Да притомъ же и объятія... кто его знаетъ! прижимишь, сухосердъ нынче стать человѣкъ.

И вотъ уже около года живеть юноша въ Петербургѣ, около года онъ добронравенъ, не прекословитъ, смиряется и на практикѣ во всей подробности осуществляетъ отцовскій кодексъ житейской мудрости — и не только двухъ, но и одной матки не сосетъ ласловое теля!

А между-тѣмъ, онъ ли не уклонялся, онъ ли не угождалъ, онъ ли не нагибался! Кротче сердцемъ, смиреннѣе душою, кажется, въ цѣломъ мірѣ нельзя было съискать человѣка! И все-таки отъ всей фигуры Фортуны видѣлъ онъ одинъ только задъ.... препенріятное дѣло!

Сунулся-было Иванъ Самойлычъ къ нужному человѣку мѣстечка попросить, да нужный человѣкъ наѣтрѣзъ сказалъ, что мѣста всѣ заняты; сунулся онъ-было и по коммерческой части, въ контору купеческую, а тамъ все цифры да цифры, въ глазахъ рябитъ, голову ломитъ; пробовалъ-было и стихи писать — да остроумія нѣть! Отъ природы ли голова его была такъ скучо устроена, или обстоятельства кой-какія ее сплюснули и стиснули, но оказывалось,

что одна только сфера дѣятельности и была для него возможной — сфера механическаго переписыванья, перебѣливанья, да и тамъ ужъ народъ кишмя кишитъ, яблоку упакть нѣкуда, все занято, все отдано, и всякихъ здѣшнимъ за свое держится....

Словомъ, вся жизнь гоеподина Мичулина, съ самаго его вѣзда въ Петербургъ, была рядомъ мучительныхъ попытокъ и исканій и все безъ результата... А отцовскія деньги все уходили да уходили, а желудокъ просилъ быть попрежнему, да и кровь то еще молода и тепла въ жилахъ... просто, ни на что не похоже!

Поникнувъ головою, тихимъ шагомъ возвращался Иванъ Самойлычъ домой послѣ одной изъ ежедневныхъ и неудачныхъ своихъ экспедицій.

Дѣло шло ужъ къ десяти часамъ вечера. Нечальное и непріятное зрѣлище представляется Петербургъ въ десять часовъ вечера и притомъ осенью, глубокою, темною осенью. Разумѣется, если смотрѣть на міръ съ точки зрѣнія кареты, запряженной ръяною четверкою лошадей, съ быстротою молнии мчащихъ его по гладкой какъ паркетъ мостовой Невскаго Проспекта, то и дождливый осенний вечеръ можетъ имѣть не только сносную, но даже привлекательную физіономію.

Въ-самомъ-дѣлѣ, и туманъ, который, какъ удушливое бремя, давитъ городъ своею свинцовою тижестью, и меленѣкая, острая живость — не то дождь, не то снѣгъ — докучливо и рѣзко дребезжащая въ запертыхъ окнахъ кареты, и вѣтеръ, который жалобно стонетъ и завываетъ, тщетно силясь

вторгнуться въ щегольской экипажъ, чтобы оскорбить нескромнымъ дуновенiemъ своимъ полныя и самодовольно-лосняція щеки сидящаго въ немъ сытаго господина, и гусиняя лапки зажженаго газа, тамъ-и-самъ порывающіяся сквозь густой слой дождя и тумана, и звонкое, но тѣмъ не менѣе какъ смутное эхо долетающее «нади» зоркаго какъ кошка форейтора — все это, вмѣстѣ взятое, даетъ городу какую-то поэтически-улетучивающуюся физіономію, какой-то обманчивый колоритъ, дѣлая всѣ окружающіе предметы подобными тѣмъ страннымъ, безразличнымъ существамъ, которыя такъ часто забавляли насъ въ дни нашей юности въ заманчивыхъ картинахъ волшебнаго фонаря...

И покачивается-себѣ сытый господинъ, самодовольно развалившись на мягкихъ подушкахъ, и сладко жмурить глаза, одолѣваемый неопредѣленною, но тѣмъ не менѣе мягкою дремотою, необыкновенно-вкрадчивымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необыкновенно-сладкимъ полузабытьемъ... И напоминаетъ ему оно, это волшебное полузабытье, то блаженное состояніе, которое каждый изъ насъ болѣе или менѣе ощущалъ въ дѣствѣ, слушая долгими зимними вечеромъ безконечно-однообразные и, между-тѣмъ, никогда неутомляющіе, давнымъ-давно переслушанные и, между-тѣмъ, всегда новые, всегда возбуждающіе судорожное любопытство разказы старой няни о Бабѣ-ягѣ-костяной-ногѣ, обѣ избушкѣ на курьихъ ножкахъ и т. п.

Притаились дѣти вокругъ стола въ узкой и низенькой дѣтской; молчатъ они и не пошевельнулся;

нѣтъ улыбки на розовыхъ губкахъ ихъ, не слышно свѣжаго, звучного смѣха, за минуту передъ тѣмъ оглашавшаго комнату; всѣ мускулы на этихъ полныхъ жизни личикахъ выразили какое-то напряженное вниманіе; тусклый и трепещущій свѣтъ разливаетъ кругомъ давно-забытая и страшно-нагорѣвшая свѣтильня сальной свѣчки; обычно тихо и мѣрно дрожитъ древній голосъ древней няни старую сказку о Змѣѣ-Горынычѣ... Люблю я это морщиристое лицо старой няни, люблю ея желтые, костлявые руки, люблю ея увѣренность, будто она дѣйствительно вяжетъ чулокъ, между-тѣмъ, какъ на дѣлѣ только спускаетъ одну петлю за другою; люблю ея воодушевленіе, ея сочувствіе къ высокой добродѣтели Полканы-богатыря, Бовы-королевича; люблю ея движеніе, когда она, внезапно помолодѣвъ и озаренная какою-то юною силою, стучитъ дряхлымъ кулакомъ по столу, приговаривая: «дернетъ Полканъ-богатырь за руку — рука прочь; схватитъ за голову — голова прочь»...

И сжимается дѣтское сердце страхомъ великимъ, и сочувствуетъ Ильѣ-Муромцу, слѣдитъ за борьбой его съ страшнымъ Соловьевымъ-разбойникомъ, и робко вглядываются зоркіе глазки въ темный уголъ комнаты, высматривая, нѣтъ ли тамъ Бабы-яги, не затайлся ли гдѣ-нибудь ехидный Змѣй-Горынычъ, и весело смеются и хлопаютъ дѣти въ ладоши, когда няня неопровержимыми доводами доказываетъ имъ, что Змѣй-Горынычъ давно околѣлъ и издохъ, гадина, стараніями разныхъ добродѣтельныхъ витязей... И сладко засыпаютъ они, рѣзвыя дѣти, и самыя розовыя

мечты убаюкиваютъ юныя воображенія ихъ, точно такъ же, какъ убаюкиваютъ они и того господина, который сквозь туманъ и вѣтеръ ъдетъ-себѣ въ уютной каретѣ своей, между-прочимъ твердо увѣренный, что ни туманъ, ни вѣтеръ не огорчать пухлыхъ и благовоспитанныхъ щекъ его.

Но не въ каретѣ ъхалъ, а шель-себѣ скромно пѣшкомъ Иванъ Самойлычъ, и потому весьма-естественно, что петербургскій осенній вечеръ утрачивалъ въ его глазахъ свой благонамѣренный характеръ. Холодный и рѣзкій вѣтеръ, дувшій ему въ самое лицо, не навѣвалъ на него сладостной дремоты, не убаюкивалъ его воспоминаніями дѣтства, а жалобно и тоскливо стоналъ около него, нагло набрасывалъ ему на глаза капюшонъ его шинели и съ видимымъ недоброжелательствомъ насвистывалъ въ уши одинъ и тотъ же знакомый припѣвъ: «озябъ, бѣдный человѣкъ! хорошо бы бѣдному человѣку у огня да въ теплой комнатѣ! да иѣть у него ни огня, ни теплой комнаты, озябъ, озя—ябъ, бѣдный человѣкъ!»

Конечно, и въ ступающемъ по грязи человѣчествѣ раждались кой-какія мысли по поводу дождя, вѣтра, слякоти и другихъ непріятностей, но это были скорѣе мысли черныя и неблагонамѣренныя, вращавшіяся большею частію около того пункта, что есть-дескать въ мірѣ, и даже въ самомъ Петербургѣ, люди сытые, которые ъдутъ теперь въ каретахъ, которые сидятъ себѣ покойно въ театрахъ, или просто дома одинъ-на-одинъ съ иѣжною подругою; но что-этотъ господинъ, ъдущій въ каретѣ,

мигающей изъ кресель смазливенькой и загѣйливо поднимающей ножку актрисѣ, сидящій одинъ-на-одинъ съ миловидной подругой и прочая — вовсе не оно, странствующее во мракѣ грязи и невѣжества человѣчество, а совсѣмъ иной, совершенно ему незнакомый господинъ...

— Что же за доля моя горькая! думалъ Иванъ Самойлычъ, входя по грязной и темной лѣстницѣ въ четвертый этажъ: — ни въ чёмъ-то миѣ счастья нѣть... право, лучше бы неѣхать сюда, а оставаться бы въ деревнѣ! А то и голодно-то и холодно...

Въ дверяхъ, его встрѣтила хозяйка квартиры, Шарлотта Готлибовна Гѣтлихъ, у которой онъ занималъ весьма маленькую комнату съ однимъ щодѣлѣноватымъ окномъ, выходившимъ на самую помойную яму. Шарлотта Готлибовна взглянула на него недовѣрчиво и покачала головой; въ первой комнатѣ раздавались шумные голоса собравшихся нахлѣбниковъ: голоса эти непріятно поразили слухъ Ивана Самойлыча. Съ пѣкотораго времени, онъ сталъ какъ-то задумчивъ, сдѣлался мизантропомъ, убѣгая всякой компании и вообще вѣдь себя довольно-странны.

И нынѣче, какъ всегда, пробрался онъ потихоньку въ свою комнату, молча выпилъ поданный ему стаканъ чая, безсознательно выкурилъ обычную трубку вакштафа и началъ думать... На этотъ разъ мыслей оказалось нестерпимо-много, и все такія чудныя, одна другой страннѣе.

Въ сущности, дѣло было чрезвычайно-просто и немногосложно. Обстоятельства-то Ивана Самойлыча

были такъ плохи, такъ плохи, что, просто, хоть въ воду. Россія — государство обширное, обильное и богатое — да человѣкъ-то глупъ, мретъ-себѣ съ голоду въ обильномъ государствѣ!

А тутъ, кромѣ безденежья, еще и другія горести завязались, и окончательно сбили съ толку героя нашего. Припоминая все, что сдѣлалъ онъ, со времени отбытія изъ дома родительскаго, въ обеспеченіе своего голоднаго желудка, господинъ Мичулинъ впервые усомнился, дѣйствительно ли поступалъ онъ въ этомъ дѣлѣ какъ слѣдуетъ, и не обманывалъ ли себя на счетъ покорности, уклоненія, добронравія и другихъ полезныхъ добродѣтелей.

Впервые, какъ-будто-бы сквозь сонъ, мелькнуло у него въ мозгу, что отцовскій кодексъ житейской мудрости требовалъ безотлагательного и радикального исправленія, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ скорѣе нуженъ наскокъ и напоръ, нежели безмолвное склоненіе головы.

Но малый-то онъ былъ по преимуществу скромный и безотвѣтный, да притомъ же и оробѣлъ ужасно. Пріѣхалъ онъ въ Петербургъ изъ провинціи; жизнь казалась въ розовомъ цвѣтѣ, люди смотрѣли умильно и добродѣтельно, скидали другъ передъ другомъ шляпы чрезвычайно учтиво, жали другъ другу руки съ большимъ чувствомъ... И вдругъ оказалось, что люди-то они все-таки себѣ-на-умѣ, такие люди, что въ ротъ пальца имъ не клади! Ну, куда же тутъ соваться съ системою смиренномудрія, терпѣнія и любви!

И куда ни обернется онъ, за что ни схватится —

все вокругъ него глядитъ какъ-будто самостоятель-
но. Шелъ онъ, напримѣръ, давича по Невскому —
на встрѣчу начальникъ отдѣленія идетъ, и крестъ
на шеѣ, и видъ такой привлекательный.... А вѣдь
еще молодой человѣкъ! Конечно, онъ ужъ и полно-
вать и съ брюшкомъ, а все-таки молодой человѣкъ.
Вотъ и онъ тоже молодой человѣкъ, а не началь-
никъ отдѣленія... Чѣмъ за притча такая!

Встрѣтилъ онъ также щегольскія дрожки: лошади
отличныя, пристяжная такъ и подкидываетъ; въ
дрожкахъ єдетъ господинъ съ орлинымъ носомъ и
проницательными глазами смотрить на міръ, какъ-
будто взоромъ своимъ хочетъ провертѣть диру во
вселенной.

— Смотрите-ка, говорятъ кругомъ: — это В***
їдетъ! пройдоха, кулакъ, бестія! а вѣдь что за
голь, что за голь-то была! просто, съ позволенія
сказать, въ одной рубашкѣ хаживалъ.

И между-тѣмъ, В*** еще молодой человѣкъ, да
вѣдь и онъ, Мицулинъ, молодой человѣкъ, а не єз-
дить же въ щегольскихъ дрожкахъ!

А вонъ и еще молодой человѣкъ — этотъ даже
совсѣмъ розовый молодой человѣкъ, а вѣдь на немъ
одно пальто рублей шестьсотъ стоитъ; онъ и ве-
сель и беспеченъ, всѣ движения его живы и непри-
нужденны, смѣхъ его звонокъ и свободенъ, глаза
бодры и свѣтлы, на щекахъ здоровье ключомъ бьетъ.
Актриса ли мимо проїдетъ — улыбнется ему, да
и онъ актрисѣ улыбнется; важный человѣкъ встрѣ-
тится, руку ему жметъ, шутить съ нимъ, смеется...

— Этотъ молодой человѣкъ — князь О***, гово-

рять всѣ кругомъ... Да вѣдь и Иванъ Самойлычъ молодой человѣкъ, а онъ ужъ и хилъ, и жолтъ, и согнуть, да и актриса ему не улыбается...

Да ужъ что тутъ далеко ходить, въ отвлеченности пускаться! въ одинаковой съ нимъ сферѣ, подлѣ него, всѣ нахлѣбники пользуются хоть какою-нибудь ролью, какимъ-нибудь значеніемъ, однимъ словомъ, дѣйствуютъ какъ люди взрослые и самостоятельные... Иванъ Макарычъ Пережига, напримѣръ, былъ некогда мирнымъ деревенскимъ жителемъ и затравилъ на своемъ вѣку ни одну сотню зайцевъ. Конечно, и зайцы и деревня—все это было ужъ очень-давно; конечно, въ настоящую минуту Иванъ Макарычъ пользовался нѣсколько двусмысленною репутацией на счетъ способовъ жизни, да вѣдь въ этомъ виновна ужъ собственная его блудная натура, да притомъ хоть какъ-нибудь, а доставалъ-таки онъ себѣ кусокъ хлѣба. Жилъ тутъ же и Вольфгангъ Антонычъ Беобахтеръ, философіи кандидатъ; этотъ служилъ, а въ свободное отъ занятій время игралъ на гитарѣ различные бравурныя аріи. Вмѣстѣ съ нимъ проживалъ еще Алексисъ Звонскій, чрезвычайно свѣдущій и ученый молодой человѣкъ; этотъ писаль стихи, ставилъ фельетонъ въ газету. Наконецъ, рядомъ съ Иваномъ Самойлычемъ обитала Наденька Ручкина: и она была дѣвица свѣдущая, хотя только по своей части...

Мысль эта давно ужъ воромъ кралась въ сердце Ивана Самойлыча, и вдругъ зависть, глубокая, но безсильная и робкая, закипѣла въ груди его. Всѣ, рѣшительно всѣ оказывались съ хлѣбомъ, всѣ при

мѣстѣ, всѣ увѣрены въ своемъ завтра; одинъ онъ былъ будто лишній на свѣтѣ; никто его не хочетъ, никто въ немъ не нуждается.

— Да что же я въ-самомъ-дѣлѣ такое? говорилъ онъ, прогуливаясь мелкимъ шагомъ по комнатѣ: — отъ-чего же на меня, именно на меня обрушаются всѣ несчастія? отъ-чего другіе живутъ, другіе дышать, а я и жить и дышать не смѣю? Какая же моя роль, какое мое назначеніе?...

— Жизнь лотерея! началь-было по привычкѣ отцовскій кодексъ житейской мудрости: — смиряйся и терпи!

— Оно такъ, подзыкаль, между-тѣмъ, какой-то недоброжелательный голосъ: — да почему же она лотерея, почему жь бы не быть ей просто жизнью?

Иванъ Самойлычъ задумался.

— Вѣдь хоть бы этотъ князь! думалъ онъ: — вотъ, онъ и счастливъ и весель.... Отъ-чего жь именно онъ, а не я? Огъ-чего бы не мнѣ уродиться княземъ?

И мысли все росли и росли и принимали самыя странныя формы.

— Да что же я, что же я такое? повторялъ онъ, съ бессильною злобой ломая себѣ руки: — вѣдь го-денъ же я на что-нибудь, есть же гдѣ-нибудь для меня мѣсто! гдѣ жь это мѣсто, гдѣ оно?

Такъ вотъ какая странная струна задребезжала вдругъ въ сердцѣ Ивана Самойлыча, и задребезжала такъ назойливо и бойко, что онъ ужъ и самъ, по обычной своей робости, не радъ былъ, что вызвалъ ее.

И всѣ предметы вокругъ него смотрѣли какъ-то

подозрительно и странно, принимали такую настойчивую, вопрошающую физиономию, какъ-будто тащили его за воротникъ, душили за горло, и, приставивъ къ его лбу холодное дуло пистолета, сиплымъ басомъ допрашивали его: отвѣчай же намъ, что же ты въ-самомъ-дѣлъ такое?

Блѣдный, испуганный упалъ онъ на кресло, закрылъ руками лицо и горько заплакалъ...

Въ головѣ его внезапно отчетливо нарисовался деревенскій его домъ, родитель въ вязанной изъ шерсти ермолкѣ, мать вѣчно-болѣющая зубами и съ вѣчно-подвязанною щекою, отецъ дьяконъ съ дьяконицею, отецъ-іерей съ попадьею... Какъ все тамъ просто, какъ дышетъ все деревенскою, буколическою тишиною, какъ зоветъ все къ отдохновенію и успокенію!.. И зачѣмъ было оставлять все это? зачѣмъ было мѣнять извѣстное, полное самыхъ пріятныхъ и вкусныхъ ощущеній, на неизвѣстное, чреватое горестями, огорченіями и другимъ дрязгомъ? Зачѣмъ было соваться съ кротостью и смиреніемъ туда, гдѣ нужны дерзость и упрямое преслѣдованіе цѣли?

А между-тѣмъ, въ сосѣдней комнатѣ раздался знакомый Ивану Самойлычу голосокъ, напѣвавшій извѣстную арію изъ «Русалки»:

Пріди въ чертогъ ко мнѣ златой,
Пріди, о князь ты мой драгой...

Голосокъ былъ небольшой, но необыкновенно мягкий и свѣжій. Господинъ Мичулинъ невольно началъ прислушиваться къ пѣнію и задумался.... И

думалъ онъ много и сладко думалъ, потому-что въ знакомомъ маленькомъ голосѣ было что-то юное, какъ-будто дающее крылья его утомленному воображенію.

Странное дѣйствіе производятъ на насть иногда самыя ничтожныя, повидимому, явленія! Часто самаго пустаго обстоятельства, просто звуковъ какой-нибудь нелѣпой шарманки или голоса разнощика, тоскливо и протяжно вопіющаго: «игрушки дѣтскія, игрушки продать!» достаточно для того, чтобы разстроить всю умственную систему какого-нибудь важнаго господина, разбить въ прахъ всѣ эти штуки и экивоки, которые на пагубу человѣчества въ головѣ его строятся...

Такъ точно было и съ пѣсenkой, вылетавшей изъ сосѣдней комнаты. Пѣсенка была самая простая, лилась себѣ ровно и безъ претензій, и вдругъ поразила слуховой органъ Ивана Самойлыча, и сама не зная какъ, совершенно разстроила всѣ его соображенія о смыслѣ и значеніи жизни, о конечныхъ причинахъ и такъ далѣе. И стало-было господинъ Мичулинъ самъ подпѣвать и звать къ себѣ дрожащимъ голосомъ дорогаго князя, стало-было бить ногою тактъ и улыбаться и покачивать головою... Но вотъ, тихо-тихо замеръ послѣдній звукъ пѣсенки, еще разъ, и ужъ въ послѣдній разъ стукнула въ тактъ нога Ивана Самойлыча, еще разъ ускоренно стукнуло его сердце, и вдругъ ничего не стало слышно, и прежняя темнота опустилась на его душу, прежний холодъ охватилъ сердце...

Потому-что не онъ, а другой былъ тотъ дорогой

князь, котораго звала пѣсенка въ золотые чертоги, потому-что ему на отрѣзъ было сказано, «что ужь чemu не быть, такъ и ужь не бывать, и беспокоиться о томъ не извольте...»

Съ горя, чтобы хоть сколько-нибудь разсѣять пе-
чальныя мысли свои, рѣшился онъ отправиться въ
общую комнату.

II.

Тамъ, въ облакахъ табачнаго дыма, бесѣдовала
вся обычная компанія Шарлотты Готлибовны.

На первомъ планѣ плотно сидѣлъ Иванъ Мака-
рычъ Пережига. Онъ былъ въ венгеркѣ весьма-ли-
хаго покроя и въ настоящую минуту курилъ та-
бакъ изъ саженного черешневаго чубука. Исторія
господина Пережиги весьма проста. Жилъ онъ нѣ-
когда въ малороссійской своей деревнѣ, травилъ
зайцевъ, и вдругъ — кто его знаетъ? — запилъ ли
онъ, проигрался ли въ пухъ, или просто другія ка-
кія-нибудь независящія обстоятельства приключи-
лись, — только въ одно прекрасное утро и зайцы и
деревня какъ-то исчезли, и онъ принужденъ былъ
отправиться искать счастья въ Петербургъ. Малый
былъ онъ видный, сильный и плотный, не смотря
на свои сорокъ лѣтъ, и потому не остался долго
безъ занятія... Вообще, съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ по-
селился у Шарлотты Готлибовны, благодарная нѣм-
ка стала какъ-то благопріятнѣе смотрѣть на міръ,
чаще улыбалась и несравненно больше послабленій
и льготъ оказывала нахлѣбникамъ.

Жизнь Иванъ Макарычъ вель беззаботную и

веселую. Вставалъ онъ рано; утромъ ходилъ обыкновенно въ ближайшій трактиръ, выпивалъ рюмку горьчайшей, съигрывалъ не переставая партій двадцать въ билльярдъ, къ которому съ малолѣтства питалъ весьма-иѣжную страсть; иногда онъ давалъ и десять и пятнадцать впередъ, иногда ему давали впередъ пятнадцать и десять...

Доканавъ такимъ образомъ утро, онъ уходилъ домой обѣдать, а вечеромъ обыкновенно передавалъ слушателямъ эпизоды изъ своего безвозвратно-минувшаго благоденствія; рассказывалъ разные любопытные случаи, бывшие съ нимъ во времена его ожесточенныхъ войнъ противъ волковъ, зайцевъ и другихъ животныхъ, которыхъ онъ называлъ обищими, но иѣсколько- темнымъ именемъ «скотовъ» и «подлецовъ».

Изъ этого видно, что жизнь Ивана Макарыча какъ-нельзя-лучше содѣйствовала его растительнымъ и воспроизводительнымъ силамъ.

Характеръ имѣлъ онъ отъ природы веселый, но нелишенный легкаго сардонического оттѣнка. Онъ охотно любилъ подшутить надъ учеными и не пропускалъ никогда случая сказать блокуруму Алексису, который въ наукахъ, что называется, собаку съѣль, и читаль-таки на свое мѣсто вѣку и Бруно Бауера и Фейербаха:

— Ну, а чтѣ, Бинбахеръ-то все на своемъ стоитъ? все говорить, что того-то иѣть... главнаго-то, наибольшаго-то и иѣть? Бестія, бестія этотъ Бинбахеръ! ужъ эти мнѣ иѣмцы!.. вотъ тутъ они, тутъ у меня сидять!

Иванъ Макарычъ ударялъ себя при этомъ плашмя ладонью по горлу, желая этимъ выразить, что зарѣзали-дескатъ его нѣмцы, и не безъ лукавства посматривалъ на Шарлотту Готлибовну, которая и краснѣла и улыбалась въ одно и то же время, и съ дѣтски-наивнымъ простодушіемъ отвѣчала:

— О, ви очень любезни кавалиръ, Иванъ Макаричъ!

Но при этомъ оставалось покрытымъ непроницаемою тайной, кого именно разумѣль господинъ Пережига подъ неблагозвучнымъ именемъ Бинбахера — Фейербаха или Брупо Бауера.

По лѣвой сторону отъ Пережиги рисовалась сама хозяйка квартиры. Это была длинная, прямая и тощая фигура, какъ-будто-бы сейчасъ проглотившая аршинъ. Движенія благородной нѣмки отличались какою-то особенною апатичностью и дубоватостью, непріятно поражавшею взоръ. Какъ-будто всѣ ея мысли, весь ея организмъ устремились въ одну сторону — къ любезному ея другу, Ивану Макаричу. Она съ нѣмымъ подобострастіемъ смотрѣла ему въ глаза, съ самодовольною улыбкою прислушивалась къ звукамъ его богатырского голоса, какъ-будто хотѣла всѣмъ и каждому на стѣнѣ зарубить, что это, дескатъ, все мое; все, что вы тутъ ни видите — принадлежитъ мнѣ, мнѣ безъ раздѣла.

Лицо ея было худощаво и покрыто красными пятнами, глаза маленькие, выражавшиѣ какое-то ненасытное нахальство, углы губъ опущены и желудокъ выдавался несоразмѣрно впередъ.

Едва раскрывалъ Иванъ Макарычъ ротъ, чтобы

сказать слово, какъ и она, въ свою очередь, спѣшила показать рядъ острыхъ и кривыхъ зубовъ, и начинала улыбаться, смотрѣла ему томно въ глаза и, по окончаніи его рѣчи, гордо окидывала взоромъ все общество.

По всему было видно, что она оставалась совершенно-довольна своей судьбою и въ особенности не могла достаточно нахвалиться Пережигою.

Кромѣ хозяйки и Пережиги, въ комнатѣ находились еще два лица: кандидатъ философіи Вольфгангъ Антонычъ Беобахтеръ и недоросль изъ дворянъ Алексисъ Звонской.

Беобахтеръ, маленький и приземистый, быстрыми, но мелкими шагами ходилъ по комнатѣ, бормоталъ себѣ подъ носъ какія-то заклинанія, и при этомъ безпрестанно дѣлалъ рукою самое крошечное движение сверху внизъ, твердо намѣреваясь изобразить имъ паденіе какой-то фантастической и чудовищно-колossalной карательной машины.

Алексисъ, вытянутый и сухой, сидѣлъ около стола, и устремивъ влажные глаза въ потолокъ, обрѣтался въ совершенномъ оптимизмѣ. Молодой человѣкъ размышлялъ въ эту минуту о любви къ человѣчеству и по этому случаю сильно облизывалъ себѣ губы, какъ-будто послѣ вкуснаго и жирнаго обѣда.

По обыкновенію, дѣло шло о вещахъ, вызывающихъ на размышленіе, и таинственный Бинбахеръ оказывался совершеннымъ подлецомъ...

— Я вамъ говорю, все они врутъ, бестіи! кричалъ Пережига: — ужъ какъ же тутъ безъ «него» обойдешься! Это въ ихней землѣ — ну, тамъ точно....

тамъ оно можно! а у насъ.... да вы только сообразите, вы только подумайте!

— О, какъ это правда, о, какъ это очень правда! воскликнула Шарлотта Готлибовна, подобострастно глядя въ самое лицо своему другу и такъ близко наклонившись къ нему, какъ-будто хотѣла положить ему въ ротъ длинный и сухой носъ свой.

Господинъ Беобахтеръ, самымъ мягкимъ теноромъ, поспѣшилъ объявить, что, не смотря на это, онъ «все-таки надѣется», и тутъ же почель за долгъ съ необычайною граціей отмахнуть голову какому-то фантастическому, но тѣмъ не менѣе закоренѣлому врагу преобразованій — преобразованій таинственныхъ, но уже заранѣе во всей подробности нарисовавшихся въ его воображеніи.

— Вы материалистъ, Иванъ Макарычъ, отозвался Алексисъ: — вы не понимаете, какая сладость заключается въ словѣ «надежда»! Безъ надежды холодно, сухо, безотрадно! Однимъ словомъ, безъ надежды нѣтъ любви — вотъ искреннее убѣженіе моего сердца!

Надо сказать разъ навсегда, что Алексисъ въ стихахъ своихъ постоянно изображалъ груди, вспаханныя страданьемъ, чела, взбороненные горькою мыслию, и щеки, вскопанныя тоскою, но о чёмъ были эти «страданіе, горе и тоска» — тайна эта была глубоко скрыта во мракѣ его хитраго мозговаго вещества.

— Пожалуй-себѣ надѣйся! вотъ и онъ надѣется, прервалъ Пережига, указывая на Ивана Самойлыча — да вѣдь яйцо выѣденное развѣ получить!

Всѣ взоры обратились на Мичулина. Онъ стоялъ у печки блѣдный и задумчивый, какъ-будто-бы самъ глубоко чувствовалъ свое ничтожество. Сначала онъ и столь-было прислушиваться къ общему разговору, хотѣль-было и свое словечко какъ-нибудь ввернуть, но разговоръ былъ сухой и ученый, да притомъ же, къ нему и не обращался никто, какъ-будто всѣ молчаливо соглашались между собой, что для ученаго разговора онъ не годится.

— Ну что, какъ дѣлишки? обратился къ нему Иванъ Макарычъ.

Мичулинъ не отвѣчалъ, но еще унылѣе прежняго окинулъ взоромъ компанію.

— Говориль я тебѣ, душа ты горькая, продолжалъ Пережига: — говориль тебѣ, поѣзжай въ деревню! ужъ гдѣ тебѣ тутъ! сирота сиротой выглядишь — а туда же лѣзешь!

Шарлотта Готлибовна никакъ не упустила случая, чтобы тутъ же не удивиться высокой справедливости замѣчаній своего любезнаго друга, а Беобахтеръ все сильнѣе и сильнѣе наяривалъ ручонкою завѣтное движеніе сверху внизъ.

— А по-моему, вы очень-хорошо сдѣлали, что остались здѣсь, сказалъ онъ, быстро остановившись передъ Мичулинымъ и пристально смотря ему въ глаза.

Постоявъ съ полминуты, онъ приложилъ палецъ къ губамъ и самымъ вкрадчивымъ теноромъ продолжалъ:

«— Вѣдь въ наши дни спасительно страданье!»

— Страданье есть удѣлъ человѣка на землѣ, началь-было Алексисъ: — страдать и любить...

Беобахтеръ сдѣлалъ отрицательный жестъ головою, давая тѣмъ знать, что Алексисъ совершенно не въ ту сторону перетолковывалъ слова его.

— Страданье тѣмъ пріятно, говорилъ онъ такимъ равнодушнымъ тономъ, какъ-будто дѣло шло о чрезвычайно вкусномъ обѣдѣ: — тѣмъ пріятно, что вотъ, какъ тутъ прихлопнетъ, да тамъ притиснетъ, да въ другомъ мѣстѣ, тогда...

И онъ съ особеннымъ наслажденіемъ напиралъ на слова «прихлопнетъ» и «притиснетъ».

— Нѣть, я съ тобой никакъ не могу согласиться, возразилъ Алексисъ, вовсе не стараясь доискиваться, что будетъ послѣ таинственнаго «тогда».

Иванъ Самойлычъ рѣшительно не зналъ, къ чьей партіи ему пристать: къ Беобахтеру ли, доказывавшему несомнѣнную полезность страданія, къ Алексису ли, тоже предписывавшему страданіе какъ лекарство отъ всего, но по какому-то странному обстоятельству никакъ несоглашавшемуся съ кандидатомъ философіи; или, наконецъ, къ Пережигѣ, увѣрявшему по чести, что все это вздоръ, а вотъ, дескать, у него спросите, такъ онъ знаетъ.

— Любовь хорошо! отъ чего жь и не любовь? говорилъ между-тѣмъ Беобахтеръ, какъ-будто-бы обращаясь единственно къ Ивану Самойлычу, а на самомъ дѣлѣ видимо желая уязвить Алексиса: — да любовь послѣ, а прежде-то... Вы меня понимаете? продолжалъ онъ, еще пристальнѣе смотря въ глаза Ивану Самойлычу.

— Догадываюсь, отвѣчалъ робко Мичулинъ.

— Отъ-чего же *послѣ* любовь! приставалъ Алексисъ: — и теперь любовь, и потомъ любовь? Зачѣмъ этотъ ригоризмъ!

И умолкъ, какъ-будто-бы словомъ «ригоризмъ» онъ насквозь проткнулъ своего противника.

Иванъ Самойлычъ, между-тѣмъ, собрался съ мыслями и замѣтилъ компаніи, что, конечно, можетъ быть, любовь и страданіе вещи полезныя и спасительныя, да обстоятельства-то его изъ рукъ вонъ плохи, имъ-то какъ помочь? страданіе, дескать, хлѣба не даетъ, любовь тоже не кормитъ... Такъ нельзя ли ужъ что нибудь такое придумать, чтобы онъ могъ примѣнить къ дѣлу.

На это Беобахтеръ забормоталъ что-то обѣ индивидуализмъ, говорилъ, что думать о себѣ подло; что если онъ и погибнетъ, то это еще ничего не значитъ, и даже въ нѣкоторомъ отношеніи принесетъ несомнѣнную пользу для будущаго, какъ реактивъ.

— Да, какъ прреактивъ! повторилъ онъ метая изъ крошечныхъ глазъ молни.

Вообще, кандидатъ философіи въ этомъ случаѣ совершиенно не пощадилъ личности Ивана Самойлыча; но такъ-какъ Алексисъ остался такимъ объясненiemъ совершенно доволенъ, то Беобахтеръ счѣлъ за нужное тутъ же присовокупить, что все-таки любовь — *потомъ*, а прежде...

— Да что ты ихъ слушаешь! вступилъ Иванъ Макарычъ: — нѣть, видно, вы и Бинбахера-то только такъ говорите, что читали! По мбему, ты просто

ступай въ деревню да храни-себѣ на боку! Право, славное будетъ житѣе! Такъ, что ли?

Иванъ Самойлычъ робко усмѣхнулся; его самого ужъ давно ласкала эта лакомая перспектива.

— А то, братъ, пропадешь, ей-Богу пропадешь! продолжалъ Пережига: — или запьешь съ горя — ужъ я знаю!

Послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія.

— Оно, конечно, водка! снова началъ Пережига: — отъ-чего бы и не выпить? и въ глазахъ свѣтлѣе и на людей веселѣе смотрѣть, да и горя не чувствуешь... да вѣдь она водка-то воръ! она познаніе есть зла и добра!

Мичулинъ стоялъ у печки блѣднѣе прежняго; Беобахтеръ искося поглядывалъ на него, какъ Бертрамъ на Роберта, и весьма-затѣйливо улыбался; Алексисъ не слушалъ: онъ закатилъ глаза подъ лобъ и бесѣдовалъ съ человѣчествомъ.

— Вотъ у насъ въ трактирѣ отставной чиновникъ ходитъ, продолжалъ Пережига! — весь трясется, такой оборванный да ощипанный, и глаза гноятся и руки дрожатъ; кажется, въ чемъ душа держится, а все пристаетъ, поднеси, дескать, Емелѣ водочки.... Да хоть бы польза какая была, а то отъ водки-то только коробить его да жжетъ...

Снова минута няпряженного молчанія.

— А вотъ, вѣдь и чиновникъ былъ, въ службѣ служилъ, мундиръ носилъ, да и не Емелей, а Даниломъ Александрычемъ прозвывался, а ужъ Емелей-то это такъ, послѣ трактирные прозвали! Да вотъ выгнанъ былъ изъ казеннаго мѣста, выгналъ его

хозяинъ за неплатежъ на улицу — ну, онъ съ горя рюмочку, потомъ другую, а тамъ и пошелъ и пошелъ... Познаніе есть зла и добра!

Послѣдовало опять нѣсколько секундъ тягостнаго молчанія.

— А впрочемъ, по мнѣ какъ знаешь! продолжалъ Пережига, обращаясь къ Мичулину: — оно, конечно, коли хочешь, онъ и счастливъ! дали ему водки — опъ и забылъ, что въ разодранныхъ сапогахъ ходить... право, такъ!

И винзапно, по какому-то непостижимому сцепленію идей, на Пережигу напалъ припадокъ сантиментальности, и онъ сталъ восторгаться тѣмъ, что за минуту выставлялъ въ глазахъ Ивана Самойлыча какъ вещь, которой должно всячески остерегаться. Шарлотта Готлибовна тоже круто перемѣнила образъ мыслей и заранѣе глубоко вздохнула.

— Да еще какъ счастливъ-то! говорилъ Иванъ Макарычъ: — пуще князя всякаго счастливъ; подитка ты, чай, какіе ему сны видятся! не надо ему ни дворцовъ, ни палатъ! вотъ она школа жизни-то, вотъ! а то что вы тутъ съ Бинбахеромъ! въ Сибирь его, Бинбахера, на каторгу его!

Долго еще Иванъ Макарычъ не могъ успокоить своего филантропического потока, долго сидѣлъ онъ покачивая головой и приговаривая: «право, не надо ему ни дворцовъ, ни бархату ; каждая слеза его»....

Наконецъ, все какъ-будто-бы притихли. Беобахтеръ по прежнему граціозно двигалъ рукою сверху внизъ, но уже скорѣе безсознательно, нежели съ

намѣреніемъ; Алексисъ еще болѣе облизывалъ себѣ губы, бѣдствуя съ человѣчествомъ; Иванъ Самойлычъ конфузился и выводилъ кой-какія заключенія изъ видѣннаго и слышаннаго.

Въ это время, часы уныло зазвенѣли одиннадцать. Но и часы били на этотъ разъ какъ-то особенно злонамѣренно. Ивану Самойлычу показалось, будто каждое біеніе часоваго колокольчика заключало въ себѣ глубокій смыслъ и съ упрекомъ говорило ему: «каждая дуга, которую описываетъ маятникъ, означаетъ канувшую въ вѣчность минуту твоей жизни... «да жизнь-то эту на чѣмъ ты употребилъ, и чѣмъ такое «все существованіе твое?»

Отъ-чего же прежде никогда не говорилъ ему этого бой часовъ? отъ-чего прежде окружающіе его предметы не смотрѣли на него съ такимъ вопросительнымъ, испытующимъ видомъ?

И едва начиналъ онъ въ умѣ своемъ развивать движение руки Беобахтера, какъ въ мозгу его зараждалась другая мысль, совершенно въ pendant къ этому движению — мысль страшная, давно недававшая ему покоя, и которая была ни что иное, какъ известное уже читателю изъ первой главы: «Кто ты таковъ? Какая твоя роль? Жизнь лотерея» и проч.

И потомъ все это исчезало, и на сцену являлся полусгнившій, дрожащій старикъ, и, указывая на водку, говорилъ: «познаніе есть зла и добра».

— Да вѣдь и не Емеля былъ онъ совсѣмъ, а, слышь-ты, Данило Александрычъ, и служилъ нѣкогда, и молодъ былъ нѣкогда, да вотъ выгнали же

его изъ службы и сталъ онъ Емелей, по милости добрыхъ людей.

Съ ужасомъ и содроганіемъ вспоминалъ Иванъ Самойлычъ этотъ странный анекдотъ; въ головѣ его вдругъ пробѣжала мысль: «а ну, какъ и я Емеля?» да тутъ же и примерзла къ мозгу—до такой степени эта мысль испугала его...

Въ такомъ именно настроеніи духа подошелъ онъ къ своей комнатѣ, какъ вдругъ за сосѣдней дверью, ведшей въ уединенное жилище дѣвицы Ручкиной, послышался шорохъ. Сердце его забилось; чудная пѣсенка назойливѣе прежняго зазвучала въ ушахъ, и все звала, все звала... дорогаго князя...

— Идти, или не идти? думалъ Иванъ Самойлычъ.
А между-тѣмъ, ужь стучался.

— Кто тамъ? раздался за дверью знакомый свѣженкій голосокъ.

— Это я... вы не почиваете, Надежда Николаевна?

— Нѣтъ, не сплю... войдите.

Иванъ Самойлычъ вошелъ; передъ нимъ стояло маленькое, уютное существо, но до того живое и вертляво, что въ одно и то же время видѣлось во всѣхъ углахъ комнаты; существо розовое и свѣжее, облеченое только большимъ подъ-кашемиръ платкомъ, плохо скрывающимъ пріятную нѣжность ея формъ, и безпрестанно распахивавшимся по причинѣ неимовѣрной живости движеній маленькаго существа.

— У, какая игривая! была первая и совершенно-естественная мысль Ивана Самойлыча, но мысль, подобно молнии промелькнувшая минутно и скрыв-

шаяся, какъ въ тучѣ, въ мозговомъ лабиринтѣ своего владѣльца.

— Что это вы сегодня такъ долго засидѣлись, Иванъ Самойлычъ? отозвалось, между-тѣмъ, малень-кое существо, переходя отъ одного коммода къ другому, отъ стола къ кровати, подбирая съ полу разныя ниточки, бумажки, и все прибирая къ сторонкѣ, чтобы ничего не пропало втунѣ, потому-что впередъ на черный день пригодится.

— Да я такъ-съ... я на счетъ того-съ... бормо-таль сконфуженный Мичулинъ.

— То-есть, какъ же на счетъ того? ужь опять не на счетъ ли прежняго? и-и-и не думайте, Иванъ Самойлычъ!

Мичулинъ молчалъ, хоть внутренно и скорбѣлъ, быть можетъ, о томъ, что ему даже и думать было запрещено.

— А я въ театрѣ была... сегодня «Уголино» давали... до страсти люблю трагедіи... а вы?

Иванъ Самойлычъ съ любовью смотрѣлъ на Наденьку и какъ будто бы соображалъ, какимъ обра-зомъ это крошечное, совершенно-водевильное тѣльце могло до такой степени пристраститься къ трагедіи.

— Господинъ Каратыгинъ игралъ... ужь я пла-кала, плакала... И какой видный мужчина! Я до смерти люблю плакать...

Господинъ Мичулинъ даже хихикнулъ отъ уми-ленія.

— Такъ вы весело провели вечеръ? спросилъ онъ, а глаза его, между-тѣмъ, все сильнѣе и сильнѣе разгорались.

— Очень-весело! я вамъ говорю, я ужаси какъ плакала... особливо, когда эта душка Вероника...

— Съ вами былъ кто-нибудь?

— Да, кавалеръ... онъ, видите, былъ прежде мой женихъ, когда я еще у родителей жила... сватался за меня... Такой тоже видный изъ себя мужчина, яблокъ намъ купилъ... да я все плакала, мнѣ не до яблокъ было...

Мичулинъ вздохнулъ.

— Что вы сегодня такие скучные? спросила Наденька.

— Да я такъ-съ... отвѣчалъ онъ снова, запинаясь: — я ничего-съ...

Но Наденька все-таки поняла, въ чемъ дѣло; она тотчасъ же, по свойственной ей подозрительности, догадалась, что все это по тому дѣлу, по прежнему...

— Нѣтъ, нѣтъ, и не думайте, Иванъ Самойлычъ! сказала она волнуясь и махая руками: — никогда, ни въ жизнь свою не получите!... Ужъ я что сказала, такъ ужъ сказала! мое слово свято... и не думайте!

И по-прежнему съ невозмутимымъ равнодушіемъ маленькая женщина подбирала съ полу бумажки, перевѣшивала съ одной вѣшалки на другую разныя платья и юбки, безъ всякой, впрочемъ, совершенно надобности, а единственno изъ удовлетворенія живости и бойкости характера.

— Гм, въ жизнѣ!... а что такое *жизнь?* соображалъ между-тѣмъ господинъ Мичулинъ: — вотъ въ томъ-то и штука, Надежда Николавна, что такое *жизнь?*... Не есть-ли это обманъ, мечтанье пустое?

Наденька на минуту перестала суетиться и въ изумлениі остановилась посреди комнаты.

Передъ нею стоялъ все тотъ же ординарный господинъ Мичулинъ, котораго она аккуратно видала каждое утро и каждый вечеръ; все такъ же гемороидаленъ былъ цвѣтъ его испещренного рябинами лица, только на губахъ едва-замѣтно играла нeliшенная Ѣдкости и самодовольствія улыбка, какъ-будто-бы говорила эта улыбка: «а что, задалъ я тебѣ, голубушка, загвоздку; на-тка, поди, раскуси ее!»

— То-есть , какъ же обмань? въ свою очередь робко и нерѣшительно спросила Наденька, думая, что Иванъ Самойлычъ потому, *вѣроятно*, заговорилъ объ обманахъ, что самъ намѣренъ употребить въ отношеніи къ ней какое-нибудь злостное ухищреніе.

— Да такъ-сь, обмань! просто обмань! Посудите сами, вѣдь если бы я въ самомъ дѣлѣ жиль, я бы занималь какое-нибудь мѣсто, игралъ бы какую-нибудь роль!

Наденька ужъ совершенно разувѣрилась и обдумывала, что бы ей такое поднять съ полу.

— Такъ вы думаете, сказала она съ разстановкою:—что тотъ только и живетъ, кто играетъ какія-нибудь роли?

Иванъ Самойлычъ понялъ , что подъ словомъ «роли» Наденька разумѣла исключительно тѣ, которыя играетъ господинъ Каратыгинъ, и поэтому не нашелся, что отвѣтить.

— Гм, сказала дѣвица Ручкина.

— Такъ я все вотъ на счетъ этого дѣла, снова началъ Мичулинъ.

— То-есть, на счетъ чего же, Иванъ Самойлычъ? если на счетъ того, то будьте совершенно покойны: ужь я что сказала, такъ ужь сказала, а если на счетъ чего другаго, извольте, я съ удовольствиемъ.

Иванъ Самойлычъ не отвѣталъ; сердце его надрывалось; слова замирали на губахъ, и даже что-то похожее на слезу сверкнуло въ глазахъ его... Въ который разъ получалъ онъ этотъ черствый отказъ!

— Оно не то, Надежда Николавна, говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ: — все бы еще снести можно! Да вѣдь *другіе!*... Вѣдь другіе-то пьютъ, другіе Ѣдятъ, другіе веселятся! Отъ-чего же другіе?

Дѣйствительно ли несчастіе его происходило отъ-того, что другіе живутъ, другіе веселы, или, просто, присутствіе маленькаго существа, къ которому самъ питаешь маленькую слабость, еще горчче дѣлаетъ наше горе — какъ бы то ни было, но герою нашему дѣйствительно сдѣлалось тяжко и обидно.

А между-тѣмъ, Наденька тоже задумалась; она, конечно, замѣтила эту слезу, но все еще какъ-то думалось ей, что Иванъ Самойлычъ хитритъ, что все это онъ на счетъ того дѣла, на счетъ прежняго, а назначеніе и роль были тутъ только предлогомъ, что-бы пустить ей пыль въ глаза, и, пользуясь ея ослѣпленіемъ, поставить-таки на-своемъ.

— Да, оно, конечно, обидно, сказала она тонко и деликатно, дѣлая видъ, какъ-будто не замѣчаетъ, куда клонится рѣчь господина Мичулина: — да знаете ли, Иванъ Самойлычъ, ужь не пойдти ли вамъ спать?

Иванъ Самойлычъ сознался, что дѣйствительно ужь поздно и что спать пора.

Лежа на одинокой постели своей, долго не могъ заснуть Иванъ Самойлычъ. Все ему чудилось живое, полненькое лицико Наденьки, и свѣтло и роскошно рисовалась и сутилась передъ глазами его эта миньятюрная, уютная фигурка, вѣчно хлопочущая, вѣчно бѣгающая... И мерещится ему во мракѣ его комнаты, что вотъ сверкнула ея грудь, вотъ промелькнула около самыхъ его губъ крошечная ножка... и ловить онъ ее взглядомъ, и усиливается высмотретьъ въ густой темнотѣ это дорогое, мимолетное видѣніе, но тщетно! во мглѣ тонетъ взоръ его, во мглѣ, въ глубокой, непроницаемой мглѣ, и не успѣваетъ онъ опомниться, какъ передъ нимъ стоитъ длинный и тощій вопросъ, вопросъ насыщенный и недоброжелательный, составляющій все несчастіе и гибель его бѣдной жизни.

И скорѣе закрылъ онъ глаза, чтобы не видѣть этого больнаго, изнеможеннаго вопроса, и началъ думать о томъ, какъ было бы пріятно, если бы Наденька... О, если бы Наденька!... еслибы она знала, какъ бѣется сердце бѣднаго Ивана Самойлыча, несчастнаго Ивана Самойлыча, каждый разъ, какъ долетаетъ до него ея маленький, незатѣйливый голосокъ, поющій маленькую, незатѣйливую пѣсенку!.. Еслибы она видѣла, другими глазами видѣла, какъ судорожно и трепетно сжимается это сердце, какъ прислушивается это ухо, какъ притопываетъ эта нога, какъ преображается и озаряется внезапнымъ свѣтомъ и теплотою все это такъ долго зябнувшее на стужѣ и непогодѣ существо! Еслибы она видѣла все это! И какъ смѣла и бойкѣ была его мысль,

какое будущее готовилъ онъ ей, этой дорогой, вѣчно незабвенної Наденькѣ! не то чреватое горестями и лишениями будущее, которое на самомъ дѣлѣ ждало ее, а будущее ровное и спокойное, гдѣ все такъ удобно и ловко слагалось, гдѣ всякое желаніе дѣжалось правомъ, всякая мысль становилась дѣломъ... еслибъ знала она!

Но не видала, не знала она ничего! Обидна и груба казалась ей привязанность господина Мичурина, и тщетно раскрывалось сердце скромнаго юноши, тщетно играло воображеніе его: ему предстояла вѣчная и холодная, холодная мгла!

III.

Ужь мозговое вещество Ивана Самойлыча подернулось пеленою, сначала мягкою и полупрозрачною, потомъ все болѣе и болѣе плотною и мутною; ужь и слуховой его органъ наполнился тѣмъ однообразнымъ и протяжнымъ дрожаніемъ, составляющимъ нѣчто среднее между отдаленнымъ звучаніемъ колокольчика и неотвязнымъ жужжаніемъ комара; ужь мимо глазъ его пронесся огромный, неохватимый взоромъ городъ съ своими тысячами куполовъ, съ своими дворцами и съѣзжими дворами, съ своими шпицами, горделиво врѣзывающимися въ самыя облака, съ своею вѣчно-шумною, вѣчно-хлопочущею и суетящеюся толпою. Но вдругъ городъ смѣнился деревнею съ длиннымъ рядомъ покачнувшихся на сторону избъ, съ сѣрымъ небомъ, сърою грязью и бревенчатою мостовой... Потомъ всѣ эти образы,

сначала опредѣленные и различные, смѣшались: деревня украсилась дворцами; городъ обезобразился почернѣвшими бревенчатыми избами; у храмовъ привольно разрослись репейникъ и крапива; на улицахъ и площадяхъ толпились волки, голодные, кровожадные волки... и пожирали другъ друга.

Но вотъ и города исчезли въ туманѣ, и деревня утонула въ синемъ, неизглядномъ озерѣ, и волки скрылись далеко-далеко въ густые лѣса фантазіи Ивана Самойлыча... Но что же вдругъ такъ сладко поразило слухъ его, что защекатало вдругъ, запевелило бѣдное его сердце? Съ тоскою и трепетомъ вслушивается онъ въ эти вѣчно-милые, вѣчно-желанные звуки, съ томлениемъ и грустію впиваешь въ себя чудную гармонію простенькой пѣсенки, ласкающей слухъ его...

— Наденька, Наденька! молящимъ голосомъ говорить Иванъ Самойлычъ.

Но гордо и съ обиднымъ презрѣніемъ смотрить на него, униженного и умоляющаго, маленькая женщина. Крошечная ироническая улыбка мелькаетъ на розовыхъ губкахъ ея; миньютюрное негодованыице слегка приподняло ея тонкія ноздри и окрасило нѣжнымъ пурпуромъ упругія щеки...

— Наденька! говорить онъ задыхающимся отъ волненія голосомъ: — я не виновать, что люблю васъ.... Что же мнѣ дѣлать, если это выше силь моихъ!...

И онъ съ трепетомъ ждетъ ея слова: онъ не замѣтаетъ, что возлѣ нея стоитъ другое лицо — лицо, принадлежащее ученому другу ея, бѣлокурому

Алексису; не замѣчаетъ, какъ томно опирается она на руку юноши, какіе полные нѣги и томления взоры отъ времени до времени обращаетъ къ нему...

Но вотъ и на него взглянула она, но какъ-то сурово и съ недоумѣніемъ. Обиженнымъ тономъ отвѣчаетъ она ему, что удивляется, какимъ образомъ могъ онъ даже подумать сдѣлать ей такое странное предложеніе; что, конечно, онъ человѣкъ неглупый, и даже начитанный человѣкъ, но что и она съ своей стороны дѣвушка честная, и хотя не дворянка, но не хуже иной дворянки съумѣеть подать карету не только ему, Ивану Самойлычу, но и всякому другому даже получше и почище его, кто осмѣлитъся подъѣхать къ ней съ подобнымъ предложеніемъ.

И снова все исчезаетъ въ безразличномъ туманѣ: и бѣлокурое, но иѣсколько-апатическое лицо Алексиса, и миньятюрная, вѣчно тревожная фигурка Наденьки, и тоскливо звучить вдали знакомая пѣсенка о дорогомъ князѣ и золотыхъ чертогахъ...

— Что же я въ-самомъ дѣлѣ такое? спрашиваетъ себя господинъ Мичулинъ: — какое мое назначеніе, какая судьба моя?

Толпами собираются около него блѣдные призраки и насмѣшливо кричать ему: «охъ, усталъ, усталъ ты, блѣдный человѣкъ! разломило тебѣ всю голову!»

Блѣдный, трепещущій падаетъ онъ на колѣни, прося пощадить его, объяснить ему это страшное дѣло, недающее ему ни днемъ, ни ночью покоя, но падаетъ такъ неловко и неожиданно, что блѣдные призраки мгновеніе исчезаютъ.

Въ комнатѣ темно; старинная кукушка жалобно прокуковала два раза и замолкла.

— Чортъ знаетъ, что за дрянь въ голову лѣзеть! подумалъ Иванъ Самойлычъ: — а вотъ еще философы утверждаютъ....

И онъ было-намѣревался, не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія, во снѣ узнать, что утверждаютъ философы, какъ вдругъ за тонкою перегородкою, которая одна отдѣляла его постель отъ заѣтной комнатки, послышались голоса.

Иванъ Самойлычъ началъ прислушиваться.

— Ужь я вижу, сударь, щебеталь знакомый ему голосокъ: — ужь, пожалуйста, не приводите мнѣ своихъ резоновъ, ужь пожалуйста... Я все, все насквозь вижу....

— Нѣть, Наденька! ты ошибаешься, другъ мой, ошибаешься, милый ты человѣкъ! отвѣчалъ Алексисъ, стараясь придать голосу своему льстивый тонъ.

— Ужь, пожалуйста, въ чемъ другомъ, а въ этомъ не ошибусь... Стыдитесь, сударь!

— Да помилуй же, Наденька! право, я нигдѣ не былъ...

— Я вамъ говорю, что все насквозь вижу, всѣ ваши хитрости вижу, Алексѣй Петровичъ! Ужь какъ вы тамъ меня ни называйте — образованная ли я, или необразованная — а ужь я все-таки вижу!

Алексисъ молчалъ.

— Зачѣмъ же притворство и коварство? продолжала между-тѣмъ Наденька: — ужь скажите мнѣ

лучше прямо, что я несчастнѣйшая изъ женщинъ!.. Я дѣвушка прямая, Алексѣй Петровичъ; я честная дѣвушка, Алексѣй Петровичъ, и не люблю ходить вокругъ да около.... Ужь скажите мнѣ просто, что я въ слезахъ должна проводить жизнь!

— Отъ-чего же въ слезахъ, Наденька? отвѣчалъ лаконически Алексисъ, и потомъ прибавилъ — отъ-чего же въ слезахъ, милый, хорошій ты человѣкъ?

И опять все смолкли вокругъ Ивана Самойлыча, но не въ головѣ его: тамъ, напротивъ, началась страшная дѣятельность, начался шумъ и стукотня; мысли бѣгали по мозговымъ его нервамъ, перебивали другъ у друга дорогу, и вдругъ накопилось ихъ такое множество, что онъ ужь и самъ не радъ былъ, что проснулся и какъ глупая тварь поддался грубому и животенному инстинкту любопытства...

Не успѣлъ еще онъ хорошенъко сообразить, какъ бы этакъ, воспользовавшись недоразумѣніемъ, хитро вырыть ближнему яму, какъ ужь и дѣйствительно какимъ-то образомъ подкопался подъ Алексиса. Въ судѣбѣ его внезапно произошла совершенная и неожиданная перемѣна; въ одно мгновеніе ока онъ сдѣлался рѣшительно баловнемъ фортуны; онъ ходить по Невскому подъ руку съ молодою женой, въ бекешѣ съ сѣдымъ бобровымъ воротникомъ, на лбу красуется глубокій шрамъ, полученный въ битвѣ за отечество, а на фракѣ огромная испанская звѣзда съ безчисленнымъ множествомъ угловъ. Онъ мѣняется пріятною улыбкою и поклономъ съ значительными господами, онъ совершенно доволенъ своею судьбою и безпрестанно вынимаетъ изъ кармана

необыкновенно-массивный хронометръ, какъ-будто бы для того, чтобы узнать который часъ, а въ-самомъ-дѣлѣ для того только, чтобы показать народу: пусть-де видитъ онъ, какіе на свѣтѣ бываютъ удивительные часы и цѣпочки.

Съ презрѣніемъ и пронически улыбаясь смотрить онъ на проходящаго мимо и дрожащаго отъ холода, въ изношенномъ до нѣльзя темновишиневомъ съ искрою пальто, Алексиса, и дѣлаетъ видъ, будто не замѣчаетъ его. Но Алексисъ издалека завидѣлъ знакомую ему маленькую фигурку; онъ ужь спѣшилъ къ ней съ обыкновеннымъ привѣтствиемъ: «здравствуй, Наденька, здравствуй, хорошій ты, милый человѣкъ!» но вдругъ у самыхъ ушей его раздается грозный голосъ: «Милостивый государь! вы забываете...», и Алексисъ, поджавъ хвостъ, удаляется поспѣшными шагами во свойси.

Но вотъ и четыре бѣть на каланчѣ Думы: Иванъ Самойлычъ по привычкѣ ужь чувствуетъ въ желудкѣ пріятную тоску.

— Не прикажешь ли, душа моя, зайдти въ магазинъ, купить чего нибудь къ обѣду? говорить онъ, обращаясь къ Наденькѣ.

— Отъ-чего же и не зайдти? отвѣчаетъ она съ такимъ философскимъ равнодушіемъ, какъ будто бы дѣйствительно такъ и быть должно.

И въ-самомъ-дѣлѣ, люди богатые: отъ-чего же и не зайдти.

Ужь съ четверть часа стоять они въ великолѣпномъ магазинѣ.

Наденька, какъ существо живое и по преимуще-

ству прожорливое, бѣгаеть изъ одного угла въ другой, переходитъ отъ винограда къ великолѣпнымъ бонкрѣтенамъ, отъ превосходныхъ, подернутыхъ легкимъ пухомъ персиковъ къ не менѣе-превосходному ананасу, всего отвѣдываетъ, всего откладываетъ въ свой ридикюль... Но все это въ порядкѣ вещей, все такъ и быть должно; одно только нѣсколько-страннымъ кажется Ивану Самойлычу: сѣдой и строгій прикащикъ какъ-будто подозрительно, какъ-будто исподлобья смотрить на всѣ эти заборы. Онъ мысленно негодуетъ на такую неумѣстную недовѣрчивость; уже рука его протянута, чтобы разстегнуть великолѣпное пальто и показать негодяю корыстолюбцу многоугольную испанскую звѣзду, какъ вдругъ.... Но тутъ его руки опускаются; холдный потъ градомъ катитъ съ благороднаго чела, онъ блѣдишетъ, осматривается, щупаетъ себя.... Боже! нѣть никакого сомнѣнія! все это было само-обольщеніе: и испанская звѣзда, и пальто съ удивительно-теплымъ воротникомъ, и одутловатыя щеки, и гордый видъ... все, рѣшительно все исчезло, какъ по волшебному мановенію! Каѳъ и въ бывалое время, виситъ на немъ, какъ на подлой вѣшалкѣ, его старая и вытертая шинелька, болѣе похожая на капотъ, нежели на шинель; по прежнему желты и изрыты рябинами его щеки; по прежнему согнута его спина и униженъ и скареденъ его видъ.

Тщетно толкаеть онъ исподтишка неосторожную Наденьку, тщетно мучить онъ мозгъ свой, стараясь выжать изъ него что-нибудь похожее на изобрѣтательность: Наденька, нисколько не конфузясь,

услаждаетъ свое нѣбо дарами юга, и, тоже не конфузясь, спить мозгъ Ивана Самойлыча, тупо и равнодушно смотря на неимовѣрныя старанія его выпутаться изъ бѣды, и какъ-будто подсмѣиваясь надъ собственнымъ своимъ безсиліемъ...

— Десять рубликовъ и семь гривенокъ-съ! звучить ему между-тѣмъ въ самыя уши страшный голосъ прикащика.

— Серебромъ? шепчетъ въ отвѣтъ, заикаясь и совершенно растерявшись, Иванъ Самойлычъ.

— Да, серебромъ... не-ужь-то жъ мѣдными? рѣшительно и вовсе-непоощрительно отвѣчаетъ тотъ же самый досадный голосъ.

Мичулинъ конфузится еще пуще.

— Такъ-съ; серебромъ-съ... говорить онъ, блѣднѣя и между-тѣмъ ощупывая карманы, какъ-будто отыскивая бывшія въ нихъ неизвѣстно куда завалившіяся деньги: — отъ-чего же-съ? я съ удовольствіемъ... я человѣкъ достаточный... Скажите, пожалуйста, а я и не замѣтилъ!... Представьте себѣ, мой милый, я и не замѣтилъ, что у меня въ карманѣ дира, и какая большая — скажите!...

Но прикащикъ только покачиваетъ головой.

— А вѣдь можете себѣ представить, продолжаетъ Иванъ Самойлычъ тономъ соболѣзнованія: — и пальто совсѣмъ новенькое! только-что съ иголочки! ужасно, какъ непрочно шьютъ эти портные! Да и не удивительно! Французы, я вамъ скажу, французы! Ну, а французъ, извѣстно, вѣтромъ подбитъ! ужъ это нація такая... Не то, что нашъ братъ русскій: тотъ ужъ за что пріимется, такъ все на славу сдѣл-

лаеть—нѣтъ, далеко не то!... Скажите, пожалуйста, и давно вы этакъ торгъ ведете?

— Торгъ-то мы ведемъ давно, отвѣчаетъ угрюмый прикащикъ: — а деньги-то вы все-таки отдайте...

— Ахъ, Боже мой! право, какой скверный народъ эти французы! право, только-что съ иголочки! О, премошенники эти портные!

— Видно, братъ, мошенникъ-то ты! неумолимо и рѣзко отвѣчаетъ угрюмый прикащикъ:—знаемъ мы васъ! у васъ у всѣхъ карманы-то съ дырями, какъ къ расплатѣ приходится! Иванъ Терентьевичъ! а сходи-ко, братъ, за Федосѣемъ Лукьянычемъ! Онъ, кажется, тутъ, по близности!

Услышавъ знакомое ему имя Федосія Лукьяныча, Иванъ Самойлычъ совершенно упалъ духомъ. Со слезами на глазахъ и униженно кланяясь, показываетъ онъ сѣдому прикащику дирявые карманы своего пальто, тщетно доказывая, что не виноватъ же онъ, что за минуту передъ тѣмъ имѣлъ и бобровый воротникъ, и испанскую звѣзду, и одутловатыя щеки, и что все это, по ухищреніямъ одной злобной вол-шебницы, которая давно ужъ денno и нощно его преслѣдуjeтъ, вдругъ пропало, и остался онъ дрянь-дрянью, что называется, голъ какъ соколь, пушистъ какъ лягушка.

— Мамону-то послужить умѣешь! говорить ему безстрастный голосъ сѣдаго прикащика: — тельцу-то поклоняешься, чреву угоождаешь! а что въ свя-щенномъ писаніи сказано? забылъ? грѣхъ, братъ, тебѣ! стыдно, любезный!

— Послужилъ, почтеннѣйшій, попуталъ лука-

вой, точно, попуталъ! отвѣчаетъ жалобнымъ голосомъ Иванъ Самойлычъ: — да вѣдь это въ первый разъ; вѣдь другіе Ѹдятъ же...

— Да другіе-то почище! Мало ли что дѣлаютъ другіе! у другихъ въ карманѣ-то, братъ, не дырья!

И сѣдой прикащикъ строго покачиваетъ головой, приговаривая:

— Ишь, съ чѣмъ подъѣхалъ, анаѳемскій сынъ! ишь ты: и испанская звѣзда у него была! Знаемъ, братъ, вась! знаемъ, чревоугодники, идолопоклонники!

А между тѣмъ Мичулинъ робко посматриваетъ на Наденьку. Дерзко и съ презрѣніемъ глядить она на него, какъ-будто хочетъ окончательно доказать и уничтожить несчастнаго.

— Такъ вы вотъ какъ, Иванъ Самойлычъ! говорить она ему, быстро размахивая руками! — такъ вы изволите на хитростяхъ! вы хотѣли воспользоваться моимъ къ вамъ откровенностью! Ужъ сдѣлайте одолженіе! я все понимаю! Можетъ-быть, я и необразованная и не читала книгъ.... Ужъ, пожалуйста, не отпирайтесь! я все вижу, все понимаю, очень-хорошо понимаю... всѣ ваши коварства.... Сдѣлайте одолженіе!

— Да что же я въ-самомъ-дѣлѣ такое? бормочеть между-тѣмъ Иванъ Самойлычъ, очень-кстати вспомнивъ, что затрудненіе именно въ томъ и состоитъ, что онъ до-сихъ-поръ не можетъ себѣ опредѣлить, чтѣ онъ такое: — да чѣмъ же я хуже другихъ?

— Извѣстно чѣмъ! лаконически отвѣчаетъ сѣдой прикащикъ: — извѣстно чѣмъ! у другихъ въ карманахъ-то нѣтъ дырьевъ.

— Другіе ъдятъ, другіе пьють... да я-то что жь?

— Извѣстно, чтѣ! звучитъ тотъ же самый жосткій, голосъ:—можете смотрѣть, какъ другіе кушаютъ!—но такъ иронически звучитъ, какъ-будто-бы хочетъ сказать недоумѣвающему Мичулину: — фу, какой же ты, право, глупый! не можешь никакъ понять самой пустой и обыкновенной вещи!

Иванъ Самойлычъ ужъ было и смекнулъ, въ чёмъ дѣло, и началъ-было углубляться въ подробное разсмотрѣніе отвѣта прикащика, какъ вдругъ слухъ его поражаетъ другой, еще страшнѣйшій голосъ — голосъѲедосія Лукьяныча.

Важно и не мигнувиши слушаетъѲедосій Лукьянычъ жалобу старого прикащика о томъ, что вотъ-дескать такие-то мошенники и пріѣдалы перерыли всю лавку, наѣли на десять рубликовъ и семь гривенокъ, и теперь показываютъ только карманы и то не цѣльные, а съ дырьями...

— Гм, мычитъѲедосій Лукьянычъ, оттопыривъ губы и обращаясь всѣмъ корпусомъ къ Мичулину:—ты?

— Да я, тово, бормочетъ Иванъ Самойлычъ. — я шелъ и усталъ... освѣжиться захотѣлось... вотъ я и зашелъ!

— Гм, да ты не оправдывайся, а отвѣчай! основательно возражаетъѲедосій Лукьянычъ, окидывая взоромъ всѣхъ присутствующихъ, вѣроятно, для того, чтобы удостовѣриться, какой эффектъ производить на нихъ его соломоновъ судъ.

— За дѣло ему, за дѣло! кричитъ съ своей стороны Наденька: — осрамить меня хотѣль!... Ужъ

пожалуйста, подальше съ своими резонами! я очень хорошо все знаю и вижу.

— Фамилия? отрывисто вопрошаешь суровый голосъ Федосія Лукьянинча, снова обращаясь къ нашему герою.

— Мичулинъ, отвѣчаетъ Иванъ Самойлычъ, но такъ робко, какъ будто-бы и самъ не увѣренъ, точно ли это такъ, и не есть ли это такое же созданіе блуднаго его воображенія, какъ и теплое пальто, испанская звѣзда, одутловатыя щеки и проч.

— Имя? снова вопрошаешь Федосій Лукьянинъ, весьма, впрочемъ, довольный, что произвелъ рожь и страхъ въ истязуемомъ субъектѣ.

— Иванъ Самойловъ, ещетише и робче отвѣчаетъ герой нашъ.

— Эй, любезный, взять его!

Послѣднія слова, очевидно, относились къ одному рослому мужчинѣ, какъ-то случайно тутъ же прокуливавшемуся.

И вотъ уже берутъ Ивана Самойлыча подъ руки; вотъ открываются передъ нимъ двери ада...

— Пощадите! батюшки, пощадите! кричитъ онъ, задыхаясь отъ трепета.

— Да что это, съ ума что ли вы сошли, Иванъ Самойлычъ? раздается вдругъ у самаго его уха знакомый голосъ: — совсѣмъ спать не даете добрымъ людямъ! Вѣдь я очень-хорошо понимаю, къ чему все это клонится, да ужъ не бывать этому! сказано, такъ ужъ сказано, и напрасно вы беспокоитесь и изъ себя выходите!

Иванъ Самойлычъ открылъ глаза: передъ нимъ *

въ заманчивомъ неглиже стояла миловидная Наденька, та самая Наденька, которая и проч.

IV.

— А, это ты, Наденька! бормочетъ сквозь сонъ Иванъ Самойлычъ: — чтò жь это ты не спиши, душенъка? А можешь себѣ представить, мнѣ привидѣлось, будто Ще-до...

Наденька покачала головкой и ушла.

А между-тѣмъ, Лета, эта услужливая рѣка, снова заливаетъ волнами своими воображеніе господина Мичулина, снова начинаетъ она шумѣть въ ушахъ его, снова бѣснуется и выходитъ изъ себя и изъ береговъ своихъ.

И вдругъ онъ опять очутился на улицѣ; но на немъ уже не прежнее щеголеватое пальто, а обыкновенная истертая его шинелька, и неблаговидна и негорда его осанка, а какъ-будто скоробился, сморщился онъ весь, какъ-будто всѣ члены ему свело отъ холода и голода...

Не заглядывать онъ въ окна кандитерскихъ, булочныхъ и фруктовыхъ лавокъ. Сколько соблазновъ лежитъ передъ нимъ въ красиво и симметрически расположенныхъ кучкахъ и заперто подъ замкомъ! И все это заперто, все подъ ключомъ! на все это можете глядѣть! какъ выразился недавно съ убийственнымъ хладнокровiemъ строгій прикащикъ...

А дома ждеть его зрѣлище, полное жгучаго, не-переносимаго отчаянія! Въ холодной комнатѣ, въ изорванномъ платьѣ, на изломанномъ стулѣ сидить

его жена; около нея, блѣдный и истомленный, стоитъ его сынъ... И все это просить хлѣба, но такъ тоскливо, такъ назойливо просить!...

— Папа, я ъѣсть хочу! стонеть ребенокъ: — дай хлѣба...

— Потерпи, дружокъ, говоритъ мать: — потерпи до завтра; завтра будетъ! нынѣче на рынкѣ все голодные волки поѣли! много волковъ, много волковъ, душенька!

Но кѣкъ говорить она это! Твой ли это голосъ, милая маленькая Надя? тотъ ли это мелодическій, сладкій голосокъ, распѣвавшій- себѣ беззаботно нехитрую пѣсенку, звавшій князя въ золотые чертоги? Гдѣ твой князь, Надя? Гдѣ твои золотые чертоги? Отъ-чего твой голосокъ сдѣлался жостокъ, отъ-чего въ немъ пробивается какая-то ъѣдкая, несвойственная ему жолчъ? Надя! что сдѣлалось, чтѣ стало съ тобою, граціозное созданіе? гдѣ веселый румянецъ твой? гдѣ беззаботный твой смѣхъ? гдѣ хлопотливость твоя, гдѣ твоя наивная подозрительность? гдѣ ты, прежняя, ненаглядная, миленъкая Наденька?

Отъ-чего глаза твои впали? отъ-сего грудь твоя высохла? отъ-чего въ голосѣ твоемъ дрожитъ тайная злоба? отъ-чего сынъ твой не вѣритъ твоимъ словамъ... отъ-чего это?

— Да вѣдь и вчера говорили мнѣ, отвѣчаетъ ребенокъ: — что все голодные волки поѣли! да вонъ другія же дѣти сыты, другія дѣти играютъ... я ъѣсть хочу, мама!

— Это дѣти голодныхъ волковъ играютъ, это

они сыты! отвѣчаешь ты, поникнувъ головою и не зная, какъ увернуться отъ вопросовъ ребенка.

Но напрасно стараешься ты, напрасно хочешь успокоить его: онъ не вѣритъ тебѣ, потому-что ему хлѣба, а не словъ надобно.

— Ахъ, отъ-чего же я не сынъ голоднаго волка! стонеть дитя: — мѣма, пусти меня къ волкамъ... я єсть хочу!

И ты молчишь, подавленная и уничтоженная! Ты вдвойнѣ несчастна, Надя! Ты сама голодна и подлѣ тебя стонеть еще другое существо, стонеть сынъ твой, плоть отъ плоти твоей, кость отъ костей твоихъ, который тоже просить хлѣба.

Бѣдная Наденька! чтѣ же не идетъ онъ, что не спѣшить онъ на помощь къ тебѣ; этотъ давно-желанный дорогой князь твоего воображенія? чтѣ не зоветъ онъ тебя въ золотой чертогъ свой?

Съ томлениемъ и непереносною тоскою смотрить Иванъ Самойлычъ на эту сцену, и тоже увѣрять маленькаго Сашу, что завтра все будетъ, что сегодня все голодные волки поѣли. Чтѣ ему дѣлать? какъ помочь?...

И ты тоже знаешь, бѣдная Наденька, что нѣчѣмъ ему помочь, ты понимаешь, что онъ ни на волосъ не виноватъ во всемъ этомъ; но ты голодна, подлѣ тебя стонеть любимое дитя твое, и ты упрекаешь мужа, ты дѣлаешься несправедливою...

— Зачѣмъ же вы женились? говоришь ты ему жосткимъ и оскорбительнымъ голосомъ: — зачѣмъ же вы связали себя другими, когда и себѣ не въ состояніи добыть кусокъ хлѣба? Безъ васъ я была

счастлива, безъ васъ я была беззаботна... я была
сытѣ... Стыдно!

Въ свою очередь подавленный и уничтоженный,
стоить Иванъ Самойлычъ. Онъ чувствуетъ, что въ
словахъ Нади страшная правда, что онъ *долженъ*
быть подумать и много подумать о томъ, прилично
ли бѣдному человѣку любовь водить, достаточно ли
будетъ на троихъ его скучнаго куска... И неутомимо,
неутомимо преслѣдуется его это страшное «стыдно!»

А между-тѣмъ, въ комнатѣ все холоднѣе и хо-
лоднѣе; на дворѣ дѣлается темно; ребенокъ все также
стонетъ, все также жалобно просить хлѣба! Боже!
да чѣмъ же все это кончится? куда же поведеть это?
Хоть бы поскорѣе пришелъ завтрашній день! а зав-
тра чтѣ?...

Но ребенокъ ужъ не стонетъ; онъ тихо склонился
головкой къ груди матери, но все еще дышетъ...

— Тише? едва слышно говорить Наденька: —
тише! Саша уснуль...

Но чѣмъ же за мысль гнѣздится въ головкѣ твоей,
Наденька? Зачѣмъ же ты улыбаешься, зачѣмъ въ
этой улыбкѣ вдругъ сверкнуло отчаяніе и злобная
покорность судьбы? Зачѣмъ ты бережно сажаешь
ребенка на стулъ и, не говоря ни слова, отворяешь
дверь бѣдной комнаты?

Наденька, Наденька! куда ты идешь? Что хочешь
ты дѣлать?

Ты сходишь нѣсколько ступеней и останавливаешься... ты колеблешься, милое дитя! Въ тебѣ
вдругъ забилось это маленькое, доброе сердце, забилось быстро и неровно... Но время летитъ... тамъ,

въ холодной комнатѣ, въ отчаяніи ломаетъ руки голодный мужъ твой, тамъ умираетъ твой сынъ! И ты не колеблешься; въ отчаяніи ты махнула рукой; ты не сходишь — бѣжишь внизъ по лѣстницѣ... ты въ бель-этажѣ.... ты дернула за звонокъ.... Страшно, страшно мнѣ за тебя, Надя!

А онъ ужъ ждетъ тебя, дряхлый, безсильный волокита, онъ знаетъ, что ты прійдешь, что ты *должна* прійти, и самодовольно потираетъ себѣ руки, и самодовольно улыбается, поглядывая на часы... О, онъ въ подробности изучилъ натуру человѣка и смѣло можетъ разсчитывать на голодъ!

— Я рѣшилась, говоришь ты ему, и голосъ твой спокоенъ...

Да, спокоенъ, не дрогнулъ твой голосъ, а все-таки спокойствіе-то его какъ-будто мертвое, могильное...

И старикъ улыбается, глядя на тебя; онъ ласково треплетъ тебя по щекѣ и дрожащею рукою привлекаетъ къ дряхлой груди своей юный станъ твой...

— Да какъ ты блѣдна, душенька! говоритъ онъ ласково: — видно, тебѣ очень кушать хочется...

Э! да онъ просто шутникъ! онъ превеселый малый, этотъ маленький старичокъ, охотникъ до миленькихъ, молоденькихъ женщинъ!

— Да, я хочу ъсть! отвѣчаешь ты: — мнѣ нужно денегъ.

И ты протягиваешь руку... Стало-быть, ты еще хороша, не смотря на твое страданіе; стало-быть, есть еще въ тебѣ, не смотря на гнетущую нищету твою, нѣчто зовущее, возбуждающее застывшія силы

шутливаго старика, потому-что онъ не считая кладеть тебѣ въ руку деньги; онъ не торгуется, хотя и знаетъ, что можетъ купить тебя за самую ничтожную плату...

— Ёште, говориши ты мужу и сыну, бросая на столъ купленный ужинъ, а сама садишься въ уголъ.

— Это жадные волки дали, мѣма? спрашивается тебя ребенокъ, съ жадностью поглощая ужинъ.

— Да, это волкъ прислалъ, отвѣчаешь ты разсвѣяно и задумчиво.

— Мѣма! когда же убьютъ голодныхъ волковъ? снова спрашиваетъ ребенокъ.

— Скоро, дружокъ, скоро...

— Всѣхъ убьютъ, мѣма? ни одного не останется?

— Всѣхъ, душенька, всѣхъ до одного... ни одного не останется...

— И мы будемъ сыты? у насъ будетъ ужинъ?

— Да, скоро мы будемъ сыты, скоро намъ будетъ весело... очень-весело, другъ мой!

А между-тѣмъ, Иванъ Самойлычъ молчитъ; поту-
пивъ голову, съ тайнымъ, но неотступно-гложущимъ
угрызеніемъ въ сердцѣ, єсть онъ свою долю ужина,
и не осмѣливается взглянуть на тебя, боясь увидѣть
во взорѣ твоемъ безвозвратное осужденіе свое.

Но онъ єсть, потому-что и его мучить голодъ,
потому-что и онъ человѣкъ!

Но онъ думаетъ, горько думаетъ, бѣдный мужъ
твой! Страшная мысль жжетъ его мозгъ, неотступ-
ное горе сосетъ его грудь! Онъ думаетъ: сегодня мы
сыты, сегодня у насъ есть кусокъ хлѣба, а завтра?
а потомъ?... вѣдь вотъ о чёмъ думаетъ онъ! вѣдь и
завтра ты будешь должна... а тамъ опять...

Воть эта страшная, гложущая мысль! Наденька, Наденька! правда ли, что ты будешь *должна*?...

Ивану Самойлычу дѣлается душно; глухое рыданіе заливаеть грудь его; голова его горитъ, глаза открыты и неподвижно устремлены на Наденьку...

— Наденька! Наденька! стонеть онъ, собравъ послѣднія силы.

— Да что жь это, въ-самомъ-дѣлѣ, за срамъ такой! слышится ему знакомый голосъ: — здѣсь я, здѣсь, сударь! чтò вамъ угодно? чтò вы кричите? Цѣлую ночь глаза сомнуть не давали! Вы думаете, что я не понимаю, вы думаете, что я не вижу... Крѣпостная я ваша, чтò ли, что вы на меня такъ грозно смотрите?

Иванъ Самойлычъ открылъ глаза; въ комнатѣ было свѣтло, у кровати его стояла Наденька въ совершеннѣйшемъ утреннемъ дезабилье.

— Такъ это... былъ сонъ! сказалъ онъ едва очнувшись: — такъ ты, того... не ходила къ старику-то, Наденька?

Дѣвица Ручкина взглянула на него въ недоумѣніи. Но вскорѣ все сдѣлалось для нея яснымъ какъ на ладони; ее вдругъ осѣнила свѣтлая мысль, что все это не спроста и что старикъ-то именно не кто иной, какъ самъ Иванъ Самойлычъ, но ужь если она разъ сказала: не бывать! — такъ ужь и не бывать тому, какъ ни хитри и ни изворачивайся волокита.

— Нѣть, чортъ возьми! должно же это кончиться! сказалъ про себя Иванъ Самойлычъ, когда Наденька

вышла изъ комнаты: — вѣдь этакъ просто ни за грошъ пропадешь!

Господинъ Мичулинъ взглянулъ въ зеркало и нашелъ въ себѣ большую перемѣну. Щеки его опали и пожелтѣли пуще прежняго, лицо осунулось, глаза сдѣлались мутны; весь онъ сгорбился и изогнулся, какъ олицетворенный вопросительный знакъ.

А между-тѣмъ, нужно идти, нужно просить, потому-что, дѣйствительно, пожалуй, ни за грошъ пропадешь...

Да полно, идти ли еще, просить ли?

Сколько времени ходилъ ты, сколько разъ просилъ и кланялся — выслушать ли кто тебя? Ой, щать бы тебѣ въ деревню къ отцу въ колпакѣ, къ матери съ обвязанною щекой...

Но, съ другой стороны, тутъ же рядомъ возникаетъ вопросъ, требующій безотлагательного объясненія.

«Что же ты такое?» говорить этотъ навязчивый вопросъ: «неужели для того только и созданъ ты, чтобы видѣть передъ собою глупый колпакъ, глупую щеку, солить грибы и пробовать домашнія наливки?»

И среди всего этого хаоса противорѣчащихъ мыслей внезапно возстаетъ въ воображеніи Ивана Самойлыча образъ злосчастнаго Емели... Этотъ образъ такъ ясно и отчетливо рисуется передъ глазами его, какъ-будто дѣйствительно стоитъ передъ нимъ согнутый и трясущійся старикъ, и можетъ онъ его ощупывать и осязать руками. Все туловище Емели какъ-будто разлѣзается въ разныя стороны, всѣ

члены будто развинчены и вывихнуты; въ глазахъ слезы гноятся и голова трястется...

Жалобно протягиваетъ онъ изнеможенную руку, дрожащимъ голосомъ вымаливаетъ хоть десять кошечекъ, и потомъ указываетъ на штофъ съ водкою и приговариваетъ: «познаніе есть зла и добра!»

Иванъ Самойлычъ стоитъ какъ въ чаду; онъ хочетъ освободиться отъ страшного кошмара своего и не можетъ...

Фигура Емели преслѣдуєтъ его, давить ему грудь, стѣсняетъ дыханіе... Наконецъ онъ дѣлаетъ надъ собою сверхъестественное усиление, хватаетъ шляпу и опрометью бѣжитъ изъ комнаты.

Но на порогѣ его останавливается Беобахтеръ.

— Вы поняли, что я говорилъ вамъ вчера? спрашиваетъ онъ съ таинственнымъ видомъ.

— То-есть... догадываюсь, отвѣчаетъ Иванъ Самойлычъ, совершенно смущенный.

— Разумѣется, это были только нѣкоторые намеки, снова начинаетъ кандидатъ философіи; — вѣдь это дѣло сложное, очень-сложное, всего и не перескажешь!

Минутное молчаніе.

— Вотъ, возьмите это! прерываетъ Беобахтеръ, подавая Мичулину крохотную книжонку, изъ тѣхъ, которыхъ въ Парижѣ, какъ грибы въ дождливое лѣто, наражаются тысячами и продаются чуть ли не по одному сантиму.

Иванъ Самойлычъ въ недоумѣніи беретъ книжку, рѣшительно не зная что съ нею дѣлать.

— Прочтите, говоритъ Беобахтеръ торжественно,

но все-таки чрезвычайно-мягко и вкрадчиво:—прочтите и увидите... тутъ все!.. понимаете?

Съ этими словами онъ удаляется, оставивъ господина Мичулина въ совершенномъ изумлениі.

V.

Погода на дворѣ стояла сырая и мутная; какъ и наканунѣ, сыпалось съ облаковъ какое-то неизвѣстное вещество; какъ и тогда, мѣсили по улицамъ грязь ноги усталыхъ пѣшеходовъ; какъ и тогда, ъхалъ въ каретѣ закутанный въ шубу господинъ съ одутловатыми щеками, и ъхалъ въ галошахъ другой господинъ, которому насвистывали въ донюку вѣтеръ «озябъ, озябъ, озя-я-ябъ, бѣдненькій человѣкъ!» Словомъ, все по прежнему, съ тѣмъ незначительнымъ прибавленіемъ, что всю эту неблаговидную картину обливала какой-то блѣдный, мутный свѣтъ.

На встрѣчу Ивану Самойлычу ъхала очень-удобная и покойная карета, придуманная въ пользу бѣдныхъ людей, въ которой, какъ извѣстно, за гриненникъ можно пол-Петербургга обѣхать.

Иванъ Самойлычъ сѣлъ. Въ другое время при «семъ удобномъ случаѣ», онъ подумалъ бы, можетъ-быть, о промышленномъ направленіи вѣка, и выразился бы одобрительно на счетъ этого обстоятельства, но въ настоящую минуту голова его была полна самыхъ странныхъ и черныхъ мыслей.

Поэтому кондукторъ не получилъ отъ него ни

улыбки, ни поощрения — ничего, чѣмъ такъ щедро любятъ надѣлять иные охотники до чужихъ дѣлъ.

А между-тѣмъ, въ карету набираются другіе го-спода; сперва вошла какая-то скромная дѣвушка, потупивъ глазки; вслѣдъ за нею впрыгнулъ бѣлокурый студентъ весьма-пріятной наружности, и съль прямо противъ нея.

— Здравія желаемъ-сь! сказалъ бѣлокурый студен-тъ, обратясь къ дѣвушкѣ. — Но дѣвушка не отвѣчаетъ, а посмотрѣвъ исподлобья на юношу, подноситъ ко рту платокъ и отворачиваетъ къ окну свое лицико, изрѣдка испуская изъ-подъ платка скромное «ги-ги-ги!»

— Наше почтеніе-сь! началъ снова студентъ, обращаясь къ веселой дѣвушкѣ.

Но отвѣта и на этотъ разъ не послѣдовало; только скромное «ги-ги-ги!» выразилось какъ-то рѣзче и смѣлѣ.

— А чѣмъ вы скажете на счетъ этого нововведенія? ласково спросилъ Ивана Самойловича очень-опрятно одѣтый господинъ съ портфѣлемъ подъ мышкою.

Господинъ Мичулинъ махнулъ головой въ знакъ согласія.

— Неправда ли, какъ дешево и экономически? снова и еще ласковѣе обратился портфѣль, въ осо-бенности нѣжно, хотя и не безъ энергіи, напирая на слово «экономически».

— Да-съ, выгодная спекуляція! отвѣчалъ Иванъ Самойлычъ, усиливаясь въ свою очередь поощри-тельно улыбнуться.

— О, очень-выгодно! очень-экономически! отозвался въ другомъ углу господинъ съ надвинутыми бровями и мыслящей физіономіей:—ваше замѣчаніе совершенно-справедливо, ваше замѣчаніе выхвачено изъ натуры!

— Впрочемъ, это смотря потому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на предметъ, глубокомысленно замѣтилъ господинъ съ огромными черными усами, и тутъ же физіономія его приняла такой таинственный видъ, какъ-будто спѣшила сказать вся кому: знаемъ мы, видали мы!...

— Батюшки, пустите! да отворяй же, лакей! батюшки, вспотѣль, измучился!... Ну, ужь городъ! экъ его угораздило!

Разговоръ, принимавшій нѣсколько-назидательное направленіе, вдругъ прервался, и взоры всѣхъ пассажировъ обратились на толстаго господина, въ какой-то странной лилового цвѣта венгеркѣ, который, пыхтя и кряхтя, влѣзаль бокомъ въ карету.

— Ну, ужь городъ! говорила венгерка:—истинно вамъ скажу, Божеское наказаніе! я, изволите видѣть, здѣсь по своему дѣлу — такъ, повѣрите ли, просто, то-есть, измучили проклятые! душу тянуть, вздохнуть не даютъ! И все этакъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ: на красную, подлецъ, и смотрѣть не хочеть — за кого, дескать, вы насъ принимаете, да правосудіе у насъ не продажное! а вотъ, какъ сто рублейвъ... Эка бестія, эка бестія! повѣрите ли, даже вспотѣль весь!

И венгерка снова начала кряхтѣть и пыхтѣть, со всѣхъ сторонъ обмахиваясь платкомъ, что возбу-

ждало немалую веселость въ скромной дѣвушкѣ, и чуть-слышные «ги, ги, ги!» снова начали вылетать изъ-подъ платка, закрывавшаго ротъ ея.

— То-есть, что же вы разумѣете подъ точкой зрењія? прерваль портфѣль, котораго видимо кон-фузилъ санфасонъ лиловой венгерки: — если вы хотите сказать этимъ то, что французы такъ удачно называютъ поэнь де вю, кудѣль...

— Знаемъ мы! пожили мы! и французовъ видали, да и нѣмцевъ тоже! отвѣчали усы, и потомъ, поклонясь съ таинственнымъ видомъ и оглядываясь во все стороны, прошептали въ-полголоса:

— Что-то скажутъ объ этомъ извощики.... вотъ что!

Присутствующіе вздрогнули; дѣйствительно, никому изъ нихъ до тѣхъ поръ и въ голову не приходило, что-то скажутъ о томъ извощики, а теперь около нихъ, и сзади, и спереди, и по бокамъ, вдругъ заговорили тысячи извощичьихъ голосовъ, кивали тысячи извощичьихъ головъ, весь міръ покрылся сплошною массою воображаемыхъ извощиковыхъ, тамъ и сямъ прерываемо... опустѣлыми извощичьими колодами!

— Да; если имѣть такого рода консiderацію, прошепталъ портфѣль.

Да ужь что тутъ? говорили, между-тѣмъ, усы еще таинственнѣе, и ударяя себя при этомъ кулаками въ грудь: — ужь я знаю, ужь вы меня спросите! мнѣ это дѣло какъ своя ладонь известно!

И усы, дѣйствительно, показали немелкаго разбора голую ладонь, и, еще болѣе наклонившись и

предварительно оглянувшись на всѣ стороны, вполголоса приговаривали:

— Ужь мнѣ это дѣло ближе извѣстно... я служу тамъ...

— Такъ вы тоже *бюрократъ?* спросилъ портфель, оправившись отъ первого ошеломленія, и какъ въ каменную стѣну упираясь въ слово «бюрократъ».

— Да вѣдь это опять-таки съ какой точки зрењія посмотретьъ на предметъ! лаконически отвѣчали усы.

— А я вамъ скажу, господа, что все это вздоръ! совершенный вздоръ! загремѣла венгерка.

По сосѣству чуть-слышно раздалось знакомое «ги-ги-ги!» веселой дѣвушки.

— Истинно такъ! продолжала гремѣть венгерка:— истинно такъ! что это за народъ, хоть бы и извощики! дрянь, осмѣлюсь вамъ доложить, просто, слякоть!... Вотъ кабы вы у насъ, въ нашей сторонѣ побывали, вотъ народъ! тотъ, такъ ужь дѣйствительно, усахарить! вотъ природа, такъ природа! это ужь, истинно вамъ говорю, смотрѣть въ свое удовольствіе можно! А то, чтѣ это за народъ у васъ, взглянуть нѣ на чтѣ! просто дрянь, слякоть!

И венгерка тоскливо покачивала головою.

— Да; это если смотрѣть на предметъ съ одной точки, сказаль между-тѣмъ портфель, улыбаясь и не обращая вниманія на пессимистское возраженіе венгерки:—но если взглянуть на дѣло, напримѣръ, со стороны эманципаціи животныхъ...

Усы жалобно замычали.

— Да вѣдь это все пухъ! сказали они: — это все

Французы привезли! Извощики—вотъ главное дѣло! извощики — вотъ корень причины! извощики, извощики, извощики!

И снова въ глазахъ всѣхъ присутствующихъ замелькали извощики, извощики, извощики!

— Вотъ оно дѣло-то! продолжали усы:—вонъ онъ сытъ, наѣлся,—его и коломъ съ печи не своротишь! А вотъ какъ хлѣбца-то нѣтъ, онъ и пошель, и пошелъ... а ужъ какъ пошелъ, такъ, извѣстно, что будетъ!... знаемъ мы! видали мы!

— О, ваше замѣчаніе совсѣмъ справедливо! ваше замѣчаніе выхвачено изъ природы! отозвались брови:—голодъ, голодъ и голодъ, вотъ моя система! вотъ мой образъ мыслей!

— Такъ вотъ, съ какой точки зрењія должно смотрѣть на предметъ! таинственно повторили усы: — а ужъ что тутъ животное! Животное, извѣстно, скотина!

— Однакожь, читали ли вы въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» артиклъ? возразилъ портфель, съ необыкновеннымъ усилиемъ напирая на слово «артиклъ».

— Знаемъ мы! читали мы! вздоръ все это, надуванція! гога и магога!

— Однакожь съ большимъ увлеченіемъ написанъ...

— Увлеченіе? загремѣла венгерка: — ужъ позовльте, на счетъ увлеченія...

— Ги-ги-ги! отозвалось по сосѣдству.

— Такъ вотъ, изволите видѣть, я все на счетъ увлеченія-то! продолжала венгерка:—да вотъ барышенкѣ-то все что-то смѣшино... веселая барышенка!..

такъ вотъ, на счетъ того-то... у меня, смѣю вамъ доложить, покойникъ батюшка, царство ему небесное! предводителемъ былъ, такъ вотъ увлеченіе! Какъ замахаетъ, бывало, руками... у! Отстаивалъ, нѣчего сказать! умѣль-таки постоять за своихъ, покойникъ! Нѣтъ, нынѣче такие люди повывелись! съ фонаремъ такихъ не отыщешь! нынѣче все разбираются: можетъ, дескать, и правъ!... о-о-охъ времена тугія пришли!.. а барышенка-то все смѣется!.. веселая барышенка!

— Когда же можно васъ видѣть? говорилъ, между тѣмъ, исподтишка студентъ.

— Ахъ, какіе вы, право, странные! отвѣчала веселая барышенка, еще пуще закрываясь платкомъ.

— Вы находите? снова началъ студентъ.

— Разумѣется! ги-ги-ги!

— Отъ-чего же разумѣется?

— Да какъ же это можно!

— Да отъ-чего же это неможно?

— Да нельзя!

— Странно! сказалъ студентъ, хотя, повидимому, не отчаялся еще въ успѣхѣ своего предпріятія.

— Главное дѣло въ томъ, соображали вслухъ усы:—чтобъ человѣку цѣль была дана, чтобъ видѣть человѣкъ, зачѣмъ онъ существуетъ.... вотъ главное — а прочее все пустяки!

Иванъ Самойлычъ началъ прислушиваться.

— То-есть, вы разумѣете подъ этимъ то, что у французовъ зовется проблеммою жизни? спросилъ портфель, сильно напирая на слово «проблеммою».

— Чѣмъ французы? чѣмъ нѣмцы? лаконически

отвѣчали усы:—ужь повѣрьте моей опытности, ужь мнѣ лучше знать это дѣло, ужь я тамъ и служу.... все это надуванція, все гога и магога!... это дѣло мнѣ вотъ какъ извѣстно!

И снова усы показали обнаженную ладонь чрезвычайно-почтенного размѣра.

— Однакожь, согласитесь со мной, вѣдь и французская нація имѣеть свои неотъемлемыя достоинства.... Конечно, это народъ вѣтреный, народъ малодушный — кто же противъ этого спорить?... Но, съ другой стороны, гдѣ же найдете столько самоотверженія, того, чтѣ они сами такъ удачно называли — резинъясъйонъ? а вѣдь это, я вамъ скажу....

— Знаемъ мы! видали мы и французовъ и нѣмцевъ! пожили-таки на своеъ вѣку! говорили безчувственные усы: — все это вздоръ! главное дѣло, чтобъ человѣкъ видѣлъ, что онъ человѣкъ, знать бы цѣль!... Цѣль-то, цѣль — вотъ она штука, а проще — что? вздоръ! все вздоръ!... ужь повѣрьте моей опытности...

— Вотъ вы изволили выразиться на счетъ цѣли нашего существованія, скромно прервалъ Иванъ Самойлычъ:—изволите видѣть, я самъ много занимался насчетъ этого предмета, и любопытно бы узнать ваши мысли....

Усы задумались; Мичулинъ ожидалъ съ трепетомъ и волненіемъ разрѣшенія загадки.

— Лакей! что жь ты, братецъ не остановишь? воронъ считаешь, тунеядецъ! загремѣла венгерка.

— Такъ и я тутъ выйду, меланхолически сказали усы.

— А какъ же ваши мысли на счетъ этого обстоятельства? робко замѣтилъ Иванъ Самойлычъ.

— Все зависить отъ-того, съ какой точки взглянуть на предметъ! разомъ сообразили усы.

— О, это совершенно-справедливо! ваше замѣчаніе выхвачено изъ натуры! отзывались надвинутыя брови: — все, рѣшительно все зависить отъ точки зрењія...

Усы и брови вышли изъ кареты. Медленно и не-поворотливо поплелся снова экономической экипажъ по гладкой мостовой.

— Когда же васъ можно видѣть? по-прежнему спрашивалъ студентъ у веселой барышенки.

— Ахъ, какіе вы странные! попрежнему отзвалась барышенка, закрывая ротъ платкомъ.

— Отъ-чего же странный? приставалъ студентъ.

— Да какъ же это возможно!

— Да отъ-чего же это невозможно?

— Да отъ-того, что нельзя!

— А я такъ думаю совсѣмъ напротивъ, отвѣчалъ студентъ и дернулъ за снурокъ.

— Пойдемте! сказалъ студентъ.

Барышенка вздохнула.

— Пойдемте же! снова сказалъ юноша.

— Ги-ти-ги!

Карета остановилась, студентъ вышелъ, барышенка немножко подумала, и все-таки пошла за нимъ, сказавъ однажды: «Ахъ, право, какіе вы странные! ужъ чего не вздумаютъ эти мужчины!» но сказала она это рѣшительно только для очище-

нія совѣсти, потому-что студентъ ужъ вышелъ и ждалъ ее на улицѣ.

Наконецъ, и Ивану Самойлычу пришлось выходить. На улицѣ, по обыкновенію, сновала взадъ и впередъ толпа, какъ-будто искала чего-то, хлопотала о чёмъ-то, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ равнодушно сновала, какъ-будто сама не сознавала хорошенько, чего ищетъ и изъ чего бьется.

И герой нашъ отправился искать и хлопотать, какъ и всѣ прочіе.

Но и на этотъ разъ фортуна, съ обыкновенною своею настойчивостью, продолжала показывать ему нисколько-неблаговидный задъ свой.

Какъ нарочно, нужный человѣкъ, къ которому ужъ въ несчетный разъ пришелъ Иванъ Самойлычъ просить себѣ мѣста, провелъ цѣлое утро на воздухѣ, по случаю какого-то торжества. Нужный человѣкъ былъ не въ духѣ, безпрестанно дралъ и мораль находившіяся передъ нимъ бумаги, скрежеталъ зубами и въ сотый разъ обѣщалъ согнуть въ бараний рогъ и упечь «куда еще ты и не думалъ» стоявшаго передъ нимъ въ стрункѣ маленькаго человѣка съ весьма-лиху вздернутымъ сѣденькимъ хохолкомъ на головѣ. Лицо нужнаго человѣка было синѣ отъ свѣжаго еще ощущенія холода и застарѣлой досады; плеча вздернуты, голосъ хриплъ.

Иванъ Самойлычъ робко вошелъ въ кабинетъ и совершенно растерялся.

— Ну, что еще? спросилъ нужный человѣкъ отрывистымъ и промерзлымъ голосомъ: — вѣдь вамъ сказано?

Иванъ Самойлычъ робко приблизился къ столу, убѣдительнымъ и мягкимъ голосомъ сталъ разсказывать стѣсненные свои обстоятельства, просилъ хоть что-нибудь, хоть какое-нибудь, хоть крошечное мѣстечко.

— Я бы не осмѣлился, говорилъ онъ заикаясь и робъя все болѣе и болѣе: — да вѣдь посудите сами, послѣднее издержалъ, ъсть нечего, войдите въ мое положеніе.

— Ъсть нечего! возразилъ нужный человѣкъ, возвышая голову: — да развѣ виноватъ я, что вамъ ъсть нечего? да что вы ко мнѣ пристаете? богадѣльня у меня что ли, что я долженъ съ улицы подбирать всѣхъ оборвавшай... Ъсть нечего! вѣдь какъ нахально говорить! Изволите видѣть, я виноватъ, что ему ъсть хочется...

Съденкій старичокъ съ хохолкомъ тоже не мало удивился.

— Да вѣдь и я не виноватъ въ этомъ, посудите сами, будьте снисходительны, замѣтилъ Иванъ Самойлычъ.

— Не виноватъ! вонъ какъ отвѣчаетъ! На отвѣты-то, братъ, всѣ вы мастера... Не виноватъ! Ну, да положимъ, что вы не виноваты, да я-то тутъ при чемъ?

Нужный человѣкъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Ну, что жъ вы стоите? сказалъ онъ, подступая къ господину Мичулину и какъ-будто намѣреваясь принять его въ потасовку: — слышали?

— Да я все на счетъ мѣста, возразилъ Иванъ

Самойлычъ, нѣсколько-твѣрдымъ голосомъ, какъ-бы рѣшившись во что бы то ни стало добиться своего.

— Говорятъ вамъ, что мѣста нѣть! слышите? Русскимъ языкомъ вамъ говорять: нѣть, нѣть и нѣть!... Поняли вы меня?

— Понять-то я понялъ! глухимъ голосомъ отвѣ-чалъ Мичулинъ: — да вѣдь ѿсть-то все-таки нужно!

— Да что вы ко мнѣ привязались? да вы знаете ли, что я васть, какъ неблагонамѣреннаго и назойливаго, туда упеку, куда вы и не думаете? Слышите! ѿсть нужно! точно я его крѣпостной! Ну, въ боягадѣльню, любезный, идите! въ услуженѣе идите... хоть къ чорту идите, только не приставайте вы ко мнѣ съ вашимъ «ѹсть нечего!»

И нужный человѣкъ снова началъ разминать по комнатѣ окоченѣвшіе члены.

— Тутъ цѣлое утро на холода, да на сырости... орешь, кричишь на нихъ, на бестій, а они еще и дома покоя не даютъ...

— Да вѣдь я не виноватъ, снова возразилъ Иванъ Самойлычъ дрожащимъ голосомъ, худо скрывая на-кипѣвшую въ груди его злобу: — я не виноватъ, что цѣлое утро на холода, да на сырости...

. — А я виноватъ? съ запальчивостью закричалъ нужный человѣкъ, топнувъ ногою и сильно пошевеливая плечами: — виноватъ? а? да ну, отвѣчайте же!

Иванъ Самойлычъ молчалъ.

— Что жъ вы привязываетесь? Да нѣть, вы скажите, что жъ вы пристаете-то? виноватъ я что ли, что вамъ ѿсть нечего? виноватъ? а?

— Стыдно будетъ, если на улицѣ подымутъ, замѣтилъ Иванъ Самойлычъ тихо.

— Отважитесь вы отъ меня! вскричалъ нужный человѣкъ, теряя терпѣніе: — ну, пусть подымутъ на улицѣ! я вамъ говорю: нѣтъ мѣста, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Иванъ Самойлычъ вспыхнулъ.

— Такъ нѣтъ мѣста! закричалъ онъ въ себѣ, подступая къ нужному человѣку: — такъ пусть на улицѣ подымутъ! такъ вотъ вы каковы! а другимъ, не бойсь, есть мѣсто, другіе, не бойсь, Ѳдятъ, другіе пьютъ, а мнѣ и мѣста нѣтъ!...

Но вдругъ онъ помертьѣль, малый-то былъ онъ смирный и безотвѣтный, и робкая его натура вдругъ всплыла наружу. Руки его опустились; сердце упало въ груди, колѣни подгибались.

— Не погубите! говорилъ онъ шепотомъ: — виноватъ — я! я одинъ во всемъ виноватъ! Пощадите!

Нужный человѣкъ стоялъ, какъ оцѣпенѣлый; съ безсознательнымъ изумленіемъ смотрѣлъ онъ на Ивана Самойлыча, какъ-будто не догадываясь еще хорошенъко, въ чёмъ тутъ дѣло.

— Вонъ! закричалъ онъ наконецъ, оправившись отъ изумленія: — вонъ отсюда! и если еще разъ осмѣлитесь... понимаете?

Нужный человѣкъ погрозилъ, сверкнулъ глазами и вышелъ изъ комнаты.

VI.

Иванъ Самойлычъ былъ окончательно уничтоженъ. Въ ушахъ его тоскливо и назойливо раздавались страшныя слова нужнаго человѣка:

— Нѣтъ мѣста! нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— Да отъ-чего же нѣтъ мнѣ мѣста? да гдѣ же, наконецъ, мое мѣсто? Боже мой, гдѣ это мѣсто?

И всѣ прохожіе смотрѣли на Ивана Самойлыча какъ-будто исподлобья и иронически подпѣвали ему: «да гдѣ же, въ-самомъ-дѣлѣ, это мѣсто? вѣдь кто же нибудь да виноватъ, что нѣтъ его — мѣста-то!»

Мичулинъ рѣшился немедленно обратиться съ этимъ вопросомъ къ людямъ знающимъ, тѣмъ болѣе, что его мучили ужъ не одни материальныя лишенія, не одна надежда умереть съ голода, но и самая душа его требовала успокоенія и отдыха отъ безпрестанныхъ вопросовъ и сомнѣній, ее осаждавшихъ.

Знающіе люди были ни кто иные, какъ извѣстные ужъ читателю Вольфгангъ Антонычъ Беобахтеръ, философіи кандидатъ, и Алексисъ Звонскій, недоросль изъ дворянъ.

Оба друга только-что пообѣдали и, сидя на диванѣ, покуривали-себѣ папироски. У Вольфганга Антоныча была въ рукахъ гитара, на которой онъ самъ сладкозвучнымъ образомъ тренѣкалъ какую-то страшную бравуру; у Алексиса плавала въ глазахъ какая-то мутная влага, на которую онъ безпрестанно и горько жаловался, говоря, что она

мѣшаетъ ему прямо и бодро взглянуть въ самые глаза *холодной, безстрастной и безотрадной* дѣйствительности. Друзья, казалось, были въ хорошемъ расположеніи духа, потому-что говорили о будущихъ судьбахъ человѣчества и объ эстетическомъ чувствѣ.

Оба друга равно стояли грудью за страждущее и угнетенное человѣчество; разница состояла только въ томъ, что Беобахтеръ, какъ кандидатъ философіи, непремѣнно требовалъ разрушения...; а Алексисъ, напротивъ того, готовъ былъ положить голову на плаху, чтобы доказать, что периодъ разрушения миновался и что теперь нужно *создавать, создавать и создавать...*

— Ну, клади, говорилъ Беобахтеръ самымъ равнодушнымъ голосомъ, дѣлая при этомъ обычное движение разжатою рукою сверху внизъ и ужъ совсѣмъ приготовившись отмахнуть Алексису его легковѣсную голову.

Но Алексисъ головы не клалъ.

Ужъ ты не коварствуй, возглашалъ Беобахтеръ melodическимъ голосомъ, въ ту минуту, когда вошелъ Иванъ Самойлычъ: — ты не уклоняйся, а говори прямо: любишь или не любишь? любишь — такъ прочь ихъ, съ лица земли ихъ — вотъ что! А иначе не любишь!

— Однакожъ, за что жъ ихъ съ лица земли? замѣтилъ съ своей стороны Алексисъ: — я, право, никакъ не могу понять этого ригоризма...

И дѣйствительно, по лицу Алексиса можно было угадать, что онъ точно никакъ не могъ понять.

Кандидатъ философіи крошечнымъ сжатымъ кулачкомъ описать самую незамѣтную дугу.

— И знать ничего не хочу, и видѣть ничего не хочу! говорилъ онъ медовыимъ своимъ голосомъ: — и не представляй ты мнѣ своихъ резоновъ! все это софизмы, любезный другъ! Не любишь, говорю тебѣ, не любишь — и все тутъ! Такъ бы и сказалъ съ первого слова! Разрушить, говорю тебѣ, разрушить — вотъ что нужно! а прочее все вздоръ!

И господинъ Беобахтеръ сдѣлалъ нѣсколько аккордовъ на гитарѣ, и запѣлъ совершенно-особенную и крайне-затѣйливую бравуру, но запѣлъ такимъ голосомъ, какъ-будто гладилъ кого-нибудь по головкѣ, приговаривая: « паинька, душенька! умница, миленький! »

— Странно, однакожъ!.. замѣтилъ послѣ нѣкотораго молчанія, собравшись съ мыслями, Алексисъ.

Беобахтеръ сдѣлалъ совершенно-незамѣтное движение плечами.

Буква *r* снова посыпалась въ страшномъ изобилиї.

— Странно, однакожъ! не переставалъ возражать съ своей стороны Алексисъ, всякий разъ все болѣе и болѣе собираясь съ мыслями.

— Ужъ я тебя, подлеца, насквозь знаю, говорилъ Беобахтеръ: — вѣдь ты «буржуазія», я тебя знаю...

На это Алексисъ отвѣталъ, что, ей-Богу, онъ не «буржуазія», и что, напротивъ того, для человѣчества готовъ всѣмъ на свѣтѣ пожертвовать, и что если ужъ на то пошло, то, пожалуй, хоть сейчасъ

же, среди бѣлого дня, пройдетъ по Невскому подъ руку съ необразованнымъ невѣждой мужикомъ.

— Ну, ужь это будетъ не эстетически! замѣтилъ господинъ Беобахтеръ.

— Ну, я не думаю, отвѣчалъ Алексисъ, еще разъ собравшись съ мыслями.

— Чѣмъ такое эстетическое чувство? спросилъ господинъ Беобахтеръ, видимо намѣреваясь дать своимъ доказательствамъ вопросительную форму, столь часто употребляемую самыми знаменитыми ораторами.

Алексисъ задумался.

— Эстетическое чувство, сказалъ онъ, собравшись съ мыслями:—есть то чувство, которымъ въ высшей степени обладаетъ художникъ.

— Чѣмъ такое художникъ? столь же отрывисто спросилъ кандидатъ правъ.

Алексисъ снова задумался.

— Художникъ, сказалъ онъ, въ послѣдній разъ собравшись съ мыслями:—есть тотъ смертный, который въ высшей степени обладаетъ эстетическимъ чувствомъ....

— Гм, замѣтилъ господинъ Беобахтеръ:—прочь ихъ! съ лица земли ихъ! Нѣтъ имъ пощады!.. я тебя знаю, всю твою душу насквозь вижу: ты подлецъ, ренегатъ...

— Странно, однакожь, замѣтилъ Алексисъ.

Но Вольфгангъ Антонычъ не слушалъ; онъ сдѣлалъ аккордъ на гитарѣ и сладкимъ теноромъ запѣлъ извѣстную: *Разгульна, свѣтла и любовна*, всячески стараясь выразить что-нибудь удалое, отколоть

какое-нибудь отчаянное колыцо, но решительно безъ всякаго успѣха, потому-что колыцо оказывалось самимъ смирнымъ и снисходительнымъ.

— А я къ вамъ, господа, на счетъ одного дѣльца, приступилъ Иванъ Самойлычъ.

Беобахтеръ и Алексисъ начали вслушиваться.

Мичулинъ вкратцѣ изложилъ имъ свои утреннія поображенія, рассказалъ, какъ онъ былъ у нужнаго человѣка, какъ просилъ о мѣстечкѣ, и какъ нужный человѣкъ отвѣчалъ, что мѣста ему нѣтъ, нѣтъ, и нѣтъ... За тѣмъ Иванъ Самойлычъ уныло поникъ головой, какъ-бы ожидая рѣшенія знающихъ людей.

Но Беобахтеръ и Алексисъ упорно молчали: первый—потому-что не вдругъ могъ отыскать въ головѣ своей неизвѣстно куда завалившуюся сильную мысль, которую онъ давно уже припасъ, и которая могла однимъ разомъ сшибить съ ногъ вопрошавшаго; второй — потому-что имѣлъ благородную привычку всегда выждать мнѣніе кандидата философіи, чтобы тутъ же приличнымъ образомъ возразить ему.

— Да вѣдь мнѣ ѿсть нужно, началь снова Иванъ Самойлычъ.

— Гм, сказалъ Беобахтеръ.

Алексисъ началъ собираться съ мыслями.

— Конечно, онъ не виноватъ въ этомъ, продолжалъ Мичулинъ, съ горечью вспомнивъ полученный утромъ отъ «нужнаго человѣка» жесткій отказъ:— конечно, жизнь лотерея, да въ томъ-то и штука, что вотъ она лотерея, да въ лотерей-то этой билета мнѣ нѣтъ...

Беобахтеръ положилъ въ сторону гитару и посмотрѣлъ ему пристально въ глаза.

— Такъ вы меня не поняли? сказалъ онъ съ укоромъ:—а прочли вы книжку?

Иванъ Самойлычъ отвѣчалъ, что не имѣлъ еще времени. Беобахтеръ грустно покачалъ головой.

— Вы ее прочтите! убѣждалъ онъ самымъ меланхолическимъ тономъ: — тамъ вы все узнаете, тамъ обо всемъ говорится... Все, что я вамъ ни говорилъ—все это только предварительныя понятія, намеки; тамъ все вполнѣ объяснено... но ужь повѣрьте, тутъ иначе и быть не можетъ! Или любишь или не любишь: тутъ нѣть средины; я вамъ говорю!

— Однакожъ, это странно! тотчасъ же возразилъ Алексисъ, хотя и не развивалъ далѣе своей мысли.

— Такъ вы думаете? перебилъ Иванъ Самойлычъ.

— Прочь ихъ! съ лица земли ихъ! вотъ мое мнѣніе! Рррр....

— А вы какъ на счетъ этого дѣла? спросилъ Мичулинъ, обращаясь къ Алексису.

— Моя грудь равно для всѣхъ отверста! отвѣчалъ Алексисъ совершенно-невинно.

За симъ водворилось глубокое молчаніе.

— Извините, что обезпокоилъ васъ, господа, сказала Иванъ Самойлычъ, намѣреваясь удалиться вовсюяси.

На это пріятели отвѣчали, что это ничего, что, напротивъ, они очень-рады, и что если впередъ случится какая-нибудь нужда, то смѣло обращался бы прямо къ нимъ. При этомъ съ немалымъ также искусствомъ дано было ему замѣтить, что если ме-

жду ними и существуетъ нѣкоторое разногласіе, то это только въ подробностяхъ, что въ главномъ они оба держатся однихъ и тѣхъ же принциповъ, что, впрочемъ, и самыи прогрессъ есть не что иное, какъ дочь разногласія, и если ихъ мнѣнія не безусловно вѣрны, то, по-крайней-мѣрѣ, обѣихъ можно спорить.

Со всѣмъ этимъ Мичулинъ, конечно, не могъ не согласиться, хотя, съ другой стороны, не могъ и не сознаться внутренно, что все это, однакожъ, чрезвычайно-мало подвигало его впередъ.

На столѣ у себя онъ нашелъ тщательно-сложенную записку. Записка была слѣдующаго содержанія:

«Иванъ Макарычъ Пережига, свидѣтельствуя свое совершенное почтеніе его высокоблагородію Ивану Самойлычу, честь имѣть имѣть честь покорнѣйше просить его высокоблагородіе, по случаю дня тезоименитства, пожаловать завтрашній день, въ три часа по полудни, откупшать обѣденный столъ».

Съ досадою отбросилъ онъ отъ себя затѣйливую записку и легъ на кровать.

Но ему не спалось: кровь его волновалась; злоба кипѣла въ груди, и все нашептывалъ тайный голосъ какую-то вкрадчивую и вмѣстѣ съ тѣмъ страшную легенду.

Вокругъ все тихо; ни шороха не слышно въ комнатахъ сосѣдки. Мичулинъ всталъ съ постели и началъ ходить по комнатѣ — средство, къ которому прибѣгалъ онъ всякий разъ, когда что-нибудь его сильно тревожило.

А между тѣмъ вѣтеръ все шумитъ на улицѣ, все

стучится въ окно къ Ивану Самойлычу и совершенно вразумительно свиститъ ему въ самыя уши: «озябъ, бѣдный вѣтеръ! пусти его, добрый человѣкъ, Богъ наградить тебя за это!»

И герой нашъ рѣшительно не знаетъ, кому отвѣтить, продрогнувшему ли вѣтру, или коммоду подъ красное дерево и картинѣ, изображавшей, въ противорѣчіе свидѣтельству всей исторіи, погребеніе кота мышами, и ужъ не висѣвшей, а какъ-будто бѣгавшей по стѣнѣ, потому-что и коммодъ и картина тоже, въ свою очередь, допекали ужасно и насмѣшливо спрашивали: «а отвѣчай намъ, отъ чего оно лотерей? какое твое назначеніе?

А Наденька, между-тѣмъ, вкушала въ сосѣдней комнатѣ на маленькой своей кроваткѣ то удивительное кушанье, полное разныхъ десертовъ и неимовѣрно-воздушныхъ пирожныхъ, которое называется сномъ. Въ ея позѣ было нѣчто необыкновенно-грациозное и дѣвственное; маленький, уютный ротикъ былъ полуоткрытъ; булавочное ея сердечко быстро и усиленно билось въ миньятюрной темницѣ своей.

Но она не обращала вниманія ни на страстное буйство вѣтра, который, смотря на нее изъ окошка, злился и завывалъ, ни на полный томленія взоръ молодаго мѣсяца, только-что скинувшаго съ себя черную эпанчу изъ тучъ, которая, на досаду, не давала ему до-тѣхъ-поръ пощеголять передъ людьми своею молодостью и удальствомъ. Она спокойно спала-себѣ, какъ и всякая другая смертная, и надо же какому-то злому нѣдругу беспокоить и будить ее въ эту сладкую минуту; надо же, чтобы какая-то

безобразная бѣлая фигура дернула ее за руку въ самый патетический моментъ сна!..

Открывъ заспанные глаза , Наденька не мало струхнула. Въ околоткѣ давно уже носились слухи на счетъ какой-то странной болѣзни, которая ходила будто-бы изъ дома въ домъ въ самыхъ странныхъ формахъ, проникала въ самые сокровенные закоулки квартиръ, и наконецъ, очень равнодушно приглашала на тотъ свѣтъ.

Сообразивъ всѣ эти обстоятельства , Наденька сильно встревожилась, потому-что была крайне-животолюбива и ни за что въ свѣтѣ не согласилась бы умереть. А привидѣніе, между-тѣмъ, не шевелилось и молча устремило на нее глаза свои. Наденька заключила, что дѣло-то плохо, и что конецъ ея пришелъ невозвратно, и потому, простиивши мысленно съ ученымъ своимъ другомъ, и поручивъ, кому слѣдуетъ, свою крошечную душу, обдумывала ужъ, какой дастъ тамъ отвѣтъ въ своемъ бренномъ и нѣсколько-легкомъ земномъ странствіе, какъ вдругъ молодой и щеголеватый мѣсяцъ взглянулъ прямо въ лицо привидѣнію.

— Такъ вы такъ-то! вскричала Наденька, оправившись внезапно отъ своего испуга и быстро вскочивъ съ постели, не смотря на очевидную легкость своего костюма:—такъ вы вотъ какъ! вы не удовлетворяетесь тѣмъ, что по цѣлымъ ночамъ стонете и не даете мнѣ спать—вы еще и подсматривать вздумали! Вы думаете, что я не благородная, не мадамъ, такъ со мною все-дескать можно! Ошиблись, сударь, очень ошиблись! Конечно, я простая дѣвица, конечно,

я русская, да не хуже иной барыни, не хуже нѣмки; вотъ что-сь!

И маленькие глазки ея горѣли, маленькие ноздри раздувались, маленькие губы дрожали отъ гиѣва и негодованія... Но привидѣніе, которое было не что иное, какъ самъ Иванъ Самойлычъ, вмѣсто отвѣта, издало чрезвычайно-простой и односложный звукъ, болѣе похожій на мычанье, нежели на вразумительный отвѣтъ.

— Я все понимаю! бойко съшата между-тѣмъ Наденька: — все понимаю не хуже всякой другой.... Безстыдникъ, сударь, срамникъ!

Иванъ Самойлычъ отвѣчалъ, но какъ-то отрывисто и безвязно; и притомъ звукъ его голоса былъ такъ сухъ и беззвучно-безстрастенъ, какъ-будто ему и не шутя было больно и тошно жить на свѣтѣ.

Говорилъ онъ все прежнюю исторію, что вотъ дескать другіе Ѹдятъ, другіе плюютъ... все другіе...

Наденька слушала его въ страхѣ и трепетѣ; никогда она не видала его столь рѣшительнымъ; сердце ея упало; голосъ замеръ въ груди; она хотѣла звать на помощь и не могла; умоляя, простирала она свои маленькие ручонки къ лукавому нарушителю ея спокойствія; жалобенъ и безмолвно-краснорѣчивъ былъ ея взоръ, взывавшій о пощадѣ... Привидѣніе остановилось.

— Такъ вамъ очень-гадко со мною?.. сказало оно голосомъ, заглушаемымъ накипѣвшими въ груди рыданіями: — такъ я очень противенъ?..

— Оставьте меня! едва слышнѣ шептала Наденька.

Привидѣніе не трогалось; молча стояло оно у за-
вѣтнаго изголовья, и невольные слезы непризнан-
ной горести, слезы оскорблennаго самолюбія кра-
лись по впалымъ и блѣднымъ какъ смерть щекамъ
его.

— Богъ съ вами! сказала оно шепотомъ и мед-
ленно направило къ двери шаги свои.

Наденъка вздохнула свободно. Сгоряча, она хотѣла-было закричать и объявить всѣмъ и каждому, что вотъ, дескать, такъ и такъ; но — странное дѣло! — ни съ того, ни съ сего почувствовала она какъ-будто въ груди ея вдругъ зашевелилось что-то такое, что, съ одной стороны, очень и очень на-
мекало на совѣсть, а съ другой, могло называться, пожалуй, и жалостью. Грустно взглянула она вслѣдъ удаляющемся Ивану Самойлычу и даже чуть-чуть не рѣшилась позвать его назадъ, чтобы объяснить ему, что не виновата же и она, что дѣло такой обо-
ротъ приняло... и все-таки ничего не сказала, а просто посмотрѣла, какъ онъ вышелъ изъ комнаты, заперла поплотнѣе дверь, покачала головой, при-
брала съ полу двѣ или три завалившіяся бумажки и снова легла почивать.

VII.

Именинный обѣденный столъ былъ устроенъ на славу. Шарлотта Готлибовна не пожалѣла ни тру-
довъ, ни издержекъ, чтобы угодить своему любез-
ному кавалеру. Она истоптала себѣ всѣ ноги, но къ тремъ часамъ все уже было готово. Даже она,

сухопарая и продолговатая хозяйка, приличнымъ образомъ подкрасившись, рисовалась въ столовой, производя пріятный для сдуха шумъ своею накрахмаленною какъ картонъ юбкою.

Когда Иванъ Самойлычъ явился въ столовую, вся компанія была ужъ на лицо. Впереди всѣхъ торчали черные какъ смоль усы дорогаго именинника; тутъ же, въ видѣ неизбѣжнаго приложенія, подвернулась и сухощавая и прямая какъ палка фигурка Шарлотты Готлибовны; по сторонамъ стояли извѣстные читателью: кандидатъ философіи Беобахтеръ и обольстительный, но нѣсколько-апатической недоросль Алексисъ, подъ руку съ дѣвицей Ручкиной.

Казалось, Наденька была совершенно-довольна своею судьбой, потому-что очень любила порядочную компанію и вообще чувствовала нѣкоторый неудугъ къ людямъ, которые не принадлежали къ такъ называемой швали — мастеровымъ, лакеямъ, кучерамъ и далѣе до безконечности.

Конечно, разсуждая строго, происхожденіе Шарлотты Готлибовны было покрыто весьма-густымъ мракомъ неизвѣстности, но Наденька смотрѣла на этотъ предметъ снисходительно. Она, разумѣется, не могла не допустить, что Шарлотта Готлибовна, дѣйствительно, не русская...

И теперь, какъ и всегда, Иванъ Макарычъ шутить надъ ученымъ Алексисомъ, приговаривая:

— А подлецъ Бинбахеръ-то! Знать ничего не想要! ничего, говорить, ненадо! все уничтожу, все съ глазъ долой! Ахъ, эти нѣмцы!

И, по обыкновенію, Шарлота Готлибовна, поту-

пивъ глаза, отвѣчала: «О, ви очень любезни кавалеръ, Иванъ Макарвичъ!» и, по обыкновенію, осталось покрыто мракомъ неизвѣстности, что имѣно разумѣлъ господинъ Пережига подъ словомъ Бинбахеръ.

— А не выпить ли намъ водочки, мадамъ? возопилъ именинникъ, обращаясь къ Шарлоттѣ Готлибовнѣ: — вѣдь нынче времена-то опасныя! слышь ты, холера по свѣту бродитъ! а вотъ мы ее, холеру! вотъ мы ее! по-свойски-то, по-нашему!

И дѣйствительно, холера, вѣроятно, сильно поморщилась, когда господинъ Пережига вытянулъ однимъ глоткомъ огромную рюмку, которую онъ не безъ щѣкости называлъ стаканчикомъ на ножкѣ.

За обѣдомъ было очень-весело; лица всѣхъ смотрѣли какъ-то благопріятно и ободрительно. Алексеѣвъ безпрестанно, и кстати и не кстати, улыбался; Беобахтеръ тоже не дѣлалъ обычнаго движенія рукою сверху внизъ; Пережига же всѣхъ по чести увѣрялъ, что Бинбахеръ ничего не знаетъ, потому-что нѣмецъ, а вотъ у него спросите, такъ онъ русскій и знаетъ, да еще такъ знаетъ, что у Шарлотты Готлибовны отъ одной этой мысли закатывались подъ лобъ глаза.

— У, какъ я былъ на свѣй-то сторонѣ! гремѣлъ онъ, съ самодовольнымъ видомъ покручивая усы: — у меня былъ дворъ!.. то-есть, что всѣ эти здѣшніе дворы! просто, дрянь! Однихъ егерей было человѣкъ пятьдесятъ! Музыканты свои были! Театръ домашній былъ! плясуны были, комедіи представляли! Вотъ оно, какое житѣе-то было! любезное житѣе!

Конечно, Иванъ Макарычъ большую половину прихвастинулъ, но присутствующіе изъ учтивости почли долгомъ не возражать ему, а Шарлотта Готлибовна даже совершенно была увѣрена въ истинѣ словъ своего любезнаго кавалера и съ непритворнымъ участіемъ вмѣшалась въ разговоръ, сказавъ въ скобкахъ:

— О, это, должно быть, ужасно чудесно было!

— Ужь такъ чудесно, что просто невозможно! Ужь я вамъ скажу, такіе были актеры — просто на славу! Вся губернія съѣзжалась смотрѣть — истинно вамъ говорю!

По поводу актеровъ господина Пережиги, разговоръ перешелъ вообще къ оцѣнкѣ эстетическихъ и другихъ способностей человѣка и при этомъ развивались гостями самыя мудреныя и затѣйливыя мысли.

Беобахтеръ, махая ручонкою сверху внизъ, говорилъ самымъ пріятнымъ и вкрадчивымъ теноромъ, что оно, конечно, ничего, жить можно, а все-таки не дурно и даже полезно, если «прихлопнетъ» да «притиснетъ». Буква *p*, по обыкновенію, играла и тутъ весьма немаловажную роль.

Алексисъ болталъ во рту языккомъ и безотчетно размахивалъ во всѣ стороны руками.

Шарлотта Готлибовна утверждала на счетъ этого предмета что-то столь жестокое и обидное, что Наденька почла за долгъ вступиться и тутъ же колко дать ей почувствовать, что она хотя и благородная нѣмка (о! никто въ этомъ не сомнѣвается!), и хотя «всѣмъ, конечно, извѣстно», что въ *ихней* землѣ

водятся дворяне, но-молъ вѣдь и въ другихъ земляхъ отнюдь не всѣ же мастеровы или чумички каки-нибудь... о, нѣтъ, далеко не всѣ!

Весь этотъ шумъ покрывался густымъ басомъ Пережиги, который смѣло утверждалъ, что все это вздоръ, что тутъ «иначе» быть нельзѧ, и что у него, дескать, спросите, такъ онъ знаетъ и мигомъ все объяснитъ.

— А скажите, пожалуйста, началь между-тѣмъ Иванъ Самойлычъ, очевидно стараясь исподволь дать разговору интересующій его оборотъ: — вотъ вы, Иванъ Макарычъ, вы человѣкъ опытный, бывалый... Вотъ хоть бы у васъ: вѣдь, я думаю, у каждого изъ нихъ было свое особенное назначеніе, своя особенная, такъ-сказать, роль въ жизни?...

— Разумѣется, было! чего на свѣтѣ не бываетъ, отвѣчалъ Иванъ Макарычъ, отъ частыхъ возліяній одобрительно кивая на всѣ стороны головой: — известно, — одинъ псарь, другой егеръ, третій, просто, чумичка! Какъ не быть!

И опять пошли толки о трудности отыскать человѣку въ бренной его жизни назначеніе. Пережига отзывался, что тутъ вообще «поломаешь-таки себѣ голову», и дѣйствительно, въ то же время началь съ такимъ рвениемъ ломать себѣ голову при видѣ безпрестанно возрастающихъ и вновь отсюду возстающихъ затрудненій, что непремѣнно погибъ бы въ этой борьбѣ, если бы не спасъ его извѣстный стаканчикъ на ножкѣ, которому онъ не представлялъ свидѣтельствовать свое почтенье.

— Мое тутъ мнѣніе вотъ какое! вмѣшался госпо-

динъ Беобахтеръ: — все это вздоръ, а нужно — вотъ... И махнулъ рукою сверху внизъ.

Хотя послѣднія слова были сказаны особенно-мелодическимъ теноромъ, но Алексисъ не преминулъ возразить своему ученому противнику, сказавъ, что онъ не видитъ, почему непремѣнно — «вотъ», и что гораздо будетъ лучше, если для всѣхъ равно отверсты обѣятія. При этомъ Алексисъ размахивалъ руками и дѣйствительно для всѣхъ отверзалъ обѣятія.

— Такъ вотъ вы изволили замѣтить, снова обратился Мичулинъ къ Пережигѣ: — что одинъ чумичка, другой егеръ... ну, это понятно: они ужъ люди такие — ну, и роли по нихъ... А вообще-то какъ вы понимаете? то-есть, вообще-то человѣку какая роль предстоитъ въ жизни? Вотъ хоть бы мнѣ, напримѣръ, прибавилъ онъ въ видѣ предположенія.

И умолкъ.

И всѣ гости тоже сурово молчали, какъ-будто никто и не предвидѣлъ со стороны господина Мичулина подобнаго философического вопроса.

— Мое мнѣніе вотъ какое, разразился наконецъ сладкозвучный Беобахтеръ: — прочь все — вотъ!...

И на этотъ разъ Алексисъ, по обыкновенію, отозвался, что *никакъ не можетъ понять этого ригоризма*, и что гораздо-лучше, если для всѣхъ равно отверсты обѣятія.

Но сомнѣніе все-таки осталось сомнѣніемъ, и запутанное дѣло ни на шагъ не подвинулось впередъ.

— Такъ какъ же вы думаете, Иванъ Макарычъ? снова навязывался Мичулинъ.

— Это ужъ вы вотъ у нихъ спросите, лаконически

отвѣчалъ Пережига, закрывая глаза отъ излишества возліяній: — это имъ будетъ лучше извѣстно!

Съ этимъ словомъ Иванъ Макарычъ, а за нимъ и всѣ гости, вышелъ изъ-за стола.

Но именинникъ сильно ошибался, если въ числѣ таинственныхъ «ихъ» разумѣть и ученаго Алексиса.

Алексисъ, казалось, такъ сильно желать всякаго счастія дорогому имениннику, что отъ полноты чувства едва могъ болтать во рту языкомъ.

— Ты не горюй, другъ, говорилъ онъ, обращаясь къ Ивану Самойлычу: — ты другъ, я тебя знаю; ты смиренный и кроткій — вотъ!... вотъ онъ такъ буйный, я знаю, чего онъ хочетъ! да вотъ не дадутъ же тебѣ ничего! да! вотъ же на зло тебѣ для всѣхъ отверсты обѣ-я-тія!.. да... о-б-ъ-я-т-і-я...

Наденъка сѣла возлѣ него, начала усовѣщивать, уговаривала, чтобы онъ былъ хоть мало-мальски поумнѣе, но Алексисъ ничѣмъ не трогался, потому что въ нетрезвомъ видѣ непремѣнно считалъ долгомъ пускаться въ конфиденціи и обнажать до-гола свою крохотную душу.

— Ты оставь, ты отойди отъ меня, хорошій, милый ты человѣкъ, говорилъ онъ, вертя головою: — вѣдь я знаю, что ты про меня думаешь, что и онъ... вотъ тотъ, что отъ философіи-то... я все знаю, да плевать я... Я самъ знаю, что глупъ, самъ эточувствую, милый ты человѣкъ, самъ вижу... Ну, что жъ! глупъ такъ глупъ... ужъ такая, видно, слабая моя голова.

И захочоталъ, какъ-будто-бы и самъ отъ всей

души поздравляяль себя съ тѣмъ, что глупъ и слабо-
головъ.

Беобахтеръ съ своей стороны не возражалъ ни-
чего, потому что самъ чувствовалъ въ сердцѣ пріят-
ную веселость и махаль рукою ужъ не сверху внизъ,
а снизу вверхъ.

— Да ужъ ты не скрывайся... ты философъ! про-
должалъ между-тѣмъ Алексисъ: — вѣдь я вижу... я
вижу, что ты меня презираешь... ну, презирай!
Вѣдь я самъ чувствую, что достоинъ презрѣнія...
дру-у-гъ! да вѣдь что жъ дѣлать, коли голова-то сла-
ба? голова-то, голова, вотъ что!...

Ну, нализался же ты, братъ, лаконически замѣ-
тилъ Иванъ Макарычъ.

— А еще баринъ! туда же бариномъ зовется! под-
хватила дѣвица Ручкина.

— Ужъ какой же я баринъ! жаловался въ отвѣтъ
Алексисъ: — баринъ!... самому иногда ъсть нѣче-
го — баринъ! Сапоговъ пѣть — баринъ! Пальто на
плечишкахъ изорванное — баринъ!.. Вотъ-те и ба-
ринъ! да ужъ я вижу, что ты меня презираешь!...
ты, философъ!

И снова воображеніе Алексиса начало рисовать
ему самыя горестныя картины, и снова пуще преж-
няго началъ онъ жаловаться на свою слабую голо-
ву, на судьбу, на одного таинственнаго незнакомца,
обсчитывавшаго его по литературной части, и ко
всему прибавлялъ — баринъ!

Наконецъ, дѣвица Ручкина почла долгомъ увести
его въ свою комнату.

Уныло посмотрѣлъ Иванъ Самойлычъ вслѣдъ рас-

ходящимся гостямъ. Онъ видѣлъ, какъ Иванъ Маркычъ ношелъ подъ-руку съ Шарлоттой Готлибовной, какъ Алексисъ съ своей стороны пошелъ съ Наденькой — тоже подъ руку... Да и философіи кандидатъ Вольфгангъ Антонычъ Беобахтеръ поспѣшно надѣлъ шинель и отправился на улицу, вѣроятно, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы пройтись съ кѣмъ-нибудь — тоже подъ-руку!..

И онъ тоже шелъ подъ-руку, но не съ Наденькой и даже не съ Шарлоттой Готлибовной, а съ какимъ-то безтѣлеснымъ и чрезвычайно-длиннымъ существомъ называющимся: «что ты такое? какое твое назначеніе?» и такъ далѣе, — существомъ уродливымъ, которое, не смотря на видимую свою безплотность, страшно оттянуло ему обѣ руки.

VIII.

Разгоряченный виномъ и горькими мыслями вышелъ Иванъ Самойлычъ на улицу. На дворѣ стоялъ трескучій морозъ, который въ Петербургѣ весьма часто слѣдуетъ за самою несносною слякотью; извозчики, стѣжившись въ клубокъ, проминались по укатанной дорогѣ и хлопали въ ладоши. Въ окнахъ высокихъ домовъ мелькали огни.... Огни эти такъ гостепріимно манили къ себѣ прозябнувшаго и посинѣвшаго на стужѣ странника, извозчики такъ то-скливо и вмѣстѣ недовѣрчиво смотрѣли на нихъ.... Оборванному и оглоданному всегда кажется, что огонекъ какъ-будто бы именно на него съ особеною привѣтливостью глядитъ изъ окна...

Но Иванъ Самойлычъ не думалъ ни обѣ огняхъ,

ни объ извоницахъ. Машинально шелъ онъ-себѣ въ легкой шинелишкѣ своей, какъ-будто-бы вовсе и не чувствовалъ холода; въ головѣ его было совсѣмъ пусто, одна только мысль чудовищно раскинулась въ его воображеніи—та мысль, что у него всего-на-все остался въ карманѣ одинъ цѣлковый, а между тѣмъ, надо жить, надо ъсть, надо за квартиру платить...

Но холодъ все-таки дѣлалъ свое дѣло. Какъ ни закованъ былъ Иванъ Самойлычъ въ тройную броню неудачъ и лишеній, но не могъ не почувствовать покалываній и пощипываній своего привычнаго друга. Очнувшись невольно, онъ увидѣлъ передъ собою огромное снѣговое пространство, болѣе похожее на поле, чѣмъ на городскую площадь. Посрединѣ поля возвышалось великолѣпно-освѣщенное каменное зданіе; у подъѣздовъ сутились кареты, сани, возки, кричали кучера и лакеи; тамъ-и-самъ подъ навѣсами пылали зажженные костры. А холодъ, между тѣмъ, щипалъ лицо, ломилъ черепъ, рѣзаль глаза; шинелька защищала плохо и скудно...

Видъ залитаго свѣтомъ зданія сильно расшаталъ вожделѣніе въ окоченѣвшемъ тѣлѣ Ивана Самойлыча; онъ вспомнилъ про цѣлковый, бывшій у него въ карманѣ, и потомъ, по какому-то безотчетному побужденію, взглянулъ на разложенные костры.... Костры пылали краснымъ пламенемъ и далеко по площади растилали густой и ъдкій дымъ...

— Что жь... можно и тутъ обогрѣться! подумалъ Иванъ Самойлычъ.

Но странная, искуstительная мысль блеснула

вдругъ въ головѣ его; секунду, не болѣе какъ секунду, стоялъ онъ въ раздумья; потомъ вынуль изъ кармана цѣлковый, съ ожесточенiemъ взглянуль на него, и въ одно мгновеніе ока былъ ужъ у кассы театра и покупалъ себѣ билетъ въ пятомъ ярусѣ.

Какъ нарочно, въ этотъ день давали какую-то героическую оперу. Въ театрѣ народу была куча; съ шумомъ растворялись и запирались двери ложъ; смутный и густой говоръ носился по огромной залѣ отъ партера и до райка.

Иванъ Самойлычъ очутился посрединѣ между однимъ бравымъ офицеромъ и какою-то довольно-красивою, но сильно-намазанною дѣвицей.

Съ злобою смотрѣль онъ внизъ на безпрестанно-наполнявшіяся ложи, на дамъ въ кокетливыхъ нарядахъ, которыхъ влетали въ нихъ подобно легкимъ и призрачнымъ видѣніямъ...

Но вотъ и говоръ утихъ. Посреди всеобщаго безмолвія вдругъ послышался отдаленный горный рожокъ; въ какомъ-то полу-сне началъ прислушиваться Иванъ Самойлычъ къ простой и жалобной мелодіи его. Въ памяти его вдругъ воскресли давнишніе годы его дѣтства, необозримая и ровная поляны, густой сосновый лѣсъ, синее озеро, лѣниво расплескивавшее свои волны, и посреди всего этого самая беззвучная, глубокая тишина, и только рожокъ, именно рожокъ назойливо звучитъ въ самое ухо и именно ту же самую простую и трезвую мелодію. Но вотъ рожку начинаетъ вторить флейточка, къ флейточкѣ нерѣшительно присоединяется скрипка, и вдругъ звуки начинаютъ рости, рости

и наконецъ цѣлые потоки ихъ вырвались съ шумомъ изъ оркестра и заходили по залѣ.

Загудѣли контрабасы, тоскливо жаловались нѣжныя флейточки; назойливо рвали душу скрипки; отрывисто и сухо командовалъ барабанъ.

Герой нашъ ожила; блѣдный, притаивъ дыханье, упивался онъ жалобнымъ стономъ флейты, отчаяннымъ воплемъ скрипки; всѣ нервы его были въ какомъ-то болѣзnenномъ, небываломъ напряженіи, голова горѣла, губы и глаза были сухи, во всемъ существѣ его разыгралась такая же буря, какая происходила въ оркестрѣ.

— Вотъ это такъ хорошо! такъ ихъ! руби ихъ! мо-шен-ни-ки, хри-сто-про-давцы! шепталъ онъ, самъ хорошенько не сознавая, почему бравурная музыка напомнила ему мошенниковъ и христопропавцевъ.

— Что жь? хлопайте! выражайте же свое удовольствіе! замѣтилъ на-ухо Мичулину сидѣвшій сзади какой-то сынъ природы съ огромными усами и бородой.

Занавѣсь былъ поднятъ; на сценѣ, неизвѣстно о чёмъ, но очень складно, толковала густая толпа; потомъ толпа разступилась и какой-то господинъ началъ что-то пѣть. У Ивана Самойлыча не было ни либретто, ни обязательного сосѣда; поэтому онъ очень-немного понялъ изъ всего этого. Однакожъ, по всему было видно, что господинъ былъ доволенъ собою и не мало сочувствовалъ восходящему солнцу, потому-что сильно разводилъ руками.

— Фразы, братъ! вздоръ все это! знаемъ мы?

говорилъ господинъ Мичулинъ, на котораго видимо началъ дѣйствовать образъ мыслей Беобахтера: — знаемъ мы эту природу! ты намъ давай барабановъ — вотъ чѣмъ.

И барабанъ не заставилъ себя ждать ; музыка снова загремѣла полнымъ оркестромъ, и снова громъ заходилъ и заколыхался волнами по залѣ.

— Выражайте же свое удовольствіе! приставаль упомянутый выше сынъ природы.

Ощущеніе, произведенное этой громкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-стройной музыкой, было какъ-то странно и ново для Ивана Самойлыча. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ за звуками могла ему слышаться толпа—да и какая еще толпа!—вовсе не та, которую онъ ежедневно привыкъ видѣть на Сѣнной или на Конной, а такая, какой еще онъ не видывалъ, и, что всѣго страннѣе, возможность, которой онъ вдругъ началъ весьма-ясно и отчетливо сознавать.

— Да, дѣло-то было бы лучше! думалъ онъ прогуливаясь въ антрактѣ по коридору: — тогда бы, можетъ-быть, и я...

И онъ не оканчивалъ своей фразы, потому-что и безъ дальнѣйшаго объясненія очень-хорошо и отчетливо постигалъ, что было бы тогда.

Но вотъ, оркестръ снова заигралъ. Сначала происходили неизбѣжныя объясненія любовниковъ; какая-то тощая госпожа преизрядно передавала смиренному и безотвѣтному клеврету свои чувства; клевреть слушалъ совершенно равнодушно и только ждалъ случая, чтобъ дать тягу за кулисы. Потомъ въ припрыжку выбѣжалъ изъ-за кустовъ какъ-будто

нарочно тутъ же очутившійся господинъ въ бархатной кацавейкѣ...

Мичулинъ все время отрицательно кивалъ головой, находя, повидимому, что все это фразы...

Но вотъ на сцену спустилась ночь; красноватая луна горѣла на холстинномъ небѣ; озеро синѣло вдали; всѣ деревья будто притихли и притаились въ ожиданіи чего-то страшнаго, необыкновеннаго; ни гдѣ ни шороха, ни шелеста...

И вдругъ, посреди безмолвія, раздается окликъ, и снова все стихло; вотъ и еще окликъ, и еще, и еще... деревья какъ-будто оживились и выпрямили сонныя верхушки свои; озеро заходило холстинными волнами; луна горить все краснѣе и краснѣе....

Снова цѣлый громъ на сценѣ, снова все волнуется и колышется, и слышатся Ивану Самойлычу и выстрѣлы, и стукъ сабель, и чуется ему дымъ...

Съ волненіемъ смотритъ онъ во всѣ глаза на сцену; съ судорожнымъ вниманіемъ слѣдитъ за каждымъ движеньемъ толпы; ему и въ-самомъ-дѣлѣ кажется, что вотъ наконецъ все кончится; онъ хочетъ самъ бѣжать за толпою и понюхать за одно съ нею обаятельного дыма... Съ особеною нѣжностью смотритъ онъ на молодаго человѣка, раздирающимъ голосомъ молящаго оставить ему его любовь и наивныя мечтанья... Онъ такъ юнъ, такъ свѣжъ еще, молодой человѣкъ! ему такъ жалко вдругъ разстаться съ своими обаятельными кумирами; ему хотѣлось бы еще долго обманывать свое сердце и убаюкивать себя золотою мечтой. Но тщетны всѣ его усилия: истина на лицо; она трезво и

безъ страха снимаетъ съ души его лишніе покровы.... И грустно повторяетъ горное эхо вопль юноши, послѣдній вопль! . . . . .

Вотъ что говорили звуки душъ Ивана Самойльча.

Но барабаны и выпитое за обѣдомъ вино порядочно-таки расшатали его воображеніе. Быстрыми шагами шелъ онъ по улицѣ, напѣвая какой-то все недвусмысленный мотивъ и сильно стараясь поддѣлаться подъ барабанъ. Рядомъ съ нимъ очутился и сынъ природы, который сидѣлъ сзади его въ театрѣ. Съ сыномъ природы шелъ еще какой-то господинъ, который безпрестанно кивалъ утвердительно головой и улыбался.

— Ну, что, какъ вамъ понравилась опера? приступилъ сынъ природы къ Ивану Самойлычу: — а вѣдь съ перчикомъ опера-то? а? какъ вы на счетъ этого?

— Да; я думаю, что если б... процѣдилъ Иванъ Самойлычъ сквозь зубы.

— Ужь и не говорите! я самъ объ этомъ много думалъ, да вотъ нась-то мало... вотъ что! А я ужь думалъ объ этомъ, какъ не думать! спросите вонъ хоть у него. Антоша! ну, скажи, вѣдь думалъ я объ этомъ?

Антоша поспѣшно закивалъ головой и выставилъ рядъ весьма острыхъ и длинныхъ зубовъ.

— Рекомендую вамъ его! продолжалъ сынъ природы, подводя къ Ивану Самойлычу Антошу:—благороднѣйшій человѣкъ! Я вамъ скажу, мы много съ

нимъ думаемъ, чортъ возьми! чудеснѣйшая душа! и какъ сострадаетъ! право, никто такъ не сострадаетъ! Антоша! другъ! пріятель!

Антоша осклабился.

— Очень радъ, пробормоталъ Иванъ Самойлычъ, совершенно сконфуженный такою безцеремонностью.

— Вамъ, можетъ быть, странна такая откровенность? говорилъ между тѣмъ господинъ съ усами и бородой:—я вамъ скажу, вы не удивляйтесь. Вѣдь я замѣчалъ за вами въ театрѣ-то, я видѣлъ, что подлѣ меня человѣкъ страдаетъ.

Молчаніе.

— Такъ какъ вы думаете, не соединиться ли намъ въ одни общія обѣятія? а? вѣдь какъ заживемъ-то! лихо, ей-Богу, лихозаживемъ.... Братство—канальство! братство—вотъ моя метода! больше знать ничего не хочу! то есть, отнимите у меня братство—просто, ничего не останется, просто, дрянь дрянью сдѣлаюсь!... Такъ, что ли? братство, что ли? Эхъ, канальство, да отвѣчай же, ракалья, забулдыга ты этакой!

И едва началъ Иванъ Самойлычъ соображать, какимъ образомъ могъ онъ вдругъ возбудить въ постороннемъ человѣкѣ столько симпатіи къ себѣ, какъ ужъ сынъ природы тискалъ его въ своихъ обѣятіяхъ и словно жосткою щеткою дралъ ему щеки своими усами и бородою, безпрестанно приговаривая: «вотъ такъ люблю! разомъ тебя понялъ! разомъ увидѣлъ, что ты такое! у, да надѣлаемъ же мы имъ теперь вмѣстѣ дѣла!»

— Да ну, полѣзай же! говорилъ онъ, обращаясь

къ пріятелю Антошѣ и сталкивая его съ Иваномъ Самойлычемъ.

Антоша всѣмъ тѣломъ кинулся въ обѣятія оторопѣвшаго героя нашего.

Путники очутились около одного дома, котораго окна были ярко освѣщены. Сынъ природы остановился.

— А не запечатлѣть ли намъ? спросилъ онъ, съ такимъ видомъ, какъ будто у него вдругъ родилась чрезвычайно свѣтлая и благотворная мысль: — Антоша! пріятель! другъ! вѣдь запечатлѣть? а?

И онъ мигалъ глазами вычурной вывѣскѣ, на которой въ живописномъ безпорядкѣ красовались бильярдъ, чашки, окорокъ ветчины съ воткнутою въ него вилкою и графины съ водкой.

Антоша три раза улыбнулся и шесть разъ кивнулъ головой.

— Ну, а ты? обратился сынъ природы къ Ивану Самойлычу.

— Я не знаю, бормоталъ Мичулинъ: — я забылъ... я бы съ радостью, да вотъ вѣдь забылъ....

— Антоша! другъ! про что это онъ говорить? а? вѣдь онъ про деньги, кажется, говоритъ, измѣнникъ, пррредатель!

— Ка... заговорилъ Антоша и не кончилъ, а только клюнулъ кончикомъ носа въ стѣну.

Сынъ природы сталь передъ Иваномъ Самойлычемъ, разставилъ ноги, уперся руками въ бока на подобіе ферта, взглянулъ ему въ глаза съ видомъ горько уязвленной дружбы и съ упрекомъ замоталъ головой.

— А, такъ вотъ ты каковъ, предатель! Деньги! развѣ я спрашивалъ у тебя денегъ! спрашивалъ? а? такъ вотъ я же тебя—деньги! Антоша! другъ!

И оба друга мгновенно взяли Ивана Самойлыча подъ руки и быстро потащили его вверхъ по тусклой освѣщенной лѣстнице.

Мичулинъ совсѣмъ растерялся. Онъ еще въ первый разъ видѣлъ къ себѣ столько сочувствія, столько горячей симпатіи. И въ комъ? въ людяхъ совершенно ему чужихъ, въ людяхъ, которыхъ ему довелось всего разъ только видѣть, и то мимоходомъ.

Половые засуетились. Машина заиграла.

— Эй, малый! кричалъ сынъ природы: — да что это она, братецъ, тамъ у васъ размазню какую-то играетъ! ты намъ давай барабановъ—вотъ что! э? съ барабанами есть?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ половой, бодро потряхивая кудрями.

— Отъ чего жь нѣтъ?

— Да не требуется, отвѣчалъ половой.

— Не требуется? Э, братъ, видно, къ вамъ народъ-то такой, людышки-то все такие — размазня ходятъ! Нѣтъ, братъ, мы вотъ втроемъ, мы души крѣпкія, закаленныя.... Антоша, а, Антоша! другъ! закаленныя души, а?

— О-о-охъ! жаловался сынъ природы, покручивая усы:—времена-то наши еще не пришли, а то бы чего-чего мы втроемъ не надѣлали. Слыши ты, осель! слышишь оухъ? продолжалъ онъ обращаясь къ половому:—вотъ мы втроемъ какие люди! такъ ты давай намъ барабановъ, бравуру давай—вотъ что,

понимаешь? Ну, проваливай, да неси скорѣе, что тамъ у васъ есть.

Черезъ минуту столъ былъ уставленъ бутылками, графинами и стаканами. Въ сторонѣ скромно стояла закуска.

— Ужь я таковъ есть! говорилъ сынъ природы, наливая стаканы:—я вотъ весь тутъ на ладони, что хочешь со мною дѣлай! Любишь — другъ, не любишь — Богъ съ тобою! а я ужь тутъ весь, какъ есть сынъ природы! Ни лукавства, ни хитрости!

Иванъ Самойлычъ выпилъ—горько.

— Да ну, пей же! она водка откровенная! вотъ и я откровенный! вотъ и постегали меня разъ, я все-таки откровенный—не могу, нельзя мнѣ иначе! Антоша, Антоша! продолжалъ онъ съ укоромъ:—и ты другъ послѣ этого? и тебѣ не стыдно, а? даръ природы стоить передъ тобою, и тебѣ не совѣстно? А другъ! ай-да, другъ! Ну, осрамилъ, братъ!

Антоша выпилъ однимъ разомъ...

И пили они много и долго пили. Иванъ Самойлычъ и не помнилъ счета; едва опораживалъ онъ стаканъ, какъ передъ нимъ выросталъ новый и совершенно-полный. Смутно, какъ-будто во снѣ мерещились ему тосты, предлагаемые зычнымъ голосомъ сына природы.

Иванъ Самойлычъ потерялъ всякое чувство. Онъ видѣлъ, правда, что сынъ природы какъ-будто собрался куда-то выйтти съ Антошой и что-то указывалъ на него половому, но ничего не понялъ изъ всѣхъ этихъ жестовъ и разговоровъ.

Когда онъ проснулся, на дворѣ было ужъ свѣтло.

На столѣ лежали обѣдки вчерашней закуски, стояли графины съ недопитой водкой. Въ головѣ его было тяжело, руки и ноги дрожали.

Онъ началъ припоминать себѣ проишшедшее, искалъ глазами своихъ товарищѣй, но въ комнатѣ не было никого. Внезапно въ душу его закралось тревожное сомнѣніе. «Чтѣ, если это мошенники!» подумалъ онъ: «чтѣ, если они завели меня, чтобы поужинать, да потомъ, напоивши, и оставили меня подъ залогъ?»

Эта мысль мучила его; на ципочкахъ подошелъ онъ къ двери и приложилъ ухо къ замочной скважинѣ. Въ соседней комнатѣ слышались ругающіеся голоса заспанныхъ половыхъ. Онъ вышелъ изъ засады и спросилъ шинель.

Начали искать шинель — шинели не оказалось; Ивана Самойлыча точно варомъ обдало. Половые засуетились; поднялась бѣготня, но ничто не помогало: шинель никакъ не отыскивалась.

— Да вы съ кѣмъ приходили? спросилъ буфетчикъ.

— Я не знаю; я въ первый разъ ихъ видѣлъ.

— Мошенники! Лизуны какіе-нибудь!

— Да какъ же я безъ шинели-то?

— Не знаю, отвѣчалъ буфетчикъ съ разстановкой: — ужъ видно такъ безъ шинели прідется.... ночью-то оттеплило... Да вотъ еще счетецъ не заплатили...

Языкъ Ивана Самойлыча прилипъ къ нѣбу.

— Сонъ въ руку, подумалъ онъ и всѣмъ тѣломъ атрясся.

— Такъ прощайте... я ужь таќъ, сказалъ онъ, направляясь за двери.

— А какъ же счетецъ-то? возразилъ буфетчикъ.

— Да я не знаю... это они, бормоталъ Иванъ Самойлычъ и все шелъ къ двери.

Но его не пустили; Мичулинъ вздумалъ было силой прорваться на лѣстницу; но два дюжіе парня крѣпко держали его за руки и не хотѣли никакъ выпустить. Началась борьба; отчаянье, казалось, удесятерило его силы; онъ уже заносилъ ногу за порогъ, онъ былъ ужь на лѣстницѣ, какъ вдругъ у самаго его носа, неизвѣстно откуда, выросъ удивительного размѣра городовой, а въ ушахъ пренепріятно зазвучало: «а куда ты, шарамыга, лѣзешь?»

На такую апострофу Иванъ Самойлычъ почелъ за нужное отвѣтить, что онъ вѣссе не шарамыга, а привыкъ-дескать къ обращенію деликатному и тонкому; но городовой, повидимому, и знать не хотѣлъ деликатнаго обращенія. Ему вдругъ очень ясно представилось, что шарамыга-то вѣдь грубить, тогда-какъ на-самомъ-дѣлѣ Иванъ Самойлычъ только оправдывался и объяснялъ, что вотъ-дескать такъ и такъ и больше ничего...

— А! ты еще грубить! ты еще разсуждать! Эй, кто тамъ! взять его и распорядиться!

Не успѣлъ господинъ Мичулинъ оглянуться, какъ подлѣ него очутилось три помощника, хотя и гораздо меньшихъ размѣровъ, нежели городовой. Всѣ четверо схватили его и повели на улицу.

Тщетно умолялъ Иванъ Самойлычъ городового отпустить, тщетно соблазнялъ онъ его, показывая

въ рукѣ уцѣлѣвшіе у него два двугривенныхъ....
тщетно! городовой безстрастно шелъ возлѣ, и не
только понуждалъ его за рукавъ, но даже для того,
чтобъ публично выразить свое безкорыстіе, оралъ
во все горло:

— И, чтò ты! Богъ съ тобой! да я тебя за сто
рублевъ не выпущу! Ты, братъ, знай свои порядки,
ты, братъ, слушайся, коли начальство приказы-
ваетъ — вотъ чтò.

А народу собралась цѣлая толпа, а въ толпѣ-то
смѣхъ, въ толпѣ-то веселье! взяли-дескать барина
въ нѣмецкомъ платьѣ!

— Эвося! говорить бородатый молодецъ, уже под-
нявшій-было полу своего бараньяго тулуна, чтобъ
утереть носъ, и оставшійся въ положеніи совершен-
наго изумленія:—глянька, братъ, Ванюха! глянька,
кургузаго ведутъ!...

— Чтó, видно, ваша милость прогуливаться изво-
лите? подхватываетъ другой, тоже, по-видимому,
очень-бойкій молодецъ.

— Ги-ги-ги! отозвался известный Ивану Самой-
лычу голосъ дѣвушки, жившій своими трудами.

— Наше вамъ почтеніе! подхватилъ близъ-стояв-
шій блокурый студентъ.

— Ха, ха, ха! раздалось въ толпѣ.

Мичулинъ былъ ни живъ, ни мертвъ. Что скажутъ объ немъ знакомые? а знакомые непремѣнно
всѣ тутъ, стоять- себѣ рядомъ и смотрѣть ему прямо
въ лицо... Что скажетъ Наденька? а Наденька не-
премѣнно здѣсь, и ужъ навѣрное думаетъ, что онъ,
позабывши, сходилъ за платкомъ, вмѣсто своего,

въ чужой карманъ... О! это очень горестно!.. И онъ снова вынималъ изъ кармана завѣтные двугривенные, снова перевертывалъ ихъ въ глазахъ городоваго, стараясь, чтобы на нихъ ударила какъ-нибудь солнечный лучъ и сообщилъ имъ ослѣпительный, непрозрачный блескъ.

Наконецъ его втолкнули въ какую-то темную, преисполненную тараканами каморку; но и тутъ заклятые гонители не оставили его.

— Отпустите меня! жалобнымъ голосомъ вопіялъ Иванъ Самойлычъ одному изъ приставниковъ своихъ, называвшемуся Мазулей: — голубчикъ! почтеннѣйший! отпустите меня! Ужъ я послѣ отблагодарю васъ, почтеннѣйший! Вѣчно, всю жизнь буду вамъ благодаренъ, голубчикъ!... Посудите сами: вѣдь я не какой-нибудь...

— Ахъ, другъ ты, право, дру-угъ! отвѣчалъ Мазуля тономъ, впрочемъ довольно мягкимъ: — ну, чего ты просишь, душа ты безпardonная! порядковъ ты не знаешь, дру-угъ! Ты сади-ись! ты на народъ посмотри! вѣдь тебя потреплють, потреплють — да и маршъ! Вотъ что! дру-угъ! то-то, другъ ты! душа безпardonная! а вѣдь миѣ...

И сердобольный наставникъ обратился къ окошку.

— Бородáукинъ! а Бородáукинъ! кричалъ онъ стоявшему снаружи товарищу: — куда, братъ, рожокъ-то спрятать? смерть хочется — носъ совсѣмъ свело! То-то, дру-угъ, порядковъ-то ты не знаешь! ахти-хти!

Дверь отворилась, и просунутая дружелюбною

рукою Бородавкина тавлинка открыла дары свои охотнику до сильныхъ ощущеній Мазулъ.

— Да чѣмъ же все это кончится? спрашивалъ сквозь слезы Иванъ Самойлычъ.

— Извѣстно чѣмъ! отвѣчалъ Мазуля флегматически: — иззвѣстно чѣмъ! наѣбольшій раза два стукнеть да и отпустить — вотъ чѣмъ!

Наступило молчаніе.

— А можетъ и три стукнеть! какъ ему вздумаетъ! сказалъ наставникъ, подумавъ немного.

Новое молчаніе.

Иванъ Самойлычъ былъ въ самомъ мучительномъ положеніи. Чѣмъ жь онъ въ-самомъ-дѣлѣ такое, что его судьба такъ неумолимо преслѣдуется? Ужъ не принцъ ли онъ какой-нибудь, свергнутый съ престола посредствомъ крамолы властолюбиваго царевворца и скитающійся теперь инкогнито? Но въ такомъ случаѣ онъ былъ готовъ сейчасъ же, и за себя и за своихъ наследниковъ отказаться отъ всякихъ претензій на всѣ возможныя блага, только оставили бы его въ покой въ эту минуту.

А между-тѣмъ вошелъ и Бородавкинъ. О, какъ жестокъ онъ былъ съ Иваномъ Самойлычомъ! какъ презрительно и обидно обращался онъ съ нимъ! И первымъ оскорблениемъ было то, что онъ, безъ всякихъ церемоній, сталъ скидать передъ нимъ свое платье, и въ сотый разъ не узналь своей шинели, хотя въ сотый разъ ужъ держалъ ее у себя въ рукахъ; въ сотый разъ оглядывалъ и перевертывалъ ее на всѣ стороны — и все-таки никакъ не могъ узнатъ, и снова искалъ и снова не находилъ.

— Да гдѣ же она? спрашивалъ онъ самъ себя, прибавивъ къ этому нѣсколько рѣзкое выраженіе:— да куда жь она подѣвалась, распроклятая?

— Да она у васъ въ рукахъ! осмѣлился замѣтить Иванъ Самойлычъ, но осмѣлился чрезвычайно робко и мягко, какъ-будто-бы дѣлалъ страшное преступленіе.

— Въ рукахъ? ворчалъ Бородавкинъ себѣ подъ носъ, какъ-будто и не слыхалъ, что замѣчаніе исходило со стороны Ивана Самойлыча: — а кто ее знаетъ! можетъ, и въ рукахъ! Вотъ какъ не нужно ее, распроклятую — такъ и лѣзеть, такъ и лѣзеть! глаза колетъ! а какъ нужда—тутъ ея и нѣть! Право, такъ! Хитеръ, лукавъ нынче сдѣлался народъ! Ну, полѣзай! да полѣзай же, тебѣ говорятъ!

— Да когда же все это кончится? спросилъ Мичулинъ..

Бородавкинъ пристально взглянулъ на него и отвернулся.

— Чѣмъ же я виноватъ? посудите сами! Вѣдь я ничего, право, ничего.....

Бородавкинъ не отвѣчалъ.

— Да чѣмъ же все это кончится? снова вопіялъ Иванъ Самойлычъ.

— Ты садись! проговорилъ Бородавкинъ лаконически.

— Посудите сами, почтеннѣйшій! вѣдь я, просто, такъ... за что жь?

— Ты, братъ, совсѣмъ, какъ малый ребенокъ! возразилъ Бородавкинъ:—ничего ты не понимаешь, никакого порядка! Ну, чего ты хнычешь? садись?

— Да посудите же сами, голубчикъ... вѣдь я че-
ловѣкъ образованный...

— Образованный! ну, какой же ты образован-
ный, коли порядковъ не знаешь, набольшему согру-
биль? А образованный! да ты садись, а я съ то-
бой и говорить-то не буду, и слушать-то тебя не
хочу!

И Бородавкинъ погрузился въ размышленія.

— Вѣдь мнѣ, братъ, — вотъ что! сказалъ онъ
подобно Мазулѣ, подумавъ нѣсколько времени.

Наконецъ, Ивана Самойлыча повели; проводники
снова шли по сторонамъ. Вели его что-то долго,
очень-долго; на дорогѣ встрѣчались разныя лица,
которые оборачивались и насмѣшливо поглядывали
на блѣднаго и чуть-живаго отъ стыда героя этой
повѣсти.

— Должно быть — мошенникъ! говорилъ Франтъ
въ коричневомъ пальто и съ столь же коричневымъ
носомъ.

— А, можетъ-быть, и государственный преступ-
никъ! отвѣчалъ господинъ съ подозрительною фи-
зіономіей, безпрестанно оглядывавшійся назадъ.

— Мошенникъ! я вамъ говорю — мошенникъ!
вразило съ жаромъ коричневое пальто: — просто,
платки воровалъ! Посмотрите, что за рожа! За ни-
что, изъ одного удовольствія готовъ зарѣзать чело-
вѣка... у! воровская душа!

Но подозрительный господинъ не угомонился и
все-таки стоялъ на своемъ, что это долженъ быть
важный государственный преступникъ.

Много мудрыхъ рѣчей слыхалъ Иванъ Самойлычъ

во время земного странствия своего; много полезныхъ житейскихъ совѣтовъ прошло черезъ слуховой его органъ; но, по истинѣ, ничего подобного не могло даже и представить себѣ не совсѣмъ бойкое его воображеніе — тому, что изрекли уста наиболѣшаго. Рѣчь его была проста и безъискусственна, какъ сама истина, а между тѣмъ не лишена и нѣкоторой соли, и съ этой стороны походила на вымыселъ, такъ что представляла собою одинъ величественный синтезъ, соединеніе истины и басни, простоты и украшеннаго блестками поэзіи вымысла.

— Ахъ, молодой человѣкъ! молодой человѣкъ, говорилъ наиболѣший: — ты подумай, что ты сдѣлалъ! ты вникни въ свой поступокъ, да не по поверхности скользи, а сойди въ самую глубину своей совѣсти! Ахъ, молодой человѣкъ! молодой человѣкъ!

И дѣйствительно, Иванъ Самойловъ вникнулъ, и какъ-то вдругъ ему представилось, что онъ и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ ужасно гнусное преступленіе.

— Да ужь что жь дѣлать! отвѣчалъ онъ, внезапно подавленный могучею силою угрозеній совѣсти: — ужь это грѣхъ такой случился! ужь вы меня простите великодушно! право, простите!

Но наиболѣший быстрыми шагами заходилъ по комнатѣ, вѣроятно, придумывая, какъ бы этаکъ вновь еще болѣе убѣдить своего подсудимаго и окончательно вызвать въ немъ пробужденіе закоснѣвшей совѣсти.

— Ахъ, молодой человѣкъ! молодой человѣкъ! сказалъ онъ, спустя нѣсколько минутъ.

И снова зашагалъ по комнатѣ.

— Вы извольте сами милостиво разсудить, началь, между тѣмъ, Иванъ Самойлычъ: — вѣдь я человѣкъ благовоспитанный и одѣтъ кажется, какъ слѣдуетъ благовоспитанному человѣку, а не то, чтобы какой-нибудь мужикъ!

— Ахъ, молодой человѣкъ! молодой человѣкъ! возразилъ наѣбольшій таинственнымъ голосомъ и покачивая головой, какъ-будто въ одно и то же время и удивлялся неопытности Мичулина и хотѣлъ ему сообщить что-то чрезвычайно секретное: — то-то вотъ! неопытность! да вы не знаете, какія дѣла на свѣтѣ дѣлаются! да иной съ бобромъ, сударь, ходитъ! по-французски, по-немецки и чортъ его знаетъ еще по-каковски — а плутъ! мошенникъ, сударь! естественнѣйший мошенникъ! Ахъ, молодой человѣкъ! молодой человѣкъ!

Иванъ Самойлычъ снова понурилъ голову, и снова наѣбольшій зашагалъ по комната.

— Что же мнѣ съ вами дѣлать? спросилъ наѣбольшій послѣ краткаго размышленія.

— Да ужь будьте великодушны! простите! замѣтилъ Иванъ Самойлычъ.

— Право, не знаю! истинно вамъ говорю — въ презатруднительное поставили вы меня положеніе! Съ одной стороны, и васъ жаль: думаешь, ни за грошъ пропадеть, по неопытности своей, молодой человѣкъ! а съ другой стороны — примѣръ нуженъ, долгъ повелѣваетъ!.. наша обязанность... о, вы не знаете, что такое наша обязанность!

Мичулинъ согласился, что обязанность, дѣйстви-

тельно, отвѣтственная, но все-таки просилъ вели-
кодушно отпустить его.

— Ужь развѣ для такого дня? сказалъ наѣбольшій
вѣ видѣ предположенія (день былъ, повидимому,
торжественный).

— Да, ужь хоть для дня-то!

— Право, не знаю... дѣло-то оно такое затруд-
нительное...

И наѣбольшій снова началъ шагать, все обдумы-
вая, какъ бы ему выйтіи изъ затруднительного по-
ложенія.

— Ну, да ужь Богъ съ вами — была не была! —
отвѣчу передъ Богомъ; ужь, видно, дѣлать нечего —
правъ у меня такой!.. то есть, повѣрите ли, послѣд-
нюю рубашку готовъ съ себя снять, а ближняго
безъ рубашки не оставлю... нѣть!

Иванъ Самойлычъ, съ своей стороны, отвѣчалъ,
что онъ готовъ снять съ себя послѣднюю рубашку,
чтобы выразить господину наѣбольшему свою чув-
ствительнѣйшую благодарность, но что ужь пом-
нить оказанное благодѣяніе станеть по гробъ, будьте
вѣ томъ увѣрены!

— Что мнѣ ваша память! отвѣчалъ наѣбольшій со
вздохомъ: — что мнѣ благодарность ваша? Спокой-
ствие совѣсти — вотъ гдѣ награда! Ахъ, молодой
человѣкъ! молодой человѣкъ!

IX.

Незамѣченный никѣмъ пробрался Иванъ Самой-
лычъ вѣ свою уединенную комнату. Не сказавъ

никому ни слова о случившемся съ нимъ происшествіи, заперъ онъ дверь и задумался, горько задумался... Происшествіе окончательно доконало его. А тутъ еще и лихорадка бѣть, и мысли такія въ голову лѣзутъ... тяжко, совсѣмъ тяжко жить на свѣтѣ!.. А лихородка все бѣть! а мысли все лѣзутъ, все лѣзутъ!

И Мичулинъ думалъ, думалъ... пока не пришелъ къ нему рыжій, плечистый мужикъ съ огненною бородою, и не сталъ настоятельно требовать удовлетворенія; за мужикомъ кидалась на него, показывая самые страшные и длинные когти, Наденька и тоже искала удовлетворенія... Иванъ Самойлычъ совсѣмъ растерялся, тѣмъ болѣе, что надъ всѣмъ этимъ хаосомъ возвышалось безконечное на безконечно-маленькихъ ножкахъ, совершенно-подгибавшихся подъ огромною, подавлявшую ихъ тяжестью. Но всего обиднѣе то, что, взглядываясь въ это страшное, всепоглощающее безконечное, онъ ясно увидѣлъ, что оно не что иное, какъ воплощеніе того же самаго страшнаго вопроса, который такъ мучительно и настойчиво пыталъ его горькую участъ.

И въ-самомъ-дѣлѣ, безконечное такъ странно и двусмысленно улыбалось, глядя на это конечное существо, которое подъ фирмою «Иванъ Самойловъ Мичулинъ», пресмыкалось у ногъ его, что бѣдный человѣкъ оробѣлъ и потерялся въ конецъ...

— Погоди же, съиграю я съ тобой штуку! говорило безконечное, подпрыгивая на упругихъ ножкахъ своихъ: ты хочешь знать, что ты такое? изволь: я подниму завѣсу, скрывающую отъ тебя

таинственную действительность, — смотри и любуйся!

И действительно, разомъ очутился Иванъ Самойловичъ въ пространствѣ и во времени, въ совершенно-неизвѣстномъ ему государствѣ, въ совершенно-неизвѣстную эпоху, окруженный густымъ и непроницаемымъ туманомъ. Вглядываясь, однажды, пристальнѣе, онъ не безъ удивленія замѣтилъ, что изъ тумана вдругъ начинаетъ отдѣляться безчисленное множество колоннъ, и что колонны эти, принимая къ верху все болѣе и болѣе наклонное положеніе, соединяются наконецъ въ одной общей вершинѣ и составляютъ совершенно правильную пирамиду. Но каково же было изумленіе бѣднаго смертнаго, когда онъ, подойдя къ этому странному зданію, увидѣлъ, что образующія его колонны сдѣланы вовсе не изъ гранита, или какого-нибудь подобнаго минерала, а всѣ составлены изъ такихъ же людей, какъ и онъ, только различныхъ цвѣтовъ и формъ, чтѣ, впрочемъ, сообщало всей пирамидѣ пріятный для глазъ характеръ разнообразія.

И вдругъ замелькали ему въ глаза различныя знакомыя лица: вонъ и Беобахтеръ, философіи кандидатъ, съ гитарою въ рукахъ, вращающейся безсознательно въ одной изъ колоннъ; вонъ и занимающейся литературою Ваня Мараевъ, мужчина статный и красивый, но съ нѣсколько-пьяными глазами; и всѣ эти знакомыя лица такъ низко стоять, такъ безсознательно, безлично улыбаются, завидѣвъ Ивана Самойловича, что ему стало совѣстно и за нихъ и даже за самого себя, что могъ онъ водить зна-

комство съ такими ничтожными, нестоющими плевка людьми.

— А что, если и я... подумалъ онъ, да и не додумалъ, потому-что мысль его замерзла на полови-нѣ пути: такъ испугался онъ, вдругъ вспомнивъ, что этакъ и себя можетъ, пожалуй, увидѣть въ не-совсѣмъ затѣйливомъ положеніи...

И какъ нарочно, огромная пирамида, до-тѣхъ-поръ показывавшая ему, одну за другою, всѣ свои стороны, вдругъ остановилась. Кровь несчастнаго застыла въ жилахъ, дыханье занялось въ груди, голова закружилась, когда онъ увидѣлъ въ самомъ низу необыкновенно-объемистаго столба такого же Ивана Самойлыча, какъ и онъ самъ, но въ такомъ бѣдственномъ и странномъ положеніи, что глазамъ не хотѣлось вѣрить. И дѣйствительно, стоявшая передъ нимъ масса представляла любопытное зрѣлище: она вся была составлена изъ безчисленнаго множества людей, одинъ на другого насаженныхъ, такъ-что голова Ивана Самойлыча была такъ изуродована тяготѣвшемъ надъ нею тяжестью, что лишилась даже признаковъ своего человѣческаго характера, а часть, называемая черепомъ, даже обратилась въ совершенное ничтожество и была окончательно выписана изъ наличности. Вообщѣ, во всей фигурѣ этого страннаго, миѳического Мичулина выражался такой умственный пауперизмъ, такое нравственное нищенство, что настоящему, издали наблюдавшему Мичулину сдѣлалось и тѣсно и тяжко, и онъ съ силою устремилъся, чтобы вырвать своего страждущаго двойника изъ-подъ гнетущей его

тижести. Но какая-то страшная сила приковывала его къ одному мѣсту, и онъ, со слезами на глазахъ и гложущею тоскою въ сердцѣ, обратилъ взоръ свой выше.

И чѣмъ выше забирался этотъ взоръ, тѣмъ оконченнѣе казались Ивану Самойлычу люди . . .

Онъ самъ теперь чувствовалъ, какъ страшная тяжесть давила его голову; онъ чувствовалъ, какъ, одно за другимъ, пропадали тѣ качества, которыя дѣлали изъ него человѣческій образъ... Холодный потъ обливалъ его тѣло; дыханіе замерло въ груди; волосы, одинъ за другимъ, шевелились и вставали; весь организмъ трепеталъ въ паническомъ ожиданіи чего-то неслыханного... Онъ сдѣлалъ отчаянное, непомѣрное усилие, и... проснулся.

Вокругъ постели его въ глубокомысленномъ безмолвіи стояли всѣ жильцы Шарлотты Готлибовны. Первымъ предметомъ, особенно поразившимъ его отяжелѣвшіе отъ сна глаза, была Наденька Ручкина, та самая гордая и непоколебимая Наденька, которая столько разъ говорила ему, что ужь если она что сказала — такъ ужь сказала, и слова своего не перемѣнить ни въ жизнь, и которая въ настоящую минуту сидѣла на его постели и заботливо укутывала ему ноги. Это отрадное явленіе въ одну минуту такъ поглотило все его вниманіе, что онъ забылъ все окружающее; въ душѣ его вдругъ мелькнуло нѣчто похожее на миражъ, и въ воображеніи незамѣтно начала рисоваться тихая, но полная счастія семейная жизнь съ любящею и любимою женою, съ

ненаглядными дѣтьми... Онъ ужь хотѣлъ-было весело и бодро вскочить съ постели, чтобы поцаловать эти розовыя губки, самыя розовыя, какія только возможно встрѣтить на цѣлой поверхности земнаго шара, и потомъ, ловко подмигнувъ однимъ глазомъ и посмотрѣвъ подъ постель сперва съ одной, а потомъ и съ другой стороны, тутъ же сказать, какъ и подобаетъ ласковому отцу семейства: «а куда спрятался этотъ плутъ-мальчикъ Коко, или эта хитрая дѣвочка Варенька...»; все это уже мелькнуло-было въ душѣ Ивана Самойлыча, какъ вдругъ глазамъ его представилась дѣйствительность—дѣйствительность самая нагая и безотрадная, какую только можно было себѣ вообразить; однимъ словомъ, дѣйствительность, составленная изъ Шарлотты Готлибовны, Ивана Макарыча, господина Беобахтера и Алексиса Звонского.

— А мы-было думали, что тебѣ ужь того... карачунъ пришелъ! заревѣлъ какъ изъ бочки сиплый басъ друга и пріятеля Ивана Макарыча надъ самымъ ухомъ Мичулина.

— Да, именно ми думаль, что вамъ ужь совсѣмъ карачунъ, отозвалась тощая фигура Шарлотты Готлибовны, томно опираясь на мощное плечо Пере-жиги.

— Смотря на васъ въ эту минуту, я понялъ, на-конецъ, загадку жизни! Я видѣлъ блѣдную смерть, махающую неумолимымъ лезвеемъ косы своей... О, это была страшная, торжественная минута! Миѣ представлялась эта блѣдная смерть... *pallida mors...* вы читали Гораций, Иванъ Самойлычъ?

Такъ проговорилъ свое привѣтствіе господинъ Беобахтеръ, но проговорилъ его такимъ сладкимъ и пріятнымъ голосомъ, какъ-будто-бы дѣло шло о венци самой обыкновенной.

— Да, мы думали, что вы ужъ совсѣмъ умерли! отозвался съ своей стороны апатически-лаконической Алексеисъ.

Иванъ Самойлычъ благодарилъ сосѣдей за участіе, говорилъ имъ, что онъ еще совершенно живъ, въ доказательство чего и начинать-было подниматься съ постели. Но онъ не могъ; голова его горѣла, въ глазахъ было мутно, силы ослабли, и какъ ни старался онъ казаться бодрымъ и свѣжимъ, а поневолѣ долженъ быть снова опуститься на подушку.

— Благодари, братъ, Бога, что ты еще не окончѣлъ и что тутъ не было квартального надзирателя! заревѣль снова Иванъ Макарычъ и протянулъ ужъ руку, чтобы ударить больнаго, въ знакъ сочувствія, по плечу, и непремѣнно ударилъ бы, еслибъ не удержала его Наденька.

— Квартальный надзиратель? прошепталъ Иванъ Самойлычъ едва внятнымъ голосомъ.— А что, развѣ я что-нибудь... того?

— Да, братъ; ужъ извѣстно... того.

— О, ви очень вольна мисль дѣлалъ! прервала Шарлотта Готлибовна.

— То-есть, просто, донеси я или кто нибудь другой, просто, найдись какая-нибудь этаکая шельма, христопрода́вецъ — озолотятъ, ей-Богу, озолотятъ! Не будь я Иванъ Пережига!.. ну, а тебя, извѣстно,

на казенную квартиру съ отоплениемъ и освѣщениемъ... ха, ха, ха! Такъ ли, Шарлотта Готлибовна?

— О, ви очень любезни кавалиръ, Иванъ Макаревичъ.

— Да, это ужасно! быть закованнымъ въ тяжелыя цѣпи, осужденнымъ на вѣчную тьму, вѣчно видѣть одно и то же сухое и прозаическое лицо темничнаго стражи, слышать, какъ капля по каплѣ вытекаетъ ваша жизнь!.. о, это ужасно!.. сказалъ господинъ Беобахтеръ, особенно нѣжно напирая на слова: «капля по каплѣ».

— Ужь какъ пошель, братъ, по мечтанію, снова замѣтилъ Иванъ Макарычъ:—да началь вывертывать въ головѣ разныя этакія штуки, такъ тутъ ужь, братъ, адье монъ плезиръ, пиши пропало.... Вотъ я про себя скажу: я въ жизнь свою никогда не мечталъ, а поди-то, поищи другаго такого молодца...

Шарлотта Готлибовна зардѣлась.

— Ну, такъ что жь ты не встаешь? продолжалъ онъ, обращаясь къ Мичулину и сильно тряся его за руку: — не спать же въ-самомъ-дѣлѣ цѣлый день! Не бойсь, раскисъ, укачали тебя домовые-то? Эка баба! просто, даже смотрѣть на тебя противно!

Но Иванъ Самойлычъ молчалъ; блѣдный какъ полотно лежалъ онъ безъ всякаго движенія на постели; пульсъ его бился слабо и медленно; во всемъ существѣ своемъ ощущалъ онъ какую-то небывалую, болѣзненную слабость.

Наденька Ручкина наклонилась къ нему и, взявъ его за руку, спросила, не нужно ли ему чего-нибудь,

что онъ чувствуетъ, и такъ далѣе, какъ обыкновенно спрашиваютъ сердобольныя молодыя дѣвушки.

— Я не знаю... мнѣ больно! чуть слышно отвѣчалъ Иванъ Самойлычъ: — мнѣ очень больно...

— А! не бойсь, и языкъ развязался, ревѣль между тѣмъ Пережига: — не бойсь, расшевелился, какъ женскій-то поль подошелъ!

— Оставьте меня... я болѣнъ! шепталъ Иванъ Самойлычъ умоляющимъ голосомъ.

— Да, и въ-самомъ-дѣлѣ, пусть его тутъ бабится! Милости просимъ, господа, ко мнѣ!

Иванъ Самойлычъ остался одинъ-на-одинъ съ Наденькой: глаза его неподвижно были устремлены на нее; блѣдное, худое лицо выражало непереносное страданіе; медленно взялъ онъ ея руку и долго-долго прижималъ къ губамъ своимъ.

— Наденька! добрая! сказалъ онъ прерывающимся голосомъ: — поцалуй меня... въ первый и въ послѣдній разъ!..

Наденька изумилась. По свойственной ей подозрительности, она начала ужъ-было смекать, что все это не даромъ, что все это штука, что онъ хочетъ только усыпить ея бдительность; но когда она взглянула на это измѣженное лицо, на эти глаза, обращенные къ ней съ мольбою и ожиданіемъ, ей вдругъ стало какъ-то совсѣмъ своихъ подозрѣній; маленькому сердцу ея сдѣлалось и тѣсно и неловко, а притомъ и слеза, самая миньятюрная, крохотная слеза, какъ-то совершенно-нечаянно навернулась на глаза и упала съ ея глазъ на раскрытую грудь Мичулина.

Дѣлать нѣчего, Наденька отерла слезу, наклонилась и поцаловала больнаго. Лицо Ивана Самойлыча улыбнулось.

— Что это съ вами, Иванъ Самойлычъ? спросила Наденька: — вѣрно вы простудились?

— Охъ, нѣтъ! это все то... все по тому дѣлу... помните, по которому я къ вамъ приходилъ?

— А что, развѣ оно важное какое-нибудь дѣло, что такъ разстроило васъ?

— Да; оно, знаете... дѣло капитальное!.. А какъ мнѣ больно-то, больно-то, еслибы вы знали!

Наденька покачала головкой.

— Не послать ли за лекаремъ, Иванъ Самойлычъ?

— За лекаремъ?.. да, оно бы не худо! можетъ, что нибудь и прописалъ бы... а, впрочемъ, зачѣмъ? вѣдь дѣла-то онъ мнѣ все-таки не объяснить!... нѣтъ, не нужно лекаря!

— Да, по-крайней-мѣрѣ, онъ помогъ бы вамъ, Иванъ Самойлычъ.

— Нѣтъ, ужь это пустое дѣло, Наденька, самое пустое! я вамъ говорю, я знаю... Оно, можетъ статься, и поможетъ, да толку-то въ этомъ что будеть! Ну, выздоровлю... а потомъ-то?... нѣтъ, не надо лекаря...

Наденька молчала.

— Да, къ тому же, лекарю-то вѣдь нужно дѣнегъ; къ бѣдному хорошій-то и пойдти не захочетъ... вотъ оно что! а какой попадется-то — Христосъ съ нимъ! только измучить... лучше ужь такъ умереть!

Въ это время дверь съ шумомъ отворилась и въ

комнату ввалилась дебелая фигура Пережиги съ штофомъ въ одной и рюмкою въ другой рукъ.

— А вотъ, хвати-ко, друже, бальзамчику! ревѣль знакомый Иванъ Самойлычъ голося: — это, братъ, знаешь какъ душу отведеть, ей-Богу, отведеть!.. А умрешь, такъ, видно, такъ ужъ оно быть должно, видно, такъ ужъ и Богу угодно! ну-ка, выпей. Да не морщись же, баба!

И Мичулинъ съ ужасомъ видѣлъ, какъ дрожащая и невѣрная отъ частыхъ жертвъ Бахусу рука Пережиги наполняла рюмку жгучимъ какъ огонь составомъ, заключавшимся въ графинѣ. Онъ началь-было отказываться, говорилъ, что ему легче, что онъ слава Богу, но тщетно: рюмка была уже налита, да притомъ же и Наденька своимъ мягкимъ голоскомъ убѣждала его попробовать, авось-дескать отъ этого немного и полегчить ему. Не переводя духу, выпилъ Иванъ Самойлычъ поданную водку и почти безъ чувствъ упалъ на постель.

— Эка водка! эка воръ-водка! говорилъ между тѣмъ другъ и приятель Иванъ Макарычъ, глядя на искашенное конвульсіями лицо Мичулина: — экъ ее забираетъ, экъ забираетъ! у, бестіанская водка! еще какъ онъ не захлебнулся! право, такъ! живучъ, живучъ! а вѣдь въ чемъ душа держится!

И Пережига съ самодовольною улыбкою любовался изнеможенiemъ и страданіями Ивана Самойлыча, какъ-будто хотѣлъ сказать ему: — «а что, братъ! задалъ я тебѣ задачу? посмотримъ, какъ-то ты пзъ нея выпутаешься... а живучъ! живучъ!»

Дѣйствительно, выпутаться было ужъ довольно

трудно. Наденька побежала за докторомъ и вскорѣ привела какого-то нѣмца нѣсколько навеселѣ, безпрестанно нюхавшаго табакъ и плевавшаго во всѣ стороны. Лекарь подошелъ къ больному, долго и съ напряженiemъ щупалъ ему пульсъ, какъ-будто хотѣлъ провертѣть у него въ рукѣ диру, и покачаль головой; велѣлъ высунуть языкъ, осмотрѣлъ и тоже покачаль головой; потомъ понюхалъ табаку, снова пощупалъ пульсъ и пристально осмотрѣлъ языкъ.

— Schlecht, сказалъ докторъ въ раздумыи.

— Чѣмъ жь? есть ли какая-нибудь надежда? спросила Наденька.

— О, никакой! и не полагайте! а, впрочемъ, поднимите пациенту голову...

Голову подняли.

— Гм, никакой надежды! ужъ вы повѣрьте, я ужъ знаю!... вы давали ему что-нибудь?

— Да, Иванъ Макарычъ давалъ ему водки.

— Водки? schlecht, sehr schlecht... а есть у васъ водка?

— Не знаю; спрошу у Ивана Макарыча.

— Нѣть, не нужно: я такъ, болѣе изъ любопытства... а, впрочемъ, ужъ если есть, такъ отъ-чего и не выпить?

Наденька вышла и минутъ черезъ пять воротилась съ графиномъ.

— Водка очень-часто здорово, а очень-часто и вредно, глубокомысленно замѣтилъ медикъ.

— Что жь, умереть что ли надо? робко и едва слышно спросилъ Иванъ Самойлычъ.

— Да ужь это будьте покойны! умрете, непремѣнно умрете!

— А скоро? снова спросилъ больной.

— Да этакъ часа черезъ два, черезъ три надо будетъ... Прощайте, почтеннѣйшій; желаю вамъ покойной ночи!

Однако ночь была неспокойна. По-временамъ больной, дѣйствительно, засыпалъ, но потомъ внезапно вскакивалъ съ постели, хваталъ себя за голову и жалобнымъ голосомъ спрашивалъ у Наденьки, куда дѣвался его мозгъ, зачѣмъ сдавили у него душу, и пр. На это Наденька отвѣчала, что головка его цѣла, — слава Богу, а вотъ-моль не хочется ли ему выпить ромашки — такъ ромашка есть. И онъ бралъ чашку въ руку и безпрекословно выпивалъ ромашку.

На другой день къ обѣду, ему сдѣлалось какъ-будто и полегче: онъ былъ спокоенъ и хотя очень слабъ, но могъ однакоже говорить. Онъ бралъ у Наденьки руки, прижималъ ихъ къ сердцу, целовалъ ихъ, прижималъ къ глазамъ, ко лбу, и пла-каль... тихими, сладкими слезами плакалъ.

И Наденькѣ съ своей стороны тоже было жаль его. Впервые она какъ-будто поняла, что въ ея глазахъ умираетъ человѣкъ, что этотъ человѣкъ любилъ ее, а она жостко и непріязненно оттолкнула его отъ себя. Кто знаетъ, что причиною этой смерти? Кто знаетъ, можетъ-быть, онъ былъ бы и здоровъ и веселъ, если бы... о, если бы ты взглянуло, доброе, чудное существо, взглянуло глазами состраданія и сочувствія на это обращенное къ тебѣ лицо!

если бы ты могло уронить хоть одинъ лучъ любви на эту бѣдную, истерзанную горемъ и нуждою душу! о, если бы это было возможно!

— Послушайте, говорилъ, между тѣмъ, Иванъ Самойлычъ, взявъ ее за руку: — вы забудьте, что я надоѣдалъ вамъ, что я оскорблялъ васъ.... Оно, конечно, я много и много виноватъ, да вѣдь что жъ дѣлать? вѣдь я одинъ, Наденька, совсѣмъ одинъ.... Вѣдь я же не виноватъ, что не красивъ и не ученъ, что же мнѣ съ этимъ дѣлать? Разумѣется, и вы не виноваты, что не могли любить меня...

Больной съ трудомъ перевелъ дыханіе, грустно посмотрѣлъ онъ въ лицо Наденьки, но Наденька молчала и, опустивъ глаза, смотрѣла въ землю.

— Думается мнѣ однажды, снова началъ Иванъ Самойлычъ слабымъ голосомъ: — что еслибъ съ дѣтства... въ то время, когда и кровь-то въ насъ тепла, если-бъ въ то время, не положили меня подъ прессъ да не заковали, такъ, можетъ, и вышло бы что нибудь изъ меня... Воспитали-то меня такъ, что ни къ чему не годенъ я сдѣлался... съ дѣтства такъ вели, какъ-будто и цѣлый вѣкъ долженъ былъ малоумнымъ остаться, да на помочахъ ходить.... Вотъ какъ пришлось трудомъ кусокъ себѣ добыть — и негдѣ и не чѣмъ... Да и тутъ, право, не знаю, винить ли мнѣ кого-нибудь... отецъ мой человѣкъ стараго вѣка и необразованный, мать — тоже: они не виноваты, что не видали...

— А можетъ-быть я и самъ во всемъ виноватъ, продолжалъ онъ чрезъ минуту: — потому что вѣдь Богъ далъ мнѣ волю, а я дѣйствовалъ какъ грубое

животное!.. Да, я виновать, да и не передъ собою однимъ виноватъ, а еще и Богу отвѣтъ дамъ, что допустилъ такъ насмѣяться надъ собою... А впрочемъ, и тутъ опять-таки еще Богъ знаетъ, могъ ли бы я что нибудь сдѣлать одинъ.

И снова умолкъ Иванъ Самойлычъ, и снова, поступивъ глазки, ничего не отвѣчала Наденька.

— Такъ вотъ такъ-то, Наденька! продолжаль больной: — часто мы и сами во всемъ виноваты, а другихъ винимъ!

. . . . . Вотъ это-то дѣло, оно-то и сгубило меня, Наденька! въ немъ-то именно и смерть моя! а совсѣмъ не въ томъ, будто-бы я простудился... Простудиться можетъ тѣло, простуду можно вылечить, а вотъ какъ душа-то больна, какъ сердце-то ноетъ да стонетъ, вотъ тогда-то страшно, Наденька! не дай Богъ, какъ страшно!..

Онъ замолчалъ; Наденька задумчиво опустила головку и долго о чёмъ-то размышила. Думалось ли ей, что, дѣйствительно, самъ виноватъ Иванъ Самойлычъ въ томъ, что дозволилъ обстоятельствамъ до такой степени лишить себя всякой бодрости, или она оправдывала его тѣмъ, что обстоятельства все-таки обстоятельства, какъ ни борись противъ нихъ... Это ли, другое ли ей думалось, дѣло въ томъ, что какъ-то грустно, необычайно-грустно сдѣлалось бѣдной дѣвушкѣ. Можетъ-быть, къ этимъ мыслямъ присоединилась другая, не менѣе горькая и безвыходная мысль — мысль ея собственного безотраднаго, чреватаго лишеніями и трудомъ будущаго, та мысль,

что и она находится въ подобномъ же положеніи и она должна бороться... вѣчно и упорно бороться!... И она забыла и объ Иванъ Самойлычъ, и объ апатически-лаконическомъ Алексисъ; въ воспоминаніи ея вдругъ мелькнула деревенская избушка, старый господскій домъ, запущенный садъ съ поросшими правою дорожками, рѣка, вяло и какъ-будто нѣхотя катившая свои сонные волны въ какое-то далекое, невѣдомое государство; стая утокъ, апатически полоскавшаяся въ водѣ; толпа грязныхъ и оборванныхъ ребятишекъ, столь же апатически копавшаяся въ грязи и навозѣ... Но все это такъ живо, такъ быстро воскресло въ ея памяти, такъ быстро, одинъ за другимъ смынялись—и сосновый, синѣюЩій вдали лѣсъ, и вспаханныя борозды полей, и старая деревянная церковь... Лучше ли ей было тогда? лучше ли, чище ли сама она была въ то время?.. Лучше ли было бы, если бы вдругъ, по какому-нибудь волшебному случаю, ей снова пришлось воротиться къ этой давно прошедшей, давно ужъ изгладившейся изъ памяти жизни?..

А между-тѣмъ на дворѣ ужъ и смерклось; въ комнатѣ тихо, ни шороха, ни звука; Наденька подумала, что Иванъ Самойлычъ заснулъ и вознамѣрилась идти въ свою комнату. Но передъ уходомъ, чтобы ближе удостовѣриться, дѣйствительноли спитъ больной, она наклонилась къ нему и начала прислушиваться къ его дыханію. Но дыханія не было слышно... Она взяла его за руку,—рука была холодна... Наденькѣ сдѣлалось страшно. Въ первый разъ въ жизни была она одинъ-на-одинъ съ мертвымъ человѣкомъ.

въкомъ... а при томъ неподвижные глаза покойника такъ и смотрѣли, такъ и смотрѣли на нее, какъ будто хотѣли сконфузить бѣдную, будто упрекали ее за какое-то страшное преступленіе... Съ невольнымъ чувствомъ содроганія набросила она поскорѣе на лицо усопшаго одѣяло и выбѣжала изъ комнаты.

Черезъ пять минутъ, всѣ нахлѣбники Шарлотты Готлибовны, и въ числѣ ихъ сама она подъ руку съ Иваномъ Макарычемъ, явились на поклонъ къ покойнику. Толковъ было много; нѣкоторые даже сомнѣвались, точно ли умеръ Иванъ Самойлычъ. А Иванъ Макарычъ даже рѣшительно утверждалъ, что это все вздоръ, что господинъ Мичулинъ не можетъ умереть, потому что вчера еще далъ онъ ему такого лекарства, отъ которого и мертвый изъ гроба встанетъ.

— Надо вамъ сказать, господа, говорилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ:—что на свѣтѣ иногда чудныя бываютъ штуки! Съ пьяну чтѣ-ли это дѣлается, а вдругъ человѣкъ ни пошевельнется, ни моргнетъ—а между-тѣмъ живъ и все слышитъ, что вокругъ него дѣлается!... Я вамъ говорю, господа, что бывали даже примѣры, что и въ землю зарывали живыхъ...

Но для того, чтобы окончательно убѣдиться, точно ли умеръ Иванъ Самойлычъ и имѣть право развивать свои познанія на счетъ заживо-погребенныхъ, любознательный Пережига подошелъ къ нему поближе, потрясъ его за носъ—носъ былъ холодный, приложилъ руку ко рту—дыханія не оказалось.

— А кто его знаетъ! можетъ-быть, и въ-самомъ

дѣлѣ умеръ! сказалъ онъ съ убийственнымъ равнодушіемъ, отходя отъ бездушнаго трупа: — и водка не спасла тебя, бабья душа! И хорошо, братъ, сдѣлалъ, что умеръ!

Однакожь, такъ какъ Мичулинъ не имѣлъ совершенно-никакихъ родственниковъ, ни знакомыхъ, то Шарлотта Готлибовна почла нужнымъ послать за полицейскимъ чиновникомъ, напередъ пересмотрѣвъ всюду, не имѣется ли чего цѣннаго. Но цѣннаго оказалось всего только поношенный сюртукъ, да изъ бѣлья кое-что. Вслѣдствіе такой бѣдности капиталовъ, всѣ нахлѣбники тутъ же рѣшились сдѣлать складчину, чтобы приличнымъ христіанину образомъ похоронить своего собрата.

Полицейскій чиновникъ не заставилъ долго ждать себя. Малый онъ былъ нрава веселаго и вообще любилъ при удобномъ случаѣ пошутить, не выходя впрочемъ изъ предѣловъ благопристойности.... о, ни-ни, какъ это возможно!

— Скажите, пожалуйста! началъ онъ, когда объяснили ему причину его призыва: — такъ вотъ-съ какое странное надѣ вами стряслось дѣло! Ну-съ, дѣлать нѣчего! приступимъ къ освидѣтельствованію, посмотримъ, не окажется ли какихъ боевыхъ и насильственныхъ знаковъ!

Шарлотта Готлибовна знала, что господинъ чиновникъ изволитъ шутить; поэтому нисколько не смущилась, а только сказала ему съ самою очаровательною улыбкою:

— О, ви очень любезный кавалиръ, Деметрій Осипичъ!

— Да-сь! ужь этого, изволите видѣть, и законъ требуетъ, а я орудіе, ничего, какъ ничтожное орудіе... Да-сь, посмотримъ, посмотримъ... а можетъ быть, его и отравили?... Ха-ха-ха! можетъ-быть, у него и деньги были, миллионщикъ былъ, ха-ха-ха!

И веселый Дмитрій Осипычъ заливался добродушнымъ и звонкимъ хохотомъ.

Осмотрѣвъ гѣло Ивана Самойлыча и удостовѣрившись, что отравы или удавленія тутъ никакихъ, добродушный Дмитрій Осипычъ изъявилъ желаніе освѣдомиться объ имуществѣ покойнаго.

— Ну, давайте же намъ ихъ сюда, давайте намъ миллионы-то! говорилъ онъ съ обычной своей веселостью: — вѣдь неравно наслѣдники будутъ, ха-ха-ха!.. Э! продолжалъ онъ, перебирая пожитки умершаго:—да у него цѣлыхъ шесть рубахъ было! и фуфайка теплая... а умеръ!

— Скажите же пожалуйста, господа, обратился онъ къ присутствующимъ:—что жь бы это за причина была такая, что вотъ жиль-жиль человѣкъ, да вдругъ и умеръ?..

— То-есть, вы хотите узнать философию смерти? замѣтилъ Беобахтеръ.

— Да-сь, я, знаете, люблю иногда вечеркомъ заняться этакими разными мыслями, и, признаюсь, есть вещи, которые сильно интригуютъ меня: напримѣръ, вотъ хоть и это — жиль-жиль человѣкъ, да вдругъ и умеръ!.. Странное, очень-странные дѣло!

— О, это не легко объяснить себѣ! тутъ цѣлая наука! отвѣчалъ господинъ Беобахтеръ: — надѣ

этимъ многие философы не мало трудились... Да, это трудно, очень трудно!.. тутъ безконечное!

— Чтò тутъ трудно! прервалъ Пережига:—трудно, трудно! а дѣло-то очень-просто объясняется! Извольте видѣть, ужь какъ пошелъ человѣкъ по мечтанію, какъ пошло въ его головѣ разныя штуки да закорючки выкидывать, такъ ужь извѣстно — плохо дѣло! Вотъ и смерть приключилась! Какое же тутъ безконечное? чтò за философія? То-то, братъ! все съ своими выморозками лѣзешь! Ужь я говорю, растянуться и тебѣ, какъ ему! Право такъ, помяни мое слово!

— То-есть , что же вы разумѣете подъ словами: «пошелъ по мечтанію?» спросилъ Дмитрій Осипычъ.

— Ну, да ужь извѣстно чтò: скепцизмъ, батюшка, скепцизмъ одолѣлъ! вотъ чтò!

— Гм, скепцизмъ ? соображалъ Дмитрій Осипычъ:—скепцизмъ? то-есть, что же вы подъ этимъ разумѣете?

— А вотъ, примѣрно, человѣкъ съ собакой идетъ: ну, мы съ вами просто такъ и говоримъ, что вотъ, молъ, человѣкъ идетъ и за нимъ собака бѣжитъ, а скепцистъ: нѣть, говоритъ, это, изволите видѣть, собака идетъ и человѣка ведетъ.

— Тсс, скажите! такъ; стало-быть , покойникъ былъ странный человѣкъ? спросилъ Дмитрій Осипычъ и тутъ же съ упрекомъ покачалъ головою на Ивана Самойлыча.

— Я вамъ говорю: по мечтанію пошелъ! Ужь какую онъ въ послѣднее время ахинею городилъ,

такъ хотъ святыхъ вонъ понеси: и то не хорошо, и то дурно...

— Тсс, скажите пожалуйста! продолжалъ Димитрій Осипычъ, строго покачавъ головою: — а вѣдь чѣмъ была не жизнь человѣку! и сыть быль, и одѣтъ быль! званіе, сударь ты мой, имѣлъ! и вотъ не усомнился же возроптать на Создателя своего... Честью вамъ доложу, ужъ нѣть въ мірѣ животнаго неблагодарнѣя человѣка. Пригрѣй его, накорми его — укусить, непремѣнно укусить! Ужъ такая, видно, его натура, господа!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Гегемоніевъ	1
Зубатовъ	16
Пріѣздъ ревизора	37
Утро у Хрептюгина. (Драматический очеркъ)	88
Для дѣтскаго возраста.	128
Миша и Ваня	150
Нашъ дружескій хламъ	170
Деревенская тишина	201
Святочный разсказъ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ чиновника).	232
Развеселое житѣе. (Разсказъ)	268
Послѣ обѣда въ гостяхъ	312
Запутанное дѣло. (Случай)	330

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА.

въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, домъ № 24.

ПРОДАЮТСЯ СЛЕДУЮЩІЯ КНИГИ:

САТИРЫ ВЪ ПРОЗѢ. Сочиненіе Н. Щедрина.
Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

СОЧИНЕНИЯ ЛЕРМОНТОВА, приведенные въ
порядокъ С. С. Дудышкинымъ. 2 тома. Изд. 2-е.
Спб. 1863 г. Ц. 3 р. 50 к., перес. за 3 ф.

СОЧИНЕНИЯ А. ОСТРОВСКАГО. 2 тома. Спб.
1859 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

ВЪ ПРОВИНЦІИ. М. Л. Михайлова. 2 тома. Спб.
1860 г. Ц. 1 р., перес. за 2 ф.

СОЧИНЕНИЯ ТУРИГЕНЕВА. Въ 4 том. М. 1860 г.
Ц. 5 р., перес. за 4 ф.

ГОРЕ ОТЪ УМА. А. С. Грибоѣдова. Изд. 2-е.
Спб. 1862 г. Ц. 10 к., перес. за 1 ф.

СОЧИНЕНИЯ Л. А. МЕЯ. 3 тома. Спб. 1862 —
1863 г. Ц. 3 р., перес. за 4 ф.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. МАЙКОВА. 2 тома. Спб.
1858 г. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Д. В. ВЕНЕ-
ВИТИНОВА. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 25 к., перес.
за 1 ф.

КУЗНЕЧИКЪ - МУЗЫКАНТЪ. Шутка въ видѣ поэмы. Съ добавленіемъ стихотвореній за послѣдніе годы. Я. П. Полонскаго. Съ 25-ю политипажами. Спб. 1863 г. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

СБОРНИКЪ ПѢСЕНЬ Самарскаго края, составленный В. Варенцовымъ. Спб. 1862 г. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

КОРОЛЬ ЛИРЪ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ Шекспира. Переводъ А. Дружинина. Спб. 1858 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

СОЧИНЕНІЯ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА. Въ 4 томахъ. Спб. 1862 г. Ц. 5 р., перес. за 5 ф.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ Н. А. Добролюбова. П. А. Бибикова. Спб. 1862 г. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

ШЕКСПИРЪ Гервинуса. Перевелъ К. Тимофеевъ. З выпуск. Спб. 1862—1863 г. Ц. каждого выпуска 50 к., перес. за 1 ф.

ИСТОРИЯ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ отъ начала ея до настоящаго времени. Людвига Кондратовича (Владислава Сырокомли). Переводъ съпольскаго О. Кузьминскаго. 2 тома. М. 1862 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ I. Шерра. Переводъ подъ редакціей А. Пыпина. Все сочиненіе въ 3-хъ выпускахъ. Спб. 1863 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф. (на получение 3-го выпуска выдается билетъ).

ИСТОРИЯ ВСЕОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII в. Г. Геттнера. Томъ 1-й. (Англійская литература). Спб. 1863 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, древней и новой. Сочиненіе А. Галахова. 2 тома. Спб. 1863 г. Ц. 3 р., перес. за 4 ф. (на получение 2-го т. выдается билетъ).

РУССКАЯ ХРИСТОМАТИЯ, съ примѣчаніями. Составилъ А. Филоновъ. Спб. 1863 г. Ц. 1 р., перес. за 3 ф.

ДѢТСКІЙ МІРЪ и Христоматія. Книга для класснаго чтенія. Изд. 4-е. Въ двухъ частяхъ. Составилъ К. Ушинскій, Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ДНЕВНИКЪ ДѢВОЧКИ. Сочиненіе С. Буташевской, съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Спб. 1862 г. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

ОТКРЫТИЕ и завоеваніе Мексики. Историческій рассказъ для дѣтей С. Даневской (съ картою Мексики и двумя рисунками). Спб. 1863. Ц. 85 к., перес. за 1 ф.

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ, историческій рассказъ для дѣтей, передѣланный съ нѣмецкаго С. Даневскою. Съ чертежемъ и картою. Спб. 1861 г. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ. С. Д. Выпускъ 1-й. Спб. 1862 г. Ц. 15 к., перес. за 1 ф.

ИСТОРИЯ АНГЛИИ, Диккенса. Переводъ Анны Зонтагъ. 2 тома. М. 1861 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

НАУКА ГРАМОТЪ, съ изборьникомъ для послѣдовательнаго письма съ голосу, П. Переяславского. Спб. 1863 г. Ц. 40 к., перес. за 1 ф.

ПРЕДМЕТНЫЕ УРОКИ по мысли Песталоцци, руководство для занятій въ школѣ и дома съ дѣтьми отъ 7 до 10 лѣтъ, изданное П. Переяславскимъ. Спб. 1862 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

НАЧАЛА МИРА. Сочиненіе Жуванселя. Переведено подъ редакціею П. А. Брюллова и А. Н. Матвѣева. Съ 125 политипажами. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 1 ф.

РУКОВОДСТВО КЪ ХИМИИ описательной и теоретической, В. Одлинга. Переведено съ англійскаго Ф. Савченковымъ. Часть 1-я. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ОСНОВНЫЯ ПОНЯТИЯ ХИМИИ, изложенные Ф. Савченковымъ. Спб. 1863 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФИЗИКИ, А. Гано. Перевелъ съ французскаго Н. Бѣлы. Съ 308 гравюрами. Одесса. 1862 г. Ц. 3 р., перес. за 2 ф.

КУРСЪ ГЕОЛОГИИ, составленный И. Леваковскимъ. Три выпуска. Харьковъ. 1862—1863 г. Ц. 1-го вып. 1 р., 2-го вып. 60 к., 3-го вып 40 к., перес. за 1 ф.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ МІРОЗДАНІЯ, съ нѣмецкаго перевода Карла Фогта перевелъ А. Пальховскій. М. 1863 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ПИСЬМА Карла Фогта. Перевели Н. Бабкинъ и С. Ламанский. Выпускъ 1-й. Спб. 1863 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

ОБЩАЯ ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ науко-мыхъ. Сочиненіе Кэрби и Спенсъ. Перевель съ англійскаго А. Минъ. М. 1863 г. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

РАСТЕНИЕ И ЕГО ЖИЗНЬ. Популярныя чтенія профессора М. И. Шлейдена. Перевель С. А. Рачинской. Съ картинами. М. 1862 г. Ц. 3 р., перес. за 2 ф.

ЭТЮДЫ. Популярныя чтенія М. И. Шлейдена. Переводъ Я. Н. Калиновскаго. Съ портретомъ Шлейдена. М. 1861 г. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНЫ. Сочиненіе Л. Бюхнера. Перевель съ нѣмецкаго С. А. Усовъ. М. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

ФИЗИОЛОГІЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ. Сочиненіе Г. Г. Люпса. Перевели Я. А. Борзенковъ и С. А. Рачинской. Изд. 2-е. М. 1863 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

ПОПУЛЯРНЫЯ ГІГІЕНИЧЕСКАЯ ПИСЬМА профессора Ф. Эстерлена. Ц. за все сочиненіе (три выпуска, вышелъ одинъ) 2 р. 1-й вып. отдѣльно—75 к., перес. за 1 ф.

ГІГІЕНИЧЕСКІЕ СОВѢТЫ МАТЕРЯМЪ. Руководство къ здоровому воспитанію дѣтей. Сочиненіе доктора І. К. Герлинга, врача въ Падерборнѣ. Перевель съ нѣмецкаго съ нѣкоторыми измѣненіями и примѣчаніями Н. Свентицкій. Спб. 1862 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

КУРСЪ БОТАНИКИ А. Бекетова. Томъ 1-й, выпускъ 1 и 2-й. Спб. 1863 г. Ц. каждого выпуска 65 к., перес. за 1 ф.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНІЕ расходовъ на военные потребности съ 1711 по 1825 годъ. Д. П. Журавскаго. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. перес. за 1 ф.

ВОЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО. Подполковника В. Аничкова. Спб. 1860 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ 1813 года за независимость Германіи, по достовѣрнымъ источникамъ. Сочинен-

ніє генерала М. Богдановича. 2 тома. Спб. 1863 г.
Ц. 7 р. 50 к., перес. за 8 ф.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОБОЗРѢНИЕ силъ и богатства европейскихъ государствъ. Сочиненіе М. Блокка. Съ атласомъ. Переводъ съ французскаго. Спб. 1863 г. Ц. 2 р. 75 к., перес. за 2 ф.

РУКОВОДСТВО къ сравнительной статистикѣ, Г. Ф. Кольба. Переведено подъ редакцію А. Корсака. 2 тома. Спб. 1862 г. Ц. 3 р. 50 к., перес. за 3 ф.

ОСНОВАНІЯ ПОЛІТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Д. С. Милля. Переводъ Н. Чернышевскаго, дополненный замѣчаніями переводчика. Томъ 1-й. Спб. 1860 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

НОВѢЙШАЯ НАЦІОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ въ Германіи, Англіи и Франції. Сравнительный историко-библіографический обзоръ, составленный М. Петровымъ. Харьковъ. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 года. Гарнье-Паже. 2 тома. Спб. 1862 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

ИСТОРИЯ XIX вѣка отъ времени вѣнскаго конгресса. Г. Гервинуса. Переведено подъ редакціей М. Антоновича. 6 выпусксовъ. Спб. 1862-1863 г. Ц. каждого выпуска 75 к.; перес. за 1 ф.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ МАКОЛЕЯ. Томы: 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8. Спб. 1861 — 1863 г. Ц. 1-го тома 2 р., остальныхъ по 1 р. 50 к., перес. каждого тома за 2 ф.

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ ВЪ АНГЛІИ. Г. Т. Бокля. Томъ 1-й, части 1 и 2-я. Переводъ К. Бестужева-Рюмина. Спб. 1863 г. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

ТЫСЯЧЕЛѢТИЕ РОССІИ. Краткій очеркъ отечественной исторіи. Сочиненіе П. Павлова. Спб. 1863 г. Ц. 70 к., перес. за 1 ф.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНИИ царствованія Бориса Годунова. Сочиненіе П. Павлова. Спб. 1863 г. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ. Доктора Георга Вебера. Переводъ съ нѣмецкаго Е. и В. Корша. 4 тома. М. 1860—1862 г. Ц. 8 р. 20 к., пер. за 7 ф.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ Ф. ШЛОССЕРА. 8 томовъ. Спб. 1861—1863 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к., перес. 1 р. 75 к.

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ МОММСЕНА. Переводъ съ немецкаго. 2 тома. М. 1858 г. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

МАРКИЗЪ ДЕ-ЛА-ШЕТАРДИ въ Россіи 1740—1742 годовъ. Переводъ рукописныхъ депешъ французскаго посольства въ Петербургѣ. Изданіе П. Петкарскій. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 75 к., перес. за 2 ф.

НЕКРОЛОГЪ Ф. ШЛОССЕРА. Гервинуса. Спб. 1862 г. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

КРАТКІЕ ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПОЛЬСКАГО НАРОДА. Іохима Лелевеля. Переводъ Я. Ивановскаго. Спб. 1862 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

ИСТОРИЯ НОВОЙ ФИЛОСОФИИ. Куно Фишера. Томъ 1 и 2-й. Переводъ Н. Страхова. Спб. 1862 г. Ц. каждаго тома 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

РУССКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. Чтенія Д. И. Мейера. Изданія подъ редакцію Вицына. 2 тома. Спб. 1862 г. Ц. 3 р. 50 к., перес. за 3 ф.

УЧЕБНИКЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА. Составленный В. Спасовичемъ. Томъ I. выпускъ 1-й. Спб. 1863 г. Ц. 85 к., перес. за 1 ф.

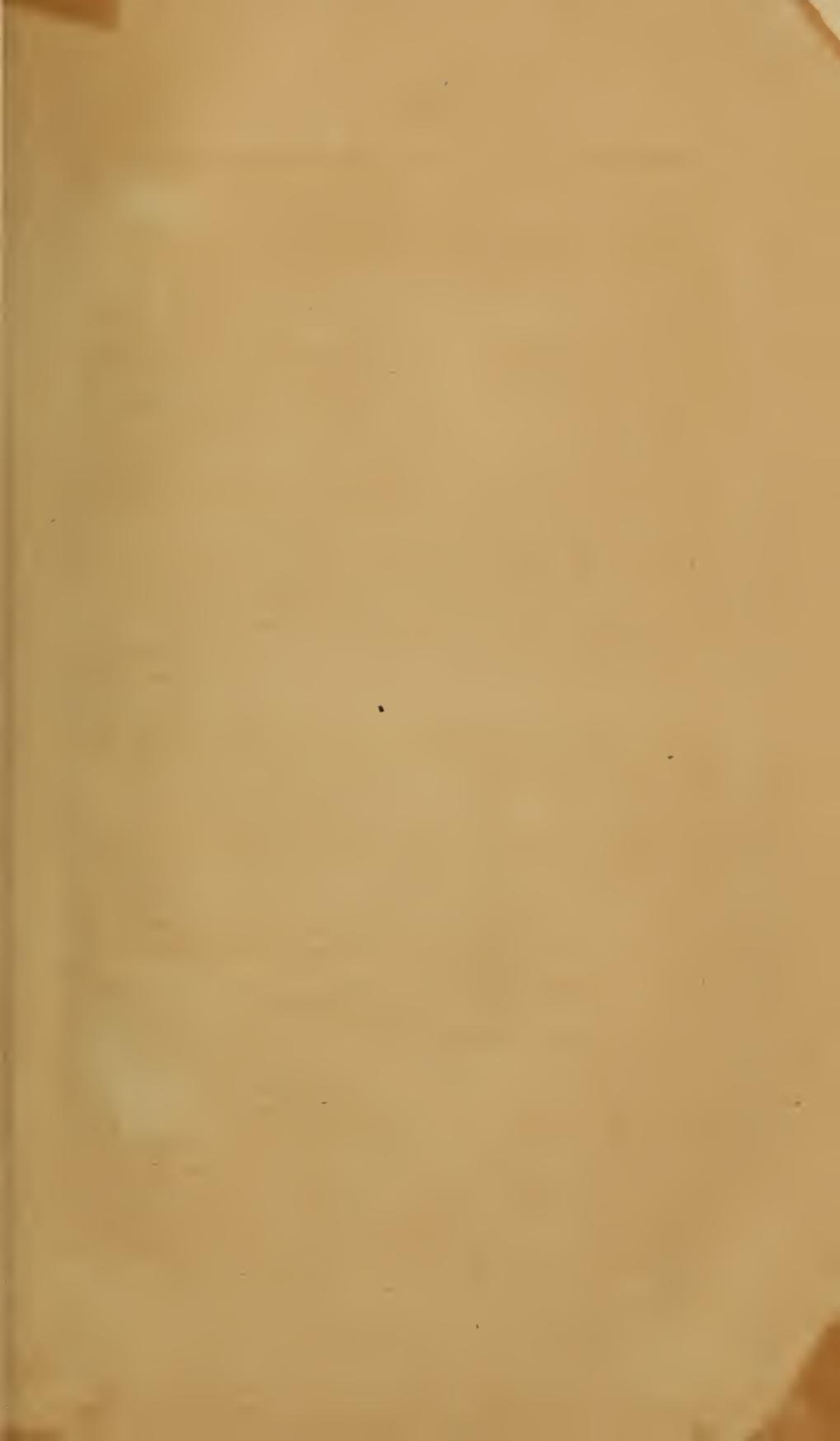
О ТЕОРИИ судебнно-уголовныхъ доказательствъ. Публичныя лекціи, читанныя въ С.-Петербургскомъ университете В. Спасовичемъ. Спб. 1861 г. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

КУРСЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА профессора Д. Каченовскаго. Книга первая. Харьковъ. 1863 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНИИ политическихъ наукъ на западѣ Европы и въ Россіи. Сочиненіе Д. Каченовскаго. Харьковъ. 1862 г. Ц. 1 р. перес. за 1 ф.

МЕТОДЫ разработки положительного права и общественное значение юристовъ отъ глоссаторовъ до конца XVIII столѣтія. Изслѣдованіе А. Стоянова. Харьковъ. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

R D 239.

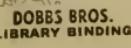

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

Preservation Technologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION

111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 15066
(724) 779-2111

ST. AUGUSTINE

FLA.
32084

LIBRARY OF CONGRESS

00023260670